

ПОЛИТ-

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ЭКОНОМИЯ

**ЗАГОВОР
ЕВРОПЫ**

ВОИНЫ

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ПОЛИТ-

ЭКОНОМИЯ

ВОЙНЫ

**ЗАГОВОР
ЕВРОПЫ**

Москва
АЛГОРИТМ
2007

УДК 338
ББК 66
Г 15

Галин В.В.

Г 15 Политэкономика войны. Заговор Европы. – М.: Алгоритм, 2007. – 432 с.

ISBN 978-5-9265-0324-8

Первую часть этой книги не стоило бы и писать, все о чем в ней говорится есть в любом мало-мальски добросовестном учебнике истории. Однако непрерывные попытки переписать историю требуют адекватного ответа. Первая часть, являющаяся одновременно и введением в книгу, посвящена теме о которой историки и учебники уже молчат. Но это главная тема, все остальные по отношению к России представляют вторичный интерес.

Автор известен по своим сериям «Запретная политэкономика»/«Тенденции»: «Революция по-русски», «Красное и белое». Настоящее издание — своеобразное продолжение серии, посвященной политэкономической истории России и мира XX века.

**УДК 338
ББК 66**

ISBN 978-5-9265-0324-8

© Галин В.В., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Народ проклятый, чужеземный, далекий от Бога, отродье, сердце и ум которого не верит в Господа, напал на земли тех христиан, опустошив их мечами, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же Божии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение... Кому же может предстоять труд отомстить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... В особенности же к вам должна взывать Святая гробница Спасителя и Господа нашего, которую владеют нынче нечестные народы... Земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна и едва дает хлеб своим обработывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко Гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. Земля та... «течет медом и млеко». Иерусалим — плодотворнейший перл земли, второй рай утех...

*Обращение папы Урбана II к франкам,
26 ноября 1095 г., Клермонтский собор¹*

ИЗГОИ

Вздых облегчения, вызванный окончанием Первой мировой войны, прокатился по всем странам мира. Победители призывали к строительству нового демократического мира, во имя всеобщего блага и процветания. И только двум странам дорога в этот новый мир была закрыта, странам, понесшим в войне наибольшие потери — Германии и России. Они фактически оказались отверженными. Перед «мировым сообществом» Германия несла ответственность за развязывание мировой войны, Советская Россия — за большевистскую революцию.

У изгоев еще не зарубцевались взаимные обиды и раны. Еще тлел в сердцах Брестский мир и коммунистическая революция в Германии... но жизнь берет свое, а общая беда сближает. Оставались сильны и традиции, так в 1913 г. 47% всего русского импорта и почти 30% экспорта давала Германия². И уже к концу 1921 г. из 950 паровозов, закупленных советским правительством за границей, 200 поставила Швеция, а 750 — Германия. В мае 1921 г. было создано первое Русско-Германское общество — «Дерутра». В январе 1922 г. немецкий банк «Эльберфельд» предложил России заем в 200 млн. золотых марок для закупки в Германии машин и локомотивов. В том же январе Ленин предложил «Дойче банк»

нефтяные концессии в Грозном и Баку³. В марте фирме Крупна были переданы в концессию 50 тысяч десятин в Донской губернии сроком на 24 года «для ведения рационального сельского хозяйства»^{*}.

Рапалло

Ленин еще не оставлял надежд на прорыв международной изоляции, особенно он рассчитывал на конференцию в Генуе. Она должна была стать первой официальной встречей Советской России с «мировым сообществом». К этому времени (к 1922 г.) лидер большевиков уже сформулировал свою концепцию мирного сосуществования государств с разным политическим строем: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления»⁴. Но Запад и в первую очередь Лондон и Париж не откликнулись на призыв Москвы. *Генуя для России грозила стать тем же, чем стал Версаль для Германии*. Позиция «мирового сообщества» не вызывала сомнений.

И, не дожидаясь окончания конференции, Советская Россия и Германия заключили в Рапалло тайный договор. Подписание договора, по словам О. Ференбаха, «в глазах представителей Запада выглядело, как создание союза изгоев»⁵. «Слово «Рапалло» потрясло на второй день пасхи 1922 года Европу, словно удар молнии»... — отмечал С. Хаффнер, этот договор был «событием века, подземным толчком, изменив-

^{*} «Крупн» в качестве платы передавал советской стороне пятую часть урожая. Концессия просуществовала до октября 1934 г.

шим весь международный политический ландшафт»⁶. По Рапалльскому договору обе страны, отказываясь от всех претензий военного времени и предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования в торгово-экономических отношениях*. С германской стороны рапалльский договор подписал министр иностранных дел В. Ратенау**.

В основании политики Рапалло, по мнению Г. фон Дирксена*** лежали чувства, распространенные как в Германии, так и в России и сводившиеся к тому, что «обе страны постигла одна судьба: и та и другая потерпели поражение в войне, и союзные державы обращались с ними как с отверженными...». Одновременно Г. фон Дирксен отмечал, что Германия вместе с тем была весьма прохладна к русским делам; к восточноевропейским народам у Германии не было ни симпатии ни взаимопонимания, Запад был намного более понятным по языку и по традициям, и по образу мышления⁷.

Тем не менее, хоть и не слишком интенсивно, но сотрудничество все же развивалось. Примером может являться

* Вопреки распространенному мнению, договор не включал в себя военного соглашения. Брокдорф-Ранцау считал, что ни в коем случае нельзя давать повода заподозрить Германию в военных связях с Советской Россией, поскольку это автоматически повлекло бы за собой союз Англии с Францией против союза Германии с Россией. Военный же союз с Россией не оправдан, поскольку отсутствуют гарантии, что с его помощью Германия сможет выбраться из того безнадежного положения, в котором она пребывала. (Меморандум Брокдорф-Ранцау — 7-8 сентября 1922 г., канцлеру Вирту, президенту Эберту).

** Спустя десять дней после подписания договора В. Ратенау был убит членом праворадикальной организации. В советской системе мультимиллионер, богатейший человек Германии В. Ратенау видел перспективную модель плановой социально-ориентированной экономики, которая обеспечивала выход из кризиса. Ратенау создает Демократическую лигу народа, которая обещает достойную жизнь и образование всем, высокие налоги на богатых, помощь бедным. Его лозунг: «Экономика не может более рассматриваться как частное дело», «Экономика должна руководствоваться более моральными принципами, а жизнь должна стать проще». (Letoutneau P. Walther Rathenau, 1867—1922. Strasbourg, 1995, p. 235. (Уткин А. И. Унижение России..., с. 356))

*** Краткий указатель имен в конце книги, подробнее на сайте Galin.ru

авиационная промышленность⁸. Большевики едва укрепившись у власти стали искать возможность создания отечественной авиации. На эти цели Ленин выделил 35 млн. золотых рублей. Советские закупочные агенты не смогли договориться с Францией, Великобританией и США. Оставалась Германия, через 6 месяцев после подписания Рапалльского договора 400 немецких инженеров и техников прибыли в Фили (под Москвой) для постройки авиационного завода по проекту Г. Юнкера. На этом заводе было построено 300 самолетов*. Конкуренция заставила зашевелиться даже врагов СССР. В 1922-1923 гг. Париж продал Советскому Союзу около 60 самолетов. Французское военное министерство сообщало своему МИДу, что положительно относится к таким поставкам, так как необходимо «противостоять влиянию германской авиапромышленности в этой стране»⁹. Всего после Рапалльского договора в Россию прибыло более 2000 немецких инженеров и техников.

Во время рурского кризиса 1923 г. Москва демонстративно поддержала Берлин, в официальной ноте говорилось: «Российское правительство, выражая глубокое сочувствие русских трудящихся масс германскому народу, с неослабным вниманием следит за ходом событий, полное веры в духовную мощь германского народа, которая даст ему возможность преодолеть препятствия, поставленные преступной волей французского и бельгийского правительств на пути его исторического развития»¹⁰. В том же году было основано русско-германское общество «Культура и техника». По сути, это был русско-германский филиал Союза германских инженеров. Почетным председателем общества стал А. Эйнштейн¹¹.

Вопреки надеждам «мирового сообщества», Германия и Россия постепенно возрождались, порождая былые страхи

* Часть из них пошла для летной школы в Липецке, где германский персонал обучал русских и немецких летчиков. Ни один из построенных самолетов не был отправлен в Германию.

среди победителей. Мало того, даже потенциальная возможность дальнейшего сближения двух стран, одной — наиболее развитой в Европе экономически и промышленно, другой — обладавшей практически неограниченными ресурсами, пускай и с разными идеологиями вызывал в Лондоне и Париже уже не страх — ужас. Именно он звучит в словах С. Хаффнера, утверждающего, что Рапалльский договор и тот уже, «нарушал европейское равновесие, поскольку Германия и Советская Россия по совокупной мощи превосходили западные державы»¹².

В 1925 г. посол Франции в СССР Ж. Эрбет убеждал свой МИД, что Франция, находится под угрозой «смертельной опасности для своей целостности и независимости. Наше спасение лишь в том, чтобы установить и поддерживать с возрождающейся сейчас Россией такие отношения, которые исключили бы русско-германское сотрудничество против Франции и против друзей Франции»¹³. По словам Ж. Эрбета: ***«Восстановление и поддержание хороших дипломатических отношений между Парижем и Москвой является все более настоятельной необходимостью для мира в Европе, по мере того, как Германия восстанавливает свои силы... Русские сегодня хотели бы знать, что Франция не будет участвовать и, главным образом, не будет подталкивать к созданию какого-либо международного союза, стремящегося их блокировать...»***¹⁴.

Локарно

Однако взоры Франции были обращены в другую сторону — в сторону ее недавней союзницы — Англии. Последняя имела свои планы по «урегулированию» ситуации в Европе. Для их реализации она предложила созвать международную конференцию в Локарно в октябре 1925 г. Цель конференции по мнению многих современников заключалась даже не подрыве советско-германских отноше-

ний и создании антисоветского блока, а в прямом натравливании Германии на СССР.

В Германии против Локарно, отмечал Луначарский, выступили коммунисты и... правые националисты. Они видели в Локарно окончательную сдачу Германии на милость Англии, и «это заставляло их... даже в самых реакционных кругах, как-то судорожно хвататься за Советский Союз, который, благодаря политической ситуации, становился как бы единственной опорой в предстоящих перипетиях вассального существования Германии». Геббельс в то время записывал в дневнике: «Локарно. Старое надувательство. Германия уступает и продается западному капитализму. Ужасное зрелище: сыны Германии, как наемники, будут проливать кровь на полях Европы на службе этому капитализму. Должно быть, в «священной войне против Москвы»!.. Я теряю веру в людей!! Зачем этим народам христианство? Ради издевательства!»¹⁵

Против Локарно выступил и Г. фон Сект. Командующий рейхсвером уже в 1920 г. приходил к выводу, что в России происходят сдвиги, являющиеся результатом воздействия революционных идей большевистской партии, «силой оружия это развитие задержать нельзя». Он изложил свои взгляды в специальном меморандуме на имя правительства. Антанты, писал Сект, будет весьма заинтересована в том, чтобы использовать Германию против России. Но этот план принесет Германии лишь новые беды. «Если Германия начнет войну против России, — предупреждал Сект, — то она будет вести безнадежную войну... Россия имеет за собой будущее. Она не может погибнуть». В 1925 г. в книге «Германия между Востоком и Западом» Сект призывал не распространять враждебное отношение к коммунистической идеологии на «возможности сотрудничества в экономической области»*. При этом Сект не питал симпатии к социалистичес-

* Сект был отправлен в отставку после того, как в сентябре 1925 г. его посетил Чичерин, что вызвало нападки социал-демократа Шейдемана, обвинявшего Секта в «секретных связях» рейхсвера с Москвой.

кому строю, наоборот, он призывал к борьбе с большевизмом. Однако Сект считал, что эта борьба обречена на провал, если она примет форму военного похода против Советского Союза. «Против всемирно-исторических переворотов не поможет никакое Локарно»¹⁶.

С. Кремлев обращает внимание на различие в отношении к советским представителям в те дни в Берлине и Париже: Луначарский писал, как тепло принимали его в Берлине: «Отмечу... необыкновенную любезность германского и прусского правительства. На приеме в советском посольстве... вместе с представителями науки, литературы, театра, прессы были и очень многие члены правительства, начиная с рейхсканцлера Лютера и прусского министра-президента Отто Брауна»¹⁷. В то время, как в Париже на официальном приеме по случаю вручения Чичериным верительных грамот «не было ни одного министра»¹⁸.

Свой доклад Луначарский делал в переполненном Большом зале Берлинской консерватории, а председательствовал на вечере президент рейхстага. На встрече, устроенной немецкими учеными в честь советского наркома, присутствовало не менее ста человек, и каждый был обладателем громкого имени. Выступали Макс Планк, Шмидт-Отт, великий историк религий Гарнак... известный историк профессор О. Гетч произнес речь, которую закончил так: «В тяжелый час, почти в тот самый час, когда решается судьба локарнского соглашения, мне лично, врагу этого соглашения, хочется от лица собравшихся здесь ученых, разно к нему относящихся, заверить нашего гостя, что для всех нас одинаково ясна глубокая выгодность и даже безусловная необходимость самой серьезной опоры друг на друга наших народов. Разница социального строя никак не может помешать этому... Не вмешиваясь во внутренние дела вашей страны, мы от души желаем ей спокойствия и роста, уверенные, что ее возрождение и растущая мощь могут быть лишь источником блага для немецкого народа»¹⁹.

Теплый прием, устроенный Луначарскому, объясняют воспоминания Г. фон Дирксена: «Советский Союз... досаждал нам стойким недоверием... подверженный страхом, что Германию могли посулами или угрозами перетащить в западный лагерь, после чего она превратится в потенциального врага Советского Союза в будущей агрессивной войне капиталистического Запада против родины мирового пролетариата»²⁰. В Локарно «оживали вновь кошмарные видения нового нападения на защитника пролетариата, постоянно преследовавшие русских». Однако подобные «кошмары» преследовали не только русских. Например, немецкий посол в России граф Ранцау разделял эти тревоги и спорил скорее, как представитель русских, а не как один из тех, кто должен объяснять германскую точку зрения русскому правительству²¹. В самом правительстве министр государственного хозяйства Г. фон Раумер заявлял: «чем яснее для нас неизбежность локарнского соглашения, тем резче мы должны подчеркнуть неизменность нашей дружбы с Союзом»²².

Единственной крупной политической группой, которая, по словам Луначарского, «восхищалась перспективами Локарно и продолжала свою политику злобного брюзжания против Советов», были... германские социал-демократы²³. Цель последних, заключалась в попытке за счет уступок Западу разорвать цепи Версальского договора. Однако эта попытка в Локарно потерпела провал. Запад ждал от Германии только одного «крестового похода» на Восток*. Немцы, по словам Г. фон Дирксена почувствовали «что их снова одурачили»²⁴.

Далеко не случайно еще до окончания Локарнской конференции, 12 октября 1926 г., в Берлине был подписан внача-

* Германия подписала только Рейнский пакт, гарантировавший ее западные границы, и отказалась подписывать соглашение, направленное против СССР. В этом Франция увидела угрозу для себя (кто не с нами, тот против нас) и предложила Великобритании гарантировать и восточные границы Германии, но Англия отказалась. Тогда Франция самостоятельно заключила договора о взаимопомощи с Чехословакией и Польшей.

ле советско-германский экономический договор, а затем договор о ненападении и нейтралитете. Тем не менее, как отмечал Г. фон Дирксен, после заключения локарнского договора в отношениях между СССР и Германией наступило охлаждение. Новый торговый договор с СССР немцы «рассматривали... скорее как откуп, жертвуемый с целью замять неприятное семейное дело... с провозглашением политики Локарно в нашем флирте с русскими всегда как бы присутствовал некий душок нечистой совести»²⁵.

Взаимоотношения между странами продолжились, правда Локарно оставило свой след, выразившийся ... в интенсификации военного сотрудничества. В «литературе» можно встретить цифры тысяч и даже десятков тысяч подготовленных в Советском Союзе немецких танкистов и летчиков. Однако дело ограничилось всего несколькими сотнями выпускников. Так, летную школу в Липецке закончили всего 220 немецких летчика²⁶, а танковую школу в Казани, за три года, 30 немецких и 65 советских курсантов²⁷. Примечательно, что текущие расходы немецкой стороны на эти учебные заведения составили 3—4 млн. марок ежегодно, советской в среднем — около 400 тыс. рублей²⁸. Так что, как отмечает И. Пыхалов, «не мы обучали немцев, а немцы на свои деньги готовили своих и наших танкистов» и летчиков²⁹. На базе этих школ сразу после ухода немцев в Липецке была открыта Высшая летно-тактическая школа ВВС РККА, а в Казани — Казанское танковое училище. При помощи немцев проводились и испытания химоружия, на этой базе позднее был построен химзавод под Москвой, послуживший основой формирования советских войск химзащиты³⁰.

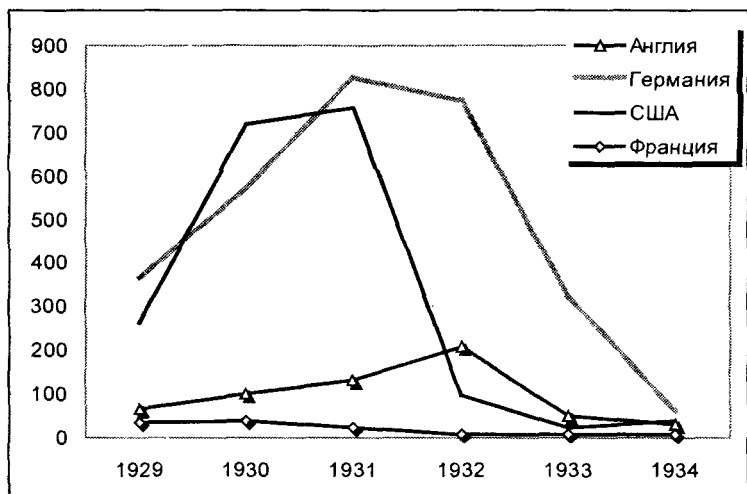
О значении этого военно-технического сотрудничества для России в январе 1929 г. докладывал Уборевич: «... немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей... Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев... Немец-

кие специалисты, в том числе и военного дела, стоят незримо выше нас... у них многому можно научиться и в целом ряде вряд ли придется дороже заплатить за это дело...»³¹. В итоге констатировал Л. Безыменский: «...для РККА это была первая — и последняя — возможность выйти из европейской изоляции и увидеть, что происходит в армиях Европы... советская оборонная промышленность и вся машина индустриализации начала 30-х годов очень много получила от передовых немецких «ноу-хау»³².

В те годы в Германии был создан ряд советско-германских совместных обществ — «Дероп», владевший сетью бензоколонок в Германии, «Дерулюфт» — воздушные сообщения, «Дерунафт» — торговля нефтью, «Дерутра» — складочное и транспортное товарищество. В 1928 г. в целях развития экономических взаимоотношений двух стран в Берлине был создан Комитет немецкой экономики по России. А президент Германского общества по изучению Восточной Европы Шмидт-Отт, член наблюдательного совета «ИГ Фарбен», писал: «Я всегда полагал, что имею право рассматривать всю деятельность общества как содействие развитию наших отношений с Россией»³³.

В 1929 г. началась Великая Депрессия, обрушившая мировой рынок, а в СССР началась индустриализация и первая пятилетка. Германию Депрессия лишила и без того ограниченных рынков сбыта, а потребности Советской России в машинах и оборудовании, наоборот, резко выросли. Это привело к скачкообразному росту взаимной торговли.

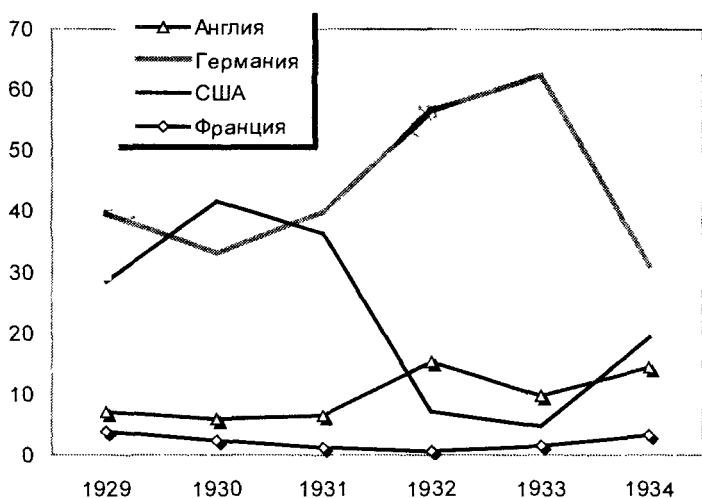
М. Литвинов, ставший наркомом иностранных дел вместо Чичерина в 1930 г. отмечал: «Чем шире идет процесс реконструкции и технического перевооружения нашей промышленности, тем больше увеличивается необходимость приобретения машин, точных приборов, аппаратов и технических материалов. Германия занимает первое место в советском экспорте... Наличие торгового соглашения с Германией (которого, кстати, у СССР не было с Англией,

Импорт машин и оборудования в СССР, в 1929—1934 гг. из Англии, Германии, США, Франции, в млн. руб. (по курсу 1950 г.)³⁴

Францией и США) создает возможность нормального развития деловых взаимоотношений»³⁵. Для стимулирования своего экспорта Германия в 1931 г. предоставила СССР очередной кредит — в 300 млн. марок³⁶. Из Германии в период самого сложного этапа индустриализации — первой пятилетки СССР получил более 50% всех закупленных машин и оборудования.

Главным для поставщиков оставался вопрос платежеспособности СССР, на их тревоги Г. фон Дирксен отвечал: «Безграничная энергия и целеустремленность советских руководителей произвели на меня глубокое впечатление... Я был убежден, что они сделают все от них зависящее, чтобы оплатить свои обязательства, поскольку каждый неоплаченный вексель означал бы банкротство государства»³⁷. На критику, что Германия сотрудничает с коммунистической Россией, немецкий дипломат заявлял: Россия в любом случае

Доли стран в общем объеме советского импорта машин и оборудования, в %³⁹

станет индустриальной страной; отказываясь от сотрудничества с ней, мы можем лишь замедлить или отложить этот процесс, но никак не предотвратить его. Однако подобный отказ (от сотрудничества) может быть сделан лишь ценой отказа от широких возможностей, которые открывала торговля с Россией для германского экспорта³⁸.

В 1932 г. Германия экспортировала в СССР почти все производимые паровые и газовые турбины, прессы, краны и локомобили, 70% станков, 60% — экскаваторов, динамо-машин и металлических ферм, половину никеля, сортового железа, воздуходувок и вентиляторов... Правда, некоторая напряженность в экономических отношениях все же нарастала. О ней говорил в своем меморандуме полпред Хинчук рейхсканцлеру фон Шлейхеру от 21 декабря: «Около 1/3 всей продукции германской машиностроительной промышленности идет на экспорт в СССР, другая треть экспортиру-

ется в другие страны и примерно 1/3 остается на внутреннем рынке... В то время как экспорт Германии в СССР играет столь значительную роль во всей ее экономике, платежный баланс СССР в отношении Германии становится все более и более пассивным в ущерб СССР. В 1932 г. пассивное сальдо составляло примерно 300 млн. марок, а это означает, что в текущем году СССР ввез в Германию золото и валюту на названную сумму»⁴⁰.

1933

Советско-германские отношения коренным образом изменились с приходом Гитлера, успех которого был во многом связан с его многолетней антикоммунистической, антибольшевистской риторикой, которая, казалось, не оставляла сомнений. Так, например, 22 февраля 1933 г. Гитлер в публичном воззвании к национал-социалистам провозглашал: «Враг, который... должен быть низвержен, — это марксизм! На нем сосредоточена вся наша пропаганда и вся наша предвыборная борьба»⁴¹. В очередной речи 2 марта Гитлер заявлял: «Устранил ли марксизм нищету там, где он одержал стопроцентную победу... в России? Действительность говорит здесь прямо потрясающим языком. Миллионы людей умерли от голода в стране, которая могла бы быть житницей для всего мира... Они говорят «братство». Знаем мы это братство. Сотни тысяч и даже миллионы людей были убиты во имя этого братства и вследствие великого счастья... Еще говорят, они превзошли тем самым капитализм... Капиталистический мир должен давать им кредиты, поставлять машины и оснащать фабрики, предоставлять в их распоряжение инженеров и десятников... Они не в силах это оспаривать. А систему труда на лесозаготовках в Сибири я мог бы рекомендовать хотя бы на недельку тем, кто грезит об осуществлении этого строя в Германии... Если слабое бюргерство капитулировало перед этим безумием, то борьбу с этим безумием, вот что поведем мы»⁴².

Между тем накануне решающих выборов 5 марта 1933 г. министр иностранных дел Германии Нейрат извещал Литвинова: «Хочу вас предупредить... Рейхсканцлер, возможно, перед выборами будет в своих речах резок по отношению к вам, но это, увы, реальности предвыборной тактики. Как только будет созван рейхстаг, фюрер сделает декларацию в дружественном для вас духе». Крестинский из наркомата иностранных дел также уверял советского полпреда в Германии: «Я убежден в том, что после выборов Гитлер, его приближенные и его пресса прекратят или, во всяком случае, ослабят свои нападки на СССР»⁴³.

И действительно, 23 марта прозвучала речь Гитлера, в которой он выступил за «культивирование хороших отношений с Россией при одновременной борьбе против коммунизма в Германии». Заявление Гитлера полностью совпадало с мнением представителей Союза германской промышленности: «... Борьба с немецкими коммунистами не испортит наших взаимоотношений с СССР. Русские в нас экономически слишком заинтересованы, и кроме этого... Экономически мы слишком связаны с СССР»⁴⁴.

28 апреля Гитлер принял советского полпреда Л. Хинчука. На встрече фюрер объяснил свою антикоммунистическую позицию — в Германии произошла революция. И хотя она не была кровавой, но как во всякой революции без эксцессов тут не обойтись... Наша эпоха трудна... Чем явилось бы для Германии падение национал-социалистского правительства? Катастрофой! А падение Советской власти для России? Тем же! В этом случае оба государства не сумели бы сохранить свою независимость. И что бы из этого вышло?... Это привело бы ни к чему другому, как к посылке в Россию нового царя из Парижа. А Германия в подобном случае погибла бы, как государство. В конце встречи Гитлер подтвердил свой интерес к развитию деловых и экономических отношений с Россией⁴⁵.

5 мая 1933 г. Гитлер ратифицировал Московский протокол*, с чем тянули до него все предыдущие канцлеры. Центральный печатный орган нацистов «Фолькишер беобахтер» откликнулась на ратификацию громадной редакционной статьей в двух номерах. Геббельс провозглашал: «Этим актом национальное правительство Германии продемонстрировало, что оно намерено сохранять и развивать в дружественном духе политические и экономические отношения с Советским правительством»⁴⁶.

Показательна и реакция Гитлера на выступление его ближайшего сподвижника, министра экономики А. Гугенберга, на Международной экономической конференции в Лондоне 17 июня. В меморандуме министра речь шла об утраченных рейхом колониях, о необходимости новых земель «для энергичной немецкой расы», а также, кроме критики в адрес СССР, о его расчленении и должной эксплуатации богатств Украины⁴⁷. Лондонская «Дейли геральд» назвала меморандум прямой угрозой германской агрессии против СССР. Официальный германский МИД в ответе на запрос советской стороны отверг подобный подтекст. Бюлов, представитель германского МИДа, убеждал советскую сторону, что, говоря о новых поселениях, Гугенберг имел в виду Канаду, Чили и вообще Южную Америку. Говоря о колониях — Африку. А Россию он попрекал низкой покупательной способностью⁴⁸. Тем не менее Гитлер немедленно отозвал А. Гугенберга из Лондона и к крайнему неудовольствию вице-канцлера Ф. Папена демонстративно вынудил министра уйти в отставку⁴⁹.

Относительно «планов строительства Великой Германии Розенберга», предусматривающих «крестовый поход» против России и ее расчленение, Бюлов заявлял советскому полпреду: Розенберг не имеет государственного статуса.

* Московский протокол от 24 июня 1931 г. должен был пролонгировать действие Берлинского торгово-экономического договора 1926 г. 'H

Позвольте начистоту, господин Хинчук. Что бы вы сказали, если бы мы начали цитировать вам рассуждения основателя СССР Ленина о мировой революции? Или статьи из журнала Коминтерна? Ведь если бы мы исходили в своей практической политике из буквального их анализа, то нам бы уже давно следовало сойтись с Россией в смертельной схватке. А мы покупаем у вас рожь и продаем вам краны, трубы и турбины... Германия в отношении СССР стоит на точке зрения традиционных дружественных отношений и никогда не примет того участия в интервенции Антанты против вас, к которой нас кое-кто подталкивает⁵⁰.

Оставался еще «Майн Кампф», где в 1923 г., говоря о новых землях на Востоке, Гитлер однозначно указывал на Россию. Однако в своем анализе расстановки сил накануне Первой мировой он писал: «Политику завоевания новых земель в Европе Германия могла вести только в союзе с Англией против России, но и наоборот: политику завоевания колоний и усиления своей мировой торговли Германия могла вести только с Россией против Англии». В настоящее же время: «Раз Германия взяла курс на политику усиленной индустриализации и усиленного развития торговли, то, в сущности говоря, уже не оставалось ни малейшего повода для борьбы с Россией. Только худшие враги обеих наций заинтересованы были в том, чтобы такая вражда возникала»⁵¹.

Тем не менее, по мнению Гитлера, союз России с Германией был невозможен: «Между Германией и Россией расположено польское государство, целиком находящееся в руках Франции. В случае войны Германии—России против Западной Европы, Россия раньше, чем отправить хоть одного солдата на немецкий фронт, должна была бы выдержать победоносную борьбу с Польшей». В то же время: «Говорить о России как о серьезном техническом факторе в войне не приходится. Всеобщей моторизации мира, которая в ближайшей войне сыграет колоссальную и решающую роль, мы

не могли бы противопоставить почти ничего. Сама Германия в этой важной области позорно отстала. Но в случае войны она из своего немногого должна была бы еще содержать Россию, ибо Россия не имеет еще ни одного собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик. Что же это была бы за война? Мы подверглись бы простому избиению. Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предreshен: конец Германии»⁵².

Единственным более или менее серьезным инцидентом против СССР в 1933 г. в Германии стала настоящая война, развязанная против Общества по продаже советских нефтепродуктов — «Деропа». Его запрапочные станции подвергались «налетам и разграблениям... в некоторых случаях бензин насильственно забирается бесплатно... штурмовиками, в других случаях бензин просто выпускается»⁵³. Однако остальные советско-германские совместные предприятия почти не пострадали. Столь предвзятое отношение к «Деропу» объяснялось не только его прокоминтерновской ориентацией*, но и интересами конкурентной борьбы. «Деропу» на немецком рынке противостояли «Стандарт ойл» и «Ройял датч шелл» Детердинга, которые не только не пострадали, но и увеличили свою долю на рынке за счет ликвидации советско-германской компании.

Несмотря на примирительные жесты Гитлера, годовой отчет полпредства СССР в Германии был полон пессимизма: «1933 год был переломным годом в развитии советско-германских отношений. Приход фашистов к власти в Германии поставил в порядок дня германской внешней политики осу-

* По словам Нейрата, 80% работающих в «Деропе» были коммунистами, что по его мнению, можно было расценивать, как косвенную поддержку Компартии Германии.

ществление давнишних антисоветских планов Гитлера и Розенберга. Конечная цель этих планов состояла в создании антисоветского блока стран Западной Европы под руководством Германии для похода на СССР»... «Советская общественность и Советское правительство с чрезвычайной настороженностью и скепсисом отнеслись к «миролюбивым» заверениям Гитлера от 23 марта и 17 мая, к ратификации Берлинского (Московского) договора и к выступлению Нейрата от 16 сентября 1933 г., считая эти выступления и акты лишь маневром».

По данным отчета за весь 1933-й решающий год в Германии было проведено 39 кратковременных арестов советских граждан и 69 обысков на их квартирах. За тот же 1933-й, отмечает С. Кремлев, одних письменных нот германскому МИДу наркомат Литвинова подал аж 217, не считая, по выражению полпредства в Германии, «бесчисленных устных заявлений»⁵⁴. Но главным, по мнению авторов отчета, была практическая сторона сотрудничества: «Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7%... Значительное сокращение всего товарооборота и особенно сокращение германского экспорта в СССР обусловили довольно сильное, абсолютное сокращение (на 61,1%) активного для Германии сальдо советско-германского торгового баланса»⁵⁵.

Коллективная безопасность

1933 г. стал действительно переломным, хотя прогерманская политика Советского правительства стала ослабевать задолго до прихода Гитлера к власти. Изменения начали происходить в 1930 г., когда наркомом иностранных дел стал Литвинов. Многие связывают эти изменения с личностью

самого Литвинова*. Так, например, В. Молодяков пишет, что: «Герmanoфобские настроения Литвинова... не были тайной»⁵⁶. Наиболее отчетливо противоречия прежнего и нового министров иностранных дел СССР выразились в главном вопросе того времени — войны и мира.

Новый нарком был убежден в формировании единого фронта против СССР западными странами. Литвинов докладывал Сталину: «В настоящее время призывами к антисоветской войне не только пестрят газеты почти всех буржуазных стран, но ими полны выступления влиятельных политических деятелей и представителей делового мира. Об этом говорят не только в таких империалистических странах, как Англия и Франция, но и в только что допущенной в приличное империалистическое общество — Германии»⁵⁷. При этом Литвинов не сомневался, что роль непосредственного исполнителя агрессии отводится именно последней.

Чичерин был прямо противоположного мнения. Он писал Сталину в 1929 г.: «Все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР только портят и подрывают международное положение СССР»⁵⁸. Но Литвинов, став наркомом, уже летом 1931 г. активно зондировал почву для заключения пактов о ненападении с Францией и Польшей. Твардовски из германского посольства в Москве докладывал в Берлин: «В России существует очень сильное течение, направленное на то, чтобы отойти от нас и сблизиться с Францией. Это силь-

* Одни находят, что негативное отношение М. Литвинова (М. Валлаха) к Германии и фашизму определялось влиянием его жены англичанки, другие — доминированием личного национального фактора. Третьи — его оппозиционистскими настроениями по отношению к Сталину. Четвертые — скрытыми протроцкистскими взглядами — стремлением к «мировой революции», которая могла произойти в результате столкновения Германии и СССР. Пятые — тем, что с 1918 г. М. Литвинов был полпредом СССР в Лондоне и, очевидно, в то время приобрел проанглийские (прозападные) настроения. Все эти версии активно прорабатывает в своих книгах С. Кремлев.

ное течение представлено в Наркоминделе в лице Литвинова. Русские в большинстве настроены недоброжелательно. Мы же целиком заинтересованы в том, чтобы не дать русским отойти от нас»⁵⁹.

Нельзя сказать, что рост активности советской стороны в вопросах мира не имел объективных предпосылок. На закономерность возникновения новой мировой войны как следствия неизбежного кризиса капитализма Ленин указывал еще в 1921 г. Ключевую роль в будущей войне он отводил Германии. Это мнение разделяло большинство руководства СССР.

Показателен в этом плане и разговор американского бизнесмена Файлина с Микояном. В 1927 г. Файлин спрашивал: «в Советском Союзе... со столбцов печати правительство призывает к обороне страны, хотя, насколько ему известно, нет никакой опасности войны. Не желает ли советское правительство таким образом потушить оппозицию и объединить все силы страны, которые в противном случае не были бы объединены? (в ответ) Тов. Микоян указал... что, к сожалению, военная опасность гораздо сильнее, чем это представляет себе Файлин. В 1914 г. за несколько месяцев до войны никто не ожидал ее, но мы на опыте 1914 г. знаем, как подготавливается мировая война, и мы наблюдаем в современности те же процессы, и поэтому мы должны быть на страже. Если бы мы знали, что Советскому Союзу угрожает от войны так же мало опасности, как угрожает американскому капитализму от коммунизма, то мы были бы гораздо спокойнее»⁶⁰.

Развитие событий подтверждало прогнозы вождя большевиков. В 1928 г. VI Конгресс Коминтерна пришел к выводу, что период стабилизации капитализма заканчивается и наступает новый, «третий период» кризиса капитализма, революций и войн. Через год начало Великой Депрессии показало, что предсказание Коминтерна о кризисе капитализма было пророческим. Кто должен был стать первой жертвой новой войны, сомнений в советском руководстве не вызывало.

Чичерин не разделял подобных опасений, тем более относительно Германии. Советское военное командование, в том числе М. Тухачевский, Я. Берзин, в свою очередь, в 1928 г. считало явно враждебными по отношению к СССР только Англию, Францию, Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны. Германия рассматривалась ими как государство лишь потенциально могущее примкнуть к антисоветскому фронту⁶¹. У советской стороны имелись весьма веские причины для этого: всего шесть лет назад закончилась интервенция, целью которой было утопить в крови Советскую Россию. Лондон, Париж и Варшава играли в этом ключевую роль. Не прошло и пяти лет, с того времени как У. Черчилль сколачивал новую интервенцию из стран лимитрофов, появившихся на остатках бывших европейских империй. А от Локарнского договора события отделяло менее трех лет. Очередное обострение отношений с Англией вошло в историю Советской России как «военная тревога 1927». На пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1927 г. Сталин утверждал, что схватка с империалистами неизбежна в ближайшие годы, и ставил задачу: «оттянуть войну против СССР»⁶².

В текущий момент мир в Европе зависел от позиции Франции, настроения которой по отношению к СССР были далеки от дружеских. Так, в 1927 г. французское правительство блокировало попытку советского уладить спор о долгах и кредитах с Советским Союзом⁶³. А в мае 1930 г. Бриан (министр иностранных дел) разослал лидерам европейских стран проект «пан-Европы» без участия Великобритании и СССР. Спустя полгода правительство Тардье ввело против России дискриминационные меры, больше похожие на экономическую войну: лицензированную систему ввоза советского леса, льна, хлеба, сахара, патоки и пр. Объяснялось это «советским демпингом», хотя в Марселе в это время зерно из Новороссийска и Таганрога стоило дороже румынского. Дискриминация вводилась даже вопреки интересам собственных промышленников. Так, председатель текстильного

синдиката района Армантьера в то время сообщал: «В силу прекращения прибытия советского льна текстильная промышленность абсолютно не знает, какой темп производства ей придется взять». В итоге, в то время как общий советский импорт с 1929 г. к 1932 г. вырос на 26%, а из Германии более чем в два раза, импорт из Франции, наоборот, снизился почти на порядок*.

Только в 1931 г. французское правительство, опасаясь укрепления германо-советских отношений, само предложило проект пакта о ненападении и нейтралитете. Предложенный проект подразумевал под «территорией Франции» ее колонии и протектораты. Согласие на такую формулу, замечает С. Кремлев, было бы равносильно одобрению версальского колониального раздела. Проект не предусматривал пресечения белоэмигрантской деятельности на территории Франции, а также не упоминал о различных формах экономической войны. В этих вопросах Франция была вынуждена пообещать пойти навстречу требованиям советской стороны, и в августе 1931 г. пакт был парафирован**. Но

* Так, советский импорт из Франции с 1930 к 1931 г. сократился: на электротехническое оборудование — с 5,9 до 1,2 млн. руб., сельхозтехнику — с 1,6 до 0,07 млн., автомобили — с 1,8 до 0,2 млн., красители — с 2 млн. до 7 тыс., удобрения — с 1,4 до 0,04 млн. руб. (Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960, с. 77, 786—788; (Борисов Ю. В., с. 47, 48, 55))

** В итоге, ни одного из своих обещаний Франция фактически не выполнила. Так, даже два года спустя, в 1933 г., М. Розенберг, временный поверенный в делах СССР во Франции, все еще требовал роспуска эмигрантского Российского общевоинского союза — РОВС, (генералы Миллер, Шатилов... тысячи кадровых офицеров). Для сравнения, к этому времени, по словам Надольного, аналогичный но более мелкий союз — РОНД в Германии был уже распущен. (Кремлев С. Путь к пакту... С. 22). Настроения в кругах РОВС — РОНД наглядно продемонстрировала монархическая газета «Возрождение», которая писала в 1930 г: «Необходимо подумать, как отомстить этой сволочи, да отомстить так, чтобы не только завывли, но чтобы земной шар лопнул надвое, услышав стоны большевиков. Мечь, мечь и мечь, на истребление!» «Нужно что-то делать сейчас, не откладывая, желать хоть конца мира, только чтобы уничтожить большевиков». (Возрождение, 28 марта, 18 апреля 1930 г. (Кремлев С. Вместе или порознь? С. 222))

осенью Франция выдвинула в качестве условия подписания пакта сначала заключение аналогичного советско-польского договора, подписан в январе 1932 г., а затем... договора с Румынией. Румыны явно тянули, и 29 ноября Франция пошла на подписание с СССР пакта о ненападении.

Приход Гитлера к власти потряс французов. М. Литвинов тогда наблюдал «полуанекдотический случай, когда содержатель карусели под Парижем перемалевал красовавшегося в течение десятков лет кавалергарда в красноармейца»⁶⁴. Не прошло и месяца после прихода Гитлера, как Эррио уже заявлял: «Я придаю большое значение сближению французской и советской демократий для борьбы с фашизмом»⁶⁵. П. Кот, французский министр авиации, после посещения СССР в сентябре, докладывал: «Через несколько лет, в ходе конфликта, который продлился бы более 1 месяца, индустриальная мощь Франции была бы равной 1, мощь Германии выражалась бы коэффициентом 2, России — коэффициентом 4 или 5. В таких условиях соглашение между Германией и Францией привело бы к разгрому Франции, а прямой союз Франции и России дал бы победу нашей стране»⁶⁶.

Французы уже ощущали дыхание приближающейся войны. В конце 1933 г. У. Додд записывал слова французского посла: «англичане вновь склоняются к признанию того, что Германия угрожает миру в Европе... если Соединенные Штаты и Англия не придут на помощь Франции, мир опять будет вовлечен в большую войну»⁶⁷. Англия и США особо не торопились и тогда взоры Франции вновь обратились к России. Так, один из шефов французского МИДа Леже заявлял Советскому полпреду в Париже М. Розенбергу, что его «ру-

Экономические отношения Франции к СССР продолжали носить характер плохо скрываемой экономической блокады. Даже, когда СССР в 1934 г. попытался закупить за золото во Франции, в рамках пакта, оружие, Франция продала его ... Германии. Примечательно также, что французским послом в Россию был направлен Альфан, активный антисоветчик, ранее занимавший пост директора «Бюро по защите частной собственности французских граждан в России». (Кремлев С. Путь к пакту... С. 35).

ководящей мыслью было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии»⁶⁸.

За сотрудничество с СССР выступали: Ванжер, гендиректор корпорации «Петрофина», Марлио, алюминиевый магнат, председатели банков «Union Parisien» и «National de credit», Дюшемен, глава Федерации промышленников. Германская угроза заставила высказываться за сближение с СССР даже националистов и антикоммунистов, таких, как граф д'Аркур, Ж. Нуланс, маршал Лиотэ, генералы Вейган и де Тассиньи, редактор «Echo de Paris» Анри де Кериллис. В Сенате за пакт о взаимопомощи голосовали Мильеран, М. де Ротшильд, Ф. де Вандель, председатель «Comite des forges» (комитета тяжелой промышленности), правые радикалы Ж. Кайо и К. Шотан. Французский министр иностранных дел Л. Барту восклицал: «Посмотрите на него (Литвинова) внимательно. Разве он похож на бандита? Нет. Он вовсе не похож на бандита. Он похож на честного человека»⁶⁹.

Литвинова не надо было уговаривать. «Всего через месяц после прихода Гитлера к власти, — отмечал Г. Дирксен, — стал очевиден уклон политики Литвинова в сторону Франции»⁷⁰. Советско-французские переговоры начались в июле 1933 г. Германию не могли не волновать происходившие перемены. Официальное заявление немецкого правительства гласило: «Мы можем усмотреть действительную причину, вызвавшую прискорбное отчуждение в германосоветских отношениях, только в установке Советского Правительства по отношению к национал-социалистскому режиму в Германии. Поэтому мы можем лишь снова подчеркивать, что различие во внутреннем устройстве обоих государств, по нашему твердому убеждению, не должно затрагивать их международные отношения. Успешное развитие этих отношений является в конечном итоге вопросом политического желания. В области внешней политики не имеется каких-либо реальных явлений, которые препятс-

твовали бы этому желанию; наоборот, многочисленные общие интересы обоих государств указывают это направление»⁷¹. Германский посол в Москве Надольный, обращаясь к Литвинову в то время, отмечал, что «основная причина ухудшения советско-германских отношений — антигерманская установка вашей прессы. Собственно, лично мне непонятен и смысл заключения вами пакта о ненападении с Польшей. Но это — неофициально и к слову. А возвращаясь к теме, скажу, что после прихода Гитлера к власти ваша пресса начала систематическую травлю Германии»⁷².

Литвинов был вынужден объяснить свою позицию в разговоре с Муссолини в декабре 1933 г.: «С Германией мы желаем иметь наилучшие отношения», однако СССР боится союза Германии и с Францией и пытается парировать его собственным сближением с Францией. Спустя неделю Литвинов повторил Надольному: «Мы ничего против Германии не затеваем... Мы не намерены участвовать ни в каких интригах против Германии»⁷³. Речь шла только о торговых соглашениях, которые и были подписаны в январе 1934 г. с Францией, а в феврале — с Великобританией. Однако внешне безобидный шаг оказался только началом.

Спустя полгода, на Лондонских переговорах Л. Барту уже заявлял: «География определяет историю... Французская республика и монархическая Россия, несмотря на различие их форм правления, пошли на установление союзных отношений»⁷⁴. П. Рейно, вице-председатель Демократического союза, высказывался в том же ключе: «География определила союз между Третьей республикой и царской Россией перед лицом кайзеровской Германии. География диктует союз Третьей республики и большевистской России перед лицом гитлеровской Германии»⁷⁵. Л. Барту поддержал Э. Бенеш (тогда министр иностранных дел), поскольку в случае союза с СССР: «Франция не должна будет при каждом новом конфликте с Германией изгаляться перед лицом двух арбитров — Англии и Италии, которые всегда толкают ее на компромисс.

Наряду с Малой Антантой... она будет иметь еще и Россию, с которой можно договариваться и маневрировать»⁷⁶.

18 сентября СССР вступил в Лигу Наций. Л. Барту в этой связи заявил: «Моя главная задача достигнута — правительство СССР теперь будет сотрудничать с Европой»⁷⁷. И. Сталин пять лет спустя, говоря о причинах этого шага, отмечал: «наша страна вступила в Лигу Наций, исходя из того, что, несмотря на ее слабость, она все же может пригодиться, как место разоблачения агрессоров и как некоторый, хотя и слабый, инструмент мира, могущий тормозить развязывание войны»⁷⁸. *Литвинов*, по мнению М. Карлея, *стал наиболее заметным советским сторонником новой политики, которую назвали «коллективной безопасностью»*. *Мир, как он утверждал, неделим*⁷⁹.

В том же 1934 г. произошел новый резкий спад советско-германской торговли, доля Германии в советском импорте снизилась почти в два раза по сравнению с 1932 г. Под угрозой оказались выполнение даже текущих торговых соглашений⁸⁰. Однако Советский Союз не собирался порывать своих отношений с Германией. К. Радек в то время говорил руководителю военной разведки в Европе Кривицкому: «Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь порвем с Германией. То, что я пишу, — это не может дать нам того, что дает Германия. Для нас порвать с Германией просто невозможно»⁸¹. «Радек, — по мнению А. Некрича, — имел в виду не только военное сотрудничество, но и большую техническую и экономическую помощь, полученную из Германии в годы первой пятилетки»⁸². В то время Калинин при вручении Шуленбургом верительных грамот в Москве заявлял: «Не следует придавать слишком большого значения выкрикам прессы. Народы Германии и Советского Союза связаны между собой многими различными линиями и во многом зависят один от другого»⁸³.

Так, например, в 1933-1934 гг. в Германии побывали конструкторы-моторостроители Харьковского завода, зани-

мавшиеся разработкой нового танкового двигателя. В результате была закуплена лицензия на двигатель БМВ мощностью 500 л.с. Уже в 1934 г. было развернуто производство среднего танка Т-28 с мотором этого типа⁸⁴. Советские специалисты изучали германскую авиационную промышленность, исследовали прокатку стальной проволоки на заводах Круппа и т.д.⁸⁵. В начале января 1934 г. Радек говорил немецким журналистам: «мы ничего не сделаем такого, что связывало бы нас на долгое время. Ничего не случится такого, что постоянно блокировало бы наш путь достижения общей политики с Германией. Вы знаете, какую линию политики представляет Литвинов. Но над ним стоит твердый, осмотрительный и недоверчивый человек, наделенный сильной волей. **Сталин не знает, каковы реальные отношения с Германией. Он сомневается. Ничего другого и не могло быть. Мы не можем относиться к нацистам без недоверия**»⁸⁶.

В условиях мирового экономического кризиса и растущей напряженности в Европе Германия сама была крайне заинтересована в развитии экономических отношений с СССР. Американский посол в 1934 г. отмечал: «рейхсвер, министерство иностранных дел и сторонники империи все дружно настаивают, чтобы Гитлер заключил пакт с Россией, как это было сделано с Польшей в 1933 г., что удивило весь мир. Их цель — изолировать Францию и приобрести рынок для сбыта немецких товаров, как уже сделала однажды Германия при прежнем режиме... Все это, — по мнению У. Додда, — предвещает мир на несколько лет, то есть до тех пор, пока Германия не будет готова занять господствующее положение в Европе»⁸⁷.

В Советском Союзе, очевидно, придерживались аналогичной точки зрения. Не случайно в том же 1934 г. Литвинов вместе с Л. Барту предложил заключить «Восточный пакт» — вошедший в историю как «Восточное Локарно». Пакт должен был стать развитием французского проекта создания «Балканской Антанты» — союза Югославии, Румынии

Греции и Турции. Ответной реакцией Германии стала инициатива создания ... антисоветского блока, провозглашенная вторым лицом в министерстве иностранных дел Бюловым: «Мы хотим созыва конференции великих держав... и заключения мирного договора между Германией, Францией, Англией, Италией и Соединенными Штатами». У. Додд давал по этому поводу свои рекомендации в Вашингтон, «Я согласен с тем, что такая замена литвиновского «Восточного локарнского пакта» может быть целесообразна»⁸⁸. Помимо Вашингтона, меры, направленные на развал планов «Восточного локарнского пакта», предпринял и Лондон. Они основывались, прежде всего, на усилении антисоветской пропаганды в балканских странах, в целях подрыва их отношений с Советским Союзом. Точку на проекте «Восточного локарно» поставило убийство 9 октября 1934 г. в Париже Л. Барту и короля Югославии Александра I, организованное при участии немецких нацистов и хорватских усташей. Новый французский министр иностранных дел П. Лаваль был сторонником политики «умиротворения».

Наследие Барту — советско-франко-чехословацкий пакт был подписан уже по инерции в мае 1935 г. На странности пакта указывал уже Л. Троцкий. По его мнению, он давал Франции несравненно больше выгод, чем Советам. «Обязанность военной помощи СССР имеет безусловный характер; наоборот, помощь со стороны Франции обусловлена предварительным согласием Англии и Италии...»⁸⁹. Таким образом, фактически Франция, а вслед за ней и Англия получили односторонние советские гарантии. СССР в свою очередь, подписав антигерманский пакт, превращался в прямого врага Германии.

Почему же тогда СССР пошел на подписание пакта? Литвинов отвечал на этот вопрос несколько лет спустя в беседе с американским послом Д. Дэвисом, поведав ему о двух главных страхах советского правительства: первый страх — что гитлеровская жадность «к завоеваниям» и к «европейскому господству», второй страх — возможность «некоторо-

го улаживания спорных вопросов между Францией, Англией и Германией»⁹⁰. Союз с Францией, пусть даже и односторонний, служил для России предохранительной мерой от попытки развития локарных соглашений.

Мало того, Сталин надеялся на присоединение к пакту... Германии. В апреле 1935 г. У. Додд в очередной раз отмечал: «генералы рейхсвера требуют заключения договора с Россией именно теперь, когда Франция понемногу сближается с Советским Союзом. Такова единственная возможность ликвидировать окружение Германии, создаваемое Францией, Англией и Италией. Гитлер сильно обеспокоен и очень боится вести переговоры с Россией — единственным своим врагом, с которым он предпочел бы никогда не иметь дела. Однако, как говорит Рейхенау, он сказал одному из представителей рейхсвера: «Что ж, ради Германии я готов заключить договор с самим дьяволом»⁹¹. Фюрер был вынужден пойти на крайние меры предложив в марте 1935 г. Советскому Союзу льготный, бартерный кредит в размере 200 млн. марок*. Заказы СССР включали оборудование для фабрик, машины, аппараты, изделия электропромышленности, оборудование нефтяной и химической индустрии, транспортные средства, оборудование лабораторий и т.д.⁹².

А 29 марта 1935 г. состоялся весьма примечательный разговор Сталина с Иденом:

«Иден: Как вы себе мыслите пакт взаимной помощи — с Германией или без Германии?»

Сталин: С Германией, конечно, с Германией... Мы хотим жить с Германией в дружеских отношениях. Германцы — великий и храбрый народ. Этот народ нельзя было долго

* При чем его условия были более выгодными, чем у прежних: 5% годовых вместо 6%, льготный период — 5 лет (встречные советские поставки должны были быть осуществлены с 1940 по 1943 гг.) Для сравнения два кредита 1926 г. по 150 млн. марок на 2 и 4 года, кредит 1931 г. — на 21 месяц. (Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. №5. С. 14 (Пыхалов И. С. 202—203).

удерживать в цепях Версальского договора... *Повторяю, такой великий народ, как германцы, должен был вырваться из цепей Версаля. Однако формы и обстоятельства этого освобождения таковы, что способны вызвать у нас серьезную тревогу...* Страховкой является Восточный пакт, конечно, с Германией, если к тому имеется какая-то возможность. Вот вы, господин Иден, только что были в Берлине, каковы ваши впечатления?

Иден: Я ответил бы на этот вопрос одним английским изречением: я удовлетворен, но не обрадован... Да, Гитлер (еще) заявлял, что он очень обеспокоен могуществом вашей Красной армии и угрозой нападения на него с востока.

Сталин: А знаете ли вы, что одновременно германское правительство согласилось нам поставлять в счет займа такие продукты, о которых как-то даже неловко открыто говорить, — вооружение, химию и т.д.

Иден: Как? Неужели германское правительство согласилось поставлять оружие для вашей Красной армии?

Сталин: Да, согласилось, и мы, вероятно, в ближайшее время подпишем договор о займе.

Иден: Это поразительно. Такое поведение не свидетельствует в пользу искренности Гитлера, когда он говорит другим о военной угрозе со стороны СССР...»⁹³

Французское правительство предприняло срочные встречные меры, и после подписания советско-франко-чехословацкого пакта, 4 июня 1935 г. СССР получил возможность выпустить в Чехословакии гарантированный ее правительством 6% — ный заем на 250 млн. крон сроком на 5 лет — под заказы для чехословацкой промышленности. «Известия» в те дни писали: «Заключение кредитного соглашения будет служить делу мира, за которое с величайшими усилиями борются правительства обеих стран»⁹⁴. В результате очередное немецкое предложение миллиардного кредита, сделанное в конце июня, сроком на десять лет советское правительство отклонило⁹⁵.

Тем не менее в июле 1935 г. Сталин настойчиво пытался улучшить советско-германские отношения⁹⁶. Путь предлагал посол в Германии Суриц: «Единственным средством смягчения антисоветского курса является заинтересованность Германии в установлении нормальных экономических отношений с нами. Нам, по-видимому, ничего другого действительно не остается, как терпеливо выжидать и продолжать усиливать и развивать нашу экономическую работу. Усиление ее на базе последних предложений Шахта выгодно обеим сторонам...»⁹⁷. Литвинов и Суриц обращаются с настойчивыми призывами к германской стороне об улучшении отношений между странами⁹⁸. А советник советского посольства в Берлине Бессонов говорит о желательности дополнить Берлинский договор о нейтралитете 1926 г. «двусторонним пактом о ненападении между Германией и Советской Россией»⁹⁹. Германия отказалась, сославшись на то, что по мнению германского правительства, пакты имеют смысл между государствами, имеющими общую границу¹⁰⁰. Очевидно, что это был лишь формальный повод, поскольку, как констатировал иностранный отдел НКВД: «все попытки СССР умиротворить Гитлера провалились. Главным препятствием для достижения понимания с Москвой является сам Гитлер»¹⁰¹.

Мотивы внешней политики СССР прозвучали в докладе Сталина партийному съезду 26 января 1934 г.: «Дело явным образом идет к новой войне... победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса, а и как результат измен социал-демократии, расчистившей дорогу фашизму... дело идет к новой империалистической войне как выходу из нынешнего положения...». *Основные причины грядущей войны, утверждал Сталин, были созданы творцами Версаля: «Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут*

расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили».

При этом Сталин замечал: «мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. *Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны.* То же самое можно сказать и о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, *не заинтересованными в нарушении мира*, мы идем на это дело без колебаний... Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами, СССР не думает угрожать кому бы то ни было и тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны»¹⁰². Это были не пустые слова. С одной стороны, экономическое сотрудничество СССР с Германией продолжалось, с другой — в планах на вторую пятилетку были резко увеличены расходы на вооружение, численность Красной армии выросла почти в два раза — до 940 тыс. человек.

Женевская конференция

Опасность возникновения новой войны подчеркивали результаты Женевской конференции, начавшейся еще весной 1932 г. Она была посвящена сокращению и ограничению

вооружений и созвана по решению Совета Лиги Наций, при участии 63 государств. На конференции французская делегация предложила «План Тардье», предусматривавший создание под эгидой Лиги Наций международной армии под руководством Франции. Делегация Великобритании предложила «План Макдональда», предусматривавший предельные цифры сухопутных вооруженных сил европейских стран и предоставлявший Великобритании и США преимущества в военно-морских и военно-воздушных силах. Англия вообще не была настроена на сотрудничество, так, например, К. Райт из Чикагского университета утверждал, что «английские консерваторы враждебно относятся к целям Лиги Наций»¹⁰³. Для Англии привыкшей на протяжении веков к «блестящей изоляции», обеспечивавшей ей доминирующее положение в мире, Лига Наций действительно была обузой, сдерживающей свободу действий. Вступление в Лигу СССР означало, что усиление Лиги ведет к усилению международных позиций Советского Союза, чего Англия допустить не могла ни под каким видом. Формально оставаясь в Лиге, Англия на деле уже бросила последний инструмент, способный предупредить новую войну.

Германская делегация выступила с требованием «равенства в вооружениях». У. Черчилль в октябре 1932 г., обращаясь к палате общин, предупреждал: «Не обманывайте себя. Не позволяйте правительству Его Величества поверить, будто все, чего просит Германия, — это равный статус... Не к этому стремится Германия. Все эти отряды упорной тевтонской молодежи, марширующие с горящими глазами по улицам и дорогам Германии, ищут вовсе не равного статуса»¹⁰⁴. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Саймон, в свою очередь, рассуждал о Германии как о какой-то допотопной колонии: «суровые и грубые методы быстро приведут Германию в чувство... недостаток твердости при рассмотрении (требовании равноправия) повлечет за собой новые тщательно продуманные атаки на структуру догово-

ра... Несколько резких слов, сказанных нами (британцами), в Берлине произведут благотворный эффект»¹⁰⁵.

Немцев поддержал американский сенатор Бора, который заявил, что считает их требования справедливыми; что, продолжая вооружаться, союзники сами нарушили «дух» Версальского договора, хотя бы даже они и могли доказать, что «буквы» договора они не нарушили. «Если Женевская конференция окончится неудачно, дело разоружения придет к позорному концу, и виновниками будут не немцы, а союзники...»¹⁰⁶.

Не добившись удовлетворения своих требований Германия в октябре 1933 г. вышла из Лиги Наций. Как писал в то время Нейрат на имя председателя Конференции по разоружению Гендерсона: «Окончательно выяснилось, что Конференция по разоружению не выполнит своей единственной задачи, состоящей в осуществлении полного разоружения»¹⁰⁷. Консервативная «Морнинг пост» по этому поводу заявила, что она не прольет «ни одной слезы из-за кончины Лиги Наций и конференции по разоружению», скорее следует испытывать чувство облегчения от того, что «подобный балаган» подошел к концу¹⁰⁸.

Отношение к конференции США демонстрируют записи в «дневнике посла» У. Додда. В 1934 г. он убеждал президента: «Соединенные Штаты должны вступить в Лигу Наций и заставить Германию и Италию сотрудничать с Англией и Францией в целях сохранения мира и сокращения вооружений...». Посол передавал слова фон Бюлова: «Мы немедленно вернемся в Лигу Наций, как только Соединенные Штаты вступят в нее». Ответ Рузвельта гласил: «относительно вступления Соединенных Штатов в Лигу Наций... я не уверен, что общественное мнение сейчас благоприятствует этому...»¹⁰⁹. События подтвердили слова Ф. Рузвельта, в январе следующего года «сенат отклонил предложение Рузвельта о вступлении Соединенных Штатов в Палату международного суда»¹¹⁰. По мнению У. Додда, «Рузвельт... как будто не слыш-

ком сожалел по поводу решения сената. Мне кажется, он не был в этом деле достаточно настойчив»¹¹¹. В результате Лига Наций окончательно теряла свой международный авторитет, превращаясь в клуб по интересам.

Что касается Советской России, то еще до начала конференции газета «Уоррен таймс миррор» отмечала, что в Женеве продолжает обсуждаться вопрос о сокращении вооружений лишь под давлением «русских»¹¹². 18 февраля 1932 г. Советский Союз внес на рассмотрение конференции два проекта — «о всеобщем, полном и немедленном разоружении» и «о прогрессивно-пропорциональном сокращении вооруженных сил», а в феврале 1933 г. проект декларации об определении агрессии. Предложения советской делегации не были приняты. Тогда Советский Союз на последней сессии конференции предложил превратить ее «в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира». Но и это предложение было отклонено.

Между тем, направление тенденций развития Германии проявлялись все более отчетливо. Так, Шнитман в апреле 1933 г. сообщал из Берлина: «В настоящее время ведется неслыханная агитация в пользу идеи «вооруженного народа». Эта агитация проникает буквально во все отрасли и области государства и быта и ведется самыми разнообразными методами: в кино появилась масса военно-патриотических картин (бои Фридриха Великого и т. д.); в театрах появились пьесы типа «Шлагейтер» (расстрелянный французами на Рейне во время оккупации немецкий патриот) и т. д.; школьники маршируют под звуки марша «Frederiks — Rex»; газеты непрерывно рассказывают о страданиях немцев в оторванных от Германии областях, о безоружности Германии и т. д. Словом, такого разгула шовинизма не знала даже Гогенцоллернская Германия. А под весь этот «бум» рейхсвер упорно и систематически реорганизуется и вооружается, и нет ничего удивительного в том, что, как говорил в прошлый

раз 37-й, в 1935 году вся намеченная программа организации вооруженных сил будет полностью закончена»¹¹³.

Еще в декабре 1932 г., когда конференция в Лозанне фактически покончила с вопросом о военных репарациях Германии, У. Черчилль впервые указал, что Германия может перевооружиться. Он процитировал Гитлера, которого он назвал «движущей силой, стоящей за германским правительством, которая может значить еще больше в будущем»¹¹⁴. 23 марта — через два месяца после прихода Гитлера к власти Черчилль забил тревогу: «Когда мы читаем о Германии, когда мы смотрим с удивлением и печалью на эти поразительные проявления жестокости и воинственности, на это безжалостное преследование меньшинств, на это отрицание прав личности, на принятие принципа расового превосходства одной из наиболее талантливых, просвещенных, передовых в научном отношении и мощных наций в мире, мы не можем скрыть чувства страха». В апреле Черчилль выразился еще более определенно: «Как только Германия достигнет военного равенства со своими соседями, не удовлетворив при этом своих претензий, она встанет на путь, ведущий к общеевропейской войне»¹¹⁵. В ноябре Черчилль снова выступал в палате общин: *«Огромные силы пришли в движение, и мы должны помнить, что речь идет о той могущественной Германии, которая воевала со всем миром и почти победила его; о той могущественной Германии, которая на одну немецкую жизнь ответила убийством двух с половиной жизней своих противников. Неудивительно, что, видя эти приготовления, открыто провозглашаемые политические доктрины, все народы, окружающие Германию, охватывает тревога»*¹¹⁶.

Военный атташе американского посольства в Берлине полковник Уэст в конце 1934 г. утверждал: *«Война неизбежна, к ней готовятся повсюду»*¹¹⁷. Голландский посол также не сомневался, что «Нидерландам придется участвовать в следующей европейской войне или же они будут при-

соединены к Германии. Он уверен, что война близка»¹¹⁸. У Черчилль в своем радиообращении по британскому радио 16 ноября призвал слушателей подумать о том, что всего лишь *в нескольких часах полета от них «находится семидесятимиллионная нация самых образованных в мире, умелых, оснащенных наукой, дисциплинированных людей, которых с детства учат думать о войне и завоеваниях как о высшей доблести и о смерти на поле боя, как о благороднейшей судьбе для мужчин.* Эта нация отказалась от своих свобод, чтобы увеличить коллективную мощь. Эта нация, со всей своей силой и достоинствами, находится в объятиях нетерпимости и расового высокомерия, не ограниченного законом... У нас есть лишь один выбор, это старый мрачный выбор, стоявший перед нашими предками, а именно, подчинимся ли мы воле сильнейшей нации или покажем готовность защищать наши права, наши свободы и собственно наши жизни»¹¹⁹.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Саар

Саарская область невелика — 50 × 50 км. Но Саар — это уголь, чугун, сталь, прокат. Это машиностроение и химия. Согласно Версальскому договору Саар на 15 лет был отдан под мандат Лиги Наций, ее дальнейшую судьбу, должен был решить плебисцит. Лига Наций в эти годы управляла Сааром лишь формально, подлинным хозяином была Франция.

Накануне плебисцита, по словам А. Симона, «всесторонние обследования, проводившиеся нейтральными наблюдателями, говорили о том, что большинство жителей этой области с преобладающим католическим населением предпочло бы воздержаться от присоединения к национал-социалистской Германии»¹²⁰. Однако на плебисците 13 января 1935 г. 90% взрослого населения Саара голосовало за присоединение к Германии. Мнения относительно влияния немецкого террора на результаты голосования вызывают споры до сих пор. Однако ни Франция, ни Англия, гаранты Версальского мира, не высказали по этому поводу никаких официальных претензий. Позицию Запада отражали слова норвежского министра Кута, который в беседе с советским дипломатом Якубовичем отметил, что Клемансо привел по-

литическую карту Европы в дикий вид, а поэтому мир невозможно обеспечить на базе вечного сохранения версальского статус-кво¹²¹. Сам Гитлер не скрывал своих намерений и уже в 1930 г. открыто заявлял, что, придя к власти, он и его сторонники «разорвут Версальский договор на части»¹²².

Единственным защитником Версаля неожиданно выступил Литвинов. С трибуны Лиги Наций он посвятил саарской проблеме целую речь. Литвинов объяснял Кремлю свое решение тем, что: «Саарская победа может настолько ударить в голову Гитлеру, что он станет более требовательным, чем раньше. Мы тоже не остаемся пассивными и принимаем все меры для противодействия германской агитации»¹²³. Литвинов оказался прав, спустя месяц Германия отказалась от статей Версальского договора, ограничивающих ее вооружение.

В марте 1935 г. Геринг официально объявил о наличии у Германии военно-воздушных сил, запрещенных Версальским договором. Спустя несколько дней Гитлер заявил в введении всеобщей воинской повинности. По словам У. Манчестера, «это был конец Версальского договора. Гитлер его похоронил и уже читал некролог... Рейхсвер стал называться по-новому — вермахт. Люфтваффе сняло свой покров к ужасу Европы. Военное ведомство теперь снова стало всем известно, как Генеральный штаб, а морское ведомство... превратилось в военно-морской флот. Новые названия звучали внушительно и были популярны — Гитлер... затронул верную струну». В то воскресенье был День памяти героев Германии, по которому была устроена официальная церемония. У. Ширер вспоминал: «Я пошел на церемонию... и стал свидетелем сцены, которую Германия не помнит с 1914 года. Весь... этаж был заполнен светло-серым морем военных мундиров и остроконечных шлемов старой императорской армии вперемешку с военной формой новой армии... церемония стала триумфальным празднованием кончины Версальского договора и

рождения регулярной германской армии. Генералы, и это видно по их лицам, были чрезвычайно довольны»¹²⁴.

Как пишет И. Фест: «Хотя британское правительство выступило с серьезным протестом, оно в той же ноте запрашивало, не хочет ли еще Гитлер принять министра иностранных дел. Для немецкой стороны это было «сенсацией в нужном направлении», как заметил один из участников событий»¹²⁵. «Франция и Италия были опять готовы применить более решительные меры и собрали... конференцию трех держав в Стресе... Муссолини настаивал на том, чтобы остановить дальнейшие поползновения Германии, но представители Великобритании с самого начала дали понять, что их страна не собирается применять санкции»¹²⁶.

По мнению А. Уткина, «это был конец попыток контроля над военным развитием Германии»¹²⁷. Теперь политика умиротворения получала новое содержание. Уступать Германии было уже нечего, умиротворение стало возможно осуществлять только за счет территорий в Европе¹²⁸. У. Додд в те дни отмечал: «*Почти все американцы считают, что Германия идет к войне*»¹²⁹. Аналогичного мнения был очевидно и британский посол Фиппс, который писал американскому послу в Париже, что «считает Гитлера фанатиком, который успокоится, разве что добившись господства над Европой». В разговоре со своим американским коллегой в Берлине он утверждал, что Германия не начнет войну ранее 1938 года, но что «война — это ее цель»¹³⁰.

Аналогичного мнения очевидно были и руководители СССР, Франции и Чехословакии, подписавшие в мае 1935 г. пакт о взаимопомощи. Пакт предусматривал помощь трех стран друг другу в случае, если одна из сторон столкнется с чьей-либо агрессией. Помощь Советского Союза Чехословакии, по инициативе последней, обуславливалась тем, что первой помощь окажет Франция. При этом конкретные формы взаимной помощи не оговаривались.

Пакт вел к усилению позиции Франции и СССР в Европе. Не зря он сразу же вызвал неприятие со стороны остальных европейских стран. Так, норвежский министр иностранных дел Кут обрабатывал полпреда СССР Якубовича: нельзя доверять французской политике военных союзов, порождающей напряженное состояние во всех странах мира. Французы просто не способны ни к чему другому из-за своей ограниченности и узости национального духа¹³¹. Лондон же больше интересовала реакция Берлина на франко-советский договор¹³².

В этот момент Гитлер решил в очередной раз успокоить «мировое сообщество». 21 мая он выступил с одной из своих самых миролюбивых речей: «Кровь, лившаяся на европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным изменениям. В конце концов, Франция осталась Францией, Польша Польшей, а Италия Италией». Войны в Европе, таким образом, бессмысленны: «Война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации... Германии нужен мир, она жаждет мира!» А с точки зрения идеологии нацизма территориальные захваты бессмысленны вдвойне: «Наша расовая теория считает любую войну, направленную на покорение другого народа или господство над ним, затеей, которая рано или поздно приводит к ослаблению победителя изнутри и в конечном счете — к его поражению... Германия торжественно признает границы Франции, установленные после плебисцита в Сааре, и гарантирует их соблюдение... мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны... Забыв прошлое, Германия заключила пакт о ненападении с Польшей. Мы будем соблюдать его неукоснительно. Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием»¹³³.

У. Додд замечал по поводу этой речи: «Англичане, видимо, поверили обещаниям фюрера. Если и дальше так пойдет,

то в ближайшие полгода не будет заключено действительно-го соглашения о разоружении, и Германия успеет лучше, чем теперь, подготовиться к нападению, как это имело место и в 1914 году»¹³⁴. Лондон не только «поверил» ... но и в июне, в ответ на франко-советский пакт, заключил с Берлином свое соглашение, тем самым по словам Папена: *«Великобритания первой признала гитлеровский режим де-факто, заключив с ним военно-морское соглашение, которое находилось в прямом противоречии с Версальским договором»*¹³⁵.

Днем подписания пакта, отмечает И. Фест, избрали 18 июня, день, когда 120 лет тому назад англичане и пруссаки разбили французов у Ватерлоо¹³⁶. «Невел ревю» — орган британских ВМС писал по поводу пакта: «Хотя Франция и будет опасаться германо-английского договора, ей придется осознать, «что у Англии нет постоянных друзей, а есть лишь постоянные интересы»¹³⁷. «Именно этим интересам, — отмечал И. Фест, как полагали, отвечало бы признание британских претензий на господство на морях со стороны такой великой державы, как Германия, тем более на столь умеренных условиях, которые выдвинул Гитлер. *Эра Версаля, которая значила так много для Франции, отошла в любом случае в прошлое и, как говорилось в докладной записке Форин оффис от 21 марта 1934 года, «если уж проводить похороны, то лучше сейчас, пока Гитлер настроен оплатить услуги похоронной конторы»*»¹³⁸.

В это время У. Черчилль, впервые за несколько лет, задумался о необходимости пробиться в правительство. «Растущая германская угроза вызвала у меня желание участвовать в работе нашей военной машины. Я теперь знал абсолютно определенно, что ждет нас впереди»¹³⁹. У. Додд в то время записывал: «Немцы отмечают воскресные дни муштрой и военными учениями. Однако Гитлер постоянно твердит, что он не допустит войны. Возможно, кое-кого из этих бедняг страшит опасность общеевропейского конфликта, однако большинство из них уверено, что война возвышает немецкий характер. Война для них — единственный путь служения ро-

дине»¹⁴⁰. Мнение американского посла: «если Гитлер останется у власти еще лет пять, вероятно, будет война»¹⁴¹. В конце года У. Додд отмечал: «Все военные и военно-морские специалисты здесь сообщают, что перевооружение Германии происходит исключительно быстро. Немцы создают величайшую в мире военную машину» и в это время «Англия и Франция предприняли шаг, который грозит расколоть Лигу»¹⁴². На этот раз вопрос касался Италии.

Эфиопия

По союзническому договору Италии за участие в Первой мировой войне на стороне Антанты были обещаны значительные колониальные компенсации, за счет колониальных империй поверженных противников. Однако по Версальскому договору Италии не досталось почти ничего, из того, что ей обещали союзники*.

3 октября 1935 г. Италия без объявления войны напала на Абиссинию (Эфиопию)**. Эфиопия внесла протест в Лигу Наций. А. Иден увидел в агрессии Италии опасность британской колониальной империи и 11 апреля 1936 г. с трибуны Лиги Наций выступил за ее прекращение. В те дни американский посол в СССР Буллит докладывал в Вашингтон, что Литвинов был очень обрадован решением Великобритании применить санкции Лиги Наций. «Он [Литвинов] выразил убеждение, что англичане решили уничтожить Муссолини... что англичане устроят блокаду Суэцкого канала... Он предполагает, что, покончив с Муссолини, англичане покончат и с Гитлером»¹⁴³.

* Что, по мнению Клемансо и Пуанкаре, соответствовало ее вкладу в победу.

** Пограничный конфликт был спровоцирован Муссолини годом раньше, что дало ему повод обвинить Эфиопию в развязывании агрессии против Италии.

Однако события разворачивались прямо противоположным образом. В декабре 1935 г. Англия и Франция, пытаясь удержать Италию в рамках бывшей Антанты, не посоветовавшись с другими членами Лиги Наций встали на сторону Италии и заключили соглашение Хора — Лавалья, предусматривающее передачу Италии значительной части эфиопской территории. При этом У. Черчилль отмечал, что итальянские войска никаким путем, кроме контролируемого англичанами Суэцкого канала, не могли выйти к Эфиопии. Гигантские армады британских кораблей на рейде в Александрии одним движением могли бы преградить путь итальянским транспортам*. Итальянские военно-воздушные силы по качеству и количеству значительно уступали британским. Тем не менее У. Черчилль поддержал план Хора — Лавалья, дававший Муссолини все, чего тот желал¹⁴⁴. По мнению У. Додда «идея о соглашении Хора — Лавалья была вызвана страхом Англии и Франции, как бы в случае падения Муссолини в Италии не восторжествовал коммунизм. Я думаю, что это отчасти правильно и что нацистская Германия, конечно, хочет успеха Муссолини. Возможно, эти два диктатора уже заключили соглашение»¹⁴⁵. Однако Англия еще пыталась соблюдать политес, и Хор был отправлен в отставку, на его место министром иностранных дел был назначен А. Иден, однако коренного изменения во внешней политике Великобритании не произошло.

Американский посол в то время отмечал: «в огромном дворце Лиги Наций в Женеве состоялись совещания Совета Лиги и стран Локарнского договора. Иден не смог, а Фланден, министр иностранных дел Франции, не захотел ничего сделать. Два диктатора счастливы, как никогда. Малые европейские страны... встревожены сильнее, чем когда-либо после окончания мировой войны. Австрия — следующая жертва Гитлера, а Египет — следующий объект вождения

* Итальянский флот в то время равнялся лишь четверти британского.

Муссолини. По крайней мере, такой вывод напрашивается на основании имеющихся фактов. *Англия и Франция... фактически уничтожили Лигу Наций — их единственную надежду избежать войны*¹⁴⁶. Развитие ситуации привело к концу лета У. Додда к мнению, что: «Отказ от согласованных англо-французских действий против итальянской агрессии в Абиссинии... обрекает демократии в Европе на гибель»¹⁴⁷.

К середине февраля 1936 г. в Африке уже находилось более 350 тысяч итальянских солдат, не считая полутора сотен тысяч вспомогательных сил. «Эта орава двигалась на 15 тысячах автомобилей, вооруженная десятком тысяч пулеметов, тремя сотнями танков, восемью сотнями орудий. Почти 2 тысячи радиостанций заливали африканский эфир непривычными для него радиоволнами». У эфиопов был десяток тысяч винтовок и сотня пушек. И все же итальянцев били¹⁴⁸. Они не смогли установить прочный контроль над страной при подавляющем военно-техническом превосходстве*.

Опасность для Муссолини возникла вроде бы и с другой стороны. Лига Наций ответила на агрессию против своего члена экономическим эмбарго против Италии, однако среди десятков пунктов товаров, которые было запрещено ввозить в Италию отсутствовал главный — нефть. Муссолини признавал: если бы Лига Наций включила в список санкции «нефть, то мы вынуждены были бы вернуться из Эфиопии в течение восьми дней. Для нас это была бы катастрофа, которую трудно себе представить»¹⁴⁹. Именно этот шаг — эмбарго на поставку нефти Италии — и предложил Литвинов с трибуны Лиги Наций. Но Лига не отреагировала на советское предложение. По мнению У. Додда, отмена нефтяных санкций произошла под давлением нефтяных компаний и

* Несмотря на применение танков, авиации, химического оружия, запрещенного международными конвенциями, против почти безоружных эфиопов, итальянцы увязли в своей новой колонии. Ни террор, ни попытки проведения более либеральной политики не привели к успеху. Война закончилась только в 1941 г., когда англо-эфиопская армия разгромила итальянцев. (Никольский А. В..., с. 111.)

нескольких крупных предпринимателей в Лондоне: «Я убежден, что нефтяные компании оказали давление. На карту поставлены их интересы, особенно и в первую очередь интересы компании «Стандард ойл»... а эти интересы в прошлом неразбыли причиной чрезвычайных событий в Соединенных Штатах»¹⁵⁰.

Поставки «нефти в итальянскую Африку быстро выросли в 30 раз! 75% нефти Италия получала от девятки государств — членов Лиги Наций...», главным образом из США, и в том числе из ... СССР. Помимо того «Англия, Франция, Германия, Австрия и США потоком слали дуче уголь, хлопок, никель и лес. Венгрия снабжала итальянцев салями, шпиком и окороками». В ответ, пишет С. Кремлев, «итальянские берсальеры посмеивались и фотографировались с головами эфиопских офицеров-расов в руках. Даже сдержанные англичане из Красного Креста признавали: «Это не война, это даже не избиение. Это казнь десятков тысяч беззащитных мужчин, женщин и детей с помощью бомб и отравляющих газов». Впрочем, написавший это Д. Меллоу поделикатничал — по некоторым оценкам, погибло около миллиона»¹⁵¹.

«Некоторые офицеры, в том числе сыновья Муссолини Бруно и Витторио... хвастались, что они устраивали веселую охоту на целые толпы, сотни и тысячи людей и истребляли их зажигательными бомбами и бортовым оружием своих самолетов»¹⁵². Впрочем для европейцев агрессия Италии в Эфиопии была обычным колониальным завоеванием, которое ни по форме, ни по целям особо не отличалось от традиционной для Англии, Франции, Голландии и т.д. колониальной политики. Она осуществлялась ими на протяжении веков. Поэтому итальянская агрессия не вызывала не только протестов, но даже сколько-либо значимого осуждения. Санкции же Лиги Наций были лишь политическим жестом, призванным отдать дань меняющемуся миру*.

* Великобритания и Франция признают аннексию Эфиопии Италией в 1938 г.

Непонятной была только позиция СССР, который с трибуны Лиги Наций призывал к эмбарго, а затем наравне с другими слал нефть дуче. Запад обвинил СССР в двойной игре; Троцкий в свою очередь обвинил Сталина в том, что он продался мировому капиталу и призвал Советскую Россию к бойкоту Италии, к которому по его мнению должны присоединиться трудящиеся всех стран¹⁵³. Поставки нефти Италии действительно подрывали международный авторитет страны Советов. С другой стороны, демонстративное сепаратное эмбарго Советского Союза вело к риску его изоляции и даже раскола Лиги Наций.

Даже оставшаяся без последствий речь Литвинова в Лиге Наций вызвала яростную реакцию в Германии и Италии. В Генуе представителей советского торгпредства побили палками, в Ливорно — арестовали. У. Додд сообщал в те дни: «Лейпцигские и берлинские газеты полны статей о выступлениях Гитлера, Геббельса и Розенберга против коммунистов... *Неволью поражаясь их речам и очевидному убеждению, что Германия и Италия должны принудить все народы объединиться с ними для свержения государственного строя в России, как будто одна страна имеет право диктовать другой, какое правительство она должна иметь у себя*»¹⁵⁴.

В октябре Германия и Италия подписали протокол о взаимодействии во внешней политике. Несмотря на то что протокол был секретным, Муссолини публично заявил: «Это взаимопонимание, эта диагональ Берлин—Рим не есть линия раздела, но ось, вокруг которой могут объединиться все европейские государства, воодушевленные волей к сотрудничеству и миру»¹⁵⁵. О каком мире и сотрудничестве говорил дуче, писал Геббельс: «У Муссолини отчаянное положение... Все началось на три года раньше, чем надо. Фюрер ясно видит ситуацию. Точно знает, чего хочет. Вооружать и готовиться. Европа вновь в движении. Если мы будем умны, останемся в выигрыше... Будущее народов не в нейтралите-

те, а в интервенции... Мы должны ждать и, если ничего не изменится, действовать»¹⁵⁶. В декабре советский полпред Штейн сообщил в Москву: «Сегодня «Пополо ди Рома» опубликовала статью, открыто призывающую Германию к нападению на СССР. На основании ряда признаков можно уже предвидеть, что *возможность компромисса с Англией будет сопровождаться одновременно яростной атакой против нас. Пресса будет пытаться доказывать, что основным врагом является СССР, заинтересованный в санкциях в целях свержения фашистского режима*»¹⁵⁷.

Рейнская область

Рейнская демилитаризованная зона появилась благодаря Версалю. На конференции Париж в качестве одной из мер, направленных на обеспечение безопасности страны, потребовал включить рейнскую область в состав Франции. Против выступили президент США и премьер-министр Англии, в обмен они предложили создать демилитаризованную зону и свои гарантии безопасности Франции.*

12 февраля 1936 г. Франция ратифицировала франко-советский пакт. Гитлер заявил, что в ответ на этот враждебный акт западная полоса за Рейном для укрепления обороны страны будет занята немецкими войсками. 7 марта три батальона немецкой пехоты церемониальным маршем перешли мосты и заняли демилитаризованную Рейнскую область. В тот же день Гитлер выступил с речью в рейхстаге, в которой оправдывал ввод войск в Рейнскую область. По словам И. Феста, она «была шедевром демагогической игры на противоречиях, страхах, желании мира, характерных и для Германии, и для Европы. Он пространно живописал «ужасы интернациональной коммунистической диктатуры ненависти», опас-

* Впоследствии США не ратифицировали Версальский договор, а следовательно отказались и от своих гарантий.

ность с Востока, которая при попустительстве Франции нависла над Европой...»¹⁵⁸ Гитлер вновь говорил о мире и о неравноправном положении Германии. Он предложил заключить соглашение о демилитаризации обоих берегов Рейна. Гитлер также заявил, что из-за франко-советского пакта намерен расторгнуть Локарнский договор, вернуться в Лигу Наций, договориться об ограничении авиационных вооружений и потребовал возврата германских колоний¹⁵⁹.

Тогда же — 7 марта министр иностранных дел Франции Фланден потребовал от премьер-министра Англии Болдуина подтверждения союзнической солидарности. На что Болдуин ответил: «Если существует хотя бы один шанс из ста, что за вашей полицейской операцией последует война, я не имею права вовлекать в нее Англию»¹⁶⁰. 13 марта Черчилль записал: «Если международный суд найдет, что претензии Франции справедливы, и в то же время не взыщет средств удовлетворения претензий Франции, тогда коллективная безопасность окажется призраком». Потерпев поражение в своих попытках мобилизовать общественное движение за вывод немецких войск, Черчилль заявил в палате общин: «Мы не можем гордиться нашей внешней политикой последних пяти лет, безусловно, это были годы несчастий...»¹⁶¹.

Против ремилитаризации Рейнской области 17 марта на сессии Лиги Наций официально выступил только Литвинов: «Единственным достойным ответом Гитлеру явилось бы всемерное укрепление коллективной безопасности, включая и те меры репрессии в отношении Германии, на которые сочла бы возможным пойти Лига Наций». Парадоксальным образом Версальский договор, который Ленин назвал «подлым», договор, по которому Франция ограбила Германию до нитки, теперь защищал только советский нарком.

19 марта последовало заявление Советского правительства: «Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не

содержит никаких ограничений в этом отношении, была бы оказана со стороны Советского Союза»¹⁶². Американский посол в России Буллит поинтересовался, действительно ли Красная Армия выступит против Германии в поддержку Франции. «Это будет просто, — ответил Литвинов, — по сравнению с тем, как трудно будет заставить французскую армию выступить против Германии в поддержку Советского Союза»¹⁶³.

В тот же день 19 марта Великобритания, заключив соглашение с Францией, впервые после Первой мировой войны согласилась взять, хоть и ограниченные, военные обязательства в отношении другого государства. Разъяснение понятия «ограничений» дал английский посол Э. Фиппс: «Франция может ворваться в Германию через ее западную границу, но Англия не поддержит такой шаг. Германия изо всех сил готовится к агрессии на востоке, но Англия и здесь ничего не предпримет». У. Додд по этому поводу заметил: «Тогда возникнет новая Европа: Франция потеряет свое влияние, Британская империя развалится, а Германия будет господствовать над всем»¹⁶⁴. Но очевидно подобный риск в данный момент интересовал английское правительство в меньшей степени. Главной целью британских ограниченных обязательств, по мнению Л. Эмери, было стремление убедить Францию, «не искать поддержки России»¹⁶⁵.

С аналогичным предложением выступил американский посол Буллит. «Он рекомендовал Соединенным Штатам поддержать Францию в ее политике умиротворения Германии, чтобы тем самым изолировать Советский Союз»¹⁶⁶. Буллит также решил, по собственному усмотрению, заняться антисоветской кампанией в Москве. Он выражал протесты, устраивал интервью для прессы, в которых нападал на советские власти и призывал других послов занять антисоветскую позицию. «Я делал все что мог, — вспоминает он, — чтобы создать неприятные условия»¹⁶⁷. Но, по словам Дж. Кенна, у Рузвельта «не было никаких намерений одобрять» позицию Буллита¹⁶⁸.

Англо-французское соглашение оставляло Францию один на один с немецким вторжением. Но французы вполне могли нанести ответный удар сами. В этом случае, как заявлял впоследствии фюрер, «нам пришлось бы уйти, поджав хвост, так как мы не располагали военными ресурсами даже для слабого сопротивления»¹⁶⁹. «Мы были, — вспоминал Йодль, — в положении игрока, который поставил все свое состояние на одну карту. Германская армия была в этот момент наиболее слаба, так как сто тысяч солдат рейхсвера были распределены в качестве инструкторов ко вновь формируемым частям и не представляли собой организованной силы»¹⁷⁰. Бломберг, по его словам, «был в ужасе. Мне казалось, что... Франция будет реагировать немедленно военной силой. Редер и Геринг разделяли мои опасения...»¹⁷¹ Ж. Мандель подтверждал: «Немцы... входили в зону, как во вражескую страну, оглядываясь и пугаясь каждой тени»¹⁷².

Но Франция, обладавшая 13 дивизиями на границе и десятками дивизий в тылу, не решилась вступить в бой. Еще до реокупации Рейнской зоны Фланден спрашивал военных, какие меры могут быть предприняты в случае вторжения немецких войск. Военный министр генерал Л. Морен тогда доложил, что французская армия полностью неспособна к каким-либо наступательным операциям¹⁷³. Публицист А. Жеро-Пертинакстак придавал этим словам образное звучание: «Французский военный аппарат не обладает гибкостью. Пускать его в ход частично — значило бы рисковать общей аварией»¹⁷⁴.

Ограниченность возможностей французской армии предопределялась и тенденциями снижения ее численности. Так, призыв 1936 г. составил всего 112 тыс. чел., тогда как 1934 г. — 226 тыс.¹⁷⁵. Совещание французского правительства 7 марта в связи с этим пришло к выводу, что любая эффективная военная акция требует всеобщей мобилизации, что было бы безумием — оставалось всего 6 недель до всеобщих выборов¹⁷⁶. Что ж, «если у страны нет армии, соответс-

твующей ее политике, она должна иметь политику, соответствующую ее армии», — замечал по этому поводу Р. Рекули¹⁷⁷. Этой политикой стала политика «умиротворения», отвечавшая пацифистским настроениям в обществе. Она соответствовала интересам и правых кругов, которых больше всего волновала угроза того, что лишения войны приведут к укреплению позиции левых сил. В итоге Даладье заявлял: «Уверяю вас, ни при каких обстоятельствах я не вступлю в войну»¹⁷⁸.

Были и другие причины, подрывавшие воинственный дух французов. По словам М. Джордана, «в данном случае решающую роль сыграли финансовые соображения»¹⁷⁹. Из-за экономического кризиса Франция была на грани банкротства. Негативное отношение к противостоянию с Германией выразили и некоторые деловые круги, например в Комите де Форж (крупнейшем машиностроительном тресте), что было вполне объяснимо, если учесть, что, например, трест де Ванделя в начале 1936 г. продавал Германии до 500 тыс. т железной руды¹⁸⁰.

Позицию Великобритании на Совете Лиги Наций объявил А. Иден: поскольку последние события «не затрагивают жизненно важных британских интересов», Англия не собирается на них реагировать. Рейнская зона создавалась в основном ради безопасности Франции и Бельгии, так пусть те сами и решают, «какую цену готовы они заплатить за ее сохранение...». Лорд Лотиан дополнил: «Гитлер всего лишь возвратил свой собственный приусадебный сад»¹⁸¹.

Но «восстановление исторической справедливости» было в данном случае лишь кажущимся. Бездействие гарантов Версальской системы в рейнском кризисе нанесло сокрушительный удар по системе европейской безопасности. Так, голландский посланник в Берлине был уверен, что гитлеровская политика «направлена на захват Балкан и балтийской зоны. Нейтрализация Рейнской области, как это предлагает Гитлер, распространяется на узкую территорию... ши-

риной по тридцать миль в обе стороны от Рейна. При таком положении Франция не сможет вмешаться, когда Германия захватит Чехословакию, Австрию, Литву или Эстонию... в этом заключается план Гитлера...»¹⁸² Голландец был не единственным, кто пришел к подобным выводам. Задолго до знаменитой речи Черчилля в Фултоне о «железном занавесе» М. Джордан писал: *«Захват демилитаризованной зоны опустил железный занавес между Францией и ее союзниками в Центральной Европе»*.¹⁸³ Французский обвинитель на Нюрнбергском трибунале позже признает, что ремилитаризация Рейнской зоны и строительство линии Зигфрида парализовывали возможность Франции прийти на помощь своим восточным союзникам, что стало «прелюдией к агрессивным действиям против Австрии, Чехословакии и Польши»¹⁸⁴. Биограф Черчилля Дж. Чамли по этому поводу заметит: «Франция фактически бросила на чашу весов своей политики судьбы малых стран Европы, находившихся в орбите французского влияния...»¹⁸⁵

По словам очевидца событий У. Ширера: «Вскоре союзники на Востоке начали понимать, что, даже если Франция не останется столь бездеятельной, она не сможет быстро оказать им помощь из-за того, что Германия в спешном порядке возводит на франко-германской границе Западный вал. Сооружение этого укрепления, как понимали восточные союзники, очень быстро изменит стратегическую карту Европы, причем не в их пользу. *Вряд ли они могли надеяться, что Франция, которая, имея сто дивизий, не выступила против трех батальонов, бросит своих молодых солдат проливать кровь на неприступные немецкие укрепления, в то время как вермахт начнет наступление на Восток»*.¹⁸⁶ У. Додд в то время с тревогой говорил: «Если балканские народы, численностью 80 миллионов человек, не найдут пути к объединению, они лишатся независимости»¹⁸⁷.

В феврале 1936 г. У. Додд записывал: «Лишь слепые могут не видеть, что нацисты проникнуты воинственным духом...

Мне непонятно, как думает Европа обуздать 68 миллионов немцев, жаждущих новой войны. Если все страны объединятся и вооружатся до зубов, это может отсрочить войну, но не сделает ее невозможной. Если сплоченный фронт не будет создан, результатом будут захваты на востоке, западе и на севере, создание германского рейха с населением в 90 миллионов человек. Французский и английский народы в подавляющем большинстве настроены пацифистски, и немцы знают это. Позиция Соединенных Штатов также пацифистская, *но пацифизм приведет к большой войне и к порабощению Германией всей Европы*, если только миролюбивые народы не будут действовать смело в этот критический момент их истории»¹⁸⁸. Спустя несколько дней У. Додд продолжит: «Эта история еще больше укрепила меня в том, что программа окружения, если она будет поддержана всеми государствами, граничащими с Германией на востоке и западе, а также Англией, Францией и Россией, — почти единственная надежда на мир для Европы»¹⁸⁹.

В июне У. Черчилль восклицал: «КАК ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ Несомненно, это самый главный вопрос, который должен занимать умы человечества. По сравнению с ним все другие человеческие интересы второстепенны, а другие темы — незначительны. Почти все страны и большинство людей в каждой стране больше, чем чего-либо другого, желают предотвратить войну»¹⁹⁰. По мнению У. Ширера: «*В марте 1936 г. две западные державы имели последний шанс, не развязывая большой войны, остановить милитаризацию и агрессивность тоталитарной Германии и привести к полному краху, как отмечал сам Гитлер, нацистский режим. Они этот шанс упустили*»¹⁹¹. В декабре 1941 г. первый заместитель госсекретаря по иностранным делам Великобритании Кадоган запишет в дневнике: «Отдает ли себе Иден отчет в том, что он (курсив Кадогана) несет ответственность за великое и трагическое «умиротворение», не приняв ответных мер в связи с оккупацией Германией Рейнской облас-

ти в 1936 году? Как ему везет. Никто никогда не упомянул об этом, а именно это было поворотным пунктом»¹⁹².

Франция же тем временем продолжила совершенствовать линию Мажино. Ш. де Голль так видел ее предназначение: «Вооруженная нация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидании, когда, истощенный блокадой, он потерпит крах под натиском свободного мира»¹⁹³. Интересно, кого де Голль подразумевал под свободным миром, который должен был идти умирать за Францию?

Пока же французский посол Ф. Понсе убеждал советского полпреда Сурица, что «Германия — основной враг»¹⁹⁴. А редактор «Тан» Шастене выяснял позицию председателя Совнаркома Молотова: Шастене начал с того, что **«реокупация» левого берега Рейна позволяет Германии построить линии укрепления вдоль французской границы, имеет прежде всего целью предоставить Германии большую свободу для наступления на Востоке?** Молотов отклонил термин «реокупация», употребив слово «ремилитаризация». Он согласился, что ремилитаризация, «несомненно, усилила угрозу для стран, находящихся к Востоку от Германии, и в частности для СССР». Однако тут же напомнил: тем не менее ввод германских войск в Рейнскую область означает угрозу прежде всего в отношении западных соседей, Франции и Бельгии.

Шастене был настойчив.

Шастене: Поскольку интересы Советского Союза и Франции в настоящем международном кризисе одни и те же, возникает вопрос о том, как действовать перед лицом этого кризиса?

Молотов в ответ уклончиво сослался на речь Литвинова.

Шастене: Все ли существующие в настоящее время в Советском Союзе направления считают одинаково невозможным в настоящих условиях сближение Германии с Советским Союзом? Я имею в виду сведения о том, что внутри рейхсве-

ра имеются группы, которые по чисто политическим соображениям стоят за сближение с Советским Союзом. Имеются ли аналогичные встречные тенденции в СССР?

Молотов: Среди определенной части советских людей есть направление, относящееся к современной правящей Германии с совершенной непримиримостью... Однако главное направление, определяющее политику Советской власти, считает возможным улучшение отношений между Германией и СССР. *Разумеется, для этого могут быть разные пути. Один из лучших — вхождение Германии в Лигу Наций... Участие Германии в Лиге Наций было бы в интересах мира и встретило бы с нашей стороны положительное отношение.*

Шастене: Даже гитлеровской Германии?

Молотов: Да, даже гитлеровской Германии¹⁹⁵.

В СССР действительно еще надеялись на сохранение мирных отношений с Германией, на активизацию участия Франции и Англии в политике коллективной безопасности и тем самым предотвращение развязывания мировой войны. Об этом свидетельствуют слова Сурица, сказанные американскому послу Додду: «Ряд совершившихся фактов в первую очередь задевает не нас, а западные страны: ремилиитаризация Рейнской зоны, двухлетняя военная служба, вмешательство в испанские дела. Было бы поэтому неправильно полагать, что Гитлер избрал лишь одно направление для своей агрессивности. В ненависти к нам коммунизм служит больше предлогом, главным же образом Гитлера раздражает наша роль и работа по укреплению коллективной безопасности...»¹⁹⁶. Подтверждением этих слов могла служить встреча в начале 1936 г. советского торгпреда в Германии Канделаки с Герингом, который живо интересовался перспективами развития отношений с СССР и обещал прояснить ситуацию с Гитлером¹⁹⁷. После подписания советско-германского экономического соглашения Сталин был убежден, что перегово-

воры с Германией идут к благополучному завершению: «Очень скоро мы достигнем соглашения с Германией»¹⁹⁸. Не случайно на очередной встрече с Шахтом, в конце года, Канделаки заявил, что готов вступить в переговоры относительно улучшения взаимных отношений¹⁹⁹.

Однако в начале 1937 г. Нейрат сообщал Шахту, что предложения СССР Гитлером отклонены. Причинами являются советско-французский договор о взаимной помощи и деятельность Коминтерна²⁰⁰. Месяц спустя Суриц сообщал, что Шахт предвидит, «что очень скоро Германия лишится советской нефти и марганца, заменить которые будет «чертовски трудно»»²⁰¹. Отказ в поставках Советскому Союзу приборов фирмы «Цейс» вызвал неодобрение Шахта²⁰². Тем не менее советский полпред в Берлине в очередной беседе с главой политического департамента германского МИДа Вайцзеккером снова подчеркивал, что СССР является сторонником «создания нормальных отношений с Германией и не против хороших. Однако для этого необходимо, чтобы германское правительство прониклось сознанием необходимости конкретного пересмотра своей нынешней политики в отношении нас»²⁰³.

Слухи о переговорах между СССР и Германией, отмечает А. Некрич, широко дискутировались в европейских политических кругах и прессе²⁰⁴. Литвинов даже был вынужден предложить советским представителям в Праге и Париже опровергнуть подобные сообщения. Предлагалось использовать в качестве доказательства факт отзыва полпреда Сурица и торгпреда Канделаки из Берлина²⁰⁵. Слухи были выгодны прежде всего Германии. Поскольку, указывает А. Некрич, перспективы советско-германского сближения Гитлер использовал для запугивания Англии²⁰⁶. Фюрер в своих интересах развивал мысль германского посла в Советском Союзе Г. Дирксена, писавшего в начале 1933 г. Гитлеру: «Мы должны бороться против своей политической изоляции, и в этой борьбе наши договоры и соглашения с

Россией должны быть и дальше тем трамплином, который принес нам столько политических выгод»²⁰⁷. В 1937 г. Гитлер откровенно шантажировал Англию угрозой дружбы с Советской Россией.

Так, германский военный атташе в Лондоне Гейер говорил начальнику имперского генерального штаба Диллу о довольно сильных прорусских тенденциях в германской армии и о том, что германо-советское соглашение может стать свершившимся фактом, если оно не будет предотвращено взаимным пониманием между Англией и Германией. В Лондоне, по данным А. Некрича, действительно полагали, что курс на сближение с СССР пользуется поддержкой рейхсвера, Шахта и группы промышленников, заинтересованных в развитии германо-советских экономических отношений, и даже части нацистской партии, но сам Гитлер решительно выступает против всяких отношений с СССР, за исключением коммерческих²⁰⁸.

Великобритания отвечала тем, что демонстративно придерживалась политики коллективной безопасности. По данным, приводимым А. Некричем, *в Форин Оффисе опасались, что если система коллективной безопасности рухнет, следует ожидать полного изменения советско-германских отношений в сторону сближения. Предотвратить советско-германское сближение может только политика коллективной безопасности*²⁰⁹.

Очередной проверкой, отражающей подлинные интересы сторон, стоящие за фасадом их внешнеполитического политеса, стала Испания.

NO PASARÁN!

В июле 1936 г. в Испании вспыхнул мятеж генерала Франко, направленный на свержение избранного в феврале того же года социалистического правительства. На помощь Франко пришли Германия и Италия. Испанское правительство обратилось за помощью к Лиге Наций. А. Симон, присутствовавший на том заседании Совета Лиги, вспоминал: «Республиканская Испания требовала применения 16-й статьи устава Лиги, предусматривающей коллективную помощь против агрессии. Лорд Галифакс в весьма холодном тоне заявил, что Великобритания не намерена присоединиться к предложению испанского делегата... «Нет», произнесенное среди мертвой тишины лордом Галифаксом и Ж. Боннэ, прозвучало, как пощечина... Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию»²¹⁰. Причины «Нет» лидера палаты лордов, заместителя премьер-министра Англии и министра иностранных дел Франции проявились довольно скоро:

Франко провозглашал: *«Наша война... Это крестовый поход... — война религиозная. Мы, все, кто ведет сражение... солдаты Бога, и мы сражаемся не против людей, а против атеизма и материализма»*²¹¹. Своей целью он ставил *«крестовый поход за освобождение Испании от безбожных московских орд»*²¹². Что касается Италии и Германии, то «причина вмешательства Италии повторялась итальянски-

ми дипломатами в течение всей гражданской войны: Италия «была не готова к появлению коммунистического государства» в Испании»²¹³. В свою очередь Вайцзеккер, глава политического департамента германского МИДа, отмечал: «Цель Германии, так же как и Италии, одна. Мы не хотим коммунистической Испании»²¹⁴. Министр иностранных дел Германии Нейрат: «Мы никогда не допустим победы в гражданской войне теперешнего правительства Испании. Это — коммунизм, а мы никогда не допустим этого ни в одной европейской стране»²¹⁵.

Сам Гитлер заявлял, что война Франко — это война против коммунизма, «старого, заклеянного каиновой печатью врага человечества»²¹⁶. Гитлер живописал «жестокую массовую расправу с офицерами-националистами, сжигание облитых бензином офицерских жен, истребление детей, в том числе и грудных, чьи родители были из националистического лагеря». Он предрекал такие же ужасы Франции, где у власти было правительство Народного фронта²¹⁷. А. Розенберг, глава политического отдела НСДАП, в очередной своей речи нападал на «коммунистическую систему и предупреждал об опасности, угрожающей всей западной цивилизации. Но он не нападал на демократические страны»²¹⁸. Почему? —

Весной того же 1936 г. во Франции на всеобщих выборах победил Народный фронт, во главе правительства встал социалист Л. Блюм. «Вскоре начались забастовки и захваты заводов. Британским тори, — по словам М. Карлея, — казалось, что Франция погружается в пучину социализма. Французским консерваторам казалось, что за фасадом Народного фронта скрываются коммунисты. Доклады британских дипломатов из Парижа представляли собой гнетущее чтение для Форин оффиса»²¹⁹. В августе 1936 г. Иден пометил на одном из докладов: «Когда читаешь это сообщение, прямо-таки чувствуешь, как Франция «краснеет»...». В сентябре британское посольство в Париже представило доклад о «советизации во Франции»²²⁰. Но «если Народный фронт лишил тори

равновесия, то испанская гражданская война просто выбила из колеи», — отмечает М. Карлей²²¹. Масла в огонь подливала «New York Times», утверждавшая, что при победе республиканского правительства очень скоро к власти могут прийти коммунисты²²².

Сам «Блюм опасался, что активная поддержка Испанской республики будет способствовать радикализации политической обстановки в самой Франции, в результате чего социалистам придется уступить руководящую роль компартии, которая особенно решительно требовала оказания помощи законному испанскому правительству»²²³. Аналогичного мнения был и Гитлер, о чем говорят его слова, сказанные Риббентропу: «Если создать коммунистическую Испанию действительно удастся, то при нынешнем положении во Франции большевизация и этой страны тоже всего лишь вопрос времени... Тогда нас заклинивают между мощным советским блоком на Востоке и сильным франко-испанским на Западе... мы не можем здесь рисковать. Тем более что со времени появления крупного социального вопроса нашего века текущую политику надо подчинять его интересам. Речь о будущей судьбе нацизма как альтернативы большевизму...»²²⁴. Кадоган спустя несколько лет писал, осуждая французский Народный фронт 1936 г. и «красное» правительство в Испании: «... миллионы людей в Европе (я не исключаю и себя) до сих пор думают, что эти вещи были ужасны»²²⁵.

Даже У. Черчилль, несмотря на свою антиправительственную риторику, в Испанском конфликте встал на его сторону: «Нам предстоит бороться против зверя социализма, и мы будем в состоянии справиться с ним куда более эффективно, если будем действовать как единая стая гончих, а не как стадо овец»²²⁶. О составе этой стаи гончих Дж. Оруэлл писал: *«Самое непостижимое в испанской войне — это позиция великих держав... самым подлым, трусливым и лицемерным способом английские правящие классы отдали Испанию Франко и нацистам. Почему? Самый простой*

ответ: потому что были профашистски настроены. Это, вне сомнения, так...»²²⁷. Близкого мнения, по всей видимости, был и У. Додд. Так, после очередной встречи с английским послом Э. Фиппсом, американский отмечал: «я обнаружил в нем больше симпатий к фашистской клике в Испании, чем прежде. Теперь я убежден, что он почти фашист, как и Болдуин и Иден»²²⁸. Говоря о другом представителе правящего класса Британии, У. Додд отмечал: «Лорд Лотиан, в прошлом Ф. Керр, секретарь Ллойд Джорджа во время мировой войны... (теперь) восхвалял Гитлера... Он кажется мне самым закоренелым фашистом из всех англичан, с которыми мне приходилось встречаться»²²⁹. Аналогичных взглядов придерживался другой американский посол — Дэвис который воспринимал англичан, как антисоветчиков²³⁰. Французский посол в Берлине Р. Кулондр выражался мягче, он «не одобрял точку зрения англичан на нацизм...»²³¹

Дж. Оруэлл, вернувшись в Англию после участия в гражданской войне в Испании, писал: «...не верьте ничему или почти ничему из того, что пишется про внутренние дела в правительственном лагере. Из каких бы источников ни исходили подобные сведения, они остаются пропагандой, подчиненной целям той или иной партии,— иначе сказать, ложью. Правда о войне, если говорить широко, достаточно проста. Испанская буржуазия увидела возможность сокрушить рабочее движение и сокрушила его, прибегнув к помощи нацистов, а также реакционеров всего мира. Сомневаюсь, чтобы когда бы то ни было удалось определить суть случившегося более точно. Помнится, я как-то сказал Артуру Кестлеру: «История в 1936 году остановилась»,— и он кивнул, сразу поняв, о чем речь»²³².

«Страсти разгорались как политические, так и экономические. Испания экспортировала в деньгах не так уж и много — примерно... на 40 млн. долларов. Но она давала 45% мировой добычи ртуту, более 50% пирита, поставля-

ла железную руду, вольфрам, свинец, цинк, серебро. Тут прочно обосновались капиталы Англии и Франции (включая обе ветви Ротшильдов). Выходит, и капиталы Соединенных Штатов. Социализм в Испании, — отмечает С. Кремлев, — такой компании был ни к чему, не допускалась даже малейшая его угроза. Буллит, перебравшийся из московского посольства США в парижское, недаром нажимал на французского министра иностранных дел Дельбоса, чтобы Франция, не дай бог, не помогла Испании»²³³. «Арифметика простая, — пишет С. Кремлев, — акция английской компании «Рио Тинто» накануне мятежа стоила 975 франков, во время наступления фалангистов каудильо на Мадрид — 2600, после успехов итальянцев под Гвадалахарой — 3400, а после их поражения там — 2500 франков. Как только фалангисты заняли Бильбао, английская «Орконера» возобновила вывоз оттуда железной руды, а Франко получил кредит в миллион фунтов стерлингов»²³⁴.

Правда, в данном вопросе интересы Лондона и Парижа пересекались с устремлениями Германии и Италии. Последнее также претендовало на получение своей доли. Они требовали от Франко экономических компенсаций за оказанную помощь, в виде режима наибольшего благоприятствования и передачи им горнорудной промышленности*. Гитлер заявлял, что «поддерживает Франко лишь для того, чтобы получить доступ к испанским залежам железной руды»²³⁵.

Еще более серьезно интересы стран пересекались в вопросе о Гибралтаре — ключе от Средиземного моря, а следовательно, от всей Северной Африки и Ближнего Востока. Кто владел этим ключом, тот господствовал в регионе. Италия и Германия в случае успеха становились первыми претендентами на англо-французское колониальное наследство. В этой связи, например, Ллойд Джордж выступал в

* В 1937 г. Германия импортировала из Испании 1,6 млн. т. металла, 0,96 млн. т. пиритов. В конце 1937 г. ежемесячный импорт Германии из Испании составлял 10 млн. марок. (Хью Т... с. 421-422).

поддержку республиканского правительства, заявляя своим избирателям: «Вы патриоты или нет? Вы хотите победы Франко? Вы хотите, чтобы наши коммуникационные пути зависели от милости Италии и Германии? Или вы совершенно забыли об интересах империи?»²³⁶ Эта угроза поколебала даже антисоветские настроения официального Лондона и Парижа. Подпред СССР в Берлине Суриц в то время докладывал: «Безмерное злоупотребление советской угрозой, принявшее особенно неслыханные размеры в связи с испанскими событиями, значительно притупляется от того бесспорного факта, что германская агрессия последнего времени в первую очередь задевает интересы западных стран»²³⁷. Планы Гитлера между тем шли еще дальше, ведь фашистская Испания завершала окружение Франции. Не случайно меморандум германского МИДа гласил: «Европейский конфликт, в котором ось Берлин — Рим будет противостоять Англии и Франции, приобретет совершенно иной вид, если сильная Испания присоединится к оси Берлин — Рим»²³⁸.

Официальный Лондон и Париж не могла не тревожить активность Гитлера и Муссолини в делах Франко, но без них невозможно было подавить распространение социализма. Так, советник немецкого посольства в Мадриде Швендеман сообщал: «Развитие обстановки в начале мятежа... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников»²³⁹. Недаром Франко сразу запросил помощи у Гитлера и Муссолини. Даже спустя год 22 мая 1937 г., Франко признавал, если согласиться на перемирие, то свободные выборы приведут к созданию «левого правительства», что будет означать конец «белой Испании»²⁴⁰.

Чемберлен по этому поводу позже напишет: «Я обдумал всевозможные формы ответных действий, и мне абсолютно ясно, что ни одна из них не будет эффективной, если мы не собираемся воевать с Франко... Конечно, может дойти и до этого, если он окажется совсем глупым»²⁴¹. Идеальное решение дилеммы для Англии высказал Иден — обеспечить по-

беду Франко, после чего добиться соглашения о выводе итальянских и немецких войск²⁴².

Париж, в отличие от Лондона, не имел времени на раздумья, он должен был предпринимать решительные действия с первых дней. И Париж действовал. С самого начала, пока силы мятежников были невелики и, по мнению французских военных, хватило бы 50 самолетов, чтобы их остановить, Франция отказалась отдать испанскому правительству эти самолеты, оплаченные задолго до мятежа. 8 августа правительство Блюма официально запретило вывоз самолетов и вооружения в Испанию. Мало того, Франция обратилась к другим странам заключить соглашение о «невмешательстве», которое на деле санкционировало интервенцию Италии и Германии в Испанию²⁴³. Но формальных поводов для отказа не было, и 9 сентября был создан Международный комитет по невмешательству, в который вошли 27 государств, в том числе и СССР.

Правда, «русские были готовы обсудить пути и способы помощи республиканской Испании и договориться о необходимых мероприятиях на тот случай, если оказание помощи Испании привело бы к всеобщему конфликту...». Но предложения советского правительства, сделанные еще до соглашения о невмешательстве, были отклонены²⁴⁴. «Мотивы Сталина, заставлявшие его присоединиться к соглашению о невмешательстве, — по мнению Т. Хью, — заключались главным образом в желании вступить в альянс с Францией и Англией»²⁴⁵. Отношение Франции к этому вопросу вполне определенно в октябре 1936 г. продемонстрировал Леже, который «намекнул советскому поверенному в делах, что франко-советские отношения могут пострадать, если Советский Союз не будет придерживаться менее агрессивной политики в Испании»²⁴⁶.

Были и другие причины, по которым СССР вступил в комитет по невмешательству. О них Сталину докладывал замнаркома иностранных дел Н. Крестинский: «Мы не можем не

дать положительный или дать уклончивый ответ, потому что это будет использовано немцами и итальянцами, которые этим нашим ответом будут оправдывать свою дальнейшую помощь повстанцам»²⁴⁷. 28 августа 1936 г. Сталин запретил экспорт военного снаряжения в Испанию. Между тем поставки оружия Германией и Италией националистам продолжались. В ответ 24 октября НКВД заявил, что СССР не может считать себя «связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем любой из участников». Соглашение превратилось «в ширму, прикрывающую военную помощь мятежникам», и СССР будет считать себя свободным от обязательств, если немедленно не прекратится помощь Франко со стороны Германии и Италии²⁴⁸. Сталин возобновил поставки оружия республиканцам, и в критические дни ноября, по мнению Т. Хью, именно организованная международная поддержка коммунистов, т.е. Коминтерна и СССР, спасла Мадрид.

Однако позиция Сталина на этот раз для многих оказалась неожиданной, в том числе и коммунистов. Среди них был Дж. Оруэлл: *«Что же до русских, цели, которые они преследовали в испанской войне, совершенно непостижимы... отчего их участие было столь ничтожным... они сделали все от них зависящее, чтобы подавить испанское революционное движение, защитить частную собственность и предоставить власть не рабочим, а среднему классу?... Уверен, со временем выяснится, что внешняя политика Сталина, претендующая выглядеть дьявольски умной, на самом деле представляет собой примитивный оппортунизм»*²⁴⁹. Действительно, как отмечает Т. Хью: «установление коммунистического режима в Испании противоречило сдержанной позиции Сталина»²⁵⁰. «Оппортунизм» Сталина по видимому объяснялся, как минимум тремя причинами:

— Во первых, на выборах 1936 г. в Испании коммунисты получили всего 4% голосов избирателей, аналогичная ситуация была на выборах во Франции. В обеих странах победили

объединенные Народные фронты, включавшие и коммунистов, но главной их силой были социалисты. Народные фронты стали создаваться Коминтерном, после выборов 1932-33 гг. в Германии, где доля коммунистов достигала 30%, но тем не менее к власти пришел Гитлер. По замыслу Сталина и Димитрова Народные фронты должны были стать объединением всех левых сил против угрозы фашизма. И Сталин последовательно помогал испанскому Народному фронту, победившему на выборах.

— Во вторых, сталинский коммунизм незаметно, но неуклонно эволюционировал... — в сторону государственного капитализма. За внешними агитационной атрибутикой, террором и тоталитаризмом эти изменения были далеко не столь заметны. Но те, кто смотрел в глубь вещей, например Ф. Рузвельт, отмечали, что «Советский Союз перерастает из тоталитарного государства в социал-демократию»²⁵¹.

— В третьих, левых коммунистов, к которым относился Дж. Оруэлл, сражавшийся в рядах троцкистской РОУМ, объединял лозунг «мировой революции». Сталин давно уже отказался от него и строил национальное государство. Так, Дирксен еще в 1933 г. замечал: «Большевизм в России не вечен. Процесс развития национального духа, который показывается теперь во всем мире, охватит в конечном итоге и Россию»²⁵². Мало того, условием развития и самого выживания Советской России было укрепление отношений с Западом. Призыв к «мировой революции» подрывал эти отношения, превращая СССР в угрозу мировой цивилизации. И Сталин боролся с левой оппозицией, как в Испании, так и внутри страны, чем во многом объяснялись репрессии в СССР того времени.

Т. Хью отмечал, что в течение 1934—1935 гг. и особенно 1936 г. «Советский Союз отчаянно старался заключить союз с Англией и Францией, направленный против Гитлера»²⁵³. Д. Данн пришел к аналогичному мнению: «Коллективная безопасность и Народный Фронт были двумя стратегичес-

кими направлениями, целью которых было разбудить Запад и разорвать изоляцию Советского Союза, — при этом отмечает Данн, — Кроме того, Сталин ставил перед собой еще одну задачу: заключить союз с нацистской Германией»²⁵⁴.

Действительно, целью Сталина было заключение союза, но не сепаратного, а следуя логике коллективной безопасности, со всеми странами, включая Англию, Францию, Германию и Италию. О чем Сталин и Молотов неоднократно публично заявляли. У этой политики были противники не только на Западе, но и среди левой оппозиции внутри СССР. Так, левая пресса, которую, например, представляла бухаринская газета «Известия» и журналисты, такие как Л. Кайт и Кольцова, призывали уничтожить «фашистский ад» и провозглашали: «клянемся поставить на председательское место в рейхстаге урну с прахом Клары Цеткин», «готовься к смертельной схватке, пролетарий»...²⁵⁵. Антифашистская риторика стала одной из причин того, что вскоре Германия, Японии и Италия заключили «Антикоминтерновский пакт»²⁵⁶.

Обострение противостояния фашизм — коммунизм неизбежно вело к общеевропейской войне, что было не в интересах Сталина. Т. Хью даже обвинял Сталина в том, что он оказывал недостаточную помощь республиканцам, боясь, что в этом случае война вырвется за пределы Испании²⁵⁷. Действительно, *политику Сталина в этот период можно назвать «политикой силового сдерживания» Германии и поиска всевропейского компромисса, позволившего бы остановить наступавшую войну.*

Англия и Франция тем временем шли своим путем. По словам Т. Хью: «При Чемберлене британское правительство стало искать способы умиротворения Гитлера и Муссолини куда более активно, чем при Болдуине»²⁵⁸. Против выступал один Ллойд Джордж, который предостерегал свое правительство от участия в «воровской сделке между диктаторами». Он заявлял, что для Англии лучше начать войну теперь, чем позорно капитулировать перед фашизмом²⁵⁹. Но правительство

Чемберлена продолжало проводить свою политику, стремясь задобрить — «умиротворить» Муссолини и Гитлера «любой ценой»²⁶⁰. Галифакс в то время уверял Г. фон Дирксена, что Британия «ни в коем случае не желала бы вызвать неприязненных чувств в Германии»²⁶¹.

Одним из шагов политики «умиротворения» стал предложенный Англией план за контролем политики невмешательства, т.е. попыткой установить «эффективный контроль, после чего прекратить снабжение Испании». Республиканцы сочли эти действия за оскорбление: «Мало того, что Германия и Италия без всяких препон доставляли оружие националистам, так теперь они получают право препятствовать таким поставкам. Законченное издевательство»²⁶². Оружие Германия и Италия поставляли через Португалию, где диктатор Салазар активно поддерживал Франко. Когда же 13 мая на Совете Лиги Наций Советский Союз призвал к пересмотру политики невмешательства и призвал к действиям. Против проголосовали Англия, Франция, Польша и Румыния, остальные девять держав, входивших в Совет, воздержались²⁶³. Республиканцы были обречены. Между тем, по мнению американского посла, именно: «Победа республиканцев в Испании может приостановить процесс установления диктаторских режимов в Европе и привести к падению Гитлера и Муссолини»²⁶⁴.

Сами США тем временем формально также присоединились к политике «умиротворения», проголосовав за Акт о запрете поставок оружия в Испанию. Он сразу получил одобрение Франко и Гитлера²⁶⁵. В Сенате против акта выступил только сенатор Най. В палате представителей также только один человек проголосовал против. «Этот инакомыслящий, Бернард, заявил, что данный акт лишь формально нейтральный, а на деле «мешает демократической Испании воспользоваться ее законными международными правами в то время, как ее атакуют орды фашистов»»²⁶⁶. У. Додд находившийся в Берлине признавал, что «американский нейтралитет означает германо-итальянское господство в Испании.

Это, по-видимому, так и будет, если только Франция не пошлет десятки тысяч солдат и сотни самолетов в Мадрид»²⁶⁷.

Следующим шагом на пути «умиротворения» стал подписанный 16 апреля 1938 г. англо-итальянский пакт о Средиземноморье, согласно которому Италия обязалась вывести свои войска из Испании после окончания войны. На этот раз даже У. Черчилль* не выдержал и заявил Идену: «Это полный триумф Муссолини, который получил наше сердечное согласие на укрепление своих позиций в Средиземноморье, направленных против нас, на военные действия в Абиссинии, на насилие в Испании»²⁶⁸. Даладье не отставал от своих островных соседей и, следуя политике умиротворения, отменил планировавшееся еще в 1936 г. заключение технических соглашений с СССР, поскольку опасался, что подобные мероприятия дадут немцам повод говорить об окружении Германии²⁶⁹.

«После Мюнхенского соглашения, — отмечает Т. Хью, — стало ясно, что Англия и Франция никогда не вступят в войну ни из-за Испании, ни из-за какой-либо другой страны»²⁷⁰. Мюнхен развязал немцам руки, до него они были убеждены, что их серьезное вмешательство в испанский конфликт перерастет в общеевропейскую войну²⁷¹. В решающие дни Германия начала массивные поставки вооружения в Испанию.

Франция же, наоборот, закрыла границу с Испанией, а итальянские подлодки топили советские корабли с оружием для республиканцев. В итоге к концу 1938 г. сложилась ситуация, о которой Д. Ибаррури писала: «соотношение вооружений республиканцев к франкистам по самолетам 1:15, по артиллерии 1:30, по танкам 1:35, по пулеметам 1:15. В то время как слабо вооруженные республиканские солдаты, истекая кровью, сдерживали натиск вооруженного до зубов врага, во Франции лежали закупленные испанским республиканским правительством пулеметы, орудия, самолеты, которые

* К середине 1938 г. У. Черчилль уже проникся симпатиями к республике.

французские власти не разрешали перевезти в республиканскую Испанию*»²⁷². Впрочем, и до этого, как вспоминал позже адмирал Н. Кузнецов «транспортировка военных грузов по территории Франции требовала наших значительных усилий, а нередко и «жирной смазки» чиновников железных дорог»²⁷³.

За всю войну стороны поставили сравнимое количество оружия. Следует учитывать, что, кроме СССР, оружие республиканцам поставляла Мексика, частные лица и компании из Америки, Англии и других стран**.

Поставки вооружения в Испанию (имеющиеся данные)²⁷⁴.

	орудия	танки	автомашины	самолеты	винтовки, тыс. шт.	пулеметы	патроны, млн. шт.
Италия	2000	700	12 000	1000	240	10 000	325
Германия	700	200	н/д	650	н/д	н/д	н/д
СССР ¹	1555	362	120*	806	500	15 000	862

*бронемашин (поставки советского оружия оплачивались за счет золотого запаса Испании. 510 т испанского золота прибыло в

* В то время в Марселе находилось 10 тыс. пулеметов, 600 самолетов, 500 орудий... поставленных СССР, однако французское правительство отказалось пропустить их через свою границу, а доставка морем была невозможна из-за морской блокады националистов. (Хью Т... с. 537).

** СССР был вынужден помогать и на другом конце мира. 7 июля 1937 г. началась борьба Китая против японского вторжения. Советские летчики-добровольцы сражались в китайском небе. К марту 1938 г. СССР поставил в Китай 282 самолета. Чан Кайши писал Сталину: «Вопрос с самолетами не терпит отлагательства. В настоящее время в Китае не осталось и десяти легких бомбардировщиков». 82 советских танка Т-26 составили первую китайскую механизированную дивизию. (Кремлев С. Путь к пакту. С. 199).

Одессу 5 ноября 1936 г. Т. Хью утверждает, что СССР воспользовался испанским золотом в своих целях. (Хью Т. С. 305.). Однако, когда этот запас к концу 1938 г. был исчерпан, СССР продолжил поставки в счет кредита в 85 млн. долл., который он предоставил республиканцам.)

Проблема на этот раз была в другом, не в оружии, а в уровне профессионализма в его использовании. На помощь Франко Гитлер и Муссолини бросили регулярную армию, Германия легион Кондор — 50 тыс. солдат, Италия — 150 тыс. Против них в интербригадах сражалось примерно 40 тыс. добровольцев 35 национальностей, большей частью не имевших профессиональной военной подготовки. Как пишет Т. Хью, скоро «идеалы добровольческой армии вступили в болезненное столкновение с потребностями войны... жестокий режим был чужд идеализму и у молодых англосаксонских и скандинавских романтиков вызывал отвращение. К этому они не были готовы»²⁷⁵. Исключение составляли, пожалуй, только советские военспецы, но их количество не превышало 3,5 тыс. человек²⁷⁶. Костяк республиканской армии составляла прежняя милиция. Мятеж же Франко опирался на регулярную испанскую армию. Отмечая этот факт, Ф. Конде говорил Франко в 1938 г.: «Если бы не регулярные войска, я очень сомневаюсь, были бы вы сейчас на этом месте»²⁷⁷.

Тем временем Франция передала франкистам на 7,5 млн. ф. ст. золота республиканцев, хранившегося в банках Франции, оружие интернированной во Франции республиканской каталонской армии и т.д. в обмен на заверения франкистского министра иностранных дел Хорданы, что иностранные державы будут не допущены во внутренние дела Испании. 9 февраля 1939 г. английский крейсер «Девоншир» поддержал франкистский десант на остров Менорка, а 27 февраля Англия и Франция разорвали дипло-

матические отношения с Республикой и признали Франко. Причину объясняла газета «La République»: «Признавая Франко, мы получаем право надеяться на то, что в более или менее короткий срок он попытается уйти из-под влияния своих прежних союзников. Не признавая его, мы определенно имели бы его против нас»²⁷⁸.

Папа римский по случаю победы Франко послал ему свое приветствие: «Обращая наши сердца к Богу, мы приносим искреннюю благодарность Вашему сиятельству за победу католической Испании»²⁷⁹. 1 апреля Франко признали США. Единственной из великих держав, не признавшей Франко, была Советская Россия.

После окончания войны Франко развязал жестокий террор против республиканцев. В тюрьмы было брошено до 2 млн. человек, более ста тысяч убито. В ответ на обвинения, в отсутствие реакции на этот террор со стороны английского правительства, первым признавшего Франко, 9 марта 1939 г. Галифакс заявил в палате лордов, что ни одна страна, кроме Испании не может судить виновен ли хоть один испанец в преступлениях или нет. Кроме этого, британская помощь в эвакуации республиканцев, — по словам министра иностранных дел, — осложнила примирение с победителями²⁸⁰.

Официально признавая Франко, Чемберлен не известил об этом даже палату общин. И не случайно против признания выступили лейбористы и либералы. Эттли: *«В этом поступке мы видим откровенное предательство демократии, завершение двух с половиной лет лицемерной политики невмешательства, которая на самом деле потворствовала агрессии.* И это всего лишь один шаг по пути, на котором правительство его величества не просто продавало, а предавало постоянные интересы своей страны. Оно ничего не делало, чтобы восстановить мир или прекратить войну, а заявляло всему миру, что тот, кто не будет применять силу, всегда будет удостоен дружбы британского правительства»²⁸¹.

Голландский посланник был потрясен случившимся: «Возможно, в нашей жизни уже не будет счастливых дней. Все лишились рассудка. Англичане за последние три года совершили величайшие ошибки в своей истории!»²⁸² Посланник продолжал: «Мы все убеждены, что Германия в подходящий для себя момент намерена аннексировать нашу страну, а также Швейцарию и другие страны, где в Средние века германские народы жили или оставили свое потомство... *Если ваша страна (США), Англия, Франция и Россия не будут действовать совместно, чтобы сохранить мир, новая мировая война станет неизбежной*»²⁸³.

Осенью 1938 г. появилась статья В. Гальянова «*Международная обстановка второй империалистической войны*». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин. Статья отражала внешнеполитическую доктрину Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась²⁸⁴. В том же году офицер германского ВМФ Г. Клотц начинал написанную по горячим следам книгу «Уроки гражданской войны в Испании» словами: «*на испанской территории идут первые бои новой европейской войны, которая без всякого объявления идет уже полным ходом*»²⁸⁵. А в 1939 г. выходит книга начальника отдела боевой подготовки Красной Армии С. Любарского «Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании». Начиналась книга фразой: «*Боевые действия на испанском участке второй империалистической войны закончились*»²⁸⁶.

5 октября 1937 г. Рузвельт произнес так называемую «карантинную речь», означавшую начало отхода от официального изоляционизма: «К сожалению, эпидемия беззакония распространяется. Отметьте это себе хорошенько! Когда начинается эпидемия заразной болезни, общество решает объединиться и установить карантин больных, чтобы предохранить себя от болезни»²⁸⁷. А. Шубин в связи с этим отмечает: «Вроде бы в речи говорилось об изоляции от войны («изоляционизм»), но с приме-

нением силы. А чтобы устанавливать карантин, Америка должна была выйти за пределы американского континента»²⁸⁸.

Сущность политики «карантина» пояснял У. Додд: *только «подлинное сотрудничество между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Россией представляет собой единственный путь сохранения всеобщего мира.* Несомненно одно: если демократические страны будут и дальше придерживаться своей обычной политики изоляции, тоталитарный строй распространится на всю Европу и Азию. Гитлер и Муссолини спекулируют на страхе народов перед возможностью новой войны и рассчитывают, держа всех в страхе, прибирать к рукам все, что угодно. Боюсь, что они не ошибаются в этой оценке»²⁸⁹. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарт тогда замечал: «Нынешний режим в Германии обязательно развяжет новую европейскую войну, как бывало не раз, стоит ему почувствовать себя достаточно сильным»²⁹⁰.

События не заставили себя ждать:

Австрия

12 марта 1938 г. Гитлер въезжал в Австрию. Повсюду его встречали восторженные и ликующие толпы, кардинал Иннитцер приветствовал Гитлера и призывал голосовать за аншлюс²⁹¹. 15 марта в Вене при безбрежном стечении соотечественников Гитлер объявил об аншлюсе (включении в рейх) Австрии. На улицах немецких офицеров заваливали цветами.

Еще за двадцать лет до этого, в 1918 г., Австрийское национальное собрание единогласно выступило за австрийскую республику в рамках Большой Германии. В 1919 г. австрийское Учредительное собрание поддержало это решение. Однако усиление Германии за счет Австрии не входило в планы союзников. Поэтому в нарушение своего же принципа «о праве наций на самоопределение» страны Антанты на основании Сен-Жерменского договора запретили объединение двух стран.

Спустя месяц Австрийское национальное собрание единодушно опротестовало это решение, направленное против чаяний австро-германского народа «обрести экономическое, культурное и политическое единство со своим германским отечеством». В поддержку Австрии Веймарская ассамблея приняла решение, по которому «германская Австрия должна войти в состав Германского рейха на правах союзной земли». В 1921 г. Австрийское национальное собрание организовало референдум по проблеме аншлюса. Под давлением стран победительниц федеральный референдум был отменен, но он частично прошел на провинциальном уровне, «за» проголосовало более 90% населения. Но союзники нашли «слабое место» — в 1922 г. Австрии, находившейся в полной экономической зависимости от стран победительниц, был обещан международный заем, в обмен на отказ от идеи объединения²⁹².

Нацистская партия в Австрии была запрещена, а к власти пришла диктатура. Однако идея совсем не умерла. Так, в 1931 г. появился проект австро-германского таможенного союза, за ним последовали другие шаги, направленные к аншлюсу. С приходом Гитлера процесс интенсифицировался. Так, уже в июле 1934 г. он инициировал, при поддержке австрийских нацистов, вооруженный путч в Вене, закончившийся убийством канцлера Дольфуса, а в 1936 г. Гитлер объявил Австрию «вторым немецким государством».

Нарыв созрел к 1938 г., предчувствуя неизбежное, канцлер Шушниг отправился в Париж, Лондон и Женеву. Но, как отмечает Ф. Папен, его «визиты имели мало успеха, и ему не удалось получить гарантий австрийской независимости»²⁹³. Накануне решающих событий Гитлер послал Риббентропа в Англию, чтобы узнать мнение последней по данному вопросу. 10 марта Риббентроп сообщал Гитлеру, что «Англия останется безучастной в отношении Австрии»²⁹⁴. Впрочем, зондаж был лишь перестраховкой. Годом раньше, по данным У. Додда, английский посол заявил, что Австрия, будучи нацист-

ской, должна быть присоединена к Германии*. Это тотчас было сообщено австрийскому канцлеру²⁹⁵. Галифакс в ноябре того же года заявлял: «Английский народ никогда не поймет, почему он должен вступить в войну из-за того, что два германских государства хотят действовать сообща»²⁹⁶.

11 марта Гитлер предложил Шушнигу подписать документ, который, по словам Ф. Папена, был «равнозначен ультиматуму»²⁹⁷. Деваться канцлеру было некуда, после этого в Вене произошел «тихий» дворцовый переворот. Шушниг передал власть новому канцлеру, который немедленно призвал на помощь Германию. На следующий день «Фелькишер беобахтер» сообщала: «Немецкая Австрия спасена от хаоса». В ней были помещены сочиненные Геббельсом невероятные рассказы о «красных» беспорядках в Вене...»²⁹⁸. На плебисците, проведенном 10 апреля, 99% австрийцев проголосовали за аншлюс. Впрочем американский корреспондент У. Ширер, в данном случае, не слишком верил в силу демократии, утверждая, что те австрийцы, «которые 13 марта сказали бы «да» Шушнигу**, 10 апреля скажут «да» Гитлеру»²⁹⁹.

«Известия» в те дни опубликовали карикатуру, на которой Гитлер был изображен в виде шакала, терзающего Австрию. Подобное отношение продемонстрировала не только советская, но и пресса многих других стран. Гитлер по этому поводу заявлял: «Иностранные газеты заявляют,

* Примечательно, что Шушниг пытался спастись сыграв на царивших, антикоммунистических настроениях, и тем самым купить лояльность Гитлера и Запада. Полпред СССР в Австрии Лоренц доносил Литвинову еще до аншлюса, 28 февраля 1938 г.: «Речь Шушнига многое выяснила... Там имеется место, которое в скрытом виде содержит резкий выпад против нас. Он подчеркивает, что корректуре подлежат границы континентов. Здесь, в Вене, это заявление Шушнига понимают как желание подчеркнуть, что из границ Европы надо исключить СССР, не допуская его влияния на европейские дела». (Кремлев С. Путь к пакту... с. 218-219)

** Шушниг, пытаясь предотвратить развитие событий и опередить Гитлера, назначил на 13 марта плебисцит, надеясь, что австрийцы проголосуют против аншлюса. Гитлер не стал дожидаться судьбы и предъявил Шушнигу ультиматум о передаче поста канцлера Зейсс-Инкварту.

что мы коварно напали на Австрию. На это я могу сказать одно: даже умирая, они не перестанут лгать. За время своей политической борьбы я завоевал любовь своего народа. Но когда я пересек границу с Австрией, я был встречен с такой любовью, какой раньше нигде не встречал. Мы пришли не как тираны, а как освободители»³⁰⁰.

17 марта Литвинов выступил с официальным заявлением, где говорилось о «насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости». В тот же день «Советское правительство предложило созвать международную конференцию. Под эгидой Лиги Наций или вне ее для обсуждения мер, которые могли бы предотвратить дальнейшую агрессию Гитлера. Чемберлен воспринял перспективу подобной встречи довольно холодно и публично отклонил это предложение: «Такие действия, — заявил он, — неизбежно приведут к тому, что усилится тенденция к образованию групп государств... что само по себе враждебно перспективам мира в Европе»³⁰¹. Очевидно, он не придавал значения оси Берлин — Рим и Антикоминтерновскому пакту или не захотел его придавать, отмечал по этому поводу У. Ширер. *В том же выступлении Чемберлен отклонил предложение, по которому Британия гарантировала бы помощь Чехословакии в случае нападения на нее, но и отказался помочь Франции, если последней придется выполнить свои обязательства по франко-чешскому пакту*³⁰². В апреле 1938 г. Великобритания и США признают аншлюс Австрии.

ТАЙНА МЮНХЕНА

План операции «Грюн» — внезапного нападения на Чехословакию Гитлер подписал 24 июня 1937 г. Подготовка к его осуществлению началась сразу после легкого аншлюса Австрии³⁰³. Этот шаг не был полной неожиданностью. Уже в 1924 г. был заключен явно антигерманский бессрочный франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе³⁰⁴. В 1935 г. он перерос в договор о взаимопомощи между Чехословакией, СССР и Францией. Премьер-министр Чехословакии Бенеш тогда предупреждал, что «его страна будет бороться за свою независимость, если ее союзники придут к ней на помощь; в противном случае ей останется только капитулировать, согласившись на «дружбу» с Германией. *Интересно, — замечал в этой связи У. Додд, — сомневается ли Бенеш в искренности французских и английских обещаний?*»³⁰⁵.

Обострение ситуации почувствовалось через два года. В начале 1937 г. советский посол В. Потемкин в письме к главе правительства Франции Л. Блюму предложил в случае отказа Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию, направить их во Францию морским путем. При этом посол интересовался, какая помощь будет оказана Францией, если Германия нападет на СССР³⁰⁶. Но Франция не реагировала, дух Ж. Барту ушел в прошлое. Ее настоящие настроения отражали слова министра иностранных дел Боннэ, сказанные чехословацкому послу Осускому в

июле 1937 г.: «Франция не будет воевать из-за Судетов... Ни в коем случае чехословацкое руководство не должно считать, что, если война разразится, мы будем на его стороне...»³⁰⁷. В декабре У. Додд записывал в своем дневнике: «Как наша современная цивилизация сползает к средневековью! Сегодня у меня был чехословацкий посланник; он страшно озабочен судьбой своей страны; *демократические страны ничего не предпринимают и тем самым дают возможность Муссолини, Гитлеру и Японии распространять свое влияние на весь мир*»³⁰⁸.

Чехословакия, несмотря на демократическую витрину, по сути была одной из минимперий*, возникших в Восточной Европе после Первой мировой войны и поддерживаемых силовым полем Версаля (к их числу можно отнести также Польшу, Румынию и Югославию)³⁰⁹. Риббентроп по этому поводу заявлял: «Чехословацкого народа как такового не было никогда. Напротив, речь шла о многонациональном государстве с различными народными группами... Искусственное образование, каким являлась Чехословакия, составленная в 1919 году из столь разнородных элементов, с самого начала своего возникновения тяготело к распаду и могло сохраняться только в результате сильного давления чехов»³¹⁰.

Действительно, правящая элита формировалась преимущественно из чехов, которые приступили к созданию единой чехословацкой нации, на базе чешской культуры. Обещанная словакам при создании государства автономия так и не была предоставлена. Активность нацменьшинств в этом вопросе строго подавлялась. Так, лидер умеренных националистов В. Тука был отправ-

* В Чехословакии помимо 7,2 млн. чехов жило 3,5 млн. немцев, 2,5 млн. словаков, 0,7 млн. венгров и полмиллиона украинцев-русинов, около 100 тыс. поляков. (Ширер У. Т. 1. С. 395.) Немецкие судетские провинции (Дойчбемен, Судетенланд, Бемервальдгау, Дойчаудмерен) были фактически отрезаны от Австрии — оккупированы чешскими войсками к концу 1918 г., после того, как 22 ноября они были приняты в состав Немецкой Австрии.

лен в тюрьму на 15 лет за «измену», выразившуюся в настойчивых напоминаниях о праве словаков на автономию³¹¹. То же касалось и судетских немцев, хотя, по словам У. Ширера, они жили «совсем неплохо — лучше, чем любое другое меньшинство в стране и немецкое меньшинство в Польше или в фашистской Италии. Их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные меры, принимаемые иногда против них в Праге. Им трудно было примириться с потерей своего господства в Богемии и Моравии...»³¹². Но до прихода Гитлера там не было сепаратистских политических движений³¹³. Судетско-немецкая партия (СНП) образовалась только в 1933 г.

Ее час настал в марте 1938 г., когда Гитлер поставил перед СНП задачу «выдвигать требования, неприемлемые для правительства Чехословакии»³¹⁴. На помощь пришли правительства Франции и Англии, усилия которых, по словам Галифакса, были направлены на то... «чтобы убедить Бенеша удовлетворить максимум требований судетских немцев», пойти на «крайние уступки»³¹⁵. В том же марте Великобритания, через своего посла Гендерсона, «начала сепаратные переговоры с Германией, в которые не была посвящена даже ближайший союзник Франция. Цель переговоров, — отмечал Г. Дирксен, — не заключение сделки, но попытка установить искреннюю и серьезную дружбу с Германией...»³¹⁶.

В качестве предлога для дружбы Чемберлен, в обмен на жесты «в направлении обеспечения мира» в Европе, предложил Гитлеру не более и не менее, как поделить французские колонии, Бельгийское Конго, португальскую Анголу. Заинтригованный Гитлер спросил: а что, если европейские метрополии не согласятся? Возможно, к счастью для Чемберлена, — пишет А. Уткин, — Гитлер отверг широкий английский жест. 3 марта Гендерсон услышал от фюрера, что тот не нуждается в колониях, «они будут для меня лишь бременем», этот вопрос может подождать³¹⁷. Колониальный вопрос был

решен Гитлером еще в период написания «Майн Кампф»: «Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а земли, расположенные на нашем собственном континенте»³¹⁸.

После встречи с Гитлером у Гендерсона не оставалось сомнений в том, что фюрера интересует только «достижение доминирования в Центральной и Восточной Европе»³¹⁹. С этого времени в стратегии Англии появилась новая нота. Ее удачно выразил один из наиболее популярных английских журналистов — Доусон, выступая в Оксфорде: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?»³²⁰ Случай подтвердить свои дружеские чувства скоро представился.

С победы немецкой партии на муниципальных выборах в Судетах, там «начались волнения с применением оружия. В течение всего мая, по словам У. Ширера, геббельсовская пропаганда нагнетала напряженность, выдавая один за другим невероятные рассказы о «чешском терроре» против судетских немцев. Обстановка, казалось, обострилась до предела»³²¹. Геббельс до второй половины октября 1933 г. израсходовал уже свыше 20 млн. марок на пропаганду за границей, из них 10 млн. марок в Австрии и Чехословакии³²². Цели этой пропаганды отражали слова профессора Банзе: *«во враждебных и нейтральных странах должна быть развернута густая сеть незаметных, но влиятельных и регулярно работающих вспомогательных бюро. Эти бюро должны применять все сколько-нибудь целесообразные средства: они должны использовать прессу и радио, кино и шпионаж, благотворительные организации и т.д. Все средства оп-*

равданы с самого начала и навсегда, если они подрывают дух врага и укрепляют наш германский дух»³²³. Слова Гитлера дополняли картину: «Пропагандистская война имеет целью, с одной стороны, запугать Чехословакию и подорвать ее силы сопротивления, с другой — дать национальным меньшинствам стимул к поддержке военных действий, а на нейтральные страны повлиять в нужном для нас направлении... Экономическая война имеет целью привести в действие все имеющиеся у нас средства, чтобы ускорить окончательный развал Чехословакии»³²⁴.

20 мая началась концентрация немецких войск в Саксонии. В ответ Чехословакия объявила частичную мобилизацию, в ее поддержку выступили министры иностранных дел Франции, Англии и СССР. Гитлеру пришлось отступить, заявив: «Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Чехословакии»³²⁵. Но это был лишь временный отход, спустя несколько дней Гитлер вносит коррективы в план «Грюн», согласно которым все военные приготовления для разгрома Чехословакии должны быть закончены к 2 октября³²⁶. Тем не менее фюрер еще колебался, 18 июня он указывал: «я приму окончательное решение начать кампанию против Чехословакии лишь в случае, если буду твердо убежден... что Франция не выступит против нас и это не повлечет вмешательства Англии»³²⁷.

Лондон же изо всех сил демонстрировал свою лояльность, правда, пока только неофициально. Так, нью-йоркские газеты 14 мая привели слова из частной беседы Чемберлена, в которой он заявил, что «ни Британия, ни Франция, ни, вероятно Россия не придут на помощь Чехословакии... что Чехословакия не может долее существовать в нынешнем виде...»³²⁸. В те же дни постоянный секретарь Форин оффис Великобритании А. Кодаган «обронил»: «Чехословакия не стоит шпор даже одного британского гренадера»³²⁹. Галифакс в свою очередь убеждал фон Дирксена, что дальше предупреждений Англия не пойдет³³⁰. Дирксен докладывал в конце мая, что правительство Чемберлена — Галифакса «по отношению

к Германии проявляет максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков»³³¹. А. Гендерсон 6 августа неофициально проинформировал германский МИД: «Англия не станет рисковать ни единым моряком или летчиком из-за Чехословакии»³³².

На деле британский кабинет шел еще дальше. 3 августа Чемберлен отправил в Чехословакию лорда Ренсимена, в роли посредника в решении судетского кризиса. У. Ширер по этому поводу замечал, что ««вся миссия Ренсимена дурно пахнет». Сообщая о ней в палате общин, Чемберлен уклонился от прямых ответов — уникальный случай в истории британского парламента... чехам миссия Ренсимена была предельно ясна... подготовить Судетскую область Германии, — по мнению Ширера, — Это был нечистоплотный дипломатический прием»³³³.

В это же время в Париже американский посол Буллит обрабатывал чешского — Осуского, заявляя, что мир стоит на грани войны, которая уничтожит всю Европу. Когда Германия двинется на вас, ей на помощь придет Венгрия, а Польша и Румыния выступят против России. Италия выждет и присоединится к немцам. Ни Англия, ни Франция не придут Чехословакии на помощь. Сам Буллит еще в мае рекомендовал Рузвельту предпринять шаги по освобождению Франции от ее обязательств перед Чехословакией. Кроме того, считал Буллит, необходим созыв конференции для перекройки карты Европы³³⁴. Дж. Кеннеди в то время заявлял: «Я никак не могу взять в толк, почему кому-то хочется воевать ради спасения чехов»³³⁵. О том, что в Европе что-то назревает отразилось в смене в 1938 г. американского посла в Берлине прекраснородушного У. Додда на циничного Вильсона. В том же году Берлин посетил известный своей антисоветской позицией экс-президент США Гувер.

2 сентября 1938 г. советский посол Майский встретился с У. Черчиллем. Майский предложил немедленно начать переговоры представителей штабов СССР, Франции и Чехосло-

вакии, а также с Румынией, для обеспечения пропуска советских войск. Черчилль тотчас сообщил об этих предложениях министру иностранных дел Галифаксу, с предупреждением, что вторжение Германии в Чехословакию «неизбежно вызовет мировую войну»³³⁶. Но английское правительство шло своим курсом, на этот раз заходя через Италию. Неслыханное дело — Чемберлен представил Муссолини возможность внести поправки в ту речь, с которой премьер собирался выступить в палате общин. Дуче милостиво одобрил речь и прокомментировал ее так: «Впервые в английской истории глава британского правительства предложил другому правительству проинспектировать одну из своих речей. Для англичан это плохой знак»³³⁷. Но не Муссолини было учить хитрости «британскую лису».

Между тем события развивались, и 5 сентября Бенеш неожиданно удовлетворил все требования судетских немцев, кроме выхода Судет из состава Чехословакии. По мнению А. Шубина, это был неприятный сюрприз для Гитлера — спекулировать на неравноправном положении немцев было уже нельзя³³⁸. На помощь пришла лондонская «Таймс», которая 7 сентября писала: «правительству Чехословакии стоит задуматься на предмет того, чтобы принять либо отклонить получивший в определенных кругах распространение проект превращения Чехословакии в более однородное государство путем отделения Судетской области...»³³⁹. Обстановка продолжала накаляться.

Министр иностранных дел Франции Бонне 10 сентября запросил английского посла в Париже Фиппса: «Завтра Гитлер, возможно, атакует Чехословакию, и Франция приступит к мобилизации своих сил. Она на марше. Присоединяетесь ли Вы к нам?» Ответ Галифакса последовал на следующий день, он гласил: «На данной стадии Британия не может ответить определенно». Французы осведомились у англичан, на какую военную помощь — если Англия решится — они могут рассчитывать? Из Лондона последовал ответ: на две дивизии и на 150 самолетов в первые 6 месяцев войны. Как пи-

сал У. Черчилль по поводу этой истории в «Дейли мейл», если бы у Бонне было желание получить извиняющее его бездеятельность обстоятельство, то он смело мог кивать на позицию Англии³⁴⁰.

12 сентября в Нюрнберге Гитлер на огромном стадионе в день закрытия партийного съезда яростно потребовал, чтобы Чехословакия справедливо отнеслась к судетским немцам, иначе Германия позаботится о том, что бы это было сделано. Речь Гитлера стала сигналом к восстанию в Судетах, чехи ввели в области военное положение и войска. Гитлер потребовал присоединения Судет к Германии. В тот же день Чемберлен обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече.

15 сентября почти 70-летний премьер-министр Великой Британской империи, население которой составляло четверть тогдашнего населения Земли, впервые в жизни сел в самолет. Ему предстояло 7 часов, через Мюнхен добираться до Бергхофа, где его соизволил принять фюрер. На фотографии Гитлер, стоя на лестнице двумя ступеньками выше Чемберлена, со свастикой на рукаве, взирает сверху вниз на правителя Британской империи³⁴¹. По просьбе Чемберлена свидание проходило один на один. В тот день Гитлер «потребовал» от Чемберлена проведения плебисцита во всех округах Чехословакии с преобладающим немецким населением по вопросу присоединения этих территорий к Германии. Чемберлен обещал в течение недели самолично доставить Гитлеру устраивающее его решение*.

18 сентября в Лондоне Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ договорились, что те округа Чехословакии, в которых

* По мнению И. Феста, «Чемберлен вне всякого сомнения видел насквозь уловки и маневры Гитлера, в своем отчете перед кабинетом двумя днями позже он назвал его «самой что ни на есть ординарной шавкой», которую ему когда-либо довелось встречать». (Cooper D. Das lasst sich nicht vergessen, Munchen, 1954, S. 291 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 272-273)). Кто кем был, показало время, а пока Чемберлен с невероятной для старика и лидера величайшей империи проворностью и услужливостью пытался предугадать и исполнить все желания Гитлера.

немецкое население превышает 50%, должны быть переданы Гитлеру без плебисцита. Совместная декларация гласила: «Правительства Англии и Франции... понимают, насколько велика жертва, которую должно принести правительство Чехословакии во имя мира. Однако дело является общим для всей Европы...»³⁴². При этом, как отмечал У. Черчилль: «В одном они были все согласны — с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед совершившимся фактом решения их опекунов. С младенцами из сказки, брошенными в лесу, обошлись не хуже»³⁴³. Как записал в своем дневнике в тот же день постоянный секретарь Форин оффис Великобритании А. Кодаган о чехах: «Мы грубо сообщили им о необходимости капитуляции...»³⁴⁴. Великобритания и Франция давали гарантии новых границ Чехословакии, которые фактически дезавуировали франко-чехословацко-советский договор.

19 сентября нарком иностранных дел СССР Литвинов, выступая в Лиге Наций, заявил: «В настоящее время происходит вторжение во внутренние дела Чехословакии со стороны соседнего государства... Один из самых культурных и прилежных европейских народов, получивший независимость после столетней борьбы, может начать борьбу за свою независимость и свободу. Поэтому я делаю недвусмысленное и ясное заявление от имени своего правительства. Мы намерены выполнить наше обязательство вместе с Францией оказать помощь Чехословакии...»³⁴⁵

Ответ последовал незамедлительно, в тот же день Геринг на партийном съезде провозгласил: «Незначительная часть Европы попирает права человеческой расы... Жалкая раса пигмеев — чехов угнетает культурный народ, а за всем этим стоит Москва и вечная маска еврейского дьявола»³⁴⁶. Правда, против сделки выступили и несколько членов британского кабинета, которые в знак протеста вышли в отставку. Так, к примеру, сделал первый лорд адмиралтейства Д. Купер, который заявил в палате общин: «Я призываю коллег посмотреть

на эту проблему не только как на чехословацкую. Возможно, придет такое время, когда из-за поражения Чехословакии начнется европейская война. Придет время, и мы будем участниками этой войны, мы не сможем избежать этой участи»³⁴⁷.

20 сентября чешское правительство отклонило лондонские предложения. Вечером того же дня английский и французский посланники Ньютон и де Лакруа сообщили чешскому правительству, что «в случае, если оно будет упорствовать», их правительства перестанут «интересоваться его судьбой». 21 сентября, в 2 часа ночи, президент Бенеш был поднят с постели пятым за сутки приходом обоих посланников... Они поставили ультиматум: «Если война возникнет вследствие отрицательной позиции чехов, Франция воздержится от всякого вмешательства, и в этом случае ответственность за провоцирование войны полностью падет на Чехословакию. *Если чехи объединятся с русскими, война может принять характер крестового похода против большевизма, и правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне*»³⁴⁸.

Оказавшись перед таким ультиматумом Бенеш сдался. В тот же день Боннэ доложил французскому кабинету, что чехи согласились принять англо-французские предложения без всякого давления извне. Чемберлен 22 сентября во второй раз в жизни садится в самолет для того, что-бы лично доставить ответ фюреру. Кроме согласия на отделение Судет, британский премьер привез предложение «аннулировать договоры о союзе между Францией, СССР и Чехословакией, вместо них независимость страны должны были обеспечивать международные гарантии. После такого вступления Гитлер был так поражен, что переспросил, одобрено ли это предложение пражским правительством. Когда Чемберлен с удовлетворением ответил: «Да!», возникла короткая пауза замешательства, а затем Гитлер спокойно ответил: «Очень сожалею, господин Чемберлен, но с этими вещами я теперь согласиться не могу. После событий последних дней такое решение неприемлемо»³⁴⁹.

Поняв, с кем имеет дело, Гитлер теперь требовал оккупации Судет. Ответ Чехословакии, поддержанный четвертьмиллионным митингом протеста, был как нельзя более гордым: «Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов»³⁵⁰. Бенеш объявил общую, а Франция частичную мобилизацию. Против планов Гитлера выступил даже высший генералитет вермахта:

ЗАГОВОР

Фельдмаршал Бломберг на Нюрнбергском суде отмечал, что генералы «до 1938—1939 годов не были настроены против Гитлера. Не имела смысла выступать против него, он позволил генералам достичь того, к чему они стремились»³⁵¹. Но накануне вторжения в Чехословакию начальник штаба вермахта А. Йодль записал в дневнике: «Выявляются достаточно резкие противоречия между интуицией фюрера... и армией, которая считает, что... западные державы наверняка вмешаются, а мы еще не можем с ними равняться»³⁵². Оппозицию возглавил прежний яростный сторонник Гитлера, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Л. Бек. Он завалил меморандумами Браухича, в которых убеждал, что нападение на Чехословакию приведет к европейской войне, которую Германия не в состоянии выиграть³⁵³. Бек предупреждал, что в «верхушке военной иерархии» развивается кризис, который уже привел к анархии, и что Германию ждет мрачное будущее³⁵⁴. Через полгода, не добившись реакции со стороны главнокомандующего и Гитлера, Бек пришел к выводу, «что есть предел подчинения верховному главнокомандующему, когда совесть, знания и ответственность за прецедент выполняют приказ»³⁵⁵.

Л. Бек сформулировал свою программу: «За фюрера против войны, против правления партийных бонз, за мир с церковью, восстановить справедливость, сократить наполовину пожертвования для партии, прекратить строитель-

ство дворцов, больше строить жилья для простых людей, больше прусской простоты»³⁵⁶. Бек получил поддержку на секретном совещании военной верхушки Рейха, после чего Браухич передал меморандум Бека фюреру. Но у Гитлера уже не было дороги назад, военные соображения при этом играли второстепенную роль. 18 августа Бек подал в отставку и стал одним из организаторов заговора против Гитлера. Преемник Бека на посту начальника штаба Ф. Гальдер разделял его взгляды и стал ключевой фигурой заговора³⁵⁷.

Военных поддержали гражданские оппозиционеры, в том числе и связанные с Я. Шахтом. Успех заговора теперь зависел только от первого крупного провала Гитлера, который неминуемо приводил к кризису власти. В поисках поддержки заговорщики обратились к Англии. С 18 августа по 5 сентября они сделали несколько попыток убедить английский истеблишмент, что «немедленное вмешательство Англии и Франции может привести к падению режима». Свои призывы они посылали через руководство британского МИДа, У. Черчилля³⁵⁸, британского посла в Германии Гендерсона, Г. Вильсона — личного помощника Чемберлена³⁵⁹.

«Я советовал Гитлеру... — утверждал Браухич, — разрешить конфликт дипломатическим путем. Начиная с 1938 года, я обращал внимание на тот факт, что ни армия, ни народ не хотели войны»³⁶⁰. На Нюрнбергском процессе Геринг, давая характеристику армейской верхушке, заявлял: «Они были слишком боязливы, чтобы взять на себя риск войны. Они никогда не могли подавить в себе впечатления, оставленного в них поражением 1918 года, и трепетали перед французами. Если верить этим господам, то французы могли дойти до Берлина. Наш Главный штаб, по сравнению с прошлыми, состоял сплошь из пацифистов»³⁶¹.

Жесткая позиция Чехословакии и Франции, сомнения собственных генералов поколебали уверенность Гитлера. 27 сентября в письме к Чемберлену он выразил готовность обсу-

дить с чехами детали и «дать гарантии Чехословакии». «Я вынужден передать дело на Ваш суд, — писал Гитлер. — Учитывая все факты, Вы сами решите, следует ли Вам продолжать попытки... противодействовать этим маневрам и в последнюю минуту призвать правительство Чехословакии прислушаться к голосу разума»³⁶².

В ответ Чемберлен немедленно послал в Прагу телеграмму, в которой предупредил Бенеша, «что немецкая армия получит приказ перейти границу Чехословакии, если завтра (28 сентября)... правительство Чехословакии не примет предложения Германии... Немецкая армия займет Богемию, и ни государство, ни группа государств не смогут ничего сделать для спасения Вашего народа и Вашей страны... Такова правда, каков бы ни был результат мировой войны»³⁶³. Бенеш не ответил на эту телеграмму, тогда Чемберлен в тот же день прислал вторую. Он предложил согласиться на ограниченную оккупацию немецкими войсками районов вдоль пограничных рек и создать германо-чешско-британскую комиссию для определения, какие территории отойдут к Германии. В противном случае угрожал Чемберлен: «Единственной альтернативой этому является вторжение и насильственное разделение Чехословакии...»³⁶⁴ Ультиматум Чемберлена был поддержан Францией. 28 сентября министр иностранных дел Бонне через своего посла уже предлагал Гитлеру французский план оккупации Судетской области, который был гораздо щедрее английского³⁶⁵.

Оставшись один на один с Германией, чешское правительство уступило совместному давлению фашистов и «великих европейских демократий».

28 сентября, вспоминал У. Ширер, «древнее здание «матери парламентов» сотрясилось от массовой истерии, которую в этих стенах не приходилось наблюдать за всю историю его существования»³⁶⁶. Под восторженные крики депутатов Чемберлен зачитал в палате общин телеграмму Гитлера, в которой фюрер приглашал премьер-министров Англии и

Франции в Мюнхен для решения вопроса о Чехословакии. 29 сентября премьер-министр Англии в третий раз садится в самолет. Решение об участии Чехословакии принималось без нее. Представителям страны Яна Гуса лишь позволили ожидать решения в приемной дома, где проходила конференция³⁶⁷.

В тот же день 29 сентября был подписан англо-германский пакт о ненападении, торжественное совместное заявление сторон гласило: «Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-министр Великобритании... рассматриваем подписанное вчера соглашение, как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга»³⁶⁸. В Англии и Франции царил настоящая эйфория. «Таймс» отмечала, что «ни один завоеватель, возвратившись с победой домой с поля битвы, не был увенчан такими лаврами». «Чемберлен и Даладье спасли мир» — таков был лейтмотив пропаганды, на все лады восхвалявшей «миротворцев». Самое главное, внушали населению мюнхенцы, — это спасти мир, любой ценой не допустить войны. «Разве справедливо, — утверждали они, — бросать в рубку войны миллионы французов и англичан ради трех миллионов немцев Судетской области!»

Гитлер был потрясен итогами сделки. В беседе с министром иностранных дел Венгрии в январе 1939 г. он заявил: «Неслыханное достигнуто. Вы думаете, что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы преподнесена на блюде ее друзьями? Я не верил, что Англия и Франция вступят в войну, но был убежден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем. То, что произошло, может случиться лишь раз в истории»³⁶⁹. Фюрер практически не имел шансов. Об этом свидетельствует обстановка, сложившаяся накануне подписания Мюнхенского пакта — 27 сентября 1938 г.

К этому времени:

— Чехословакия объявила общую мобилизацию. 27 сентября укрепления в Судетах заняли около 800 тысяч чехословацких солдат. У немцев было примерно столько же, но на двух фронтах — чешском и французском³⁷⁰. По оценкам Бенеша, «даже если Чехословакии не будет оказана помощь, она в состоянии драться четыре месяца, отступая на восток»³⁷¹. Во Франции была развернута частичная мобилизация, которая, по мнению генштаба вермахта, сильно смахивала на мобилизацию всеобщую, «к 6-му дню мобилизации можно ожидать развертывания первых 65 дивизий на границе с Германией», которым Гитлер мог противопоставить всего 10-12 дивизий, половина которых состояла из резервистов. Генерал Адам, командовавший войсками на западных границах, докладывал Гитлеру, что он не сможет удержать Западного вала³⁷². При этом немецкий генштаб отмечал, что итальянцы не предпринимают ничего, чтобы сковать французские войска на итало-французском фронте.

— 26 сентября к Гитлеру обратился президент США с призывом сохранить мир и немедленно созвать конференцию всех заинтересованных сторон. Правда, при этом президент заявил, что Америка не примет участия в войне и не примет на себя никаких обязательств «в ходе ведущихся переговоров». Однако немецкий посол в Вашингтоне Г. Дикхофф счел нужным сообщить в Берлин — если Англия вступит в войну, «вся мощь Соединенных Штатов будет брошена на чашу весов Англии». Король Швеции, друг Германии, подтвердивший свою верность в ходе войны 1914-1918 гг., официально заявил немецкому послу в Стокгольме, что в случае агрессии Германии мировая война неминуема и виноват в этом будет фюрер, а войну эту Германия бесспорно проиграет»³⁷³. Румыния и Югославия в свою очередь предупредили, что в случае вступления Венгрии в Чехословакию, они предпримут против Венгрии боевые действия.

— Как ни подсчитывай соотношение сил, писал У. Ширер, «Германия была не готова вести войну против Чехословакии, Англии и Франции одновременно, не говоря уже о России. Развязав войну, Германия быстро бы ее проиграла, и это стало бы концом для Гитлера и Третьего рейха»³⁷⁴. Выводы Ширера подтверждала сводка французского Генштаба: «1. Глава германского генерального штаба генерал Бек 3 сентября отказался от занимаемой им должности, ибо «не желал вести армию к катастрофе». 2. Германская «Западная стена» далеко не закончена и, согласно сообщению французского военного атташе в Берлине, «ее так же легко прогрызть, как кусок сыра». 3. Германская армия еще ни в коей мере не готова, и ей потребуется не меньше года самых напряженных усилий, прежде чем она решится начать войну... 5. Прекрасно вооруженная чешская армия, насчитывающая 40 дивизий, тысячу самолетов и полторы тысячи танков, могла бы сопротивляться самое меньшее 2—3 месяца, даже если бы сражалась одна»³⁷⁵. Французский генерал Гамелен 25 сентября информировал Чемберлена, что: 35 дивизий чехословаков могут в Судетах сдержать 40 немецких, а несколько десятков французских дивизий прорвут немецкие заслоны на недостроенной линии Зигфрида³⁷⁶. Йодль признавал: «Несомненно пять боевых дивизий и семь резервных, находившихся на нашей западной границе, которая представляла собой лишь огромную строительную площадку, не смогли бы сдержать натиска ста французских дивизий. С военной точки зрения это невозможно»³⁷⁷.

— Кейтель позже отмечал: «Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения, потому что... всегда полагали, что у нас недостаточно средств для преодоления пограничных чешских укреплений. С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чешскую оборонительную линию». Сам Гитлер говорил: «То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас — мы подвергали себя большой опасности... Только тогда я понял, почему мои генералы меня удержива-

ли»³⁷⁸. Манштейн: «если бы началась война, то ни наша западная граница, ни наша польская граница не могли быть защищены должным образом. Не вызывает сомнений, что если бы Чехословакия решила защищаться, то ее укрепления устояли бы, так как у нас не было средств для их прорыва»³⁷⁹. А. Шпеер: «Всеобщее удивление вызвали чешские пограничные укрепления... Взять их при наличии упорного сопротивления было бы крайне нелегко и стоило бы много крови»³⁸⁰. Слова Гальдера подводили итог этим признаниям: «Для тех кто был в курсе дел, наши стратегические планы в отношении Чехословакии были ничем иным, как пустым блефом»³⁸¹.

— В самой Германии никто не горел желанием развязать войну. «Невозможно поверить, что английский и французский генеральные штабы и правительства этих стран, — отмечал Ширер, — не знали о нежелании генерального штаба сухопутных войск участвовать в европейской войне»³⁸². Информация об этом поступала прямо к Даладье и Чемберлену. Население Германии также не испытывало воодушевления по поводу военных приготовлений. 27 сентября для поднятия боевого духа населения Гитлер приказал провести в Берлине парад моторизованной дивизии. По словам У. Ширера затея потерпела полный провал: «Моему взору рисовалась одна из картин 1914 года, когда ликующие толпы на этой же улице осыпали марширующих солдат цветами, а девушки целуядами... Но сегодня люди ныряли в подземку — они не желали смотреть на все это. На обочине стояла молчаливая кучка людей... Это была самая поразительная антивоенная демонстрация, которую когда-либо мне приходилось видеть...»³⁸³.

Один из лидеров заговорщиков, Я. Шахт, давая показания на Нюрнбергском процессе, говорил: «Случилось невероятное — Чемберлен и Даладье летели в Мюнхен. Наше выступление было обречено. Несколько часов я еще полагал, что мы можем выступить. Но Вицлебен быстро доказал мне, что войска не захотят идти против победоносного фюрера... **Чемберлен спас Гитлера**»³⁸⁴. По словам Р. Картье: «Мюнхен был не только победой Германии над Чехословакией, но также победой Гитлера над Главным штабом»³⁸⁵. С этого време-

ни генералы выполняли приказы Гитлера беспрекословно. Йодль в 1938 г. с восторгом писал в дневнике: «Остается надеяться, что те, кто не верил в его гений, теперь переубеждены навечно»³⁸⁶. Ширер констатировал «Фанатичное желание Чемберлена дать Гитлеру то, чего он хотел... спасли Гитлера, укрепили его позиции в Европе»³⁸⁷. Мало того Мюнхен был очевидно и победой Гитлера над самим собой.

Гитлер признавал, это в феврале 1945 г. размышляя о прошлом: «**Надо было начинать войну в 1938 году. Это был бы для нас последний шанс локализовать ее. Но они во всем уступали, как трусы выполняли все наши требования. Было действительно трудно взять на себя инициативу и перейти к военным действиям. В Мюнхене мы упустили уникальную возможность**»³⁸⁸.

«Как случилось, что главы правительств Англии и Франции принесли в Мюнхене в жертву жизненные интересы своих стран? — вопрошал У. Ширер, — В поисках ответа на эти вопросы мы сталкиваемся с тайной мюнхенского периода, которая до сих пор не раскрыта. Даже Черчилль, особенно скрупулезный в военных вопросах, едва касается этой темы в своих объемистых мемуарах»³⁸⁹.

Тайна

Попытка раскрыть секрет тайны, была сделана за четыре года до приезда Чемберлена в Мюнхен. В 1934 г. в Лондоне увидела свет первая книга «Гитлер над Европой» Э. Генри*, после чего автор попал в черный список гестапо**. Э. Генри

* «Гитлер над Европой», «Гитлер против СССР» Э. Генри вышли в 1934 и 1936 гг. в Англии, на английском языке, затем на немецком и ряде других. Русское издание в 1935 и 1937 гг.

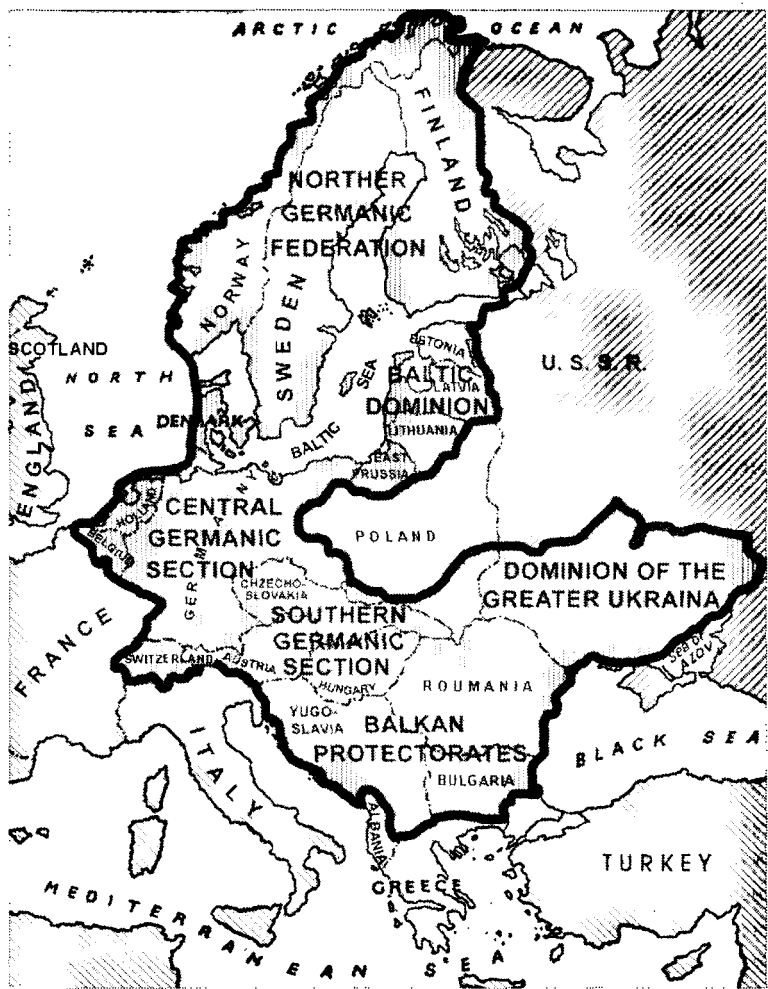
** Когда гитлеровцы планировали высадку вермахта в Англии, то в составленном гестапо черном списке лиц, подлежащих аресту, где первым значился У. Черчилль, вторым архиепископ Кентерберийский, числился и Э. Генри. О причинах включения Э. Генри Р. Томсон писал: «Мы были предупреждены... О будущей войне... У некоторых людей из-за нее пошла пена изо рта. У кого например? Ну, у симпатизирующих фашистам...». «New York Times» декабрь 1936 г. (Генри Э. С. 473, послесловие Я. Дробкина).

попытался сделать прогноз развития внешней политики Германии на ближайшие годы, при этом он отмечал: «Мы не просим никого верить нам на слово. Это не фантазия, не теоретическое рассуждение. Возьмите политическую, стратегическую и экономическую карту Европы, наполните ее имманентной динамикой фашизма и подумайте об этом сами»³⁹⁰. Данное заявление удовлетворило далеко не всех, например, У. Лакера, который отрицает наличие объективных законов развития и отмечает, что Э. Генри был членом компартии Германии... — разве можно верить коммунисту? Для равновесия приведем мнение еще одного человека, весьма далекого от симпатий к коммунизму — З. Бжезинского, по словам которого (сказанным правда по другому поводу, но отражающим его взгляд на предмет дискуссии): «железные законы политической теории и истории указывают на неизбежное столкновение и конфликт»³⁹¹. То же, что Э. Генри был коммунистом, в данном случае является лишь дополнительным плюсом, поскольку его мнение отчасти отражает те настроения, которые господствовали в то время в правящих кругах Коминтерна и СССР и предопределяли их политику*.

«Внешняя политика Гитлера, — начинает Э. Генри свою книгу, — величайшая из его тайн... Официальное министерство иностранных дел... старые послы и дипломаты служат теперь только ширмой, за которой скрывается настоящее руководство внешней политикой Германии»³⁹². «Отдел внешней политики НСДАП», среди руководителей очень много немцев и полунемцев из Прибалтики и бывших участников антисоветских организаций»³⁹³. «Руководитель прибалтийский немец А. Розенберг. Секретный план Розенберга — «неофициальная доктрина Монро гитлеровской Германии»»³⁹⁴.

Ее первоосновы были изложены в 1927 г. в программной книге Розенберга «Будущий путь немецкой внешней поли-

* Мысль Э. Генри действительно нуждается в некоторой очистке от идеологической риторики и антуража, впрочем не в большей степени, чем у самого У. Лакера.

План Розенберга

тики»: «Германия предлагает Англии — в случае, если последняя обеспечит Германии прикрытие тыла на Западе и свободу рук на Востоке, — уничтожение антиколониализма и большевизма в Центральной Европе». Через несколько лет в книге «Кризис и новый порядок в Европе» Розенберг пояснял, что, по его мнению, все западноевропейские страны могут спокойно заниматься экспансией, не мешая друг другу. Англия займется своими старыми колониями, Франция — Центральной Африкой, Италия — Северной Африкой; Германии должна быть отдана на откуп Восточная и Юго-Восточная Европа³⁹⁵. Это была только первый шаг в плане Розенберга, второй заключался в распространении влияния Германии на Прибалтийские и Скандинавские страны. В итоге секретный план, в противовес пугавшей Англию Пан-Европы, приводил к созданию «Германского континентального союза».

Однако создание «Германского союза», только началом. Главным для Розенберга было — завоевание России. «Дать германскому крестьянину свободу на Востоке (Россия) — вот основная предпосылка возрождения нашей нации», — говорит Розенберг. «Колонизация восточной зоны, — продолжает он, — наша первоочередная задача»³⁹⁶.

Направление движения указал А. Гитлер в «Майн Кампф»: «Мы начинаем там, где остановились еще шесть столетий тому назад. Мы останавливаем святой поход германцев на Юг и Запад Европы и направляем взгляд на землю на Востоке. Мы завершаем, наконец, колониальную и торговую политику предвоенного времени и переходим к земельной политике будущего. Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России... Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насыщенный немецкой нации»³⁹⁷. Газета Геринга «Nazional Zeitung» 1 июня 1934 г. в статье «Великое экономическое пространство

Балтики» писала: «Мы должны снова начать там, где четыре столетия назад прервалась старая, связанная с определенной территорией, торговля Ганзы... Страны Балтики имеют одну и ту же судьбу... Юго-восточная часть Европы должна снова войти в контакт с северо-восточной, с районом Северного моря и Балтикой. *Круг должен быть однажды замкнут над Россией. В пользу внешнеполитического отдела НСДАП неоспоримо говорит то, что он наметил в этом отношении планы и предложения, которые уже находятся в процессе выполнения*»³⁹⁸.

Это были не пустые слова А. Деникин в то время отмечал: «Политическая обстановка несколько не изменилась. Немцы по-прежнему ведут борьбу против русской государственности: явно — в Прибалтике, Малороссии, на Кавказе; тайно — среди русских партий, применяя старые бесчестные приемы. *Версальский мир не закончил борьбу, а лишь приостановил ее и углубил непримиримые противоречия между двумя политическими группировками...*»³⁹⁹. По словам Розенберга: «Новая колониальная империя на Востоке — «великая Украина»... с богатейшими плодородными равнинами, с собственным выходом к морю, не только разрешит проблему германской безработицы, так как на Украину предполагается переселить безработных.., но эта империя при одновременном подчинении всех дунайских стран должна приблизить Гитлера к европейской гегемонии»⁴⁰⁰.

Второй «Крестовый поход»

А. Розенберг здесь не был первооткрывателем, он лишь дипломатически оформлял подготовку реализации главной цели, которая активно муссировалась в германских военных кругах начале 1920-х годов — нападения на Советский Союз в союзе с державами Запада. Популярность этой темы объяснялась тем, что только «война с СССР больше, чем какая-либо другая обещает Германии поддержку остальных дер-

жав»⁴⁰¹. На опасность такого поворота событий Ленин указывал еще в 1918 г. «Весьма возможно, что союзные империалисты объединятся с немецким империализмом... для соединенного похода на Россию». Несколько месяцев спустя он добавлял: германское правительство «всеми силами стремится к союзу с англо-французскими империалистами. Мы знаем, что правительство Вильсона засыпало телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии...»⁴⁰². Одним из главных сторонников подобного плана был генерал Людендорф. Радек писал в то время: «Герой войны Людендорф... как навязчивый нищий, все набивается на службу союзным державам в качестве наемного солдата против России, снова предлагая свои услуги...».

Но настоящий план был разработан другим немецким генералом, он вошел в историю как «План Гофмана» 1922 г. Основной тезис Гофмана гласил: «Ни одна из европейских держав не может уступить другой преимущественное влияние на будущую Россию. Таким образом, решение задачи возможно только путем объединения крупных европейских государств, особенно Франции, Англии и Германии. Эти объединенные державы должны путем совместной военной интервенции свергнуть Советскую власть и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и немецких экономических сил. При всем этом было бы ценно финансовое и экономическое участие Соединенных Штатов Америки. В русском экономической районе следует обеспечить особые интересы Соединенных Штатов Америки»...

Идеи Гофмана, может быть, и остались бы идеями отставного генерала, занимавшегося на досуге фантазиями у карты Европы, если бы не одно обстоятельство: они отражали экономические интересы влиятельных групп. Кроме того, эти планы были официально доведены до сведения Англии и Франции. Во Франции о них знали Рош, Бриан, Мильеран, Вейган. В Англии — Г. Детердинг, хозяин нефтяного треста

«Роял Датч Шелл», потерявший свои владения в Баку. Под эгидой Детердинга в Лондоне в 1926-1927 гг. состоялись две конференции, посвященные «плану Гофмана» «Большевизм следует ликвидировать» — таков был лозунг Гофмана в Лондоне⁴⁰³. «Группа Гофмана — Рехберга* была первым источником средств национал-социалистского движения и Гитлера... в дни их зарождения, когда эта партия еще ходила в детском костюме и была слишком мало известна, чтобы удостоиться покровительства тяжелой промышленности»⁴⁰⁴.

«Майн Кампф», должна была стать своеобразным манифестом лояльности «великим целям». И Гитлер не подвел, заявляя, что для реализации политики завоевания земель на Востоке «мы могли найти в Европе только одного союзника: *Англию*. Только в союзе с Англией, прикрывающей наш тыл, мы могли бы начать новый великий германский поход. Наше право на это было бы не менее обосновано, нежели право наших предков. Ведь никто из наших современных пацифистов не отказывается кушать хлеб, выросший в наших восточных провинциях, несмотря на то что первым «плугом», проходившим некогда через эти поля, был, собственно говоря, меч. Никакие жертвы не должны были показаться нам слишком большими, чтобы добиться благосклонности Англии. Мы должны были отказаться от колоний и от позиций морской державы и тем самым избавить английскую промышленность от необходимости конкуренции с нами»⁴⁰⁵.

В 1932 г. была основана «Интернациональная антикоммунистическая лига». Но какой же «крестовый поход» без благословения папы римского? Латеранские соглашения между Муссолини и Ватиканом были подписаны 11.02.1929**.

* Один из совладельцев германского калийного треста.

** Католическая церковь поддержала Муссолини в обмен на признание им Ватикана субъектом международного права. Кроме этого, Муссолини дал папе огромные отступные, которые стали основой безбедного и независимого существования финансовой империи Ватикана.

Утверждая в 1933 г. конкордат с Гитлером, папа Пий XI* с «удовлетворением» заявлял, «что во главе германского правительства стоит теперь человек, бескомпромиссно настроенный против всех разновидностей коммунизма и русского нигилизма»⁴⁰⁶. Для Ф. Папена эти *«универсальные связи, создаваемые католической верой»* служили инструментом для объединения всей Европы против большевизма⁴⁰⁷.

3 сентября 1933 г. Гитлер выступил с заявлением, что он отказывается от войны, как от инструмента политики, однако тут же прибавил: «Ведя войну с большевизмом, Германия выполняет европейскую миссию». Таким образом все формальности были соблюдены: Европе гарантирован мир, большевики же... не входили в рамки цивилизованного человечества. По словам И. Феста Гитлер использовал страх Запада перед большевизмом, «на все лады расписывая в многочисленных речах «подрывную работу большевистских заправил», их «тысячи каналов переброски денег и развертывания агитации», «революционизацию континента», постоянно нагнетая тот психоз страха, о котором он порой говорил: «загорелись бы города, деревни обратились бы кучами развалин, люди бы перестали узнавать друг друга. Класс боролся бы с классом, сословие с сословием, брат с братом. Но мы избрали иной путь». Свою собственную миссию он описал в беседе с Арнольдом Дж. Тойнби так: «он появился на свет для того, чтобы решающим образом продвинуть вперед человечество в этой неизбежной борьбе с большевизмом»⁴⁰⁸.

К 1936 г. «План Гофмана», по мнению Э. Генри, приобрел уже вполне законченные черты. Он предусматривал два главных направления ударов: Северо-Балтийское и Юго-Восточное. По словам Сталина, на XVII съезде этот план напоминал ему возобновление политики Вильгельма II «который некогда оккупировал Украину, предпринял военный поход против Ленинграда, используя для этого территорию балтийских стран»⁴⁰⁹.

* Пий XI (Pius) — папа римский, в 1918 г. был назначен представителем Ватикана на Россию (куда не был впущен), Прибалтику и Польшу (где стал нунцием).

Северо-Балтийское направление

Северо-Балтийское направление позволяло во первых, создать мощную непосредственную базу для нападения на СССР. На всех прочих путях германской армии пришлось бы проделать длинный, трудный и весьма сомнительный переход по чужой территории с враждебным населением и неразвитым железнодорожным сообщением. Во-вторых, этот путь ведет прямо к жизненному центру Советского Союза!⁴¹⁰

Для решения этих задач план предусматривал установление господства Германии на Балтийском море, превращавшим его по сути во внутреннее море «Германского союза» и создание военных баз по его берегам, нацеленных на Ленинград. В соответствии с этим планом Германия поощряла создание оборонительных сооружений Данией и Швецией, блокирующих Зундский и Бельтский проливы — «балтийские Дарданеллы». Розенберг ради этого даже предложил Дании «гарантию» немецко-датской границы. В 1935 г. Дания начала сооружать авиабазы и базы подводных лодок в фиордах. Германия же была независима от проливов благодаря внутреннему Кильскому каналу⁴¹¹.

Одновременно Германия активизировала попытки создания «Северного европейского блока». Начался обмен делегациями высших военных чинов Швеции, Польши и Германии. Розенберг через заводы Круппа в Швеции поддерживал шведских фашистов. В 1935 г. он заявлял на конгрессе «Северного общества» в Любеке: «Мы приветствуем представителей северного мира (скандинавские страны)... Мы хотим выразить надежду, что они также полностью осведомлены о том, что вся Балтика в целом заинтересована в объединении против большевистского Востока»⁴¹².

На континенте первой базой наступления должна была стать польская Гдыня близ Данцига, грузооборот Гдыни в то время обгонял грузооборот любого другого балтийского

порта. В 1935 г. в Гдыне началось строительство 6 новых современных доков, которые впервые сделали порт пригодным для военных судов. К этой базе должен был присоединиться впоследствии Мемель, литовский порт, который лежит значительно ближе к следующим базам — Риге и Ревелю и находится почти наполовину в руках «автономного» германского совета Мемеля⁴¹³. Мемель, «второй Саар», — это рычаг для изолированной войны с Литвой, которая в двадцать четыре часа приведет к исчезновению литовской армии, является рычагом к военному поглощению Германией всей Балтики. Поскольку немедленно вслед за этим в Риге и в Ревеле абсолютно «сами собой» возникнут завуалированные германские колониальные правительства. «Одного предупредительного выстрела с германских дредноутов в портах Мемеля, Риги и Ревеля (Таллин) будет достаточно, чтобы добиться от буржуазных правительств абсолютного, немого повиновения Германии. Германский балтийский флот... может покорить три прибалтийских государства в течение нескольких часов»⁴¹⁴. «Эта война... будет вестись совершенно «независимо», как дело германской «национальной чести», которая попирается ужасной нацией почти в два с половиной миллиона литовцев»⁴¹⁵. Но Гофман делал ставку не только на силу:

«Современная Балтика — четыре слабых окраинных государства — является творением Брест-Литовска, т. е., иначе говоря, генерала Гофмана. Германско-балтийские группы населения этих окраинных государств, остатки бывшей правящей феодальной касты... представляют естественную поддержку для германской армии... Балтийский фашизм, порожденный Германией и организованный ею, одушевленный только идеей новой объединенной войны против СССР, расчистит — если он не сделает этого еще заранее — дорогу наступающим германским войскам...»⁴¹⁶. Таким образом Гитлер надеется решить проблему «балтийского марша», т. е. сделать первый шаг к сухопутной атаке на Ленинград⁴¹⁷.

С севера Ленинграду угрожает еще большая опасность. «Финские фиорды на северо-балтийском театре войны должны представлять передовую линию наступления»⁴¹⁸. Маннергейм был подчиненным Гофмана еще в 1918 г., подавляя финскую революцию, а затем осуществляя попытки захвата северных территорий России⁴¹⁹. Финское правительство к середине 1930-х не отказалось от прежних целей и тесно сотрудничало с фашистской Германией. Так, в октябре 1935 г. Маннергейм принял участие в тайном совещании между Герингом, Гембешем, Радзивиллом и венгерскими и польскими офицерами воздушного флота в Роминтене (в Пруссии). В 1936 г. он неоднократно посещал Берлин⁴²⁰.

Практическая реализация плана Гофмана вступила в активную фазу именно с 1935 г. Летом того года Англия, в нарушение Версальского договора*, подписала с Германией военно-морское соглашение, по которому последняя получила право иметь флот в 35%, а подводных лодок — в 60% от британского. Соглашение выглядело парадоксальным, ведь увеличение германского флота, и тем более количества подводных лодок, казалось, угрожало прежде всего могуществу самой Англии. Не кто другой, как германские подводные лодки в Первой мировой войне, по признанию самих англичан, едва не поставили их страну на колени⁴²¹.

Секрет соглашения раскрывался в программе военно-морского строительства Германии. Она предусматривала прежде всего строительство подводных лодок водоизмещением 250 т., меньше, чем даже самые первые германские лодки времен Первой мировой в 260 т., и тем более современные 600-1400 т. «Германия строит маленькие подводные лодки не потому, что у нее нет денег, а потому, что этого требует ее будущая позиция — мелководный Финский залив», — указывал Э. Генри⁴²². В этом также причина массового производства «карликовых торпедных катеров», обладающих ско-

* Согласно Версальскому договору Германия не имела права строить более 4 линкоров и 6 тяжелых крейсеров.

ростью в 45 узлов*. Даже новые германские крейсера — линейные корабли вроде «Дойчланд», приспособлены для сравнительно мелких вод⁴²³.

Нейрат в 1935 г., говоря о Балтийском море, заявлял: «Мы должны контролировать этот район и не давать России доступа к океану»⁴²⁴. Для Англии, со времен Петра I не было лучшей музыки чем эти слова. Морской пакт утверждал передел мира и союз между Англией и Германией. Недаром, по словам И. Феста, подписавший его Риббентроп вернулся в Германию великим государственным деятелем, «еще более великим, чем Бисмарк», как заметил позже Гитлер. Сам Гитлер назвал этот день «самым счастливым в своей жизни»⁴²⁵. Геббельс в те дни записывал: «Фюрер счастлив. Рассказал мне о своих внешнеполитических планах: вечный союз с Англией. Хорошие отношения с Польшей. Зато расширение на Востоке. Балтика принадлежит нам...»⁴²⁶

У современников цель соглашения не вызывала сомнений. Так, голландский посланник в Берлине считал «военно-морское соглашение, заключенное между Англией и Германией... опасным шагом, но полага(л), что *Россию надо по-прежнему держать в строгой изоляции. Германия установит полное господство над Балтикой, Турция будет вечно закрывать России доступ в Средиземное море, а Япония — зорко следить за малым Тихоокеанским фронтом*»⁴²⁷. Взгляд У. Черчилля на соглашение был более пессимистичным: «Я не думаю, что это одностороннее действие Англии послужит делу мира. Непосредственным результатом его является то, что тоннаж германского флота с каждым днем приближается к таким размерам, которые обеспечат ему полное господство на Балтийском море, и очень скоро одно из препятствий на пути к европейской войне постепенно начнет исчезать»⁴²⁸. При этом, по мнению У. Додда,

* Во время интервенции в Россию 1918—1922 гг. именно торпедные катера с финского побережья атаковали советские военные корабли на рейде Кронштадта.

соглашение создавало предпосылки для англо-германского сближения, «которые, как я полагаю, — отмечал американский посол, — весьма по душе английскому послу»⁴²⁹.

Но военно-морское соглашение было лишь одним из шагов на пути к цели. Кроме этого, отмечал Э. Генри, в балтийских государствах строятся новые аэропорты, которые должны протянуть сети европейских воздушных путей, до сих пор на севере едва достигавших Дании, до Финляндии. Шведская авиационная промышленность контролируется дочерней компанией заводов Юнкерса — предприятий Геринга. Как это ни странно, первые финансовые субсидии на постройку дорогостоящих аэропортов балтийских окраинных государств шли из британских источников⁴³⁰. Самая важная и наиболее сильная воздушная позиция организована, разумеется, в Финляндии. Летное расстояние от Финляндии до Ленинграда исчисляется минутами, если не секундами. И вот эта страна, насчитывающая 3 млн. жителей (в среднем по 10 чел./кв.км.), стала вдруг чем-то вроде воздушного рая. В Финляндии сегодня уже имеется 40 аэродромов; некоторые из них оборудованы ангарами, где может поместиться количество самолетов, вдвое большее, чем то, каким обладает вся страна... Вся страна покрыта маленькими посадочными площадками...⁴³¹.

И все это нацелено против Ленинграда. Стратегически он кажется идеальной оперативной целью. Расстояние от него до границы на юге (граница с Эстонией) равняется 120 км, на севере (граница с Финляндией) — 35 км. Здесь-то и находятся действительные ворота, ведущие в Ленинград. С запада к Ленинграду непосредственно подходит третья граница — Финский залив, который принадлежит тому, кто господствует на Балтийском море. Эта граница находится не более чем в 48 км от Ленинграда (от Кронштадта)⁴³².

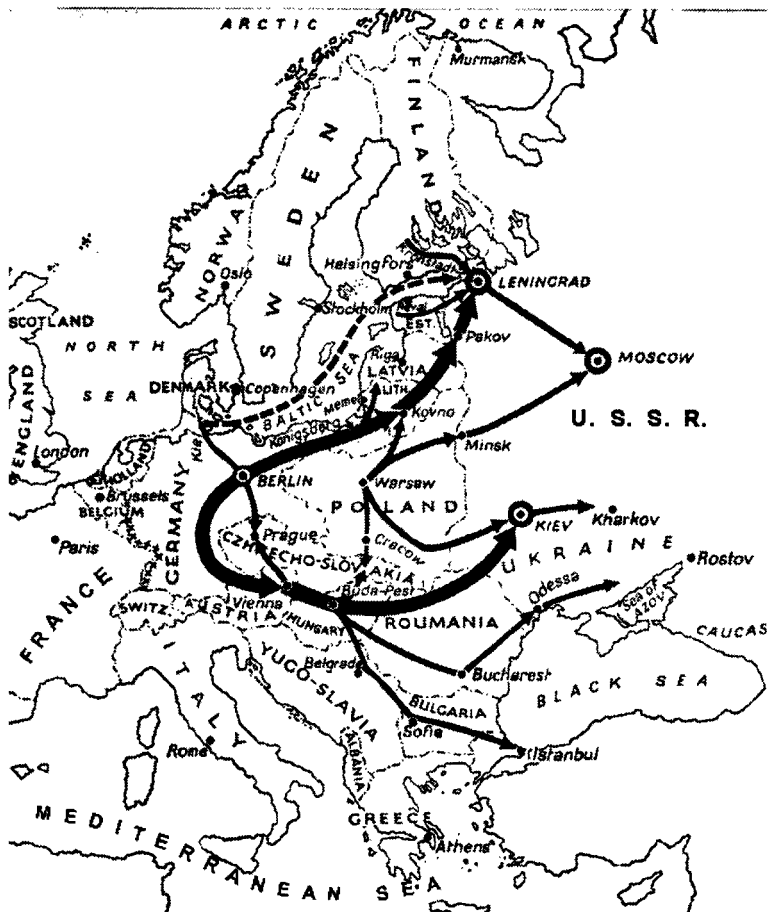
Политически это также не менее удобный объект. Ленинград — это второй политический, культурный и экономический центр Советского Союза после Москвы; это

гнездо революции, ее родина... Взятие Ленинграда нанесет (согласно германским расчетам) сильный, быть может, смертельный удар моральной устойчивости социалистического народа и его воле к победе... Та же победа возымеет свое действие и на другой лагерь: она пробудит и мобилизует русскую контрреволюцию...⁴³³.

««Ленинград взят Гитлером!» Это означало бы немедленное провозглашение... что в Ленинграде установлено «новое русское фашистское правительство». Действительно, совершенно ясно, что первым актом победоносной германской армии после занятия Ленинграда было бы провозглашение «нового национального русского правительства». Такое правительство представляло бы собой лишь разновидность колониальной администрации...; практической задачей его была бы организация с помощью германских войск... нового фашистского государства, провозглашенного в старой столице!»⁴³⁴. Захват Ленинграда открывает северный путь на Москву вдоль Октябрьской железной дороги — примерно, в 640 км, не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо другим естественным препятствием⁴³⁵.

Юго-Восточное направление

Этот удар направлен прежде всего в сторону Украины и Кавказа. Именно Гофман в Первой мировой был «действительным инициатором создания «независимого украинского государства», признание которого по сепаратному мирному договору, еще до заключения Брест-Литовского мира, он почти вырвал в феврале 1918 г. благодаря личному нажиму на Австрию»⁴³⁶. На этот раз главными целями будут: Киев, чтобы создать правительство сепаратистского украинского фашизма; великая украинская зерновая зона; русский угольный центр в Донбассе и нефтяной центр на Кавказе⁴³⁷. В этих целях Розенберг основал особый украинский отдел, группируя вокруг себя сторонников Петлюры и Скоропадского,

План Гофмана 1936 г.

с последним Геринг поддерживал личные отношения⁴³⁸. Однако выполнение этого плана невозможно без войны, а последняя также невозможна, поскольку Германия не обладает границей с СССР.

Оккупация Австрии станет первым «естественным» шагом на юг, «который должен сделать Вену новой главной базой для южного «крестового похода» и для всего южноевропейского фашизма. Будет ли «младший брат» Шушниг защищаться или нет, но «историческая проблема» аншлюса Австрии», является для Гитлера «детской игрой»⁴³⁹. (Аншлюс Австрии последует через год после выхода книги Э. Генри.)

Следующая стадия — сокрушение Чехословакии, писал Э. Генри за два года до Мюнхена: «Германское нападение на Чехословакию должно произойти в этой войне при любых обстоятельствах...»⁴⁴⁰. Сайдтботэм в «Sunday Times» отмечал: «Не нужно иметь большое воображение, чтобы представить себе план германской кампании, которая, начавшись соединением с Австрией и Венгрией, сначала расправится с Чехословакией и... которая прорвется на Украину, по направлению к Черному морю»⁴⁴¹. Разгром Чехословакии не представляет проблем. Она расположена словно в тисках: между Германией, Австрией, Польшей и Венгрией. В «течение нескольких дней изолированная Чехословакия будет разодрана на клочки... Восстание германских национал-социалистов внутри страны, в Судетском районе... и крайних провенгерских автономистов в Словакии, которое произойдет одновременно с германским, венгерским и польским вторжением, только дополнит картину»⁴⁴².

Настроения Венгрии и Польши не оставляют сомнений в их участии в дележе. Венгрия в сентябре 1935 г., заключила воздушный союз с Германией и строит свои собственные авиабазы против чехов, Польша летом того же года выразила протест против советско-чехословацкого соглашения и отказала в выдаче разрешения проложить новую авиалинию Прага — Москва через польскую территорию. Поло-

жение Чехословакии безнадежно, если ее не поддержат великие державы⁴⁴³.

Дальнейшее продвижение Германии на юго-восток обеспечивает мирная экспансия, которая осуществляется с молчаливого поощрения Англии и Франции, что наиболее ярко проявилось в ремилитаризации рейнской зоны, в истории с «Восточным Локарно» и т.д. К чему вела эта экспансия, не сомневался даже далекий от европейской истории американский посол. Когда его знакомый немецкий д-р Серинг заявил, что: «Экономические интересы Германии должны распространиться на Балканы, где необходимо обменивать промышленные товары на сельскохозяйственную продукцию»⁴⁴⁴, У. Додд ответил, что именно «старая кайзеровская политика экспансии в сторону Константинополя была основной причиной мировой войны, — при этом американский посол отмечал, что Серинг был не одинок. — Все националистически настроенные и даже умеренные немцы инстинктивно придерживаются политики аннексии одних балканских стран и установления господства над другими»⁴⁴⁵.

Мюнхен окончательно воссоздавал условия, приведшие к Первой мировой войне. У. Черчилль тогда писал: «Мы потерпели полное и сокрушительное поражение... Мы находимся в центре грандиозной катастрофы. Путь вниз по Дунаю... дорога к Черному морю открыты.. Все государства Центральной Европы и бассейна Дуная одно за другим будут попадать в орбиту широкой системы нацистской политики... которая диктуется из Берлина.. И не надо думать, что этим все кончится. Это только начало»⁴⁴⁶. Позже У. Черчилль продолжал: *«Я не могу предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России.* Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские стра-

ны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России»⁴⁴⁷.

Главным союзником Германии в реализации ее планов, по мнению Э. Генри, должна была стать Польша. «Еще во время Первой мировой Гофман установил тесный контакт с Пилсудским и его «полковниками» из «Польской военной организации». Уже тогда, в 1917 и 1918 гг., Гофман, будучи в оппозиции к Людендорфу, настаивал на том, что Польша с запада должна быть «поощрена» Германией... и в то же время он поддерживал планы Пилсудского относительно Белоруссии и Литвы (Вильно)». Именно польские войска заняли позиции немецких после Версальского договора для того, чтобы при поддержке Франции, США и Англии начать в 1920 г. новую агрессию (интервенцию) против России.

«Действительным отцом и автором знаменитого германо-польского пакта о союзе, заключенного в 1934 г., является Гофман»⁴⁴⁸. С этого времени Польша активно проводила прогерманскую политику. Так, в 1935 г. министр иностранных дел Германии Нейрат в беседе с американским послом У. Доддом «о состоявшемся недавно в Берлине совещании представителей Германии и Польши», сказал: «Мы в наилучших отношениях (с Польшей). Нашей целью было нанести удар по франко-русскому пакту и не допустить соглашения между дунайскими странами»⁴⁴⁹.

В декабре 1938 г. в докладе 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба Войска Польского подчеркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»⁴⁵⁰. В разговоре с И. фон Риббентропом, состоявшемся в январе 1939 г. в Варшаве:

«Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»⁴⁵¹.

«Черное море само по себе представляет проблему, проливы должны открываться и закрываться в соответствии с нуждами Германии, а не России. Эту проблему можно решить, оказав «нажим» на Турцию, «контролирующую» Дарданеллы. Именно на это нацелена балканская политика германского фашизма — снова разжечь прежние ожесточенные балканские распри. Болгарию, Югославию и Грецию систематически натравливают против Турции»⁴⁵². «Имеется, однако, и другой путь, который обещает как будто гораздо более широкие перспективы... Британия — «исторический враг России на Черном море». Что же, в самом деле, может быть более естественным, чем приглашение, когда придет время, этого исторического врага?... «Заинтересованность» Британии в южнорусском театре военных действий может обеспечить, например, «неприкосновенность» нефтяных источников Кавказа, «судьба» автономных советских республик перед Каспийским морем и за ним — ближе к Центральной Азии»⁴⁵³.

О том, что это предположение Германии не совсем свалилось с неба, можно, например, догадаться по следующим замечаниям, появившимся в «Sunday Times» 3 июня 1934 г. (за подписью «Скрутейтор»). «Как бы мирно мы ни были настроены, мы сами заинтересованы (в случае германского нападения на СССР. — Автор) в том, чтобы послать наш флот в Черное море, хотя бы для того, чтобы помешать пожару охватить и наш Ближний Восток; и мы должны, следовательно, решительно противиться турецкому требованию (об укреплении галлиполийских проливов. — Автор), какими благодетельными ни казались бы выдвигаемые в его защиту предложения»⁴⁵⁴. Не случайно в мае 1936 г. на конференции в Монтре был снят запрет на проход кораблей воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Черное море. Еще до начала войны Финляндии и Советского Союза 30 ноября 1939 г., британское правительство, с молчаливого согласия турец-

ких военных властей и разведслужб, начало разрабатывать план подрывных мероприятий на Кавказе⁴⁵⁵. У советского правительства была информация о британской активности в Турции и Румынии, однозначно направленной против Советского Союза⁴⁵⁶.

Дальний Восток

На Дальнем Востоке союзником Германии должна будет выступить Япония. Последней отводилась на Востоке та же роль, что и Германии на Западе. По словам У. Черчилля, Вашингтонский договор, заключенный между Соединенными Штатами, Великобританией и Японией в 1921 г., может считаться азиатским предшественником Локарнского договора: «Эти два великих договора обеспечивают спокойствие цивилизации. Они представляют собою как бы два великолепных здания мира, прочно и непоколебимо возвышающихся на обоих берегах Атлантики, свидетельствующих о дружественных отношениях великих наций мира...»⁴⁵⁷. Правда, это «здание мира» не касалось СССР, в отношении России у Германии и Японии руки оставались фактически развязаны. Впрочем, не только России, в 1927 г. Япония напала на Китай, на помощь которому пришел СССР, что привело к японо-советскому конфликту.

Конфликт 1929 г. напоминал о событиях, предшествовавших Первой мировой, которая началась с русско-японской войны 1904-1905 гг. Тогда Японию финансировали и поддерживали Англия, Франция, США и Германия. Война привела к резкому ослаблению России и к Первой русской революции. Этим воспользовалась прежде всего Германия, которая навязала России кабальный торговый договор. Когда договор закончился и Россия отказалась продлить его, Германия развязала Первую мировую войну. Она началась ровно десять лет спустя после начала русско-японской войны 1904 г....

Гитлер в «Майн Кампф», разбирая предвоенный период, утверждал, что войну на Востоке необходимо было начинать в 1904 г., добившись союза с Англией: «такой союз с Англией был тогда вполне возможен. Британская дипломатия была достаточно умна... Представим себе только на одну минуту, что наша германская иностранная политика была бы настолько умна, чтобы в 1904 г. взять на себя роль Японии. Представьте себе это хоть на миг, и вы поймете, какие благодетельные последствия это могло бы иметь для Германии»⁴⁵⁸.

Репетиция одновременного нападения с Запада и с Востока на Россию прошла в 1919—1922 г., когда Англия, Франция, Германия, Польша, Япония, США и т.д. вели интервенцию против Советской России. Интервенция по количеству принесенных жертв среди населения России превзошла потери всех стран, вместе взятых, участвовавших в Первой мировой войне⁴⁵⁹.

Спустя десять лет, в 1932 г., дипагент СССР Б. Сквирский сообщал из Вашингтона: «Пресса Скриппса* с начала марта указывала на японские военные агрессивные приготовления против России: «Дальневосточное положение чрезвычайно серьезно. Опасность мировой войны в результате японской агрессии сейчас больше, чем когда Япония напала на Китай... Если Япония атакует Россию с востока, то для Румынии и Польши это послужит поощрением атаковать Россию с запада. Это послужило бы более разрывным побудителем мировой войны, чем убийство эрцгерцога, которым началась последняя война...»⁴⁶⁰ Бюллетень частной статистической и конъюнктурной организации Бабсона от 25 апреля был озаглавлен «Япония будет воевать с Россией». «В нем перечисляются причины, по которым Япония будет воевать с СССР: 1. Японские аристократические правящие круги — смертель-

* 25 газет в различных городах США.

ные враги коммунистов. 2. Японцы считают, что они получили недостаточно в результате русско-японской войны. 3. Японцам нужна часть Юго-Восточной Сибири и вся Маньчжурия для осуществления их планов. 4. Пока Россия слаба, это можно сделать. Настоящее время считается самым подходящим. Дальше говорится: «Но более важной из всех причин является факт, что Англия, Франция и другие крупные страны хотели бы видеть такую войну. Даже США могут простить Японии ее другие действия, если она нанесет этот удар коммунизму»⁴⁶¹.

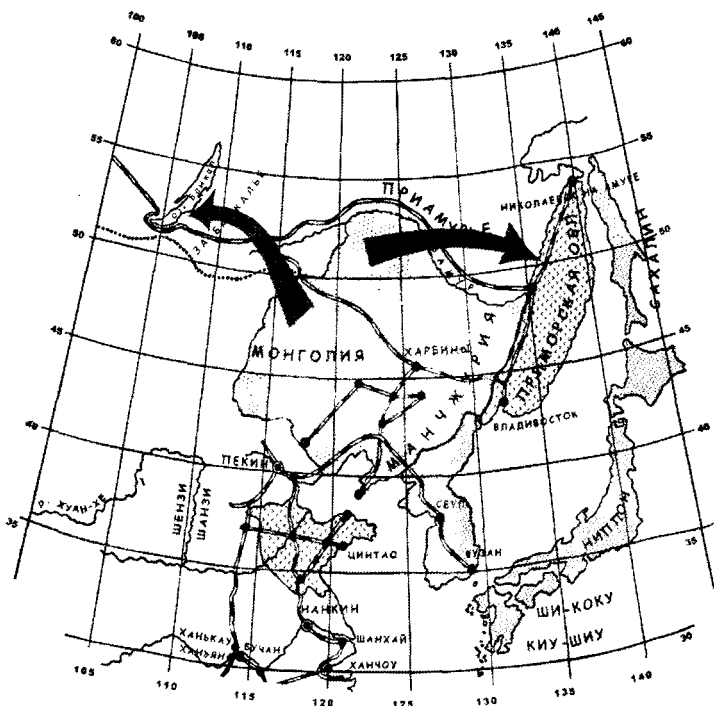
Демократическая «Балтимор сан» писала: «Европейские, американские и японские защитники японского империализма обычно обосновывают свою защиту на теории, что Япония представляет собой наиболее могущественную преграду против коммунизма на Дальнем Востоке»⁴⁶². Пресса Скриппс-Горварда: «Факты показывают, что могущественные французские интересы, включая субсидируемую прессу, поддерживали с самого начала японскую агрессивность. Факты показывают, что правительства Лондона и Парижа спасали Японию от дисциплинарных мер Лиги Наций, на которых настаивали мелкие европейские государства»⁴⁶³. Вашингтонская газета «Ньюз» в те дни писала: «Если кто-либо сомневается, что Россия хочет мира и разоружения, пусть он читает текущие новости из Женевы, из которых видно, что советский министр иностранных дел является единственным лицом, защищающим гуверовский план (относительно агрессии Японии в Китае) в атмосфере враждебных маневрирований со стороны Великобритании и Франции и при молчании американского представителя»⁴⁶⁴.

Приход Гитлера к власти означал, что планы Японии в скором времени могли обрести реальность. Геббельс в августе 1935 г. записывал: «Конфликт Италия-Абиссиния-Англия, затем Япония — Россия уже у порога. Затем придет наш великий исторический шанс. Мы должны быть готовы. Грандиозная перспектива»⁴⁶⁵. Обеспокоенный У. Додд летом

того же года отмечал: «Япония должна господствовать на Дальнем Востоке и захватить Владивосток. Германия должна господствовать в Европе, но прежде всего на Балтике, и, если Россия станет сопротивляться, Япония нападет на нее с востока. Это неминуемо должно случиться, если Лига наций окажется бессильна. Тогда Франция и Италия будут низведены до уровня второстепенных держав, а Балканы перейдут в подчинение к Германии, между тем как Россия останется в своем прежнем положении, как это было в ее историческом прошлом. В конце концов либо Соединенным Штатам придется пойти на сотрудничество Северной и Южной Америки с Германией, либо немцы подчинят себе страны этого полушария»⁴⁶⁶.

Теперь Гитлер стремился лишь заручиться поддержкой британских партнеров: «Германия и Япония могли сообща... напасть с двух сторон на Советский Союз и разгромить его. Таким образом они освободили бы не только Британскую империю от острой угрозы, но и существующий порядок, старую Европу от ее самого заклятого врага и, кроме того, обеспечили бы себе необходимое «жизненное пространство». Эту идею всепланетарного антисоветского союза, — пишет И. Фест, — Гитлер стремился реализовать на протяжении двух лет, пытаясь убедить в ней прежде всего английского партнера. В начале 1936 года он изложил ее лорду Лондондерри и Арнольду Дж. Тойнби»⁴⁶⁷. Очевидно, реакция британской стороны была обнадеживающей, поскольку 9 июня 1936 г. Геббельс записывал: «Фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет. Тогда настанет наш великий час. Тогда мы запасаемся землей на сто лет вперед...»⁴⁶⁸

Англия и Франция действительно вскоре поддержали Японию. Главной задачей последней в Китае было перерезать линии снабжения Чан Кайши из СССР и Британии. Случай представился 14 мая 1939 г., когда японцы блокировали английский и французский сэттльмент (торговое поселение) в

- Территория Японской империи
- Территория, уже захваченная Японией
- Территория, захват которой подготавливается
- Железнодорожные магистрали, проектируемые Японией

*Вероятный план японского вторжения на Дальнем Востоке
(карта приведена в 1922 г. генералом Н. Головиным
и адмиралом А. Бубновым)⁴⁶⁹*

Тяньцзине, поскольку там скрылись четверо китайцев, обвинявшихся японцами в убийстве. Это был принципиальный конфликт — признавать ли право японцев вершить правосудие в Китае? ... 22 июля Великобритания заключила с Японией соглашение Ариты-Крейги, по которому признавала последнюю законной властью на оккупированных ею территориях. Франция не возражала. После соглашения англичане фактически прекратили помощь Чан Кайши, а в 1940 г. и вовсе перекрыли китайско-бирманскую дорогу, по которой снабжались его войска⁴⁷⁰.

Что в итоге?

«Какими должны быть условия второго Брест-Литовска, непосредственные первые результаты похода на Восток? Об этом можно часто читать в фашистской, и не только в германо-фашистской, прессе, — писал Э. Генри, — Суть этих условий состоит в установлении новой Восточноевропейской империи Германии, простирающейся от Белого моря на севере вплоть до Азовского моря на юге, охватывая часть Северной России — Ленинград... Белоруссию, Украину и район Дона. Вместе это составляет примерно половину современной Европейской части СССР, которая должна быть или непосредственно включена в Третью империю, или подчинена номинальному управлению различных германских вассалов (Балтийский орден, Финляндия, Польша, украинские фашисты и пр.)»⁴⁷¹.

«Что касается другой половины Европейской части СССР, то Кавказ должен быть передан грузинским, татарским и другим фашистским сепаратистам (давнишним близким друзьям клики Гофмана — Розенберга); это означает на практике, что Кавказ также попадет под германский контроль; в то время, как другие «зоны» и «сферы влияния», по видимому, оставлены за Великобританией, помимо ее «интересов» в русской Центральной Азии. Сибирь, — продолжал

Э. Генри, — должна стать протекторатом Японии, азиатского участника «крестового похода», и ее буферным государством. От СССР, согласно плану Гитлера — Гофмана, должно остаться после этого только узкое пространство между Москвой и Уралом, и там в качестве нового государства должна быть восстановлена старая «Московия»»⁴⁷².

*В «Нео-Московии» «должно править русско-фашистское правительство, главная деятельность которого должна состоять в истреблении остатков коммунизма, применении системы Геринга (уничтожения непокорных) и раздаче заказов и концессий германским фирмам. Тогда будет закончена «эфиопизация» Восточной Европы...»*⁴⁷³.

Японский посол в Риме — Сиратори в те годы писал, что в результате он хотел бы видеть Россию «слабой капиталистической республикой», ресурсы которой легко можно будет поставить под иностранный контроль⁴⁷⁴. А спустя пять лет после выхода книги Э. Генри, 2 апреля 1941 г. Гитлер подписал план, «согласно которому Россию предлагалось разделить на ее этнические части и, окружив будущую «Московию» кольцом независимых государств, а именно Украиной, Белоруссией, областью Дона и регионом Кавказа, постоянно держать ее «под угрозой»»⁴⁷⁵.

Англия и Франция

Успех плана Гофмана полностью зависел от отношения к нему Великих держав, именно они должны были обеспечить тыл Гитлера на Западе. В начале 1933 г., при первом же политическом разговоре Гитлер сказал, «Риббентроп, главной основой европейской политики является англо-германская дружба»⁴⁷⁶. Гитлер утверждал, вспоминал Геринг, «что Франция ничего не сделает без одобрения Англии и что Париж сделался дипломатическим филиалом Лондона. Следовательно, достаточно было уладить дело с Англией, и тогда на Западе все будет в порядке»⁴⁷⁷. «Фюрер, — показы-

вал на Нюрнбергском трибунале Геринг, — приложил в 1936 году все усилия, чтобы прийти к соглашению с Англией»⁴⁷⁸. «Чтобы добиться союза с Англией, — продолжал Геринг, — он (Гитлер) готов был гарантировать территориальную неприкосновенность Голландии, Бельгии и Франции. Он даже допускал возможность отказаться от Эльзас-Лотарингии... Наконец, он не прочь был подписать азиатский пакт, гарантирующий Индию от покушений со стороны СССР»⁴⁷⁹.

Но лидеры Англии и Франции не ждали призыва Гитлера... они сами обратились к нему. У. Черчилль в начале 1920-х гг. утверждал: «Оптимальным вариантом было бы столкновение Германии и России, а главной задачей момента он считал поощрение немцев к вторжению в Россию: «Пусть гунны убивают большевиков»⁴⁸⁰. В письме Ллойд Джорджу Черчилль повторял: «Следует накормить Германию и заставить ее бороться против большевизма». Дочери Асквита Черчилль, говорил, что его политика заключается в том, чтобы: «Убивать большевиков и лобызаться с гуннами»⁴⁸¹.

У. Черчилль в то время заявлял: «Главной угрозой западной цивилизации является не германский милитаризм, а русский большевизм»⁴⁸². Немецкий писатель Новак отмечал в этой связи — У. Черчилль «ненавистник большевизма, все еще преисполненный мыслью о войне, лелеявший те же идеи, какие лелеял и маршал Фош по поводу многообещающей кампании на Востоке...»⁴⁸³ Новак недвусмысленно намекал, что по отношению к Черчиллю «были бы вполне уместны слова «поджигатель» и «проповедник войны»⁴⁸⁴. Но, может, это была просто истеричная реакция Черчилля, одного из организаторов интервенции в Россию, потерпевшей сокрушительное поражение?

Генерал А. Деникин в своих оценках ссылался уже на более объективные, фундаментальные предпосылки: *«в политических кругах Англии назревало новое течение, едва ли не наиболее грозное для судеб России: опасность большевизма, надвигающаяся на Европу и Азию, слабость проти-*

вобольшевистских сил, невозможность для союзников противопоставить большевикам живую силу, невозможность для Германии выполнить условия мирного договора, не восстановив своей мощи. Отсюда как вывод — необходимость «допустить Германию и Японию покончить с большевизмом, предоставив им за это серьезные экономические выгоды в России»⁴⁸⁵.

Эти планы со временем начинали получать вполне реальные очертания: «16 октября 1925 г. на берегу тихого озера представители четырех великих западных демократий дали торжественную клятву во всех обстоятельствах сохранять мир между собой... Выработанный в Локарно договор, — по словам У. Черчилля, — был окончательно подписан в Лондоне, как это и должно было быть, потому что именно в Англии и возникла идея такой политики...»⁴⁸⁶ Согласно Рейнскому пакту Локарнского договора Франция и Англия гарантировали безопасность западных границ Германии, оставляя открытым вопрос относительно восточных границ... Кроме этого, они предложили Германии три возможных варианта ее участия в акциях (формально под флагом Лиги Наций), направленных против СССР: прямое участие в войне; косвенное участие путем пропуска войск через германскую территорию; применение экономических санкций. Официальный Берлин парафировал Рейнский пакт, однако не дал определенных обязательств относительно участия в антисоветских акциях⁴⁸⁷.

Следующий шаг сделал Бриан, который наряду с Бальфуrom был первым, кто использовал термин «умиротворение». Он заявлял Штреземанну, что получает «**килограммы документов**», доказывающих нелегальное вооружение Германии. «**Я бросаю их в угол, ибо не желаю тратить время на такие пустяки**». На встрече с Штреземанном в 1926 г. Бриан добивался немедленного решения всех острых франко-германских вопросов, предлагая вывод французских войск с оккупированных германских территорий, возврат Саарской области, окончательное определение общей

суммы репараций. Он подтвердил неизбежность франко-германских границ, отменил присутствие французских военных инспекторов в Германии и вывел войска из Германии в 1930 г., на 5 лет раньше истечения срока их пребывания там⁴⁸⁸. В 1928 г. генералы, командовавшие оккупационными войсками (Англии и Франции) проводили маневры на территории Германии, отрабатывая стратегию нападения на Восток⁴⁸⁹. В начале 1929 г. депутат Штеккер отмечал в рейхстаге: «В оборонном бюджете заложены сотни миллионов марок на тайное перевооружение. Так сколько же бронепоездов имеет немецкая железная дорога и у скольких из них сменены колеса с расчетом на русскую ширину железнодорожной колеи?»⁴⁹⁰

Эрбет в декабре 1929 г. призывал Бриана «сделать Румынию более грозной; устранить некоторую слабость, которую польская дипломатия проявляет иногда в отношении Москвы; объединить малые прибалтийские государства... побудить Германию прекратить свои военные отношения с СССР и сделать выбор между политикой Локарно и политикой Рапалло...»⁴⁹¹. Из Франции Фош посылал Гофману приветственные послания через «Neues Wiener Journal»: «Я не настолько безумен, чтобы поверить, что горстка преступных тиранов может и в дальнейшем господствовать над половиной континента и обширными азиатскими территориями. Но ничего не может быть сделано до тех пор, пока Франция и Германия не объединились. Я прошу вас передать мое приветствие генералу Гофману, величайшему поборнику антибольшевистского военного союза»⁴⁹².

В интервью французским «Матэн» и «Пти паризьен» летом 1932-го Папен пичкал французоз угрозой большевизма и призывал к европейскому крестовому походу против него. Все его разговоры сводились к «германо-французскому военному соглашению». В период примерно с 1927—1928 гг. Папен был политическим вожаком группировки Гофмана⁴⁹³. В 1932 г. на лозаннской конференции Папен предлагал создать объединенный штаб западных демократий⁴⁹⁴.

Вице-канцлер Третьего рейха Папен стал одним из главных официальных идеологов «Крестового похода». Папен говорил о великой «европейской миссии» Германии: «Начиная с Карла Великого и обращения в христианство территорий между Эльбой, Одером и Вислой и присоединения германскими рыцарскими орденами Пруссии и Прибалтийских стран германская нация всегда выполняла долг по защите в Центральной Европе не только классических культурных традиций, но даже и самой концепции христианства*. Будь то Чингисхан у Лейпцига, или турки под стенами Вены, или стремление России к незамерзающим портам Запада — мы всегда принимали первый удар, защищая Европу от нападения из Азии. Ощущение исторической миссии имеет глубокие корни в сознании любого немца... Россия является азиатской державой и как таковая не подлежит европеизации»⁴⁹⁵.

22 июня 1941 г. Папен словами министра иностранных дел Турции Сараджоглу скажет *«Это не война, это — крестовый поход»*⁴⁹⁶. Папен счел, что это «подходящий момент обратиться к британскому послу с просьбой запросить свое правительство, не находит ли оно своевременным прекратить военные действия на Западном фронте и объединить усилия для борьбы с державой, чья политика предусматривает уничтожение западной цивилизации»⁴⁹⁷. В тот же день, 22 июня 1941 г., Розенберг провозгласит: *«Сегодня мы начинаем «крестовый поход» против большевизма не для того только, чтобы навсегда освободить от него «нищих русских», но и для того, чтобы осуществлять немецкую мировую политику и обеспечить условия существования для гер-*

* Первый «крестовый поход» того времени против славян состоялся в 1147 г., его возглавлял Генрих Лев, герцог Саксонии и Баварии. В результате похода были захвачены огромные земли к востоку от Эльбы, на которые переселялись немецкие колонисты.

манского рейха..., заменить Сталина новым царем или даже назначить какого-нибудь националистического вождя в той области, которая однажды мобилизовала бы против нас все свои силы»⁴⁹⁸.

Французский парфюмерный магнат П. Коти в том же январе опубликовал статью «Страна красного дьявола». Коти призвал к крестовому походу против Советского Союза «во имя спасения мировой культуры и цивилизации», на что был готов лично пожертвовать 100 миллионов франков. Коти: «Нужен год лишений и бедствий для европейской армии крестоносцев, но зато можно быть уверенным, что через год от большевиков останется только мокрое место»⁴⁹⁹.

У. Черчилль в 1932 г.: **«подчинить своей власти бывшую русскую империю — это не только вопрос военной экспедиции, это вопрос мировой политики... Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии...»⁵⁰⁰.** «Враждебность Черчилля к коммунизму,— отмечал Э. Хьюз,— граничила с заболеванием. И действительно, разве не сам Черчилль выступал за то, чтобы Германия была превращена в бастион против России, и разве не это делало германский фашизм?»⁵⁰¹ Первая попытка реального воплощения этих планов произошла полгода спустя после прихода Гитлера к власти — летом 1933 г. был подписан «Пакт четырех» — Англии, Германии, Франции и Италии. Четыре державы принимали «на себя обязательство... осуществлять политику эффективного сотрудничества с целью поддержания мира... В области европейских отношений они обязуются действовать таким образом, чтобы эта политика мира, в случае необходимости, была также принята другими государствами»⁵⁰². Пакт, подтверждая обязательства государств по Локарнским договорам 1925 г., устанавливал равенство прав Германии в области вооружений. Фактически Пакт был направлен на разрушение Версальской системы и Лиги Наций. Он не был ратифицирован из-за разногласий между его участниками⁵⁰³.

Свою оценку Гитлеру У. Черчилль дал в 1935 г. в книге «Великие современники»: «Хотя никакие последующие политические действия не могут заставить забыть неправильные деяния, история полна примерами, когда люди, добившиеся власти при помощи суровых, жестоких и даже устрашающих методов, тем не менее, если их жизнь рассматривается в целом, расцениваются как великие фигуры, деятельность которых обогатила историю человечества. Так может быть и с Гитлером»⁵⁰⁴. «В мире, объятom пламенем революционного пожара, представитель английской буржуазии и лидер германского нацизма были на одной стороне баррикад. В классовом подходе к оценке событий у них было полное родство душ. «Фош, Хейг, Клемансо, Гинденбург, Муссолини, Гитлер... — писал Э. Хьюз. — Перед ними Черчилль снимал свою шляпу, они принадлежали к его миру»⁵⁰⁵. В 1936 г. член парламента от консерваторов заявлял: «Пусть доблестная маленькая Германия обожрется... красными на Востоке»⁵⁰⁶. Общй лозунг консерваторов призывал: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть»⁵⁰⁷. Сын Черчилля, Рандольф, в то время говорил: «Идеальным исходом будущей войны на Востоке был бы такой, когда последний немец убил бы последнего русского и растянулся мертвым рядом»⁵⁰⁸.

Изменений в этом отношении не произошло и когда премьер-министром стал Чемберлен. По словам К. Кута: премьер-министр «по существу желает доминирования в Европе нацистских идей из-за своего фантастически негативного отношения к Советской России». М. Карлей: «идеологизированное видение Советского Союза буквально пропитывало собой англо-французские правящие круги»⁵⁰⁹. Другой американский историк, Ф. Шуман, отмечал, что многие политические деятели Англии, Франции и США считали, что «предоставление фашистской тройке свободы рук... приведет к германо-японскому нападению на Советский Союз»⁵¹⁰.

Британская разведка считала настоящим врагом Советский Союз, точно так же думал и французский генеральный штаб⁵¹¹. «Эта антисоветская настроенность вела к тому, что разведсводки намеренно искажали данные о военном потенциале Советского Союза. Никто и слышать не хотел о достоинствах нежелательного и опасного союзника. Технические доводы о недостатках в вооружении Красной армии, — по мнению М. Карлея, — просто маскировали антикоммунистическую настроенность некоторых идеологов»⁵¹². Примечательно, что, когда О. Паласс, французский военный атташе в Москве, предоставил информацию о внушительной боеспособности советских вооруженных сил, хотя в ней не скрывались факты о недостаточной наступательной мощи, он был подвергнут яростным гонениям со стороны начальства⁵¹³.

Британская и французская пропаганда в данном случае шла вслед за геббельсовской, которая именно этими тезисами поднимала воинственный дух немцев. Так, в ответ на вопрос одной из его пропагандистских брошюр: «Почему Германия выиграет войну, если она будет сражаться на два фронта?», говорилось: 1. Британия не присоединится к антигерманской стороне... 2. Красная армия находится в совершенно отчаянном состоянии... Советский Союз не может вести победоносную войну...»⁵¹⁴.

Трудность для правящих кругов Лондона, Парижа и т.д. состояла в том, что ни одна нация не поддержала бы открытого призыва к войне. Тем более против Советской России, еще свежи были в памяти события, когда призывы к интервенции в Россию привели Европу к социальному взрыву. Поэтому перед своими народами руководители Франции и Англии выступали как борцы за мир. Политес, по крайней мере хотя бы ради того, чтобы остаться у власти, должен был быть соблюден. Его внешней формой стала политика «умиротворения». Но обман не мог продолжаться вечно, точку на нем поставил Мюнхен. Это утверждал не кто иной, как сам

У. Черчилль, который при этом отмечал, что самым поразительным в позорной сделке в Мюнхене было то, что она произошла публично, предательство было сделано открыто и без тени смущения... При этом англичане и французы вели себя так, словно Советского Союза не существовало⁵¹⁵.

В чем же состояло предательство? Здесь У. Ширер, как и У. Черчилль, смог позволить себе лишь вскользь коснуться вопроса, отметив, что командующий Берлинским военным округом генерал фон Вицлебен «подозревал, что Лондон и Париж тайно предоставили Гитлеру свободу действий на Востоке... точка зрения, которую разделяли многие генералы...»⁵¹⁶. Имели ли эти подозрения какие-либо основания? У. Ширер ушел от ответа, и не случайно. ***Положительный ответ делал Англию и Францию не просто соучастниками фашистской агрессии и Второй мировой войны, а ее прямыми инициаторами.***

О чем же говорят факты? 12 сентября Н. Чемберлен неожиданно обратился к Гитлеру с просьбой о личной встрече, чтобы «выяснить в беседе с ним, есть ли еще какая-нибудь надежда спасти мир»⁵¹⁷. В тот же день он писал своему ближайшему сподвижнику — Ренсиму: «... я сумею убедить его (Гитлера), что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса... Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира... и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, ***можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России***»⁵¹⁸.

Следуя «плану Чемберлена», с конца 1938 г. и до середины марта 1939 г. английское правительство старалось наладить всеобъемлющее политическое и экономическое сотрудничество с Германией. Так, 31 октября посол Германии в Англии после официальной встречи докладывал в Берлин, что «Чемберлен питает полное доверие к фюреру», что, по мнению премьер-министра, Мюнхен «создал основу для пе-

рестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается... английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики». Лондон сулил Берлину за соглашение с ним возврат колоний и финансовую помощь. Ради чего? Дирксен формулировал ответ следующим образом: английская сторона считает, что «после дальнейшего сближения четырех великих европейских держав можно подумать о принятии на себя этими державами определенных обязанностей по обороне или даже *гарантий* против Советской России...»⁵¹⁹. К аналогичным выводам приходил полпред СССР в Лондоне Майский, который месяц спустя сообщал в Москву: «При первой же подходящей okazji он (Н. Чемберлен.—В. Т.) постарается возобновить свой флирт с Германией и свою попытку создания «пакта четырех»»⁵²⁰.

Вполне определенно на цели, которые преследовала политика Англии, Франции... указывал Я. Шахт в своем выступлении перед Нюрнбергским трибуналом: *«Веймарская республика не устраивала некоторые страны Запада из-за заключенного Рапалльского договора. Поэтому на все просьбы и предложения Веймарской республики эти страны отвечали «нет». Но когда к власти пришел Гитлер, все изменилось. Возьмите всю Австрию, ремилитаризируйте Рейнскую область, возьмите Судеты, возьмите полностью Чехословакию, возьмите все, — мы не скажем ни слова. До заключения Мюнхенского пакта Гитлер не осмеливался даже мечтать о включении Судетской области в империю. Единственно, о чем он думал, — это об автономии для Судет. А затем эти глупцы, Даладье и Чемберлен, все преподнесли ему на золотом блюде. Почему они не оказали Веймарской республике хотя бы одну десятую такой поддержки?»* Ответ на этот вопрос в своих мемуарах давал Папен: «ни постоянное пренебрежение Гитлером международными договорами... ни отказ от соблюдения Версальского договора... не препятствовали зарубежным странам заключать с

ним соглашения, покуда они видели в нем защиту от угрозы большевизма. «Умиротворение» — политика, выдуманная не в Германии»⁵²¹.

Позиция Англии относительно Германии ни у кого сомнений не вызывала. Так, летом 1937 г. У. Додд в своей записи беседы с британским послом Гендерсоном замечал: «Хотя я и подозревал, что Гендерсон склонен поддержать германские захваты, я не ожидал, что он пойдет так далеко в своих высказываниях... — Германия должна подчинить себе дунайско-балканскую зону, а это означает ее господство в Европе. Британская империя вместе с Соединенными Штатами должна господствовать на морях. Англия и Германия должны установить тесные отношения, экономические и политические, и господствовать над всем миром. Развивая дальше свою мысль, он заявил: Франция утратила свое значение и не заслуживает поддержки. В Испании хозяином будет Франко»⁵²². Случайно или нет, но на следующий день, 24 июня, была подписана Директива главнокомандующего вермахтом «О единой подготовке вермахта к войне». Премьер-министр Англии С. Болдуин в те дни заявлял: «Нам всем известно желание Германии, изложенное Гитлером в его книге, двинуться на Восток... Если бы в Европе дело дошло до драки, я бы хотел, чтобы она была между нацистами и большевиками»⁵²³.

Пока же стороны рассыпались в комплиментах друг другу. Так, в речи от 5 ноября 1937 г. Гитлер говорил про англичан: «Это народ твердый, упорный и мужественный. Это опасный противник, особенно в обороне. Он способен к организации, любит рисковать и имеет вкус к авантюре. Это народ германской расы, который обладает всеми ее качествами»⁵²⁴. В ноябре 1937 г. Галифакс по поручению нового премьер-министра Чемберлена прибыл в Берлин. После, Галифакс напишет, что «ему понравились все нацистские лидеры, даже Геббельс... Он считает этот режим абсолютно фантастичным, чтобы воспринимать его всерьез...»⁵²⁵

Но главной была встреча с Гитлером. Она состоялась 19 ноября, Галифакс говорил фюреру: мы хотим в Европе мира и спокойствия. И тут роль Германии исключительна. Сегодня она по праву может считаться бастионом Запада против коммунизма. Вы, господин рейхсканцлер, не только оказали большие услуги Германии, но сделали много больше! Уверен, что вы и сами отлично понимаете: уничтожив коммунизм в своей стране, вы сумели преградить ему путь на весь Запад. И теперь нет принципиальных помех общей договоренности Англии и Германии с привлечением Франции и Италии...⁵²⁶, единственной катастрофой является большевизм, все прочее можно урегулировать⁵²⁷. «Галифакс был тогда лордом-председателем совета, вторым лицом в правительстве после премьер-министра. Сохранилась стенограмма беседы Галифакса с Гитлером. Галифакс дал Гитлеру понять, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе...»⁵²⁸. 20 февраля 1938 г. Гитлер в Рейхстаге подтвердит свою приверженность европейской цивилизации, заявив, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза⁵²⁹.

Наиболее наглядным подтверждением единой европейской политики стал Мюнхен. В конце 1938 г. англо-франко-германская комиссия решала все проблемы в пользу Гитлера, референдумы отменили, все смешанные территории были переданы Германии. 4 октября в Париже палата депутатов 535 голосами против 75 одобрила Мюнхен... «против» проголосовали А. де Керильи от правых, социалист Ж. Буи и 73 депутата-коммуниста... Коммунистов кляли как поджигателей войны и приспешников Москвы. «Французы, нет места для отчаяния, — вещала правая пресса, — поражение потерпели только московские вояки. Коммунизм — это война, а война означает коммунизм»⁵³⁰. Аналогично реагировала палата общин в Лондоне, Чемберлен стал почти национальным героем. Президент США 5 октября в послании Чемберлену так же

приветствовал Мюнхенские соглашения. Госдеп устами С. Уэллеса подтвердил, что ее результаты позволят миру «впервые за два десятилетия достигнуть нового мирового порядка на основе справедливости и законности». Американский посол в Англии Дж. Кеннеди призвал: «Демократическим и тоталитарным государствам невыгодно усиливать то, что их разделяет. Они должны с пользой сосредоточить свою энергию на разрешении общих проблем, пытаясь установить добрые отношения»⁵³¹.

Но это было только началом. 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли в Богемию и Моравию. Присоединение будущих протекторатов к Рейху было осуществлено на основании совместного коммюнике Гитлера и президента Чехословакии Гахи, которое гласило: «Обе стороны высказали единодушное мнение, что их усилия должны быть направлены на поддержание спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что для достижения этой цели и мирного урегулирования он готов вверить судьбу чешского народа и самой страны в руки фюрера и германского рейха...»⁵³². Фюреру не оставалось ничего другого, как согласиться.

Вполне естественно, что: «Ни Англия, ни Франция не предприняли ни малейшей попытки спасти Чехословакию, хотя в Мюнхене торжественно давали ей гарантии на случай войны»⁵³³. Э. Галифакс объяснял позицию своей страны тем, что президент Гаха сам дал «согласие» на захват, и таким образом было «естественным способом» покончено с обязанностью Англии и Франции предоставлять гарантии Праге, бывшей «несколько тягостной для правительств обеих стран»⁵³⁴.

При этом правительства Франции и Великобритании совершенно не интересовало, каким образом Гитлер получил столь щедрые предложения Гахи. Вопрос был решен ранним утром того же дня 15 марта, вечером, которого Гитлер с триумфом вошел в Прагу. В то утро Гитлер заявлял Гахе,

«приглашенному» в рейхсканцелярию, что 12 марта «Он отдал приказ германским войскам о вторжении в Чехословакию и присоединении ее к германскому рейху...». 14 марта немецкие войска уже оккупировали Моравску-Оставу и встали на границе Богемии и Моравии. Гитлер продолжал: «В шесть часов немецкие войска вступят на территорию Чехословакии. Ему неловко говорить об этом, но каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия...»⁵³⁵. Гахе было предложено подумать над этим, причем если он не подпишет цитированное выше коммюнике, «то через два часа Прага будет превращена бомбардировщиками в руины, причем это только начало. Сотни бомбардировщиков ожидают приказа на взлет. Они получают его в шесть утра, если на документе не будет подписи»⁵³⁶. У Гахи не было выбора, на помощь «гарантов мира» он даже не надеялся...

16 марта Гитлер аналогичным образом взял под защиту Словакию, в ответ на телеграмму премьера Тисо, составленную в Берлине. Немецкие войска немедленно вошли в Словакию для «защиты»⁵³⁷. У. Чемберлен и по этому поводу заявил: «Никакой агрессии не было!»⁵³⁸, сославшись на провозглашение «независимости» Словакии. «Эта декларация,— сказал он,— покончила изнутри с тем государством, незыблемость границ которого мы гарантировали. Правительство его величества не может считать себя далее связанным этим обещанием»⁵³⁹. По словам У. Ширера: «Таким образом, стратегия Гитлера полностью себя оправдала. Он предложил Чемберлену «выход», и тот его принял. Интересно, что премьер-министр даже не собирался обвинять Гитлера в нарушении слова... Он не высказал ни слова упрека в адрес фюрера...»⁵⁴⁰.

Мало того, Чемберлен откровенно приглашал Гитлера к сотрудничеству: «Правительство его величества не имеет намерения вмешиваться в дела, в которых могут быть непосредственно заинтересованы правительства других стран... Тем не менее оно — этот факт правительство Германии не-

пременно оценит — крайне заинтересовано в успехе мер, предпринимаемых для поддержания атмосферы доверия и ослабления напряженности в *Центральной Европе*. Оно будет сожалеть обо всех действиях, которые могут привести к нарушению атмосферы растущего всеобщего доверия...»⁵⁴¹. О том, что это были не просто слова, говорит тот факт, что Англия передала Германии чехословацкое золото на сумму 6 млн. фунтов стерлингов, которое чехословацкое правительство отправило в подвалы Английского банка накануне оккупации⁵⁴².

Франция старалась не отстать, и, когда 30 января 1939 г. Гитлер, выступая в рейхстаге, заявил, что Германия испытывает экономические трудности, Даладьё воспринял слова фюрера как сигнал к налаживанию франко-германских экономических отношений... После взаимных консультаций 11 марта французское посольство в Берлине передало министру иностранных дел Германии ноту, в которой подчеркивалось желание французского правительства «**наилучшим образом обеспечивать развитие торгового и экономического сотрудничества между Францией и Германией**»⁵⁴³.

Еще в середине октября 1938 г., отмечает С. Кремлев, в Лондон приехала германская экономическая делегация для зондажа о возможностях увеличения немецкого экспорта в английские колонии. 6 ноября заведующий экономическим отделом Форин оффиса Эштон-Гуэткин (входивший ранее в миссию Ренсимена) предложил представителю Рейхсбанка Винке рассмотреть планы предоставления Германии крупных английских кредитов. В середине декабря уже сам президент Рейхсбанка Шахт в том же Лондоне беседует в духе взаимопонимания с управляющим Английским банком Норманом, а в январе 1939-го Норман приезжает в Берлин⁵⁴⁴.

28 января Рейнско-вестфальский угольный синдикат и Горнорудная ассоциация Великобритании подписывают соглашение о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран... 3 февраля Галифакс публич-

но приветствовал создание угольного картеля как «обнадеживающий признак на будущее». 22 февраля Чемберлен был еще более категоричен: «Сближение между Англией и Германией в области торговли окажется лучшим и быстреешим путем для достижения взаимопонимания между обеими странами»⁵⁴⁵.

Нечто подобное происходило и в германо-французских делах. В декабре 1938 г. Риббентроп и Бонне обменялись памятливыми записками о практических мерах по расширению взаимного экономического сотрудничества и экспорта-импорта и сотрудничества отдельных экономических групп, о торговле Германии с французскими колониями. Было решено создать Франко-германский экономический центр и консорциум для эксплуатации французских колоний, строительства портов в Южной Америке, дорог и мостов на Балканах, разработки металлургических месторождений в Гвинее, Марокко...⁵⁴⁶.

В феврале 1939 г. в Дюссельдорфе начались переговоры между двумя самыми влиятельными объединениями деловых кругов Англии и Германии — «Федерацией британской промышленности» и немецкой «Имперской промышленной группой». Лондонский журнал «Экономист» тогда же назвал эти переговоры «беспрецедентными в истории в смысле масштабов»⁵⁴⁷. 15 марта вермахт вошел в Прагу, и в тот же день было подписано Дюссельдорфское англо-германское соглашение, где было сказано, кроме прочего, что «эти совместные действия следует рассматривать как предвестника более широкого международного сотрудничества между промышленными группами, целью которого является повышение потребительской способности в мире, а следовательно, и уровня производства на благо всех участников соглашений»⁵⁴⁸.

Однако вдруг «чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам», — не без удивления вспоминал депутат-консерватор Л. Эмери⁵⁴⁹. Премьер-министр стал обвинять Гитлера в обмане⁵⁵⁰. По словам У. Ширера, через

два дня после ликвидации Чехословакии «на Н. Чемберлена снизошло прозрение. Снизошло оно не само собой. К величайшему удивлению премьера, большинство английских газет (даже «Таймс», но не «Дейли мейл») и палата общин враждебно отнеслись к новой агрессии Гитлера. Более того, многие его сторонники в парламенте и половина членов кабинета восстали против продолжения курса на умиротворение Гитлера. Лорд Галифакс, как сообщал в Берлин немецкий посол, настаивал на всесторонней оценке премьер-министром случившегося и резком изменении курса. Чемберлену стало ясно, что его положение как главы правительства и лидера партии консерваторов под угрозой»⁵⁵¹.

Н. Чемберлен среагировал мгновенно, в своей очередной речи он уже заявлял: «Нам говорят, что захват Чехословакии был продиктован беспорядками внутри этой страны... Если там и были беспорядки, то не стимулировали ли их извне?.. Конец ли это прежней авантюры или начало новой? Станет ли это нападение на малое государство последним или за ним произойдут и другие? Не является ли этот шаг попыткой добиться мирового господства при помощи силы? ...Хотя я не готов связать нашу страну новыми довольно неопределенными обязательствами на случай непредвиденных обстоятельств, было бы большой ошибкой полагать, будто только потому, что наша нация считает войну бессмысленной жестокостью, она настолько утратила боевой дух, что не приложит всех усилий, чтобы противостоять подобному вызову, если он последует». По словам У. Ширера: «Это был важнейший поворотный пункт для Чемберлена и всей Британии, о чем Гитлера уведомил на следующий же день проникательный германский посол в Лондоне. «Было бы иллюзорно считать,— писал Г. фон Дирксен в... отчете в министерство иностранных дел 18 марта,— что в отношении Англии к Германии не произошло резкого поворота»⁵⁵².

Что же произошло в те дни? — Ранним утром 15 марта венгерские войска оккупировали Карпатско-Украинскую республику, провозглашенную на остатках Рутении — восточной части Чехословакии днем раньше*. Сам факт участи Венгрии в разделе чехословацкого наследства, как и Польши, не вызывал споров, поскольку Британия и Франция обещали гарантировать новые границы Чехословакии, только после того как будут удовлетворены претензии Венгрии и Польши. Гитлер не только не возражал, но и сам предложил Рутению Венгрии⁵⁵³.

Однако тем самым Гитлер хоронил проект создания государства «Закарпатская Украина», которое должно было появиться согласно решению Германии и Италии на первом Венском арбитраже 2 ноября 1938 г. «Закарпатская Украина» должна была стать первым шагом на пути создания независимого Украинского государства. Этот шаг был предусмотрен еще в «плане Гофмана», на что указывал в 1936 г. Э. Генри. Руководители Германии, казалось, последовательно шли по пути, начертанному в «плане», по крайней мере они всеми силами поддерживали это

* Прикарпатская (Закарпатская) Русь — Ужгород, Мукачево, Хуст, Свалява — после Версаля и Сен-Жермена была отдана союзниками Чехословакии против воли самих жителей Верховины и Закарпатья. «Мы хотим объединиться с Советами на Украине. Хотим объединиться с целой Украиной — Русью, где наш русский язык и где бедный народ получает землю и волю» — это слова из манифеста Свалявской народной рады». Однако, как заявил В. Вильсон 21 октября 1918 г.: «Стремления закарпатских украинцев непрактичны и не встретят согласия со стороны союзных государств».

Журналист Лагута и юрисконсульт «Дженерал моторс» Жаткович срочно создали «Американскую народную раду русинов» с президентом Гордошем, фабрикантом, во главе, появилось и «Объединение греко-католических русских братьев в США». 12 ноября 1918 г. в американском Скрантоне созвали Конгресс русинов, тут же отбивший телеграмму в Белый дом. Оказывается, американские русины жить не могли без того, чтобы их историческую родину включили в состав той Чехословакии, которую вскоре сформировали в Париже. На этот раз Вильсон реагировал иначе. В ответной телеграмме он писал: «Уважаемый господин Жаткович! Благодарю Вас за письмо от 15 ноября... Радуюсь с Вами успеху, которого Вы достигли на пути к лучшему будущему». (Кремлев С. Путь к пакту. С. 334—335).

мнение в правящих кругах Англии и Франции. Так, Л. Гарт приводил в своей книге сведения, которые подтвердил и сам У. Черчилль, что в 1937 г. Риббентроп пригласил его для беседы, главный смысл которой заключался в предложении, «чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужен лебенсraum, или жизненное пространство... Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха...»⁵⁵⁴.

У. Черчилля не надо было в этом убеждать, поскольку он сам был автором этой идеи в 1920 г., предлагая накормить Европу Украиной, за счет большевистской России: «Именно на Украине... могла бы Европа рассчитывать получить требуемые запасы продовольствия»⁵⁵⁵. Мнение борца за демократию полностью совпадало с мнением Людендорфа: «На Украине надо было подавить большевизм и создать там условия для извлечения военных выгод и вывоза хлеба и сырья»⁵⁵⁶. После поражения Германии дело Людендорфа продолжают У. Черчилль и Клемансо, оказав активную поддержку польской агрессии 1920-1921 гг., целью которой была Украина.

В ноябре 1938 — марте 1939 гг. тема похода Гитлера на Украину была наиболее дискутируемой в дипломатических кругах⁵⁵⁷. Так, американские наблюдатели отмечали «устойчивое мнение» влиятельных французских кругов о возможности сосуществования Франции и Германии «путем отказа от Центральной и Восточной Европы в пользу Германии»⁵⁵⁸. Сценарий захвата Украины должен был быть точно таким же, как Австрии и Чехословакии.

Сомнений в том, на чьей стороне будет «европейская общественность» не было, как отмечает А. Шубин, «борьба за самоопределение» украинцев против СССР, находившегося в полной международной изоляции, была бы поддержана всей Европой»⁵⁵⁹. О степени этой изоляции свидетельствуют воспоминания В. Шуленбурга, который, пересекая в ноябре 1938 г. советско-польскую границу, обнаружил, что едет в поезде

один⁵⁶⁰. Мало того, эта изоляция демонстративно подчеркивалась — «Пока Чемберлен трижды летал в 1938 г. в Германию, ни один из британских министров не пожелал принять участие в московских переговорах, и это несмотря на то, что русские настойчиво приглашали прибыть в Москву министра иностранных дел Великобритании Галифакса... — отмечал английский корреспондент, — Британское правительство проявляет демонстративное пренебрежение к советскому послу. За 3,5 месяца посол только 1 раз имел возможность беседовать с министром Галифаксом, а СССР не был поставлен в известность о переговорах Чемберлена в Риме и Париже»⁵⁶¹.

Но за Украиной стояли не Англия и Франция, а СССР, таким образом вопрос об Украине становился вопросом о европейской войне. Войне между СССР и Германией. Во Франции по этому поводу не только царил эйфория, но французы активно подталкивали Германию по этому пути, публично поддерживая планы создания «Великой Украины».

Так, в декабре 1938 г., когда появилась совместная франко-германская декларация, посол в Берлине Р. Кулондр сообщал: «Цель (немцев) кажется, уже определена — создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии... сломить Румынию... привлечь на свою сторону Польшу... В военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку»⁵⁶². Выступления французского журналиста Ф. де Бринона в Риме в поддержку германского завоевания Украины, по мнению М. Литвинова, отражали точку зрения многих французских политиков, считавших это завоевание «чудесным лекарством», которое спасет страну от германской угрозы⁵⁶³.

Одновременно представители Англии и Франции извещали о возможности подобного конфликта советских послов. Так, 8 декабря в Париже Мандель предупреждал советского посла Сурица, что следующей целью Гитлера будет

Украина, но еще раньше судьбу Чехословакии разделят Польша и Румыния⁵⁶⁴. Аналогичное предупреждение 30 ноября сделал советник Чемберлена Г. Вильсон советскому послу Майскому: «Следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»⁵⁶⁵.

Реакция И. Сталина на подобные «предупреждения» была отражена в его выступлении 10 марта на XVIII съезде Коммунистической партии Советского Союза (со слов Шуленбурга):

«Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора... Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии... и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований»⁵⁶⁶. Речь И. Сталина на съезде, по словам М. Карля, была «выстрелом из пушки против англо-французских стрел»⁵⁶⁷: «некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика,

как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты... Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей армии и флота...»⁵⁶⁸.

Несомненно речь Сталина оказала свое воздействие на решение Гитлера. Хотя сомнения в «добропорядочности» последнего и его следовании «плану Гофмана» появились у англичан раньше — в начале 1939 г. Тогда в январе на дипломатическом приеме Гитлер открыто продемонстрировал свои намерения в улучшении отношений с СССР. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже месяц назад. Так, 19 декабря 1938 г. без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил СССР возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Советская сторона 11 января согласилась начать экономические переговоры... *Затем Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем «Великой Украины»⁵⁶⁹.*

Эти тенденции напугали официальный Лондон и Париж, которые совместно торпедировали германо-советское сближение. Э. Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией. С тех пор есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер... рассматривает вопрос о нападении на западные страны в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке»⁵⁷⁰. Перелом произошел в середине марта, тогда французское общественное мнение все больше уверовало, экспансия Гитлера на вос-

ток была просто подготовкой перед наступлением на запад, 15 марта Суриц сообщал из Парижа: «В этом отношении речь Сталина произвела очень сильное впечатление»⁵⁷¹.

Вероятность переориентации Гитлера с Востока на Запад давно уже вызывала беспокойство в Англии и Франции. И было отчего Гитлер вышел из «Версаля». Что он значил для Гитлера, можно сказать словами Ленина, отстаивавшего в свое время Брестский мир: «Бывал заключаем мир и более тяжелый, заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии... Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир... вошел в историю, как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, пока международная ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного войнами и поражениями немецкого народа и пока он снова не воскрес к новой жизни»⁵⁷². Гитлер не знал слов Ленина, отмечает С. Кремлев, но однажды на вопрос англичан о прочности своих договорных обязательств резко и резонно заметил: «Если бы Блюхер оглядывался на договоры с Наполеоном, то Веллингтон так и остался бы без помощи»⁵⁷³. В 1935 г. Гитлер говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и перевооружиться»...⁵⁷⁴.

Удар Гитлера по Украине, отмечал М. Карлей, «был приятный, внушающий иллюзии, но самообман, ибо, насытившись на востоке, Гитлер мог повернуть и с удвоенной силой обрушиться на запад, как это предвидел, например, Черчилль»⁵⁷⁵. До У. Черчилля это предвидел Э. Генри в 1936 г., и очевидно его предупреждение не осталось незамеченным. Так, например, А. Эйнштейн писал о книге «Гитлер над СССР»: «Если эта книга встретит такое понимание, какого она заслуживает, то ее

влияние на развитие отношений в Европе не может стать решающим...». Э. Генри утверждал: «Теперь, во всяком случае, становится совершенно ясным чудовищное политическое и военное мошенничество, которое совершает Гитлер, выдвигая формулу особой «восточной стратегии». Нет сепаратных «восточной» и «западной» стратегий германского фашизма. Есть только первая и вторая стадии проведения наступления в целом, в которой первая стадия делает вторую несомненно возможной и безусловно осуществимой»⁵⁷⁶. «Та же самая армия, когда она окончательно завладеет добычей, согласно плану Гофмана, должна проследовать назад. Победоносные фашистские орды повернут на Запад!... Что станет тогда с «западноевропейской демократией»? Что станет с Британией?»⁵⁷⁷

Вступление Гитлера в Прагу в этой связи, по мнению Папена, носило символическое значение, оно фактически хоронило «атмосферу растущего всеобщего доверия», на которую надеялись в Лондоне: «Последствия этого были ясны всякому, кто обладал хотя бы малейшей политической проницательностью»⁵⁷⁸. Впрочем, говорить об «атмосфере растущего всеобщего доверия» было бы слишком оптимистично. Для оправдания этого доверия Великих Демократий Германия должна была вступить в войну не на жизнь, а на смерть с Советской Россией. Украина становилась только поводом. Гитлер в достаточной мере осознавал, куда толкают Германию «всеобщее доверие» и жизненные интересы Британской империи:

Говоря о последних, известный полковник Поллок писал: *«До тех пор пока европейские державы разделены на группы и мы в состоянии будем противопоставлять их одну другой, — Британская империя может не опасаться своих врагов, кроме Палаты Общин.* Совсем не из любви к прекрасным глазам Франции решаемся мы поддержать ее против Германии, как не из рыцарских побуждений становились мы на защиту угнетенных наций сто лет назад. В международной политике нет места чувствам. Мы сражались с Наполеоном не на жизнь, а на смерть

по тем же причинам, по каким в недалеком будущем будем сражаться с Германией или позднее с другой державою. Короче говоря, наша внешняя политика в высокой степени эгоистична, и не потому, что мы желали этого, а потому, что у нас нет выбора... Наше назначение и состоит в том, чтобы быть или вершителем европейских дел, или ничем!»⁵⁷⁹ Интересно, что написано это было еще накануне Первой мировой войны.

Германия лишь временный «союзник» для уничтожения большевизма, но Англия «не имеет постоянных союзников, а имеет лишь постоянные интересы». Какие? — О них говорил, например, Д. Купер, и его слова отражали общую точку зрения британского истеблишмента, которой последний придерживался на протяжении веков: *«главный интерес нашей страны заключается в предотвращении доминирования одной страны в Европе»*, «нацистская Германия представляет собой самую мощную державу, которая когда-либо доминировала в Европе», противодействие ей «совершенно очевидно соответствует британским интересам»⁵⁸⁰. Сам У. Чемберлен утверждал: «Наш общий курс в отношении Германии направлен не на защиту отдельных стран, которые могут оказаться под угрозой с ее стороны, а на предотвращение германского господства на континенте, в результате чего Германия усилится настолько, что сможет угрожать нашей безопасности»⁵⁸¹. По словам Дж. Фуллера: «Величие Британии было создано и сохранялось поддержанием равновесия сил, ее будущая безопасность зависела от восстановления равновесия»⁵⁸².

Гитлер не строил иллюзий на этот счет. Еще в «Майн Кампф» он писал: *«Желание Англии было и остается — не допустить, чтобы какая бы то ни было европейская континентальная держава выросла в мировой фактор, для чего Англии необходимо, чтобы силы отдельных европейских государств уравнивали друг друга. В этом Англия видит предпосылку своей собственной мировой гегемонии»*⁵⁸³. В мае 1939 г. Гитлер заявлял: «Англия — это двига-

тель антигерманских сил. Она видит в нашем развитии зарождение новой гегемонии, которая ее ослабит. Мы должны подготовиться к борьбе с ней. И это будет борьба не на жизнь, а на смерть. Наша конечная цель — поставить Англию на колени»⁵⁸⁴.

Идеалом для Англии было столкновение Германии и СССР, их взаимное ослабление, а еще лучше — уничтожение. Пространство от границ Франции до Урала и дальше в этом случае превращались в новую Америку (времен ее покорения), свободную для экспансии «Великих демократий». *Вторая мировая война была выгодна для Лондона.* Политика «нейтралитета», невмешательства, «растущего всеобщего доверия» в тех конкретных условиях становилась ни чем иным, как новой формой традиционной английской «дешевой империалистической политики», неизбежно толкающей мир к войне.

Отмечая этот факт, И. Сталин на XVIII съезде партии заявлял: *«Главная причина (начала Второй мировой войны) состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»... Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищает себя от агрессоров как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии, впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским*

Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!....»⁵⁸⁵

Но почему же Гитлер внес изменения в «план Гофмана»? Ведь завоевание Украины усилило бы его. Однако он, очевидно, не был уверен в слабости СССР, как уверяли в том западные «демократии». Война против СССР для него была гораздо большим риском, чем война против Польши, Англии и Франции, вместе взятых. Поэтому прежде, чем повернуть на Восток, он решил обеспечить себе более надежные тылы на Западе. Именно это мнение высказывал Литвинов в беседе с французским послом в Москве Кулондром: «Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями... либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам... В первом случае... вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. *Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное»*⁵⁸⁶.

А что же Россия? — Советский Союз был единственной страной, официально выступившей против Мюнхенского сговора. Позицию СССР отражали слова Литвинова, который в дни чехословацкого кризиса убеждал Э. Галифакса: «Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровскую мотивировку за чистую монету. Она делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев, и стоит эти права расширить, как опасность будет немедленно устранена. На самом же деле Гитлеру так же мало дела до судетских, как и до тирольских немцев. Речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе»⁵⁸⁷.

Колебания Франции в выполнении своих обязательств по франко-чехословацкому договору, не изменили позиции Советского Союза, он был готов выступить даже в одиночку. 26 апреля 1938 г. М. Калинин заявлял относительно франко-советско-чехословацкого пакта 1935 г.: «пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»⁵⁸⁸. Это заявление было сделано не смотря на то, что 1 марта 1938 г. был продлен советско-германский хозяйственный договор 1936 г., по-прежнему предоставлявший СССР торговый режим наибольшего благоприятствования, в котором ему отказывали западные «демократии», в том числе и та же Франция.

СССР не собирался защищать преступления Версаля, однако в данной ситуации, по мнению советского руководства, у него не было другого выхода. По этому поводу Литвинов говорил Шуленбургу, что не СССР «создавал чехословацкое государство, но должен противостоять любому подъему гитлеровской Германии, вдохновляемой духом агрессии. Несомненно, СССР занял бы в этом кризисе другую позицию, если бы все еще существовала прежняя веймарская демократия. Ведь Советский Союз всегда выступал за принцип права народов распоряжаться своей судьбой»⁵⁸⁹.

Советской армии нужен лишь проход через территорию Польши и Румынии. Проход для предотвращения агрессии был предусмотрен статьей 16, пункт 3, устава Лиги Наций. Однако Польша и Румыния категорически отказались пропустить через свои территории советские войска. Так, 22 мая 1938 г. польский посол Лукасевич заявлял министру иностранных дел Франции Бонне, что Польша не пошевелится, если Германия нападет на Чехословакию. Бонне поинтересовался: А если Франция выполнит свои обязательства и вместе с Лондоном поддержит Чехословакию? Лукасевич: «По франко-польскому пакту наша страна имеет перед Францией обязательства только в том случае, если последняя подвергнется нападению. А в рассматриваемой ситуации агрессором будет

Франция...». Что касается участия СССР, Лукасевич изрек: «Русские — наши злейшие враги. Если потребуется, мы силой будем противостоять любому проникновению русских на нашу территорию и даже любому пролету русских самолетов. Чехи? Они недостойны того интереса, который вы к ним проявляете...»⁵⁹⁰. Польский журналист Свенцицкий заявлял своему советскому коллеге Н. Пальгунову: «Мы никогда не пустим ваши войска на свою территорию. Никогда, зачем бы и с чем бы они к нам ни шли!»⁵⁹¹

Тем не менее, 21 сентября Литвинов подтвердил, что СССР готов оказать военную помощь Чехословакии. СССР сосредоточил на своих западных границах 60 пехотных, 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 танковые и 17 воздушных бригад⁵⁹². Из запаса было призвано 328,7 тыс. человек. Несмотря на отсутствие разрешения на пролет советской авиации над чужой территорией, 28 сентября нарком обороны СССР доложил о готовности к переброске в Чехословакию 548 военных самолетов. Всего на западе страны было сосредоточено 2690 самолетов⁵⁹³.

Польша в свою очередь сосредотачивала свои войска на чехословацкой границе. И 23 сентября последовало официальное заявление советского правительства, в котором оно предупредило, что *в случае занятия польскими войсками территории Чехословакии правительство СССР без предупреждения денонсирует договор о ненападении с Польшей 1932 г.*⁵⁹⁴ Ответ последовал в тот же день — правительство Польской республики «ни перед кем не обязано давать объяснения»⁵⁹⁵. 30 сентября польские войска оккупируют Тешинскую область Чехословакии.

Однако Советская армия не тронулась с места. Это дало повод многочисленным «западным историкам» обвинить СССР в обмане. Так, С. Случ указывает на «кардинальное» изменение политики СССР, который в 1935 г. обещал прийти на помощь вне зависимости от Польши и Румынии, а теперь предлагал действовать с учетом «неизбежно ограниченных возможностей»⁵⁹⁶. Стоит отметить, что на серьезность этих

«ограничений» однозначно указывала Польша, которая 8-11 сентября организовала на польско-советской границе крупнейшие в истории страны военные маневры⁵⁹⁷. Они завершились грандиозным 7-часовым парадом в Луцке, который принимал лично Рыдз-Смиглы⁵⁹⁸.

Но возможности Советского Союза ограничивали отнюдь не польские демонстрации. Чтобы прийти на помощь, СССР требовалось официальное обращение правительства Чехословакии с соответствующей просьбой. Бенеш предпочел капитулировать. Свет на причину решения чехословацкого правительства проливают выводы, к которым оно пришло на своем заседании 30 сентября: «Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдет война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой»⁵⁹⁹. Действительно, вторжение СССР в Польшу и Румынию «без приглашения», в данном случае, неизбежно было бы расценено всеми европейскими странами, как агрессия против Европы.

СССР в свою очередь, ради сохранения отношений, не пошел даже на денонсацию договора о ненападении с Польшей⁶⁰⁰. Тем самым он вызвал массивные обвинения в двуличности со стороны Запада. А ведь так все замечательно складывалось. В беседе с Майским еще 24 марта 1938 г. Черчилль ругал Троцкого и хвалил Сталина и тут же призывал Майского: «Докажите перед лицом всего мира, что все рассказы о вашей слабости лишены всяких оснований... Такой эффект могло бы иметь ваше торжественное и совершенно твердое заявление об оказании серьезной помощи Чехословакии в случае агрессии против нее»⁶⁰¹. Аналогичные фразы повторяли и Бонне, и многие другие. Еще чуть чуть и ...

Три десятилетия спустя американский профессор А. Улам в этой связи заметил: «Советская дипломатия между октябрём (1938 г.) и мартом (1939 г.) обнаружила великолепное хладнокровие и силу нервов»⁶⁰². Тем не менее «кардинальное» изменение в политике СССР после Мюнхена действительно произошло. У Сталина исчезли последние иллюзии

относительно мирных целей и союзнической добросовестности Англии и Франции. Американский посол в СССР Дэвис сообщал в Вашингтон свое мнение, что советская политика «коллективной безопасности» с англичанами и французами почти провалилась и что Москва может попытаться создать «в недалеком будущем союз... с Германией». Он также был убежден в «способности [Советского Союза] защитить себя от нападения с востока и запада». 1 апреля 1938 г. он телеграфировал госсекретарю Халлу, что Москва считает себя окруженной врагами и что ей приходится иметь дело с «враждебностью со стороны всех капиталистических государств»⁶⁰³. Общее мнение советского правительства выражал в своем послании из Лондона посол Майский: *«Лига Наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака»*⁶⁰⁴.

На этот раз Сталина был вынужден поддержать даже У. Черчилль: *«Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы. Такой крах не принесет мира или безопасности ни Англии, ни Франции. Наоборот, он поставит эти две страны в положение, которое будет становиться все слабее и опаснее... Речь идет об угрозе не только Чехословакии, но и свободе и демократии всех стран... Военный потенциал Германии будет возрастать в течение короткого времени гораздо быстрее, чем Франция и Англия смогут завершить мероприятия, необходимые для их обороны»*⁶⁰⁵.

ЧЕРЧИЛЛЬ

Двойственная позиция У. Черчилля порой вызывает некоторое недоумение. Ведь именно Черчилль был автором той политики, которую теперь осуществлял Чемберлен,

и именно Черчилль в 1930 —е гг. неожиданно стал самым яростным оппонентом премьер-министра. Один из основных и непримиримых организаторов интервенции, стремившийся, по его собственным словам, любой ценой «задушить большевиков в колыбели», теперь, защищая союз с ними, вступал в прямой конфликт с правительством. «Я прошу правительство Его Величества затвердить в своих головах эти простые истины, — говорил Черчилль. — Без эффективного фронта на востоке не может быть никакой эффективной защиты наших интересов на западе, а никакого эффективного фронта на востоке не может быть без России»⁶⁰⁶. Ни одна из популярных газет не поместила этой речи, зато полно излагалась речь премьера Чемберлена. На следующий день «Ивнинг стандарт» расторгла контракт с Черчиллем, поскольку (объяснил редактор) «ваши взгляды на внешнюю политику совершенно очевидно противоречат воззрениям нации»⁶⁰⁷.

В Англии у одних Черчилль вызывал омерзение, именно эти эмоции сквозят в словах Ченнона отмечавшего, как Черчилль, Ллойд Джордж и еще несколько человек «ликующей толпой окружили Майского... этого посла террора, убийств и всяческих мыслимых преступлений»⁶⁰⁸. У других восхищение, например, лорд Бусби, который писал: «С 1935 по 1939 год я наблюдал политических лидеров Британии, и я пришел к заключению, которое с тех пор не изменилось: за двумя исключениями, У. Черчилль и Л. Эмери, они были запуганными людьми... жалкая комбинация трусости и жадности»⁶⁰⁹.

В чем же причина, заставившая Черчилля кардинально поменять свое отношение к Советской России?

Наиболее популярные версии гласят, что с 1935 г. для Черчилля Германия представляла большую угрозу, чем Советская Россия, и что Черчилль использовал антифашистскую и воинственную риторику в борьбе за власть. Этим версиям, в частности, придерживается Э. Хьюз: «Весьма

вероятно, что политическая амбиция была самым важным фактором, который привел к тому, что Черчилль превратился в одного из настойчивых противников Гитлера и предпринял попытку поднять Англию против нацизма... Его антагонизм в отношении Гитлера был порожден страхом, что Германия при нацистах может стать слишком мощной и бросить вызов английской гегемонии в Западной Европе. Этот антагонизм объяснялся убеждением Черчилля, что, поднимая Англию против Гитлера, он сможет опять завоевать какой-либо правительственный пост». Чемберлен вообще полагал, что воинственные речи У. Черчилля служат только одной цели — борьбе за власть. Американский публицист Ф. Нейльсон в свою очередь отмечал: «Без Гитлера и событий, которые стимулировали его действия, Черчилль никогда бы больше не вернулся к власти»⁶¹⁰.

На практике позиция У. Черчилля отличалась от политики Чемберлена тем, что первый делал ставку на Германию, а второй на Россию. У. Черчилль считал войну неизбежной и, как и Чемберлен, предпочитал, чтобы эта война грянула на Востоке. Никаких мыслей о каких-либо равноправных, допропорядочных отношениях с Россией, тем более советской, у Черчилля не было и в помине. Только прагматизм, традиционные интересы Британской империи и своего класса любой ценой. Отношение Черчилля к России передают слова его сторонника Ллойд Джорджа: «Уже много месяцев мы занимаемся тем, что смотрим в зубы этому могучему коню, который достается нам в подарок»⁶¹¹. Именно на шее этого дармового коня, которого, не жалея сил, они же сами пытались удушить, Англия и Франция хотели выехать из того ада, который сами же создали в Версале.

Над Черчиллем довлел опыт Первой мировой войны. Черчилль и Ллойд Джордж в отличие от Чемберлена почувствовали на себе и помнили всеокрушающую мощь германского вермахта. Они понимали, что Германия пред-

ставляет для Англии гораздо большую угрозу, чем большевизм. Свежи были и воспоминания о том, как Россия пала в Первой мировой, поставив под угрозу поражения Западный фронт. Не зря Черчилль убеждал Майского: «Слабость России была бы фатальной для безопасности Британской империи. Нам нужна сильная Россия. Нам больше всего нужна сильная Россия»⁶¹². Именно исходя из этих соображений, У. Черчилль рассчитывал если не избежать войны, то начать ее, как можно раньше, что давало больше шансов на победы над Германией с минимальными потерями.

Война между Германией и Россией соответствовала основополагающим принципам политики У. Черчилля, говоря о которых Бродрик однажды заметил: «Черчилль пришел в палату общин для того, чтобы проповедовать империализм, но он не готов нести бремя расходов, налагаемых проведением империалистической политики... **Это наследственное желание вести дешевую империалистическую политику**»⁶¹³. А. Вандам еще в 1912 г. назвал эту политику «утонченным деспотизмом Англии»⁶¹⁴. Английский историк Р. Родс Джеймс отмечал: «Империализм Черчилля носил по существу националистический характер. Империя была инструментом, который обеспечивал Британию мировые позиции, которых у нее в противном случае не было бы»⁶¹⁵.

Пока же официальный Лондон и Париж были заняты ... вооружением Гитлера. Директива последнего по операции «Грюн» гласила: «В период операции в интересах скорейшего повышения общего военно-экономического потенциала необходимо быстрое выявление и восстановление важных предприятий... По этой причине для нас имеет решающее значение обеспечить сохранность чешских заводов и промышленных сооружений, насколько это возможно в ходе военных операций»⁶¹⁶. Однако восстанавливать предпри-

ятия не пришлось. Англия и Франция сдали Гитлеру не только все чешские заводы, но и фермы, дома, коммуникации и т.д. нетронутыми, выселяемые чехи не могли забрать даже свой скот и собранный урожай. Советский полпред в Париже по этому поводу сообщал: «Французский обыватель с бухгалтерской точностью, свойственной каждому рядовому французу, подсчитывает количество людей, территории, золота, естественных богатств, которые сейчас захватила Германия, и приходит в ужас. Нужно отметить совершенно исключительную по своему размаху и единодушию волну возмущения и ожесточения против немцев»⁶¹⁷.

Захваченные в Чехословакии ресурсы и мощности позволили Гитлеру в дальнейшем вооружить и обеспечить 1,5 млн. армию. Наиболее весомым чешским подарком Германии, который сделали Англия и Франция, были заводы «Шкода». По словам У. Черчилля «чешские заводы «Шкода» представляли собой... военно-индустриальный комплекс, который произвел между сентябрем 1938 и сентябрем 1939 года почти столько же военной продукции, сколько вся военная промышленность Англии!»⁶¹⁸. Главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс на Нюрнбергском процессе заявлял: «совершенно очевидно, что захват этих двух государств (Австрии и Чехословакии), их ресурсов, человеческих ресурсов и военного производства неизмеримо усилили позицию Германии...»⁶¹⁹. Геббельс отмечал этот факт еще в марте 1941 г.: «Фюрер очень хвалит прилежание и изобретательный талант чехов. Завод Шкода сослужил в этой войне величайшую службу... Крупп, Рейн-металл и Шкода — наши три большие оружейные кузницы»⁶²⁰. Чешские танки участвовали в захвате самой Франции и Польши, а 22 июня 1941 г. границу СССР перешли 970 танков чешского производства, составлявших четверть всей танковой мощи вермахта.

Но это была лишь часть чешского наследства, доставшегося Германии от Мюнхена. Как отмечает И. Фест: «Англия и

Франция почти полностью лишилась авторитета, на их слова отныне, казалось, больше никто не обращал внимания, и скоро другие державы, в особенности восточноевропейские, каждая на свой страх и риск, начали пытаться поладить с Гитлером»⁶²¹.

Так, та же Чехия фактически стала союзником фашистской Германии. Чешские заводы исправно работали на вермахт: «строили бронетранспортеры и самоходки, тачали сапоги, патроны миллионами штук и снаряды сотнями тысяч производили»*. Аналогичная участь ожидала прибалтийские страны, выполнение «плана Гофмана» шло своим чередом. 7 марта в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда⁶²².

23 марта 1939 г. под угрозой вторжения Германия в очередной раз восстановила историческую справедливость, заставив Литву вернуть ей порт Мемель (Клайпеда), отторгнутый Литвой у Германии под шум Рурского кризиса в январе 1923 г. В Мемеле уже в конце 1938 г. на выборах местные нацисты получили голоса 90% избирателей. «Свершилось еще одно бескровное завоевание»⁶²³. Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис попытался повлиять на Германию воспользовавшись коронацией нового папы Пия XII. Но, как пишет С. Кремлев: «Папа жалобы верного сына католической церкви воспринял холодно и поинтересовался одним — ощущает ли его литовская паства угрозы с советского

* Например, инженеры чешских фирм МВВ (бывшая «Прага») и «Шкода» на базе своего танка LT-38 создали для вермахта самоходные орудия «Мардер» и «Хетцер». С апреля 1944-го по 9 мая 1945-го с конвейеров сошло 2584 самоходки «Хетцер», крайне эффективных в борьбе с русскими танками, что немецкие танковые генералы в один голос подтверждают. (Усовский А... с. 46). Мало того, судя по количеству чехословацких военнопленных, количество чехословаков, участвовавших в «походе» против СССР, достигало 200 тыс. чел. Впрочем не в первый раз.

Востока?»⁶²⁴ Правительства Англии и Франции не воспрепятствовали этому новому акту германской агрессии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи*. 15 мая Великобритания признала возврат Мемеля к Германии.

В те же дни Германия навязала Румынии хозяйственный договор, который обеспечивал Рейх нефтью. Германия становилась хозяином ресурсов и промышленности Восточной Европы⁶²⁵. В апреле воодушевленная примером Гитлера и подбодренная попустительством английского правительства Италия захватила Албанию.

* В 1924 г. представители Франции, Англии, Италии и Японии подписали в Париже конвенцию, согласно которой Клайпедский край признавался составной частью Литвы. (Ширер У..., т.1, с. 497, примеч. авт.)

ПОСЛЕДНИЙ ПАКТ

Апокалипсическое настроение охватило нынче землю. Нас уже не оставляет ощущение близящегося рока.

*В. Шубарт, 1939 г.*⁶²⁶

Направление следующего удара возникло неожиданно, хотя пока ничто не предвещало грозы.

В первые годы своего существования в XX веке Польша вела захватнические войны против всех своих соседей — России, Германии, Литвы, Чехословакии. У. Ширер в полном соответствии с американской доктриной назвал этот период польской агрессии, принесшей гибель многих сотен тысяч людей, годами «возрождения» Польши. В результате своей агрессивной политики, а также благодаря активной помощи У. Черчилля, Франции и США Польша превратилась в одну из «версальских миниимперий». «Из 31 миллиона населения, — по словам Гитлера в Польше, кроме поляков, насчитывалось, — 2,5 миллиона немцев, 4 миллиона евреев и 9 миллионов украинцев. В противоположность фанатически настроенной Варшаве весь остальной народ в целом апатичен и индифферентен»⁶²⁷. Польша оказалась не способна создать стабильное правительство или решить проблемы промышленности и сельского хозяйства⁶²⁸. И миниимперией правила диктатура полковников, наследников Пилсудского, являвшихся, по словам У. Ширера, «толпой заурядностей»⁶²⁹.

Однако Францией, Англией и США Польша была признана «оплотом демократии» Запада на Востоке Европы. И было за что, мало, кто ненавидел русских больше, чем польская шляхта, с такой-то индульгенцией...

После прихода Гитлера к власти, в 1934 г., был подписан германо-польский пакт о ненападении, направленный против Лиги Наций и системы «коллективной безопасности»⁶³⁰, Польша сохраняла благожелательный нейтралитет во время аншлюса и рейнского кризиса, не смотря на страстные призывы своей крестной матери — Франции, а потом вообще вместе с Германией, по словам У. Ширера, «словно гиена» приняла участие в разделе Чехословакии⁶³¹. Польша уже строила дальнейшие планы своего «возрождения» — захват Литвы*, а затем вместе с Германией раздел Украины.

Предложение Риббентропа, сделанное им всего через месяц после подписания Мюнхенского соглашения, казалось, полностью соответствовало этим планам. Оно включало присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту, ее участие вместе с Германией в походе на Россию и долю в разделе Украины. Риббентроп обольщал поляков Великой Польшей от Балтийского до Черного моря. В обмен Гитлер требовал лишь Данциг и возможность обустройства Польского коридора, (прокладку автомобильной и железной дороги)⁶³².

По Версальскому договору немецкий Данциг становился «вольным городом» под управлением Лиги Наций, ограниченные функции (таможня, полиция, пограничная охрана) передавались Польше. Т.е. Данциг формально Польше не принадлежал и находился под юрисдикцией Лиги Наций. Польский коридор также был наследством Версаля и предназначался для связи, с отрезанной от Германии Восточной Пруссией. Дороги были необходимы Германии для свободного транзита, без двойных обысков польской

* От войны Польшу удержал только жесткий протест СССР.

таможни и двойного унижения перед польскими пограничниками. А самое главное — без ежегодно увеличивающейся платы за «прусский транзит», взимаемой Польшей в валюте!⁶³³

Двадцатью годами ранее Ллойд Джордж в Версале предупредил: передача свыше 2 млн. немцев под власть поляков «должна рано или поздно привести к войне». Кроме этого, отмечал У. Ширер: «Ни один из пунктов Версальского договора не раздражал Германию так, как тот, по которому был образован Польский коридор, дававший Польше выход к морю и отсекавший Восточную Пруссию от рейха»⁶³⁴. Дж. Фуллер приводил слова М. Фоллика, сказанные в 1935 г.: «Создание Польского коридора в тысячу раз более тяжкое преступление, чем создание Германией в случае ее победы в войне коридора, допустим, через нынешний Каледонский канал и передача Голландии этой полосы с единственной целью ослабить Британию. Примерно так поступила Франция, предоставив Польше коридор, разрезавший одну из наиболее плодородных областей Германии. Согласившись на этот преступный акт, союзники Франции совершили одно из самых тяжких, известных в истории преступлений против цивилизации... Чтобы дать Польше морской порт, было совершено другое преступление против Германии — у нее отобрали Данциг. Но из всего более немецкого в Германии Данциг является самым немецким*... Рано или поздно Польский коридор стал бы причиной будущей войны»⁶³⁵. Из этого видно, пишет Дж. Фуллер, что «требования, предъявленные Германией, не были неразумными»⁶³⁶.

Очевидно аналогичного мнения придерживался и Гитлер и поэтому надеялся на взаимопонимание Польши и воевать с ней в ближайшее время не собирался. Так, 25 марта 1939 г. Гитлер в беседе с Браухичем говорил о нежелатель-

* В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95% были немцами. (БСЭ, 1-е изд., т. 20., 1930, с. 414).

ности насильственного решения Данцигского вопроса, однако считал все-таки заслуживающей обсуждения военную акцию против Польши при «особо благоприятных политических предпосылках»⁶³⁷.

1 апреля правительство Чемберлена, в ответ на зондаж Риббентропа относительно Данцига, дало гарантии безопасности Польши. Это событие вызвало вспышку гнева Гитлера. И. Фест приводит воспоминания адмирала Канариса, который был у Гитлера, когда поступило известие об английских гарантиях, по его словам, Гитлер воскликнул: «Я заварю им такое сатанинское зелье, что у них глаза на лоб полезут»⁶³⁸. «Уже на следующий день он использовал спуск на воду линейного корабля «Тирпиц»... для того, чтобы выступить с речью против британской «политики окружения» Германии»⁶³⁹. «Все лично встречавшиеся с Гитлером в это время рассказывают о его яростных нападках на Англию. Имперское министерство пропаганды в начале апреля дало указание изображать Англию самым опасным противником Германии»⁶⁴⁰.

А пока 1 апреля, явно имея в виду Лондон, Гитлер обрушился на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Гитлер был уверен, что Англия ни за что не будет воевать за Польшу, как и за любую другую страну, да ей собственно и нечем*. А следовательно, **британские гарантии являются даже не блефом, а сознательной провокацией — провокацией войны с Польшей**. Ведь британские гарантии автоматически превращали Польшу во врага Германии. По идее британских правящих кругов СССР не сможет остаться в стороне от войны на своих границах и неизбежно втянется в нее. Долгожданная война Германии и СССР становилась реальностью. Появлялись и другие планы, будоражившие воображение. О них, например, уже летом 1939 г. говорилось в одном из докладов английского военного атташе в Москве полковника Фэйрбрейта: «В будущей войне Германия, напав превосходящими силами на Польшу, захватит ее в течение одного-двух месяцев. В

* Ведь сухопутной армии Англия практически не имела.

этом случае вскоре после начала войны немецкие соединения окажутся на советской границе. Несомненно, что Германия затем предложит западным державам сепаратный мир с условием предоставления ей свободы для наступления на Восток»⁶⁴¹.

Однако Гитлера, очевидно, такие перспективы не устраивали, и 11 апреля он издает директиву относительно всеобщей подготовки вооруженных сил к войне в 1939—1940 гг., который, помимо охраны границ и «Плана Вейс», включал присоединение Данцига. «В приложении к этому документу, озаглавленному «Политические гипотезы и цели», говорится, что следует избегать столкновения с Польшей. Однако в случае, если Польша изменит свою внешнюю политику и займет позицию, угрожающую Германии, то будет необходимо прибегнуть к окончательному разрешению вопроса, невзирая на пакт с Польшей». Главный обвинитель от Великобритании на Нюрнбергском процессе Х. Шоукросс утверждал, что на этот момент доказательств было «недостаточно для того, чтобы утверждать, действительно ли было принято решение о времени нападения на Польшу»⁶⁴². И. Фест придерживается аналогичного мнения, по его словам, после Мюнхена: «Политика Гитлера... была строго последовательным широкомасштабным маневром по осуществлению этого поворота (на Запад. — В.Г.) и созданию новых фронтов в Европе в соответствии с его тактическими соображениями»⁶⁴³.

Однако уже 23 апреля Гитлер заявляет своим генералам: «Для меня было ясно, что рано или поздно, но конфликт с Польшей должен произойти. Я принял решение уже год тому назад, но я полагал сперва обратиться к Западу, и только спустя несколько лет обернуться к Востоку. Но течение событий не может быть предусмотрено. Я хотел сперва установить приемлемые отношения с Польшей, чтобы иметь развязанные руки для борьбы с Западом. Но этот мой план не мог быть осуществлен. Мне стало ясно, что Польша нападет на нас сзади в то время, когда мы будем заняты на Западе, и

что таким образом нам придется воевать с ней в невыгодный для нас момент»⁶⁴⁴.

27 апреля Англия вводит всеобщую воинскую повинность. А 28 апреля в своем знаменитом ответе Рузвельту Гитлер, на том основании, что Лондон и Варшава заключили между собой соглашение, фактически денонсировал англо-германский морской договор 1935 г. и польско-германский пакт о ненападении. Поскольку Англия «при определенных обстоятельствах вынудит Польшу предпринять военные действия против Германии»⁶⁴⁵.

Причина резкого изменения намерений Гитлера заключалась в том, что Польша отклонила предложения Риббентропа. И не то чтобы Польшу не интересовали предложения Гитлера, Бек отвечал, что в его планы входит и раздел Украины, и Великая Польша от моря до моря, и поход против России. Существует несколько версий мотивов, побудивших Польшу отказаться от сотрудничества с Германией и броситься на «пустой крючок» «британских гарантий». Основной выделяется страх перед примером Чехословакии, ведь в случае согласия Польшу могла ожидать та же участь. Правда, Чехословакия давала и другой пример — германопольского сотрудничества и предательства Англии и Франции. Историки в этой связи дополняют версию и указывают на шляхтскую алчность и шляхтский гонор, мол мы и сами великие*. Так, Бек убеждал представителя Лиги

* Иначе чем можно объяснить твердую позицию Польши, армия которой по уровню вооружений безнадежно отстала по сравнению с германской. Британский военный атташе в Варшаве полковник Сорд докладывал в то время в Лондон, что поляки «настолько плохо оснащены, что не смогут оказать значительного сопротивления массированному наступлению немцев». (Ширер У... т.1, с. 501). А. Гитлер, очевидно, был аналогичного мнения. «Польская армия, — говорил он 12 апреля 1939 г. Чиано, — имеет лишь несколько парадных дивизий, а остальная масса войск — весьма низкого уровня. Противотанковая и противовоздушная оборона ничтожны, и ни Франция, ни Англия не могут в этом помочь Польше». (Картъе Р. С. 31.)

Наций Буркхарда по Данцигу, что польские вооруженные силы «подготовлены для гибкой, сдерживающей противника подвижной войны. Мир будет изумлен»⁶⁴⁶.

Страхи польских полковников были не беспочвенны. За три года до рассматриваемых событий Э. Генри предупреждал: «Восточная лига Гитлера и Бека марширует. Оба они идут вместе... до тех пор пока не будет достигнута их непосредственная цель — поражение большевизма. Но когда это будет достигнуто... тогда произойдет маленькое изменение — последний акт в этой современно-средневековой фантазии. Торжествующий победу «Балтийский орден» германского фашизма... уничтожит наследников Пилсудского... Он вдребезги разобьет «поляков», «польскую свинью», этих «наследственных врагов германской расы»... Гитлер раздавит свою союзницу Польшу... всей своей колоссально увеличившейся мощью и устроит новый раздел Польши, гораздо более тщательный, чем три первых: с Украиной и Литвой в качестве частей «федерации» под германской гегемонией в соответствии с первоначальным планом Розенберга; планом, который был «модифицирован» временно, по «тактическим» соображениям, но от которого никогда не отказывались»⁶⁴⁷.

Прогнозы Э. Генри подтверждали планы руководителей вермахта. Г. фон Сект уже в 1922 г. заявлял: «Существование Польши непереносимо и несовместимо с условиями существования Германии. Польша должна исчезнуть — и исчезнет, с нашей помощью — из-за своей слабости и действий России... Уничтожение Польши должно стать основой политики Германии...»⁶⁴⁸. Не случайно в отличие от западных границ Германия никогда добровольно не признавала внесенных Версальским договором территориальных изменений на Востоке, что было фактически подтверждено Англией и Францией в Локарнских соглашениях⁶⁴⁹. Министр иностранных дел Германии Штресеман в интервью Б. Локкарту в 1929 г. говорил, что он «искренне работал ради мира и согласия между народами Европы. Он способствовал англо-франко-

германскому взаимопониманию. Он добился поддержки своей политики 80-тью процентами населения Германии... Он подписал договор в Локарно. Он уступал, уступал, уступал — до тех пор, пока соотечественники не обернулись против него... Нет ни одного немца, говорил он, готовых воевать ради возвращения Эльзаса и Лотарингии, но нет и никогда не будет также немца, начиная с императора и кончая самым нищим коммунистом, который согласился бы признать нынешнюю германо-польскую границу. Исправление польской границы принесло бы Европе столетний мир...»⁶⁵⁰

Гитлер возложил всю ответственность за неизбежность войны с Польшей на Англию. По его словам, *только английское вмешательство сделало Польшу такой непримиримой; только благодаря ему все германские попытки мирного разрешения вопроса о Данциге потерпели неудачу*⁶⁵¹. Спустя месяц, 23 мая Гитлер, уже утверждал: «Польша вовсе не «случайный неприятель». Она всегда будет на стороне наших противников. У нее всегда тайное желание использовать все возможности, чтобы нас уничтожить... Дело вовсе не в Данциге. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства к востоку, приобретении базы питания и урегулировании балтийской проблемы... Поэтому не может быть вопроса о пощаде, и это приводит нас к следующему решению: атаковать Польшу при первой же возможности»⁶⁵². Чиано в августе 1939 г. на вопрос, «что вы, в сущности, хотите: Данциг или коридор?», получил от Риббентропа ответ: «Нет... мы хотим войну»⁶⁵³.

Между тем в марте-апреле Лондон не только дал «гарантии» Польше, но и запросил односторонние «гарантии»... у СССР. Гарантии автоматически превращали СССР в заложника войны на его западных границах (в заложника англо-французских гарантий Польше и Румынии) и главного врага Германии...

Случай представился 17 марта, когда румынский посланник в Лондоне уведомил Форин Оффис о том, что Германия готовится предъявить Румынии ультиматум, выполнение которого поставит ее экономику на службу Рейху⁶⁵⁴. И 18 марта английское правительство одновременно через советского полпреда в Лондоне и наркома иностранных дел в Москве неожиданно запросило: «может ли и Румыния рассчитывать на помощь СССР в случае германской агрессии и в какой форме, в каких размерах». Аналогичные запросы были посланы Польше, Греции, Югославии и Турции. М. Литвинов ответил, что Советское правительство «прежде чем ответить на запрос... (хотело бы) знать позицию других государств, в частности Англии». Нарком выразил удивление, что помощью Советского Союза «интересуется Англия, а не Румыния», которая, как он заметил, «к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее»⁶⁵⁵.

В тот же день «русское правительство... несмотря на то, что перед ним захлопнули дверь (в Мюнхене) ... предложило созвать совещание шести держав»⁶⁵⁶ — СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции. М. Литвинов объяснил, что «из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация». Флеминг впоследствии отмечал: «Это было то, в чем ощущалась неотложная необходимость». Однако Галифакс на следующий день ответил, что после консультаций с премьером «они пришли к выводу, что такой акт был бы преждевременным»⁶⁵⁷. Сам Галифакс назвал его «неприемлемым».

21 марта английский посол в Москве Сидс вручил М. Литвинову проект декларации СССР, Англии, Франции и Польши о том, что эти страны обязываются совещаться о шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления агрессии. Сидс заявил, что «декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения». Следуя при-

нципу «лучше что-либо, чем ничего», правительство СССР приняло это предложение. Но английская сторона вначале затянула ответ, а затем сообщила, что вопрос о декларации следует считать отпавшим⁶⁵⁸. 23 марта Чемберлен в палате общин вообще заявил, что он выступает против создания «противостоящих друг другу блоков» в Европе⁶⁵⁹. Однако спустя две недели, 6 апреля, несмотря на свои слова, Чемберлен подписывает в Лондоне с Бекком соглашение, трансформируя таким образом одностороннюю английскую гарантию во временный договор о взаимопомощи⁶⁶⁰. 13 апреля Франция и Англия объявили о своих гарантиях Греции и Румынии. Как отмечал У. Ширер, «Группировки стали постепенно вырисовываться»⁶⁶¹.

6 апреля Галифакс заверяет Майского в желании британского правительства создать широкую коалицию ради сохранения мира, в которой обязательно нашлось бы достойное место Советскому Союзу. Но в то же время Форин оффис без всяких комментариев отвергает неформальное предложение Майского о визите Литвинова в Лондон для подготовки переговоров⁶⁶².

11 апреля М. Литвинов писал: *«в разговорах с нами англичан и французов после истории о совместной декларации не содержалось даже намек на какое-либо конкретное предложение или о каком-либо соглашении с нами. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания... Но почему мы должны принимать на себя такие односторонние обязательства?»*⁶⁶³

Мнение Литвинова о политике английского правительства последнее весьма красноречиво подтвердило само, когда 14 апреля, со ссылкой на речь Сталина на съезде, предложило Советскому правительству в одностороннем порядке сделать заявление, что в случае агрессии против какого-либо

его европейского соседа Советский Союз окажет ему помощь, если она будет желательна. Даже Сидс понимал несуразность этого предложения. После его вручения, «поразмыслив день», он сообщил своему министру иностранных дел: предложение создает впечатление, что «мы не имеем серьезных намерений, а Советский Союз, понятно, опасается, что ему придется таскать каштаны из огня»⁶⁶⁴.

В тот же день к Советскому Союзу обратились французы, без предварительных консультаций с Лондоном. Это было совершенно ново для их политики, отмечает М. Карлей, они не предпринимали ничего подобного со времен Барту. По предлагавшемуся франко-советскому пакту, стороны брали на себя обязательства помогать друг другу, если одна из них вступит в войну с Германией, чтобы помочь Польше или Румынии. Характерно, что первый проект этого договора предусматривал только помощь Советского Союза Франции, о помощи Франции Советскому Союзу даже не упоминалось⁶⁶⁵.

Лондону и Парижу не удалось получить односторонних гарантий Москвы, и 16 апреля британский посол в России, по сути дела, впервые обратился к СССР с предложением о совместном противостоянии Германии в вопросе о Польше. В ответ 17 апреля СССР направил правительствам Англии и Франции свои предложения, предусматривавшие обязательство трех держав оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая и военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. По мнению Флеминга: «Это было абсолютно реалистическое предложение, никакими другими мирными средствами невозможно было остановить Германию или обеспечить выигрыш в войне».

После долгих внутренних переговоров Париж принял предложение Советов, а Лондон нет. Здесь его обсуждение происходило 19 апреля. Вместо Галифакса выступил Кадоган, который вынужден был признать, что советские предло-

жения ставят правительство Его Величества в трудное положение: «...Весьма сложно отказаться от этих советских предложений. У нас уже сложилось мнение, что Советы только кормят нас проповедями о «коллективной безопасности», но не делают никаких практических предложений. Теперь они сделали и будут иметь возможность упрекнуть нас, что мы не приняли их. Но больше всего будет упреков от наших же собственных левых... Кроме того, существует риск — хотя, я думаю, лишь в отдаленной перспективе, — что, если мы не примем их предложений, Советы могут заключить что-то вроде соглашения «о ненападении» с германским правительством». И все же Кадоган рекомендовал, чтобы предложения Литвинова были отвергнуты; что и было сделано, даже «с надменностью», как скажет позже французский посол Корбен»⁶⁶⁶.

Пока же Галифакс уведомил Майского, что англичане «слишком заняты», чтобы рассмотреть «вполне логичные и конструктивные предложения Литвинова»⁶⁶⁷. Чемберлен в тот день писал своей сестре: «Наша главная проблема — Россия. Признаюсь, что я испытываю к ней глубокое недоверие. Я не могу поверить, что она ставит перед собой те же цели, что и мы, или испытывает какую-либо симпатию к демократии как таковой. Она боится Германии с Японией и была бы рада, если бы в схватку с ними вступили другие. Вполне возможно, что она отлично сознает свою военную слабость и не желает ввязываться в конфликт, пока это в ее силах. Поэтому ее усилия направлены на то, чтобы подстрекать к схватке других, а самой отделяться только расплывчатыми обещаниями какой-то помощи...»⁶⁶⁸

В тот же день временный поверенный в делах Германии и Англии доносил своему МИДу, что, как стало известно из надежного источника, ответ британского правительства на советские предложения будет «равнозначен отказу, хотя он облечен в форму замечаний к контрпредложениям Советской России». «Простой отказ, — указывал Галифакс, — дал бы

русским возможность поставить оба наших правительства в весьма щекотливое положение, [поэтому] было бы лучше всего отделаться какими-нибудь незначительными, но вполне выполнимыми контрпредложениями»⁶⁶⁹. И действительно, 8 мая английское правительство вместо соглашения о взаимопомощи предложило Советскому правительству принять на себя односторонние обязательства в отношении Великобритании и Франции в случае вовлечения их в военные действия⁶⁷⁰.

Оценку этому предложению дал новый нарком иностранных дел В. Молотов: «англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»⁶⁷¹. Англо-французские проекты пакта о взаимопомощи в 1939 г. советское полпредство комментировало следующим образом: *«Выходит так, что когда Франции и Англии заблагорассудится воевать с Германией из-за статус-кво в Европе, мы автоматически втягиваемся в войну на их стороне; а если мы по своей инициативе будем защищать тот же статус-кво, то это Англию и Францию ни к чему не обязывает»*⁶⁷².

Через неделю Советское правительство уведомило своих партнеров по переговорам, что, внимательно рассмотрев их предложения, оно пришло к заключению, что эти предложения «не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе», ибо «не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров». Одновременно Советское правительство выдвинуло предложения, в случае реализации которых был бы создан действительный барьер против агрессии⁶⁷³.

27 мая В. Молотов заявил Сидсу и Пайяру: «Англо-французский проект не только не содержит плана организации

эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. *Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем...*⁶⁷⁴. На первый взгляд английская позиция действительно выглядит непонятной. Однако, по мнению В. Трухановского, в ней была своя логика. «С каждым днем в Англии и во Франции нарастали требования народных масс объединиться с СССР для отпора агрессии». Чтобы успокоить общественное мнение Чемберлен устанавливал контакты с Советским правительством, а когда его демарши давали результат, тут же брал свои предложения обратно⁶⁷⁵.

Голос общественного мнения отражали слова У. Черчилля в палате общин: «Мы окажемся в смертельной опасности, если нам не удастся создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией». Ллойд Джордж вторил: «Действуя без помощи России, мы попадем в западню». А газета «Daily Chronicle» в апреле заявляла: «Советский Союз вместе с Францией и Англией — единственная надежда мира»⁶⁷⁶. 10 мая Майский сообщал о результатах опроса, показавшего, что 87% англичан поддерживали немедленный альянс с Советами. На следующий месяц их было 84%⁶⁷⁷. Во Франции институт по изучению общественного мнения, проводя в октябре 1938 г. опрос граждан, установил, что 57% одобряют Мюнхенское соглашение (против — 37%), но на вопрос «Считаете ли вы, что Франция и Англия должны отныне сопротивляться всякому новому требованию Гитлера?» положительно ответило 70%, отрицательно — 17%⁶⁷⁸.

У. Черчилль тем временем призывал: «Теперь нет вопроса о правом или левом; есть вопрос о правом и виноватом».

«Я никак не могу понять, каковы возражения против заключения соглашения с Россией... в широкой и простой форме, предложенной русским Советским правительством? Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии. Что плохого в этом простом предложении? Почему, — спрашивал Черчилль, — вы не хотите стать союзниками России сейчас, когда этим самым вы, может быть, предотвратите войну!.. Если случится самое худшее, вы все равно окажетесь вместе с ней по мере возможности...»⁶⁷⁹.

У Черчилль в своем стремлении добиться союза с СССР продвинулся настолько далеко, что требовал уважительного отношения к Советскому Союзу. «Ясно, — говорил он, — что Россия не пойдет на заключение соглашения, если к ней не будут относиться как к равной... *Если правительство его величества, пренебрегавшее так долго нашей обороной, отрекшись от Чехословакии со всей ее военной мощью, обязав нас, не ознакомившись с технической стороной вопроса, защитить Польшу и Румынию, отклонит и отбросит необходимую помощь России и таким образом вовлечет нас наихудшим путем в наихудшую из всех войн, оно плохо оправдывает доверие... его соотечественников*». Г. Никольсон заявлял: «*правительство предало свою страну, эти торы думают только о красной опасности...*».

Из Франции Суриц неоднократно сообщал, что там общественное мнение так же сильно склоняется в сторону альянса с Советами. «За последние дни в связи с многочисленными приемами я перевидал много и самого разнообразного народа, в том числе и много видных военных. Общее мое впечатление, что никто здесь не допускает даже мысли, что переговоры с нами могут сорваться и не привести к соглашению». Советский престиж никогда не был столь высок; все признавали, что «без СССР ничего не выйдет». И все дивились, почему заключение столь важного соглашения все время откладывается. Вину за задержку

возлагали на британцев, на их консерватизм и несговорчивость, подозревали даже злой умысел⁶⁸⁰.

Но решающее воздействие на Чемберлена оказало, по видимому, даже не общественное мнение собственной страны, а слухи — 27 мая он отослал послу в Москве инструкцию, предписывавшую согласиться на обсуждение пакта о взаимопомощи. Дирксен извещал МИД Германии, что английское правительство пошло на этот шаг «крайне неохотно». По его мнению, основной причиной этого шага послужили слухи, будто Германия прощупывает пути сближения с Москвой, что там «опасаются, что Германии удастся нейтрализовать Советскую Россию и даже убедить ее сделать заявление о своем благожелательном нейтралитете. Это будет равнозначно полному краху политики окружения»⁶⁸¹.

На этот раз Чемберлен попытался откровенно обмануть Советское правительство трюком с Лигой Наций. Его план заключался в том, что-бы «...не создавать даже мысли об альянсе, заменяя его декларацией о наших *намерениях* [курсив в оригинале] в определенных обстоятельствах, с целью выполнить наши обязательства по Статье XVI [о коллективном отпоре агрессии] Договора [о создании Лиги Наций]... У меня нет сомнений, что буквально со дня на день в Статью XVI будут внесены поправки или ее вообще отменят, и это даст нам возможность, если мы сильно этого захотим, пересмотреть наши отношения с Советами... Остается, правда, еще дожидаться, что скажут на все это русские, но я думаю у них просто не будет возможности отказаться»⁶⁸². «Молотов, которого, — по словам Карлея, — можно назвать кем угодно, только не дураком, мгновенно раскусил стратегию премьер-министра», превращавшего договор в «клочок бумаги». С Молотовым нечаянно согласился даже Ченнон: «...наши новые обязательства не значат ничего... этот альянс [основанный на Женевских соглашениях] настолько непрочен, нереалистичен и лишен какой-либо практической ценности, что способен вызвать у нацистов только ус-

мешку»⁶⁸³. Англия и Франция щедро раздавали гарантии Польше, Румынии, Балканским странам, а СССР связывали с полностью дискредитированной ими же самими Лигой Наций. На встрече с Пайяром и Сидсом 27 мая *Молотов обвинил французское и британское правительства ни много ни мало в предательстве. «И кто, прочитав приведенные выше признания Чемберлена... — замечает М. Карлей, — рискнет сказать, что комиссар был не прав?»*⁶⁸⁴.

6—7 июня руководители Великобритании и Франции были вынуждены принять за основу советский проект договора. Об отношении к переговорам с СССР говорил уже тот факт, что Чемберлен лично трижды летал на поклон к Гитлеру, чтобы достичь Мюнхенского соглашения. В СССР же для ведения переговоров о создании союза, призванного спасти мир в Европе, английское правительство послало рядового чиновника министерства иностранных дел, начальника Центрально-европейского бюро, Стрэнга. «Чиновника весьма низкого уровня для такого рода переговоров, — отмечал Дирксен, да и, — впоследствии среди британских и французских офицеров, отправленных в СССР, не было ни одной заметной фигуры, имеющей полномочия принимать решения»⁶⁸⁵. По словам У. Черчилля, *«посылка столь второстепенной фигуры означала фактическое оскорбление»*⁶⁸⁶.

Молотов в начале июня предложил Англии прислать в Москву министра иностранных дел, чтобы тот принял участие в переговорах. По мнению русских, писал У. Ширер, это, вероятно, не только помогло бы выйти из тупика, но и наглядно продемонстрировало бы серьезное желание Англии достичь договоренности с Советским Союзом. Лорд Галифакс ехать отказался. Вместо него предложил свои услуги А. Иден, бывший министр иностранных дел, но Чемберлен отклонил его кандидатуру⁶⁸⁷.

У. Стрэнг прибыл в Москву 14 июня как эксперт, направленный в помощь послу У. Сидсу, но, представляя Форин оф-

фис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Инструкции, данные английским правительством У. Стрэнгу, весьма красноречиво говорили о целях его миссии: «Желательно заключить какое-нибудь соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет нам на помощь, если мы будем атакованы с Востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также и потому — и это самое главное, — что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз». Сама же Англия собиралась полностью сохранить свободу действий и связывать себя какими-либо четкими обязательствами не собиралась. В инструкции отмечалось: «Британское правительство не желает быть связанным каким бы то ни было определенным обязательством, которое могло бы ограничить нашу свободу действий при любых обстоятельствах»⁶⁸⁸. Главной задачей миссии ставилось — тянуть время⁶⁸⁹. Инструкции были настолько обескураживающими, что английский посол в Москве Сидс 13 августа отправил письмо министру иностранных дел Галифаксу с запросом, действительно ли английское правительство желает прогресса в переговорах⁶⁹⁰.

Отправляя миссию, Чемберлен оставался верен себе, продолжая свою прежнюю игру, неуклонно ведущую к новой войне, что в принципе не было секретом для Советского правительства, но оно следовало старой русской поговорке «с паршивой овцы, хоть шерсти клок». В официальных документах Советского правительства в те дни говорилось: «Германия и другие страны реакционно-фашистского блока — смертельная угроза человеческой цивилизации. С другой стороны, страны англо-французского блока — это тоже империалистические, но неагрессивные, миролюбивые державы, страны буржуазно-парламентской демократии, которые ведут борьбу за сохранение status quo. Конечно, у правящих кругов Англии и Франции есть свои империалистические расчеты. Они стремятся сохранить систему колониального гнета, расширить свои колониальные владе-

ния. Они стремятся направить агрессию фашистской Германии против Советского Союза. Но в то же время они выступают и против фашистских планов «нового мирового порядка» и в этом отношении могут быть союзниками СССР»⁶⁹¹.

И дело, хоть и со скрипом, пошло. К середине июля согласовали перечень обязательств сторон, список стран, которым даются совместные гарантии, и текст договора. Остались не согласованы только два вопроса, которые стали камнем преткновения на пути к союзу трех стран. Вопросы касались:

- «косвенной агрессии»;
- военного соглашения.

Косвенная агрессия

Термин «косвенная агрессия» был взят из текста английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехословакией. СССР расширил это понятие⁶⁹². По словам В. Молотова: «косвенная агрессия» — это ситуация, при которой государство «жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы *или без такой угрозы*» произвести действие, «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»⁶⁹³.

Протест «потенциальных союзников» вызвали слова «или без такой угрозы», а также распространение определения «косвенная агрессия» на страны Прибалтики, которые вообще не просили о каких-либо гарантиях*. Но Советское правительство настаивало: «Отсутствие гарантии СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-запад-

* «Латвия, Эстония и Финляндия тоже наотрез отказались от русских гарантий. Как явствует из трофейных немецких документов, такое решение было принято не без участия Германии, причем в ход шли самые обыкновенные угрозы». (Ширер У..., т.1, с. 529).

ных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза»⁶⁹⁴.

Форин оффис тянул с ответом, по его мнению, при такой трактовке «косвенной агрессии» Советы могли оправдать интервенцию в Финляндию и Прибалтийские государства даже при отсутствии серьезной угрозы со стороны нацистов⁶⁹⁵. Галифакс в то время пояснял кабинету, что текущие «переговоры в конечном счете вовсе не так важны, они просто будут препятствовать Советскому Союзу «перейти в германский лагерь», в то же время «...поощряя Россию в вопросе вмешательства в дела других стран, мы можем нанести не поддающийся исчислению ущерб своим интересам, как дома, так и по всему миру»⁶⁹⁶.

Французский МИД, наоборот, проявлял активность, его подогревало дыхание приближающейся войны, и обеспокоенный Ж. Бонне писал послу в Лондоне: «Колебания британского правительства накануне решающей фазы переговоров рискуют сегодня скомпрометировать... судьбу соглашения...», при этом, указывал Бонне, Франция «предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом... переговоров»⁶⁹⁷. Тем временем британские послы в Прибалтийских странах сообщали о растущей там озабоченности и враждебности Советам. В начале июня Эстония и Латвия подписали пакт о ненападении с Германией и германские военные специалисты занялись инспекцией их приграничных оборонительных сооружений⁶⁹⁸.

В начале июля французский посол Наджиар предложил разрешить противоречия по поводу стран Прибалтики *в секретном протоколе*, чтобы не толкать их в объятия Гитлера самим фактом договора, который фактически ограничивает их суверенитет⁶⁹⁹. Великобритания 17 июля поддержала французское предложение, включив по требованию СССР в секретный про-

токол Турцию, Эстонию, Латвию и Финляндию. 2 августа англо-французская позиция сдвинулась еще на дюйм — было принято общее определение «косвенной агрессии». Внесена была лишь поправка, что в случае если возникнет «угроза независимости и нейтралитета» «без угрозы силы», вопрос должен разрешаться на основе совместных консультаций. СССР такой ответ не устраивал, пример Чехословакии показывал, что подобные консультации могут продлиться дольше, чем необходимо времени для захвата государства.

В задержке переговоров английское и французское правительства перед общественностью своих стран обвиняли Советский Союз, который, по их словам, выдвигает все новые и новые требования. Что было, по мнению М. Карлея откровенной ложью — неправда то, «что Молотов постоянно выдвигал перед Сидсом и Наджиаром все новые и новые требования. Основы советской политики были четко определены еще в 1935 г.. Не были новыми проблемами или «неожиданными» требованиями вопросы о «косвенной агрессии», о гарантиях странам Прибалтики, о правах прохода и о военном соглашении. Даладьегал, когда говорил, что советские требования... явились для него сюрпризом»⁷⁰⁰.

Молотов терял терпение и в телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»⁷⁰¹. Справедливость этой оценки подтверждается донесением Стрэнга английскому правительству от 20 июля: «неверие и подозрения в отношении нас в ходе переговоров не уменьшились, так же как и их уважение к нам не возросло. Тот факт, что мы создавали трудность за трудностью в вопросах, не казавшихся им существенными, породил впечатление, что мы не стремимся сколько-нибудь серьезно к соглашению»⁷⁰².

18 июля Молотов дал команду возобновить консультации с Германией о заключении хозяйственного соглашения. 22 июля

было заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров. Это обеспокоило англичан и французов, и чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они 23 июля согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план удара по Германии, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится⁷⁰³.

Военное соглашение

Проблема заключалась в том, что Англия и Франция требовали отдельного подписания политического и военного соглашений. Первое устанавливало обязательство прийти на помощь в случае агрессии, второе должно было определить масштабы и форму этой помощи. Подписание только политического соглашения, в случае агрессии Гитлера на Востоке, вынуждало СССР вступить в войну всеми своими силами. Англия и Франция же могли определять величину своего участия и время выступления в зависимости от своих интересов.

Поэтому СССР требовал, чтобы оба соглашения были подписаны одновременно. Официальный Лондон и Париж отказывались, поскольку «были невысокого мнения о военной мощи России»⁷⁰⁴. Стрэнг, кроме этого, заявлял: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским правительством, даже не будучи уверенными в том, станет ли оно нашим союзником»⁷⁰⁵. Когда Дракс спросил, не стоит ли ему встретиться с Майским, Галифакс ответил: «если вы в состоянии вынести это...». «Времени оставалось очень мало, — отмечал Дракс, — но среди британцев никто не испытывал особой озабочен-

ности по поводу переговоров с Москвой, только обычное британское высокомерие по отношению к русским»⁷⁰⁶. Но СССР настаивал. Предложение Советского правительства было сделано 19 июня, Англия и Франция официально ответили согласием лишь 25 июля, а их военная миссия с *показным пренебрежением*⁷⁰⁷, тихоходным грузовым кораблем добралась до Москвы только к 11 августа⁷⁰⁸.

Потрясенный Майский по этому поводу писал: «Когда в Европе почва начинает гореть под ногами», англо-французы собираются в Москву на грузовозе. «... Чемберлен, несмотря ни на что, продолжает вести свою игру, — приходил к выводу советский посол, — ему нужен не тройственный пакт, а переговоры о пакте, чтобы подороже продать эту карту Гитлеру»⁷⁰⁹. Между тем прибывший на переговоры «адмирал Дракс... — вспоминал нарком ВМФ Н. Кузнецов, — удобно вытянув ноги под столом, охотно вел неторопливый светский разговор о флотской регате в Портсмуте и конских состязаниях, как будто на международном горизонте не было ни одной грозовой тучи...»⁷¹⁰.

О целях французской миссии полпред СССР во Франции докладывал в НКВД: «миссия выезжает в Москву без разработанного плана. Этот тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров. Сам глава французской миссии генерал Думенк «остался не особенно доволен характером путешествия, которое ему перед отъездом дали... «Никакой ясности и определенности»»⁷¹¹. Свое мнение о целях и задачах миссии из Лондона докладывал в Берлин фон Дирксен: «...к продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного иску-

ства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения...»⁷¹².

В отличие от второстепенных представителей западных военных миссий в состав русской входили: Нарком обороны, начальник генштаба, главнокомандующие военно-морским флотом и военно-воздушными силами. Однако по словам У. Ширера: «Русские ничего не могли поделать с англичанами, которые в июле отправили в Варшаву для переговоров с польским генштабом *начальника генштаба* генерала Э. Айронсайда*»⁷¹³.

В соответствии с установками Лондона и Парижа их миссии в СССР не были наделены никакими полномочиями, не только для решения вопросов, но даже для их обсуждения. «Это просто не укладывалось ни в какие рамки, — писал позже Дракс, — что правительство и Форин оффис отправили нас в это плавание, не снабдив ни верительными грамотами, ни какими-либо другими документами, подтверждающими наши полномочия». Думенк высказывался почти идентично⁷¹⁴.

Тем не менее переговоры начались. Главными проблемами военного соглашения стали вопросы: Польши и Румынии; военного сотрудничества.

Польша и Румыния

Согласно предложенному Англией и Францией варианту политического договора, СССР должен был автоматически присоединиться к обязательствам этих стран в отношении Польши и Румынии. СССР же поставил условием своих

* Кстати, отлично знакомого с Россией. Во время интервенции он возглавлял британские экспедиционные силы на Севере России, за что позже получил титул барона Архангельского.

гарантий «восточным партнерам» их активное участие в отражении агрессии либо хотя бы пропуск советских войск через их территорию. В противном случае, каким образом, спрашивал маршал К. Ворошилов, СССР может войти в непосредственное соприкосновение с противником и выполнить свои обязательства?⁷¹⁵ Французский посол в Москве докладывал в Париж: «То, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши»*. Едва ли, писал Пайяр, можно что-либо противопоставить советской позиции, которая «подводит нас к самой сущности вопроса»⁷¹⁶. Думенк был потрясен, «своей открытостью, граничащей с простодушием, маршал просто припер нас к стенке». Нам не осталось места ни для словопрений, ни для маневра, ни для дипломатических увиливаний⁷¹⁷. «Дракс покинул совещательную комнату ошеломленным. Он был почти уверен, что его миссии пришел конец. «Мы... думали, что сможем получить поддержку России, не приводя каких-либо разумных доводов», — писал Думенк»⁷¹⁸.

Что бы оказать давление на слишком *тормозивших* английских и французских коллег Советское руководство публиковало официальные статьи в прессе, выражающие точку зрения советского правительства⁷¹⁹. *Демократ* Чемберлен приходил от этих прямых обращений советской стороны к общественности в бешенство⁷²⁰.

* При этом, как сообщал английский посол в Лондон: «Поскольку мы взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, советская делегация «имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам». Сам СССР, ввиду напряженности советско-польских отношений, не мог проявить настойчивости в обращении к Польше с требованием права прохода Красной Армии. В этом был определенный риск. Как замечает Грызун, стоило «Сталину полякам такое понастойчивее еще пару раз предложить, они бы сразу к своему западному соседу — фюреру... запродались». (Грызун В. С. 89—90).

Меж тем 17 августа Думенк телеграфировал в Париж: «СССР хочет военного пакта... Ему не нужен от нас листок бумаги, за которым не стоят конкретные действия»⁷²¹. Ллойд Джордж в то время заявлял Чемберлену: «Без активной помощи СССР никакого «восточного фронта» быть не может... При отсутствии твердого соглашения с СССР я считаю Ваше сегодняшнее заявление (о использовании Польши в качестве второго фронта) безответственной азартной игрой, которая может кончиться очень плохо»⁷²². Даже Галифакс на этот раз выступил против Чемберлена: «Русские полны самых мрачных подозрений, — сказал Галифакс, — и боятся, что наша истинная цель — заманить их этими договоренностями в ловушку, а потом покинуть в трудный момент. Они страдают от острого комплекса неполноценности, и считают, что еще со времен Большой Войны западные державы относятся к России надменно и презрительно»⁷²³. Как будто на деле было иначе?

О политике правительств Англии и Франции в тот период свидетельствуют инструкции, данные их представителям, в которых, в частности, предписывалось, не обсуждать вопросов о балтийских государствах, позиции Польши и Румынии⁷²⁴. «Вы привезли какие-нибудь четкие инструкции относительно прав прохода через Польшу?» — спрашивал Наджиар. Думенк отвечал, что Даладье дал ему инструкции не идти ни на какое военное соглашение, которое бы оговаривало права Красной армии на проход через Польшу. Думенк должен был довести до сознания советского руководства, что его просят только помогать польскому правительству военными поставками и оказывать только ту помощь, о которой *могут* попросить поляки по ходу событий⁷²⁵.

Тем временем в Лондоне заместители начальника генштаба уже теряли терпение, доказывая Чемберлену, что: «Ввиду быстроты, с которой развиваются события, возможно, что этот ответ устареет раньше, чем будет написан, но мы

все равно считаем, что его нужно дать... Совершенно ясно, что без своевременной и эффективной русской помощи у поляков нет никакой надежды сдерживать германский удар... Это же касается и румын, с той только разницей, что тут сроки будут еще короче. Поддержки вооружениями и снаряжением недостаточно. Если русские собираются участвовать в сопротивлении... то эффективно они смогут действовать только на польской или румынской территориях... Без немедленной и эффективной русской помощи... чем дольше будет длиться эта война, тем меньше останется шансов для Польши или Румынии возродиться после нее в форме независимых государств и вообще в форме, напоминающей их нынешний вид»⁷²⁶. Однако официальный Лондон продолжал хранить олимпийское спокойствие.

Во Франции эмоции были сильнее, так Боннэ уже требовал, что «на Польшу следует оказать максимальное давление, не останавливаясь перед угрозами», чтобы преодолеть нежелание польского руководства вступать в военный союз»⁷²⁷. Бонне утверждал: «Произойдет катастрофа, если из-за отказа Польши сорвутся переговоры с русскими. Поляки не в том положении, чтобы отказываться от единственной помощи, которая может прийти к ним в случае нападения Германии. Это поставит английское и французское правительства почти в невыносимое положение, если мы попросим каждый свою страну идти воевать за Польшу, которая отказалась от этой помощи»⁷²⁸. Но, как Лондон, так и Париж ограничились лишь формальными обращениями к Польше и Румынии.

Польша ответила, что она «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру»⁷²⁹. Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Для нас это принципиальный вопрос: у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь...»⁷³⁰. Э. Рыдз-Смигла твердил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»⁷³¹.

Румыния, также, несмотря на уговоры союзников, категорически отказались от сотрудничества с СССР*.

У. Ширер недоумевал, «почему правительства Англии и Франции в столь критический момент не оказали давления на Варшаву» или не поставили условием своих гарантий Польше принятие помощи от России? Бонне предложил этот вариант 19 августа⁷³². Ллойд Джордж в палате общин высказывал подобное мнение: «Если мы пойдем на это без помощи России, то попадем в ловушку... Я не могу понять, почему перед тем, как взять на себя такое обязательство, мы не обеспечили заранее участия России... Если Россию не привлекли только из-за определенных чувств поляков... мы должны поставить такое присутствие в качестве условия, и если поляки не готовы принять это единственное условие... то они должны сами нести за это ответственность»⁷³³.

Ответ на недоуменные вопросы У. Ширера, Ллойд Джорджа... давал Наджиар: «Польша не хотела входить в такое соглашение... а *англо-французы не слишком настаивали*». «Мы хотим хорошо выглядеть, — прямо писал Наджиар, — а русские хотят вполне конкретного соглашения, в которое вошли бы Польша и Румыния»⁷³⁴. Неизбежным результатом англо-французской позиции, по мнению Папена, была война: «Гитлер не напал бы на Польшу, если бы это грозило войной на два фронта. Но тот факт, что Великобритания дала Польше гарантии в момент, когда ее переговоры с Россией все еще

* Конечно Польша и Румыния имели свои причины отказываться от сотрудничества с СССР, но в данном случае это не играло никакой роли. История давала СССР еще более веские причины, чтобы не идти на сотрудничество с той же Польшей, Францией или Англией. Однако война не оставляет выбора тем, кто стоит у нее на пути — кто не с нами, тот против нас. Очевидно именно поэтому У. Ширер заявлял, что «поляки проявили непостижимую глупость» (Ширер У..., т.1, с. 568-569). *На деле это была не глупость, а преступление. Своим отказом Варшава стала одним из поджигателей Второй мировой войны, в который раз в истории став зажженной спичкой, брошенной в «пороховой погреб» Европы.*

находились в тупике, возродил в России старый страх перед *cordon sanitaire* и толкнул Сталина в объятия Гитлера»⁷³⁵.

21 августа Ворошилов потребовал сделать перерыв в переговорах. В ответ на протесты англо-французской стороны маршал сказал: *«СССР, не имея общих границ с Германией, сможет оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии только при условии, что его войскам будет предоставлено право прохода через территории Польши и Румынии... Советская военная делегация не представляет, как генеральные штабы Англии и Франции, посылая свои миссии в СССР.. могли не дать им инструкции, какую занять позицию в этом элементарном вопросе... Из этого следует, что есть все основания сомневаться в искренности их желаний серьезно и эффективно сотрудничать с Советским Союзом»*⁷³⁶.

Решимость Москвы вызвала панику в Париже, и вечером 22 августа Думенк уведомил Ворошилова, что он получил полномочия заключить военную конвенцию, предоставляющую Красной армии право прохождения через Польшу и Румынию. На настойчивый вопрос собеседника, может ли он предъявить свидетельства согласия Польши и Румынии, Думенку оставалось ответить лишь отговорками... он добавил: «Но ведь время уходит!» Маршал... ответил: «Бесспорно, время уходит»⁷³⁷.

Военное сотрудничество

Переговоры о военном сотрудничестве шли параллельно и начались со взаимной информации о состоянии вооруженных сил трех держав и их стратегических планах в части, касающейся Европы. Как доносил Думенк в Париж 17 августа, «заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные... Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение (СССР) не оставаться в стороне, а как раз наоборот — дей-

ствовать серьезно»⁷³⁸. СССР, в отличие от Англии и Франции, представлял нарком обороны, который заявил, что в случае конфликта с Германией, Советский Союз готов выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 9-10 тыс. танков, 5 тыс. орудий и 5,5 тыс. самолетов. Одним из условий заключения договора между тремя странами он выдвинул — выставление Великобританией и Францией 86 дивизий, «решительного их наступления начиная с 16-го дня мобилизации, самого активного участия в войне Польши»⁷³⁹.

В ответ генерал Хейвуд заявил, что Англия предполагает выделить «16 дивизий на ранней стадии ведения войны и 16 позднее». Под нажимом Ворошилова Хейвуд был вынужден доложить о текущем состоянии британской армии: «Англия располагает пятью регулярными... и одной механизированной дивизией»⁷⁴⁰ и может выделить для войны на континенте сразу не более двух из них⁷⁴¹. Как пишет М. Карлей, «это был долгий путь» до 60 дивизий которые Великобритания выставила на Западном фронте к концу третьего года Первой мировой войны*. О боевых качествах британской армии в 1935 г. высказывался маршал Ф. Петен. Он считал, что британская армия годилась только для «парадного плаца»⁷⁴². Ее состояние мало улучшилось за последующие годы, поскольку Н. Чемберлен заняв пост премьер-министра в мае 1937 г., до 1939 г. урезал ассигнования на усиление британской армии⁷⁴³. Не случайно, по словам Карлея, Кадоган противился сближения с Москвой, так как британскому правительству нечего было предложить: «тогда нам очень скоро придется обнародовать, что в нашем буфете пусто»⁷⁴⁴.

* В 1939—1940 гг. мобилизационные ресурсы Великобритании в живой силе составляли не менее 100 дивизий. (Типпельскирх К. С. 31, 96—97; Зайончковский А.М. С. 870; Карлей М. Дж. С. 65) В 1940 г. Англия пошлет на помощь Франции 12 дивизий, но после первых серьезных столкновений поспешно эвакуирует их обратно. В 1944 г. Англия и Франция вместе высадят на континенте всего 17 дивизий.

«Французская политика, — отмечает М. Карлей, — была не менее «эгоистичной» и жульнической, чем британская. Французская армия тоже не планировала наступательных действий против Германии из-за своих пограничных укреплений (линии Мажино) ради предполагаемых союзников...»⁷⁴⁵. Подавляющая часть военных расходов Франции вкладывалась в линию Мажино. Де Голь в то время писал, что Франция напоминает закованного в броню рыцаря, выбросившего свой меч. «Французские военачальники, — продолжает М. Карлей, — были бы немало смущены, если бы восточные коллеги поинтересовались их наступательными планами, потому что ни один из них не был достоин даже именоваться таковым. Согласно Гамелену армия была вообще неспособна вести наступательные действия»⁷⁴⁶.

Дирксен в то время сообщал в Берлин: «На прямые вопросы советской стороны о роде и степени военного сотрудничества в ходе войны французская и британская военные миссии отвечали лишь общими фразами»⁷⁴⁷. Когда же глава английской военной миссии адмирал Дракс сообщил своему правительству запросы советской делегации, то Галифакс на заседании кабинета министров заявил, что он «не считает правильным посылать какой-либо ответ на них»⁷⁴⁸. Переговоры о военном соглашении оказались фактически сорваны. По словам Сталина британская военная миссия «так и не сказала Советскому правительству, что ей надо»⁷⁴⁹. Барнет признавал: «Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров, насколько возможно, если не удастся подписать приемлемый договор». Здесь У. Ширер вновь недоумевал: *«Трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве»*⁷⁵⁰.

В чем же крылся секрет очередной английской тайны У. Ширера?

Началу ответа на данный вопрос еще до переговоров давал Харви, личный секретарь Галифакса — эти переговоры в Москве были «просто уловкой... Это правительство никогда ни на что не согласится с Советской Россией»⁷⁵¹. Переговоры были начаты только благодаря активному давлению общественности на правительства Англии и Франции. Бонне тогда отмечал: *«Сейчас в общественном мнении Франции и Британии складывается такое мощное движение в защиту соглашения с СССР, и во всем мире... среди громадного количества людей, даже самых умеренных взглядов, так крепнет убежденность, что именно от этого зависят судьбы мира, что в случае провала переговоров необходимо любой ценой возложить вину за это на Советский Союз»*⁷⁵².

Действительно, это было главной причиной затяжки переговоров, втянутые в них британский и французский кабинеты не знали, как из них выйти. Член кабинета Д. Саймон заявлял — если переговоры провалятся, то важно будет иметь общественное мнение на «нашей» стороне⁷⁵³. Любой ценой необходимо было обвинить в срыве переговоров Советский Союз. В этом случае, по словам Сидса, если переговоры не будут успешными, «то будет невозможно обвинить в этом» британское правительство⁷⁵⁴. Суриц в связи с этим доносил в Москву: «Наши партнеры не хотят «настоящего соглашения с нами», но боятся реакции общественности в случае провала переговоров»⁷⁵⁵.

Итог англо-французской дипломатии подводил Жданов: «британское и французское правительства не хотят заключать договор, основанный на взаимной ответственности и равных обязательствах; они хотят соглашения, «в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств». *Англичане и французы хотят вести только разговоры о соглашении, а сами готовят почву, чтобы обвинить Советский Союз в срыве переговоров и оправдать новую сделку с агрессорами*⁷⁵⁶. Здесь Жданов вплотную подошел к раскрытию «Английской тайны»...

Очередная английская тайна...

По мнению Сурица, Чемберлен и Даладье были готовы на что угодно, лишь бы добиться договора с Германией и Италией. «Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашения с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые»⁷⁵⁷.

Действия Гитлера лишь стимулировали активность англичан. Так две недели спустя после речи Гитлера 28 апреля, в которой он фактически расторг германо-польский пакт о ненападении и англо-германское военно-морское соглашение, Майский отмечал, «что за последние дней десять после речи Гитлера здесь вновь подняли головы «умиротворители»» — «Times» как раз начала в то время большую кампанию «за еще одну попытку» прийти к соглашению с Германией и Италией⁷⁵⁸. Может, это просто совпадение, пишет М. Карлей, что О. Харви, личный секретарь Галифакса, за шесть дней до того, как Майский отослал свою депешу Молотову, отметил в своем дневнике, что ««умиротворительство» опять поднимает свою отвратительную голову. Я уже не раз слышал намеки, что оно уже вовсю маячит у нас за спиной в номере 10. Впрочем, это вполне нормально, что и руководство «Times» опять берет душераздирающую пораженческую ноту — «Данциг не стоит новой войны...»»⁷⁵⁹.

Коллье, говоря о протоколах комитета по внешней политике, составленного из министров кабинета, занимавших ключевые посты, отмечал, что «если почитать между их строк», особенно высказывания Чемберлена, то *«трудно избавиться от ощущения, что настоящий мотив поведения кабинета — желание заручиться поддержкой русских и в то же время оставить руки свободными, чтобы*

при случае указать Германии путь экспансии на восток, за счет России... Советскую поддержку стоило иметь на своей стороне, и... дать русским, в обмен на обещание их помощи, уверенность, что мы не бросим их в одиночестве перед лицом германской экспансии»⁷⁶⁰.

Месяц спустя, в мае, посол Польши в Англии докладывал своему министру иностранных дел: Чемберлен, несомненно, избегает всего, что «лишало бы его возможности вновь вернуться к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом». По мнению посла, недавнее выступление Чемберлена «является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами»⁷⁶¹. Чемберлен действительно упорно настаивал, что Россия, а не Германия, представляет собой главную угрозу западной цивилизации⁷⁶². В парламенте он заявлял, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»⁷⁶³.

Видный представитель консервативной партии Ч. Спенсер выдвинул тезис о том, что «Германия может путем войны получить меньше, чем путем переговоров», он передал от английской стороны Герингу меморандум с предложением о созыве нового мюнхенского совещания четырех держав без СССР и Польши. Перед вручением меморандума Спенсер счел необходимым заверить, что введущиеся Англией переговоры с СССР «не должны пониматься как проявление какой-либо симпатии к русскому методу управления. Конечно, в Англии есть люди, выступающие за политические связи с Россией. Но ведут они себя тихо, их мало, и они не располагают влиянием»⁷⁶⁴.

8 июня Галифакс заявил в парламенте, что Великобритания готова к переговорам и с Германией⁷⁶⁵. На следующий день Гендерсон посетил Геринга и заявил ему, что если бы Германия пожелала вступить с Англией в переговоры, то получила бы

«не недружественный ответ»⁷⁶⁶. 13 июня Гендерсон встретился со статс-секретарем министерства иностранных дел Германии Вайцзекером, который в записях об этой беседе отметил, что английский посол «явно имея поручение, говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином... критически высказывался об английской политике в Москве» и «не придает никакого значения пакту с Россией». Через две недели собеседники встретились вновь. И опять Гендерсон занялся поисками «исходных моментов для новых англо-германских переговоров». «Как и 14 дней назад, — записывал Вайцзекер, — посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров... По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира» (умиротворения)⁷⁶⁷.

Правящие круги Англии были готовы немедленно прервать свои контакты с Советской Россией. Сидс 12 июля телеграфировал Галифаксу, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о «косвенной агрессии», чем вопросом о военном соглашении⁷⁶⁸. Однако Германия молчала, а срыв переговоров сочли все же опасным. Стрэнг предупреждал, что это «может вынудить Советский Союз стать на путь... компромисса с Германией».

Началу новой серии переговоров положило посредничество лорда Кемсли, владельца «Sunday Times», который в конце июля встретился с Гитлером и предложил возобновить переговоры. Гитлер выдвинул свои условия. Галифакс и Чемберлен согласились их рассмотреть⁷⁶⁹. Вскоре для переговоров, под видом участия в заседании китобойной комиссии, в Лондон прибыл сотрудник Геринга Х. Вольтат. С ним начались консультации советника Чемберлена Г. Вильсона и министра торговли Р. Хадсона.

Результирующим документом встречи стал «План Вильсона», который был изложенный последним 21 июля Вольтату и 3 августа Дирксену. «План» предполагал заклю-

чение германо-британского пакта о ненападении. Пакт разграничивал сферы интересов двух стран в Европе, при этом за Гитлером признавалась гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе, решение проблем Данцига и Польши, урегулировались колониальные претензии Германии и предоставление ей крупного кредита. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений⁷⁷⁰. По мнению Карлея, «во многих пунктах повестка дня Вильсона — Дирксена очень напоминает то, что немцы предлагали Молотову. К договору стремился Чемберлен, но вовсе не Гитлер»⁷⁷¹.

Г. Дирксен после разговора с Г. Вильсоном сообщал в Берлин: *«Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно возможная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»*⁷⁷². Однако переговоры снова зашли в тупик. Карлей относит этот факт на благородство англичан, не желавших заключить сделку с Гитлером за счет войны с Польшей.

На самом деле Чемберлен, после Мюнхена, под давлением общественного мнения, не мог не только подписать еще одну подобную сделку, но и вообще открыто вести «умиротворительные» переговоры с Германией. Именно поэтому потребовалось посредничество Кемсли, прикрытие китобойными переговорами, для Вольтата. Именно поэтому потерпела провал миссия Хадсона, как только сведения о ней попали в прессу⁷⁷³. Не случайно Вильсон после предложения своего плана, по словам Дирксена, предупредил, «что, если информация об этих переговорах просочится в прессу, Чемберлену придется подать в отставку»⁷⁷⁴. Для Чемберлена вопрос стоял не в самом соглашении с Германией, а в возможности его общественного признания.

Не случайно Галифакс в то время говорил своим коллегам по кабинету: «Военные переговоры будут тянуться бес-

конечно, тем самым мы выиграем время и наилучшим образом выйдем из трудного положения, в которое попали»⁷⁷⁵. Чемберлен тогда же отмечал в своем дневнике: «Англо-советские переговоры обречены на провал, но прерывать их не следует, напротив, надо создавать видимость успеха, чтобы оказывать давление на Германию»⁷⁷⁶. Соответственно инструкция для британской делегации, отправляющейся в Москву, предписывала: «вести переговоры весьма медленно»⁷⁷⁷. Тем временем работа над «планом Вильсона» не прекращалась⁷⁷⁸.

В советском посольстве знали о переговорах с Вольтатом⁷⁷⁹. Полпред СССР во Франции докладывал НКВД, «что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломать Германию», а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией»⁷⁸⁰.

Странной была позиция и самой Германии. «Тайный примирительный зондаж Чемберлена (через Г. Вильсона) показывает, что при желании с Англией можно наладить разговоры», — считал Вайцзекер. Но желания не было. В течение 1938 — 1939 г. Гитлер ни разу не отвечал на предложения англичан. Почему Гитлер не принял столь выгодных предложений?

На этот счет существует несколько мнений: так, В. Сиполс утверждает, что Гитлер «рассматривал все подобные предложения как свидетельство слабости Англии»⁷⁸¹. Геллер и Некрич считают камнем преткновения требования Германии рассматривать Ближний Восток как ее «естественную экономическую сферу», что было абсолютно неприемлемо для Англии. В. Шубин отмечает, что предложения Вильсона содержали важную оговорку: Германия не должна «предпринимать акций в Европе, которые привели бы к войне, исключая такие меры, которые получают полное согласие Англии»⁷⁸². По мнению Шубина — прими Гитлер предложения Чемберлена, и он автоматически становился британским «жандармом» Европы.

На самом деле причина, очевидно, крылась в том, что Гитлер не верил ни одному слову англичан: «Англия усматривает в нашем развитии стремление установить гегемонию, которая ее ослабит. Следовательно, Англия — наш враг и борьба с ней является вопросом жизни и смерти»⁷⁸³. Методы борьбы, которые Англия использовала на протяжении столетий, не составляли ни для кого секрета. О них Гитлер говорил в своей публичной речи 1 апреля, когда явно имея в виду англичан и французов обрушился на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. **Союз с Англией не оставлял Германии выхода, он был направлен и мог быть направлен только и исключительно против СССР, что неизбежно вело к взаимоуничтожительной войне между Германией и Россией.** Гитлеру же необходимо было только нейтрализовать Англию на время войны с Польшей.

Очевидно отталкиваясь именно от этих предпосылок, Гитлер продолжал игру с Англией. Так, после подписания пакта Молотова — Риббентропа, 25 августа Гитлер принял Гендерсона. «Гитлер объяснял, что хочет сделать в направлении Англии такой же серьезный шаг, как и в направлении России. Он не только готов заключить договоры... гарантирующие существование Британской империи при любых обстоятельствах, насколько это будет зависеть от Германии, но и готов оказывать помощь, если таковая ей понадобится»... Если же английское правительство отвергнет «его идеи, то будет война». При этом, как отмечал Гальдер в дневнике, **Гитлер заявил, что «не обидится, если Англия будет делать вид, что ведет войну»**⁷⁸⁴.

В последние дни и часы мира Геринг вел параллельные неофициальные переговоры через шведского бизнесмена Далеруса⁷⁸⁵. Последнего в Лондоне принимали Чемберлен и Галифакс. «Было очевидно, что... английское правительство отнеслось к шведскому курьеру вполне серьезно»⁷⁸⁶. Англичане предложили Гитлеру договор и урегулирование конфликта с Польшей переговорным путем. «Если достичь

договоренности не удастся, то рухнут надежды на взаимопонимание... что может привести к конфликту между нашими двумя странами и послужить началом мировой войны»⁷⁸⁷. В ответ Гитлер выдвинул свои условия, о которых Гендерсон докладывал Галифаксу: «Условия кажутся мне умеренными. Это не Мюнхен...»⁷⁸⁸. «Немецкие предложения кажутся мне правомерными... Принятие их сделает войну неоправданной»⁷⁸⁹. Но Польша отказалась даже обсуждать эти условия⁷⁹⁰, *таким образом вся ответственность за развязывание Второй мировой войны ложилась на Варшаву. Англия и Франция могли фактически дезавуировать свои гарантии Польше, без потери собственного лица.* У Гитлера же не оставалось времени на уговоры поляков: «Из-за осенних дождей наступление надо было начинать немедленно или совсем его отменить»⁷⁹¹. Отменить было уже невозможно. Захват Польши был лишь начальным шагом в большой игре. «Я был бы сумасшедшим, если бы ради такого вопроса, как Данциг и коридор, бросился бы в общую войну наподобие 1914 года», — позже заявлял Гитлер⁷⁹².

Странная война

Ранним утром 1 сентября почти шестьдесят германских дивизий вторглись в Польшу. К этому времени французские войска на германской границе насчитывали 3253 тыс. человек, 17,5 тыс. орудий и минометов, 2850 танков, 1400 самолетов первой линии и 1600 в резерве. Кроме того, против немцев могли быть задействованы свыше тысячи английских самолетов. Им противостояли 915 тыс. германских войск, имевших 8640 орудий и минометов, 1359 самолетов и ни одного танка. Сооружение же Западного вала (линии Зигфрида) еще не было завершено⁷⁹³. Кейтель на Нюрнбергском трибунале показал: «Со строго военной точки зрения мы, солдаты, ожидали наступления западных армий во время польской кампании. Мы были очень удивлены тем, что не последовало

никаких действий, если не считать нескольких незначительных стычек между линией Мажино и линией Зигфрида. Мы заключили из этого, что Франция и Англия не имели серьезного намерения вести войну. Весь фронт вдоль западных границ Германии был защищен только пятью дивизиями, занимавшими Западный вал. Если б франко-британские армии начали наступление, мы не могли бы оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления»⁷⁹⁴.

По данным Типпельскирха, на Западном фронте Германия имела 8 кадровых и теоретически 25 резервных дивизий, которые на 3 сентября еще нужно было собрать. Приэтом боевая подготовка последних давала Типпельскирху повод считать их не «полностью боеспособными»⁷⁹⁵. Йодль вообще расценивал польскую кампанию как удачную авантюру, на Нюрнбергском процессе он заявлял: «Катастрофа не произошла только потому, что 110 дивизий, которыми располагали французы и англичане, оставались совершенно пассивными против наших 25 дивизий, стоявших на западном фронте»⁷⁹⁶. «Наши запасы снаряжения, — продолжал Йодль, — были до смешного ничтожны, и мы вылезли из беды единственно благодаря тому, что на западе не было боев»⁷⁹⁷. Наступление на западном фронте, по мнению Йодля, даже вполсилы, привело бы предположительно уже осенью 1939 г. к поражению Германии и окончанию войны⁷⁹⁸.

«В 1939, как и в 1938 годах, — отмечал маршал Мильх, генерал-инспектор воздушных сил, — все требования Главного штаба на изготовление воздушных бомб были зачеркнуты лично Гитлером. Он хотел сберечь наши запасы стали и легких металлов для нужд артиллерии и постройки самолетов. В начале войны наших запасов бомб хватило бы всего на пять недель активных операций. В течение 18 дней польской кампании мы израсходовали половину запаса, хотя в деле была только часть наших бомбардировочных самолетов»⁷⁹⁹. Йодль обобщает это положение: «Все наше вооружение, — говорит он, — было создано уже после начала воен-

ных действий»⁸⁰⁰. Не только вооружение, но и сама армия, замечает Р. Картье. В начале сентября 1939 г. Германия имела максимум 50 дивизий. В конце октября их было уже 75, а в мае 1940 года — 120⁸⁰¹.

Б. Мюллер-Гиллебранд констатировал: «западные державы... упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии... и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 года были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным»⁸⁰². Флот, подобно армии, был также лишь фасадом. «Флот, — отмечал адмирал Денитц, — был захвачен врасплох объявлением войны. Вновь строящиеся суда были еще далеки от окончания; но даже если бы они и были достроены, то все же германский флот составлял бы не более трети британского. В моем распоряжении было всего лишь 42 подводные лодки, годные к действию»⁸⁰³.

По словам Р. Картье, документы «Нюрнберга категорически подтверждают, что в 1939 году Германия была не в состоянии вести войну на два фронта. Но Гитлер строил свои планы на психологическом расчете... Он говорил: «Я знаю Чемберлена и Даладье. Я их оценил в Мюнхене. Это — трусы. Они не посмеют выступить»»⁸⁰⁴. Действительно англичане и французы, дав гарантии Польше ... не собирались воевать. 2 сентября Чемберлен выступил в палате общин, но не с объявлением войны, а с предложением о дальнейших переговорах. Это вызвало шок среди депутатов, которые подумали, что Чемберлен решил «повторить Мюнхен»⁸⁰⁵. Известный лейбористский деятель Х. Дальтон 2 сентября записал в своем дневнике: «Казалось, что политика умиротворения снова достигла полного расцвета и наше слово чести, данное полякам, умышленно нарушалось»⁸⁰⁶. На Западе началось то, что назвали Странной войной.

На линии фронта французы вывесили огромные плакаты: «Мы не произведем первого выстрела в этой войне!» Отмечались многочисленные случаи братания французских и немецких солдат, которые навещались друг к другу в гости, обмениваясь продовольствием и спиртными напитками⁸⁰⁷. Когда же не в меру инициативный командир французского артиллерийского полка, занимавшего позиции в районе Бельфора, начал предварительную пристрелку возможных целей, то за это его чуть не предали военно-полевому суду. «Понимаете, что вы сделали? — распекал своего подчиненного командир корпуса. — Вы чуть-чуть не начали войну!»⁸⁰⁸. В дальнейшем во избежание подобных инцидентов, чтобы какие-нибудь горячие головы сдуру не начали воевать всерьез, передовым частям французских войск было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами⁸⁰⁹. «Pas de conneries — не вести себя по-дурачки — было распространенным мнением среди французов, или нам придется за это расплачиваться»⁸¹⁰. По словам Д. Фуллера: «Сильнейшая армия в мире, перед которой находилось не больше 26 дивизий противника, бездействовала, укрывшись за сталью и бетоном, в то время как враг стирал с земли мужественного до донкихотства союзника»⁸¹¹.

Как отмечал посетивший линию фронта французский писатель Р. Доржелес, бывший в то время военным корреспондентом: «По возвращении на фронт я был удивлен царившей там тишиной. Артиллеристы, расположившиеся у Рейна, смотрели, сложа руки, на немецкие колонны с военным снаряжением, передвигавшиеся на другом берегу реки, наши летчики пролетали над огнедышащими печами заводов Саара, не сбрасывая бомб. Очевидно, главной заботой высшего командования было не провоцировать противника»⁸¹². Единственный боевой эпизод имел место 4 сентября, когда английские ВВС атаковали германские военные корабли, находившиеся в районе Киля, в результате чего легкий

крейсер «Эмден» получил незначительные повреждения⁸¹³. В остальное время английские и французские самолеты ограничивались разведывательными полетами, а также, говоря словами Черчилля, «разбрасывали листовки, вызывающие к нравственности немцев»⁸¹⁴.

Всего с 3 по 27 сентября только английские ВВС обрушили на головы немецких обывателей 18 млн. листовок⁸¹⁵. Как самокритично заметил маршал авиации А. Харрис, позднее прославившийся ковровыми бомбардировками немецких городов: «Я лично считаю, что единственное, чего мы добились, — это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны. Многие из этих листовок были столь глупо и по-ребячески написаны, что, пожалуй, хорошо, что их скрывали от английской общественности, даже если нам приходилось рисковать и терять напрасно экипажи и самолеты, сбрасывая эти листовки на врага»⁸¹⁶.

В первых числах сентября один из лидеров лейбористов, Х. Дальтон, имевший много близких друзей среди поляков, предложил поджечь зажигательными бомбами Шварцвальд, чтобы лишить немцев строевого леса: «Дым и чад немецких лесов научат немцев, весьма сентиментально относящихся к своим лесам, что война не всегда приятна и выгодна и что ее нельзя вести исключительно на территории других народов». Однако сэр Кингсли категорически отказался, сославшись на то, что подобные действия противоречат Гаагской конвенции⁸¹⁷. 8 сентября польский военный атташе во Франции докладывал в Варшаву: «на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше»⁸¹⁸.

Французское наступление началось 7 сентября, не встречая сопротивления германских войск, которым было

приказано уклоняться от боя. Спустя пять дней французские войска получили приказ генерала Гамелена прекратить наступление и начать окапываться⁸¹⁹. Но главное было не в успехах, а в его факте, остальное дело рекламы. Агентство «Ассошиэйтед Пресс» поспешило сообщить, будто «в ночь с 6 на 7 сентября французские войска захватили первую линию бетонных пулеметных гнезд линии Зигфрида»⁸²⁰. Официальное коммюнике французского Генерального штаба было скромнее: «Невозможно, впрочем, точно перечислить уже занятые местности и позиции»⁸²¹. На деле реальное продвижение французских войск составило всего 7-8 км на фронте протяженностью около 25 км⁸²².

Однако 10 сентября М. Гамелен уверял польское руководство, что «больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника, и я еще не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала брошены Военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации»⁸²³.

В тот же день парижский корреспондент «Юнайтед Пресс», ссылаясь на сведения, «полученные из надежных источников», утверждал, что Германия перебросила с Восточного фронта как минимум 6 дивизий, чтобы противодействовать французскому наступлению⁸²⁴. На самом деле с польского фронта не было переброшено ни одного немецкого солдата, ни одного орудия или танка⁸²⁵. Несмотря на то что 12 сентября французское наступление прекратилось, пресса продолжала распространять байки об «успехах» союзных войск.

Так, 14 сентября сообщалось, что «военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада». 19 сентября последовало сообщение, что «бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км»⁸²⁶.

Наконец, 3-4 октября французские войска покинули территорию Германии. 16 октября вернулись на исходные позиции и передовые части вермахта⁸²⁷. В целом результаты этого «героического» похода оказались следующими: «В сводке германского Верховного командования от 18 октября были объявлены общие потери немцев на Западном фронте: 196 человек убитыми, 356 ранеными и 144 пропавшими без вести. За этот же период было взято в плен 689 французов. Кроме того, было потеряно 11 самолетов»⁸²⁸.

Как вспоминал позднее Черчилль: *«Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это»*⁸²⁹. Впрочем, сам сэр Уинстон, отмечает И. Пыхалов, тоже не без греха. Так, в письме Чемберлену от 10 сентября он высказался вполне определенно: «Я по-прежнему считаю, что нам не следует первыми начинать бомбардировку, за исключением разве района, непосредственно прилегающего к зоне действия французских войск, которым мы, конечно, должны помочь»⁸³⁰.

Дальнейшее выполнение Западными демократиями своих «гарантий» Польше можно проследить по фактам, приводимым И. Пыхаловым: 21 ноября правительство Франции создало в вооруженных силах «службу развлечений», на которую возлагалась организация досуга военнослужащих на фронте. 30 ноября парламент обсудил вопрос о дополнительной выдаче солдатам спиртных напитков⁸³¹. Вскоре в крупных гарнизонах и на железнодорожных станциях при-

шлось в срочном порядке открывать военные вытрезвители. 29 февраля 1940 г. Даладье подписал декрет об отмене налогов на игральные карты, предназначенные для действующей армии. Спустя некоторое время было принято решение закупить для армии 10 тыс. футбольных мячей⁸³².

Не спеша подтягивались английские войска — первые две дивизии прибыли на фронт лишь в начале октября⁸³³, а первый военнотружующий британского экспедиционного корпуса будет убит лишь 9 декабря 1939 г.⁸³⁴. М. Гилберт дал оригинальное объяснение «неповоротливости Англии» — последней якобы «было трудно настроиться на войну... (но главное) к гарантиям Польше в Англии никогда не относились с большой симпатией. Между странами не было традиционной дружбы, Польша считалась одним из тех диктаторских режимов, которые проявляют лишь присущие авторитарному господству ограниченность и притеснения, но без театрального волшебства и гипнотического воздействия власти»⁸³⁵.

По мнению Карлея, англо-французы делали все, чтобы не «провоцировать врага»⁸³⁶. **При этом Англия и Франция упорно делали вид, что ведут полноценную войну.** Но «Странная война» не могла продолжаться бесконечно. Так, Суриц сообщил из Парижа, что французы помимо своей военной «гимнастики» никакой помощи полякам не оказывали, а по Парижу ходили слухи, что войну хотят закончить, позволив немцам привести к власти марионеточное польское правительство, и это будет лучший выход для Франции и Британии⁸³⁷. Из Лондона писал Майский, который отмечал, что Чемберлен, выступая «в парламенте и, подчеркивая решимость Англии вести «войну до конца»... в то же время дал понять, что если бы Гитлер выдвинул какие-либо новые, более приемлемые предложения, британское правительство готово было бы их рассмотреть»⁸³⁸.

Случай представился в конце 1939 г., когда с прямого подстрекательства со стороны правящих кругов Англии и Франции началась советско-финская война*. По мнению В. Трухановского для Чемберлена и его соратников это был оптимальный выход из положения — война против Германии переключалась на совместную войну с Германией против Советского Союза⁸³⁹. Лондон, в своем традиционном стиле, сделал все от него зависящее для этого: 24 ноября британское правительство заявляло СССР, что не станет вмешиваться в случае советско-финского конфликта. 29 ноября с Майским встретился Батлер, чтобы подтвердить заявление Черчилля, что британское правительство не собирается проводить «макиавеллиевскую» политику в отношении Советского Союза; но в Москве не очень-то поверили этим уверениям⁸⁴⁰. После этой встречи Майский писал, что британская политика заключалась в том, чтобы, простирая правую руку в дружеском жесте, в то же самое время левой «сеять семена антисоветских интриг во всех концах мира»⁸⁴¹. Действительно в то же самое время Англия требовала от Финляндии занять твердую позицию и не поддаваться нажиму Москвы⁸⁴². С началом Зимней войны в Финляндию была направлена французская военная миссия во главе с Ганевалем, мало того, в штабе Маннергейма находился личный представитель Гамелена генерал Клеман-Гранкур. По словам члена французской военной миссии капитана П. Стелена, *главная задача французских представителей заключалась в том, чтобы «всеми силами удерживать Финляндию в состоянии войны»*⁸⁴³.

* Финляндия была готова принять более чем щедрые предложения Советского Союза, которые даже Маннергейм считал вполне разумными, и тем самым сохранить мир. Маннергейм советовал своим президенту и премьеру «не отклонять советские предложения, серьезно изучить их и скорее всего согласиться на них, ибо с военной точки зрения они лишь выгодны Финляндии». Только и исключительно давление Англии и Франции заставило Финляндию отклонить предложенный СССР обмен территориями и компенсации.

Правительства Англии и Франции, славшие во время войны с Польшей, вдруг развернули бурную деятельность. Были задержаны несколько советских пароходов и арестованы счета и ценности советского торгпредства в Париже. Война с Германией уже шла, а Англия и Франция разрабатывали проект переброски в Финляндию, через Скандинавию 150 тыс. солдат и офицеров. Однако Швеция и Норвегия категорически отказались пропустить англо-французские войска через свою территорию. В январе 1940 г. Даладье поручил Гамелену и командующему ВМФ адмиралу Дарлану изучить вопрос об авиаударах по территории СССР. Удар предполагался по нефтепромыслам Баку, Грозного, Майкопа и др. с аэродромов в Сирии, Ираке и Турции. Однако в апреле англичане заявили, что не в состоянии выделить авиацию для этих действий⁸⁴⁴.

Карлей отмечает, что «Парижская пресса развязала против советского вторжения оголтелую кампанию, а действия французского правительства производили отчетливое впечатление, что ему больше нравится чернить большевиков, чем сражаться с «германским колоссом»»⁸⁴⁵. В свою очередь «Форин оффис считал большевиков если не злейшими врагами, то чем-то вроде этого. Британская пресса почти единодушно и яростно осуждала советское нападение на Финляндию»⁸⁴⁶. Официальные представители британского правительства заявляли: «По очень многим причинам советское правительство теперь является нашим врагом»⁸⁴⁷. В декабре Советский Союз был исключен из Лиги Наций и оказался практически в полной изоляции. Несколькими месяцами раньше СССР еще оказался втянут в серьезное противостояние с Японией на маньчжурской границе. «Красная армия разгромила японцев, но ситуация оставалась очень неопределенной»⁸⁴⁸.

В «эти месяцы, — отмечал А.Симон, — французские газеты, за небольшим исключением, стали открыто называть русских «врагом номер один». Германия была разжалована

на второе место. Помню, один из членов британского парламента сказал мне как-то на митинге в Париже: *«Читаешь французскую прессу, и создается впечатление, будто Франция воюет с Россией, а с немцами она разве что находится в натянутых отношениях»*... Чтобы спасти свой кабинет, Даладье чуть не довел дело до войны Франции с Советской Россией. Он тайно отправлял в Финляндию самолеты и танки*, отсутствие которых очень сильно сказалось вскоре на французском фронте»⁸⁴⁹.

Американский посол в СССР Штейнгардт неистовствовал: «Соединенные Штаты должны выразить негодование по поводу советской агрессии в Финляндии, а именно: разорвать дипломатические отношения, изгнать всех советских граждан из США, закрыть американские порты «и, возможно, Панамский канал» для всех советских судов, наложить эмбарго на весь экспорт в Советский Союз, а также применять «и иные шаги подобной жесткости». Он подчеркивал: «Эти люди не понимают политических жестов, морали, этики — ничего. Они понимают только язык действий, наказания и силы»⁸⁵⁰. Однако рекомендации посла приняты не были, Рузвельт только призвал СССР оставить Финляндию в покое. Тем временем американская пресса раскручивала «блокбастер», будто СССР сбрасывал в Финляндии бомбы на женщин и детей⁸⁵¹. И из Америки в Финляндию шло оружие и даже отправлялись добровольцы. А Уэллес из Госдепа попутно выяснял, можно ли повернуть против СССР такой общий фронт Запада, где Германии отвели бы почетную роль передового бойца⁸⁵².

* 12 марта 1940 г. Даладье заявил, что Франция поставила Финляндии 145 самолетов, 496 орудий, 5 тыс. пулеметов, 400 тыс. винтовок и 20 млн. патронов. В свою очередь, по словам Чемберлена от 19 марта, из Англии в Финляндию были отправлены 101 самолет, 114 орудий, 185 тыс. снарядов, 200 противотанковых орудий, 100 пулеметов, 50 тыс. газовых снарядов, 15 700 авиабомб, а также большое количество обмундирования и снаряжения. (Таннер В..., с. 173)

22 февраля 1940 г. СССР и Финляндия независимо друг от друга предложили Англии выступить посредником для заключения мира⁸⁵³. 24 февраля английское правительство отказалось, поскольку было «не согласно с данными условиями мира»⁸⁵⁴. А в марте Англия и Франция потребовали от министерства иностранных дел Финляндии официального обращения к ним за помощью. Очевидно до руководства Финляндии дошло, что это чревато для их страны национальной катастрофой. И финское правительство пошло на подписание мира с Советским Союзом. Тем самым, по мнению Трухановского, Англия была избавлена от катастрофических последствий — прямой войны с СССР, к которым ее неизбежно толкала *линия на «переключение» войны*⁸⁵⁵.

Тем не менее даже после окончания советско-финской войны в марте Гамелен утверждал, что вопрос об открытии военных действий против СССР должен стоять на первом месте. План действий включал авиаудары, подводную войну в Черном море, вступление в войну Турции, поддержанной французскими войсками из Ливана. «Русско-финское перемирие не должно привести ни к какому изменению главных целей, которые мы смогли перед собой поставить в 1940 г., но оно должно побудить действовать более быстро и более энергично»⁸⁵⁶. Генерал Жоно в мае 1940 г. считал, что не на Западе, а «на Кавказе война найдет свое завершение», уверяя министра авиации Лоран-Эйнана: «Вы не будете сражаться на Западном фронте, сражаться будут на Кавказе»⁸⁵⁷.

Английский историк Э. Хьюз позже писал: *«Мотивы предполагавшейся экспедиции в Финляндию не поддаются разумному анализу. Провоцирование Англией и Францией войны с Советской Россией в то время, когда они уже находились в войне с Германией, представляется продуктом сумасшедшего дома. Оно дает основания для того, чтобы предложить более злоеющее толкование: переключение войны на антибольшевистские рельсы, с тем чтобы война против Германии могла быть окончена и даже забы-*

та... В настоящее время единственно полезным выводом может явиться предположение, что английское и французское правительства в то время утратили разум»⁸⁵⁸. Аналогичного мнения придерживался А. Тэйлор: «Единственное разумное объяснение всему этому, допустить, что британское и французское правительства просто сошли с ума»⁸⁵⁹.

Объяснение, почему в очередной раз английское и французское правительства утратили разум, давал английский журнал «Лейбор мансли» в феврале 1940 г.: **«Наиболее шовинистические, агрессивные, реакционные силы английского и французского империализма, которые стремятся любыми средствами расширить войну и ликвидировать создавшийся на Западе тупик путем открытия военных действий на Востоке, здесь объединились с бывшими мюнхенскими элементами, которые ввязались в эту войну по ошибке и против своего желания именно потому, что они старались организовать антисоветскую войну, и которые только рады были бы теперь найти способ превратить эту войну в антисоветскую войну и построить на этой основе мировой контрреволюционный фронт под английским руководством»**⁸⁶⁰.

Свое объяснение реакции Запада оставил Ллойд Джордж. По его словам, по проблеме отношений с финнами Советский Союз еще может оправдаться соображениями обеспечения собственной безопасности. Но в целом вопрос выходит за рамки этой проблемы — это вопрос противостояния двух систем, капитализма и социализма. А Финляндия сейчас просто генератор, который питает все «реакционные силы мира». «Если бы я был на вашем месте, — советовал Ллойд Джордж Майскому, — я бы как можно скорее закончил эту финскую войну, ибо каждая ее неделя чревата новыми осложнениями и новыми попытками создать антисоветский блок. И я бы закончил финскую войну без использования «германских методов», применяе-

мых в Польше, потому что они лишь дают лишние козыри в руки антисоветских «провокаторов». Майский стал протестовать против этого последнего положения, но Ллойд Джордж только рассмеялся: «Извините меня, старика, кое-что понимающего в международно-политических и военных делах. Я не хотел Вас обидеть. Однако из собственного опыта я знаю, что война есть война. **А в особенности эта война, которая, на мой взгляд, является последней большой борьбой капитализма за свои права на существование**»⁸⁶¹.

Почему же этот очередной «крестовый поход» против большевизма провалился? Во-первых, Англия и Франция ждали, когда к ним, защитникам Финляндии, присоединится Германия, однако Гитлер не поддался на провокацию, у него были свои планы в отношении Англии и Франции. Во-вторых, свою роль сыграл простой народ Англии — Батлер не переставал повторять своим коллегам по Форин оффис: **«Рабочие очень не хотят войны с Россией». Как бы там ни думал Форин оффис, мысли о России, несмотря даже на Финляндию, занимали важное место «в умах множества простых людей»**»⁸⁶².

«Поражение Финляндии вызвало во Франции правительственный кризис. На первый взгляд, это кажется довольно странным». Ведь к тому времени возглавляемое Даладье правительство уже успело дважды предать союзную Чехословакию, а затем и союзную Польшу. «Никого это особо не возмущало. А тут Финляндия, с которой Францию не связывали никакие договоры и которая по условиям мира сохранила свою независимость, потеряв лишь часть территории. Тем не менее, факт поражения финнов оказался для французской общественности настолько невыносимым, что правительство Даладье было вынуждено уйти в отставку»⁸⁶³. В чем же причина такой реакции? «Все очень просто, — отвечает Пыхалов. — На этот раз победителями стали не добропорядочные немцы-нацисты, а русские варвары-большевики»⁸⁶⁴.

Английский посол в Париже в то время сообщал, что Даладье говорил о налетах на Баку как отчасти о задаче «внутренней политики»: «...и эти элементы среди правящего класса... благодаря своему страху перед большевизмом, будут рады заключить мир с Германией, пока ее еще окончательно не побили»⁸⁶⁵. Выступая 19 марта 1940 г. в парламенте, Даладье заявил, что для Франции «Московский мирный договор (с Финляндией) — это трагическое и позорное событие. Для России это великая победа»⁸⁶⁶.

Пакт Молотова — Риббентропа

Дело... идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения. Тем не менее, в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского пакта... Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.

*Молотов*⁸⁶⁷

В августе 1939 г. Германия и СССР заключили пакт, вошедший в историю под названием «пакт Молотова — Риббентропа». По мнению Д. Данна, инициатором пакта с самого начала безоговорочно была Россия. Германия долгое время «не отвечала на советские предложения... по той же причине, по которой не нападала на Советскую Россию: Сталин до такой степени истощил страну, что Советский Союз можно больше не принимать всерьез»⁸⁶⁸. Слова Д. Данна могут считаться компилятивным отражением мнения тех «историков», которые полагают, что Сталин вообще изначально предпочитал союз с Германией и все время склонялся к нему⁸⁶⁹. Д. Данн утверждает, что «Советские власти делали безответные попытки к сближению с Берлином еще в 1936 г.»⁸⁷⁰. «После аншлюса в марте 1938 г., — продолжает Д. Данн, — они усилили свои попытки связать Германию пактом о нена-

падении, но Гитлер не видел выгоды от альянса с Советской Россией, истощенной коллективизацией, чистками и изолированной от Франции и Англии»⁸⁷¹. Аналогичное мнение с тем же пафосом высказывает А. Некрич: в начале 1939 г. «Сталин возвращается к идее договора с Германией. Что до того, что Германия заклеяна, как агрессор, что ведутся переговоры с Англией и Францией о заключении военного союза против Германии!»⁸⁷²

Однако, как отмечает И. Фляйшхауэр, более подробное знакомство с документами ставит серьезного исследователя перед фактом, что «нет абсолютно никаких доказательств постоянных «предложений» Сталина правительству Гитлера, нацеленных на установление особых политических отношений»⁸⁷³. Действительно, несмотря на значительные пропагандистские усилия, ни Д. Данн, ни А. Некрич, ни их сторонники не приводят ни одного более или менее близкого факта, подтверждающего их собственные слова.

Хотя *инициативы* действительно были. Гитлер с первых дней своего прихода к власти стремился к развитию экономических отношений с СССР, но не политических. Советский Союз в свою очередь был единственной страной, которая на протяжении всех предвоенных лет последовательно проявляла *инициативу* в другой области — в создании антифашистских «Народных фронтов» и системы «коллективной безопасности», против угрозы фашизма. Хотя советское руководство не отрицало и политических отношений с Германией, но только в рамках Лиги Наций или общеевропейского договора. *Инициативу* в установлении особых отношений с Германией первой проявила Англия — в 1935 г. заключив с ней военно-морское соглашение. Особые отношения — пакты о ненападении с Германией — еще в 1934 г. подписала Польша, а за ней в 1938 г. Англия и Франция, а в 1939 г., ведя переговоры с СССР, а затем выполняя свои союзнические обязательства по отношению к Польше, «союзники» просто «бомбили» агрессивную Германию своими ... *инициативами*...

Предысторию пакта Молотова — Риббентропа можно отнести к декабрю 1937 г., когда Геринг пригласил советского посла Я. Сурца и в ходе беседы сказал: «Я являюсь сторонником развития экономических отношений с СССР и как руководитель хозяйства понимаю их значение». Геринг заговорил о вопросах внешней политики, заветах Бисмарка не воевать с Россией и ошибке Вильгельма II, который эти заветы нарушил⁸⁷⁴.

Непосредственно история пакта началась сразу после Мюнхена. И. Фляйшхауэр отмечает, что именно на это время (3 октября 1938 г.) приходится первая серьезная инициатива в советско-германском сближении, которая принадлежала германскому послу в СССР В. Шуленбургу. Эта «инициатива являлась следствием размышлений Шуленбурга о том, что «необходимо воспользоваться изоляцией Советского Союза, чтобы заключить с ним всеобъемлющее (экономическое) соглашение...»⁸⁷⁵. В конце октября Шуленбург уведомил министерство иностранных дел Германии, что «намерен в самом ближайшем будущем встретиться с Молотовым... чтобы попытаться решить вопросы, осложняющие германо-советские отношения». По мнению У. Ширера, «маловероятно, что посол сам пришел к подобному решению, учитывая недавнее враждебное отношение Гитлера к Москве. Скорее всего, инструкция поступила из Берлина»⁸⁷⁶.

В меморандуме германского МИДа от 4 ноября говорится о «настойчивом требовании из ведомства фельдмаршала Геринга хотя бы попытаться реактивировать... торговлю с Россией, особенно в той части, где речь идет о русском сырье». Сроки советско-германских торговых соглашений истекали в конце года, и документы с Вильгельмштрассе изобилуют материалами о взлетах и падениях во время переговоров о их возобновлении. Каждая из сторон относилась к другой с большим подозрением, — отмечал У. Ширер, — и все-таки они медленно, но неуклонно сближались»⁸⁷⁷. Необходимость заключения договора была обусловлена не только текущими экономическими соображениями, но и

примерами истории. Ведь именно отказ Николая II от продления русско-германского торгового соглашения, истекшего в 1914 г., стал одной из последних капель, приведших Германию к Первой мировой войне⁸⁷⁸.

На этот раз Германия была готова идти даже дальше просто торгового соглашения. 16 декабря при продлении торгового договора Ю. Шнурре, глава немецкой делегации сообщил, что Германия готова предоставить кредит в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения, — по словам В. Шубина, — пока неустойчивого и ничем не гарантированного. Стороны договорились о продолжении переговоров 30 января 1939 г. в Москве⁸⁷⁹. Однако переговоры внезапно сорвались из-за Гитлера. На новогоднем приеме глав дипломатических миссий 12 января он неожиданно подчеркнул свое внимание к советскому послу⁸⁸⁰. Такого прежде не бывало и вызвало фурор в дипломатическом корпусе: что бы это значило?! Позже сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать. Правда, официальные круги Англии и Франции эта информация казалось мало трогала. «В Форин оффисе даже Коллье, который всегда был настороже относительно любых признаков сближения немцев с Советами, не обратил особого внимания на сообщение... Пайяр сообщал из Москвы об ожидаемом приезде Шнурре, но считал, что переговоры не выйдут за рамки чисто экономических вопросов»⁸⁸¹. Однако 27 января лондонская «News Chronicle» опубликовала статью, в которой говорилось об «опасности» «германо-советского сближения»⁸⁸². На следующий день по инициативе германской стороны переговоры были прекращены.

Вслед за англичанами беспокойство проявили и французы. «4 февраля Пайяр спросил у Потемкина, не имеют ли нацисты желания перейти от переговоров экономических к политическим. «Я выразил в этом сомнение, — сказал Потемкин, — но тут же спокойно напомнил Пайяру, мы никогда не отказывались от урегулирования наших отношений

с государством и что в протоколе к франко-советскому пакту о взаимной помощи нами и французами зафиксирована желательность политического сотрудничества с той же Германией в плане укрепления мира и коллективной безопасности»... Пайяр, как заметил Потемкин, был озабочен советско-германскими экономическими консультациями, хотя и сообщил в отчете, что отношение советского руководства ко Франции и Англии улучшилось по сравнению с концом января. Нам следует спешить, предупреждал Пайяр, чтобы извлечь выгоду из этой ситуации, иначе мы рискуем увидеть крутой разворот Советов в сторону нацистской Германии»⁸⁸³.

Советско-германские отношения перешли тем временем в скрытую фазу. Переговоры теперь велись через германского посла Шуленбурга. По мнению Мерекалова немцы хотели избежать шумихи в прессе⁸⁸⁴. Активность сторон была очень незначительна, отмечал М. Карлей: «Даже франко-германские экономические консультации, которые начались в декабре 1938 г., во время визита Риббентропа в Париж можно рассматривать как более важные, нежели тот краткий всплеск активности, вызванный отмененной раньше, чем она успела начаться, миссией Шнурре. Даладьё даже подумывал о визите в Париж Г. Геринга — именно Геринг был ответственным за германский четырехлетний экономический план, — Бонне тоже был заинтересован в возможности заключения крупных контрактов»⁸⁸⁵. Литвинов в этой связи расценивал срыв Гитлером экономических переговоров с СССР как провокационную акцию, целью которой было оказание давления на Францию и Англию. По его словам, Германия «не прочь использовать советский козырь в своей игре с Англией и Францией, но не решается на соответствующие политические жесты, которые она хочет заменить, если возможно, экономическим сближением»⁸⁸⁶.

Речь в данном случае шла о Польше, Германия стремилась «купить» лояльность Запада в польском вопросе пред-

ложениями выгодного экономического сотрудничества. Официального политического соглашения после Мюнхена английскому и французскому правительству не позволило бы заключить общественное мнение обеих стран. Наоборот, оно активно настаивало на союзе с Советской Россией. И как мы помним, Чемберлен и Даладьё в марте под давлением общественности были вынуждены обратиться к России.

Решающую роль в этом сыграла знаменитая речь Сталина от 10 марта. Д. Дэвис, бывший посол США в Москве, в своем дневнике отмечал: *«Это открытое предупреждение правительствам Англии и Франции, что Советы устали от «нереальной» оппозиции агрессору. Это... действительно представляет угрозу для переговоров... между британским Форин оффис и Советским Союзом. Это настоящий сигнал опасности...»*⁸⁸⁷. Спустя десять дней Дэвис сообщал сенатору Питтману: «... Гитлер предпринимает отчаянные попытки настроить Сталина против Англии и Франции. Если Англия и Франция не пробудятся, то, боюсь, ему это удастся»⁸⁸⁸.

Между тем английское и французское правительства, демонстрируя на публике свою активность, на деле продолжали свою прежнюю политику, о которой Д. Леви говорил: *«Московская Кассандра продолжает призывать к энергичным действиям, с которыми нельзя медлить ни часу, но она видит, что никто не прислушивается к ее словам и чувствует, что никто им не доверяет, поэтому голос ее мало-помалу становится слабее, а тон все более горестным»*⁸⁸⁹. «Отклонение англо-французами многочисленных советских инициатив, направленных на улучшение отношений в период между мировыми войнами и на создание антинацистской коалиции, особенно в 1935 — 1938 гг., — констатирует М. Карлей, — в большой мере усилило недоверие и породило даже некий цинизм советского руководства»⁸⁹⁰.

17 апреля, на следующий день после того, как Литвинов выдвинул свои предложения о заключении пакта о взаимо-

помощи между Англией, Францией и СССР, советский посол в Берлине, перед своим отъездом в Москву, нанес визит в МИД к Вайцзекеру. «Как записал статс-секретарь, это был первый визит Мерекалова за все время пребывания на занимаемом посту... Посол говорил приблизительно следующее: «Русская политика всегда следовала прямым курсом. Идеологические разногласия мало повлияли на отношения между Россией и Италией, не должны они повлиять и на отношения с Германией. Россия не воспользовалась существующими трениями между государствами Запада и Германией и не намерена ими воспользоваться, поэтому нет причин, по которым между нашими странами не могли бы существовать нормальные отношения. А нормальные отношения всегда могут улучшиться»⁸⁹¹. Тайна необычного визита советского посла прояснилась 3 мая, в этот день Литвинов освобожден от должности Народного комиссара иностранных дел, на его место был назначен В. Молотов.

«Если у Британии были основания для подозрений в отношении России, то и у России (как пишет верный приверженец Черчилля Макмиллан) были свои основания для подозрений: враждебность западных держав после Первой мировой войны, интервенция, потеря Россией территорий — ничто это не было забыто. И все же при Литвинове русская политика была направлена на поиски безопасности посредством Лиги Наций и союза с Западом. Мюнхен был шоком⁸⁹², но все же Россия выдвинула 16 апреля 1939 года предложение о союзе с Британией и Францией. Это был последний шанс Литвинова, но это был и последний шанс Запада»⁸⁹³.

«Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии», — считал У. Черчилль⁸⁹⁴. Однако точка в этом вопросе еще не была поставлена, на смену «прозападному идеализму» Литвинова была поставлена «реалполитик» Молотова.

Влияние Литвинова на советскую внешнюю политику до сих пор вызывает споры. Особенно остро этот вопрос поднимается в работах последних лет в среде левых ревизионистов*. По мнению левых ревизионистов германофобские настроения и личностные мотивы Литвинова сделали невозможным заключение прочного советско-германского, антианглосаксонского союза. Только в этом случае мировой войны, по их мнению, можно было избежать.

В подтверждение своих выводов левые ревизионисты приводят многочисленные факты. И не только они. Односторонняя приверженность СССР коллективной безопасности с откровенно враждебно настроенными в отношении к СССР Англией и Францией вызывала недоумение многих исследователей. Так например, человек, весьма далекий от ревизионизма, М. Карлей пишет: *«Принимая во внимание эту англо-французскую предвзятость и недоброжелательство — о которых были прекрасно осведомлены Литвинов и его послы, может показаться даже удивительным, как долго Советское правительство не отказывалось от мысли наладить механизм коллективной безопасности. Можно предположить, что только неприкрытая враждебность Гитлера удерживала Советский Союз от поисков альтернативной линии поведения. Но, как указывал британский посол Чилстон, у советского правительства просто не было возможности вести себя иначе, поэтому оно так и держалось за коллективную безопасность, насколько бы неэффективной она ни оказывалась»*⁸⁹⁵.

На деле отношение Лондона и Парижа к Советскому Союзу были еще более враждебны, чем Берлина.

* Разделение на правых и левых ревизионистов условно и призвано разделить крайние мнения: противников (в прямом смысле) советской, российской государственности — правых ревизионистов, например, А. Яковлева, и радикальных сторонников — левых ревизионистов, например, С. Кремлева.

Веймарская республика, а затем Гитлер, несмотря на антисоветскую риторику, пускай и вынужденно, но поддерживали с Советской Россией режим экономического благоприятствования, они давали СССР кредиты, ни того ни другого никогда не делали ни Англия, ни Франция, ни США. Политика последних ничем не отличалась от настоящей Холодной войны.

Весьма наглядную картину, отражающую настроения правящих кругов Запада, рисуют дневниковые записи посла У. Додда: русский посол «весьма приятный и умный человек, но коммунист. В Берлине его игнорируют почти все дипломаты...»⁸⁹⁶. «Бедный русский, вероятно, самая светлая голова среди здешних дипломатов, был почти в полном одиночестве...»⁸⁹⁷. «Я посетил советского посла в его великолепном особняке, значительно большем, чем итальянский. Но в его кабинет меня провел один только дворецкий, в то время как другие посольства имеют по нескольку слуг. Он ничем не показал, что жаждет получить чаевые, — это единственное место в Берлине, где вам не надо давать полмарки или целую марку при каждом визите...»⁸⁹⁸. Советский посол — «безукоризненный джентльмен во всех отношениях: в манерах, одежде, поведении; даже французский посол не может превзойти его. Хотя, как сообщают, русские должностные лица обедают на кухне вместе с прислугой и весьма просты во всех отношениях в частной жизни, дипломатический этикет соблюдался... со всей строгостью...»⁸⁹⁹. «Я пошел повидаться с советским послом, которого все так избегают, что его лишь изредка можно встретить на официальных обедах или завтраках»⁹⁰⁰. «Русский посол был спокоен и невозмутим, невзирая на то что его страну поносят здесь каждодневно»⁹⁰¹.

Вы «можете быть удивлены, — пишет М. Карлей, — тем, что в течение межвоенных лет советская внешняя политика была прагматичной и созидательной. Комиссариаты иностранных дел... управлялись талантливыми, тонкими... дипломатами... Они добивались паде-

ния изоляции Советского Союза от Запада путем торговых и партнерских, если не дружеских, политических взаимоотношений. «Принимайте нас такими, какие мы есть, — говорили советские дипломаты, — и мы примем вас такими, какие Вы». Западные силы, в особенности, Великобритания, Франция и Соединенные Штаты Америки, не были готовы к договору с Советским Союзом на таких условиях»⁹⁰².

Ярко выраженная антигерманская, проанглосаксонская политика Литвинова противопоставляется левыми ревизионистами политике Молотова, который никогда не отказывался от идеи нормализации отношений с Германией. Эти различия отчасти можно объяснить тем, что Молотов рассуждал о проблеме больше в теоретическом плане, Литвинов же стоял на переднем крае борьбы, что неизбежно должно было отложиться и радикализировать его политику. Время закрепляло эти тенденции, заводя ее в тупик. По мнению М. Карлея, «документы, опубликованные в Советском Союзе, все же создают впечатление, что *Литвинов до конца был приверженцем переговоров и компромисса с нестоящими никакого доверия правительствами Франции и Британии.* Но Сталин, видимо, в конце концов потерял терпение и сделал ставку на непримиримость Молотова»⁹⁰³.

Пакт Молотова — Риббентропа возвращал страны на исходные рубежи к договору о нейтралитете, заключенному между СССР и Германией в апреле 1926 г., о чем говорилось в преамбуле пакта. В отношении Литвинова и его команды советское руководство сделало соответствующие оргвыводы. На них 31 августа 1939 г. указывал В. Молотов в выступлении перед Верховным Советом СССР: «Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов...»⁹⁰⁴. Сам Литвинов не пострадал, но многие дипломаты, его ближайшие сотрудники, были репрессированы,

как троцкисты, стремящиеся торпедировать нормализацию советско-германских отношений в интересах «мировой революции». Примеры этих процессов, в частности над Бессоновым, можно найти в описаниях Л. Фейхтвангера⁹⁰⁵.

Можно сколь угодно долго морализовать по этому поводу и обвинять Сталина в жестокости, но разве не сами «демократические» английские и французские правящие круги совершенно сознательно сорвали все попытки советской дипломатии предотвратить войну? Какие бы мотивы за этим не стояли. Ведь ставки были невероятно высоки — десятки миллионов человеческих жизней.

По мнению У. Ширера, перелом в политике Советского правительства произошел 19 марта 1939 г., когда Галифакс отклонил предложение И. Майского о созыве мирной конференции, поскольку в настоящий момент все министры его кабинета заняты. «Очевидно, что желания вести дальнейшие переговоры с Англией после такого отказа у русских поубавилось. Позднее Майский говорил, что принятие русских предложений было расценено как очередной сокрушительный удар по политике коллективной безопасности и что это решило судьбу Литвинова»⁹⁰⁶. «Непосредственной причиной отставки, — считал Пайяр, — послужило последнее заявление Галифакса Майскому (от 29 апреля) о том, что британское правительство опять готово предложить Советам лишь декларацию об односторонних гарантиях, не принимая в расчет литвиновского проекта о трехстороннем альянсе»⁹⁰⁷.

«Отставка Литвинова вызвала на Западе волну предположений о том, что теперь Советский Союз вполне мог заняться улучшением отношений с Германией и вовсе отойти от коллективной безопасности»⁹⁰⁸. Действительно, уже 5 мая Шнурре докладывал: «Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза»⁹⁰⁹. С другой стороны, после от-

ставки Литвинова «Гитлер впервые за шесть лет своего правления изъявил желание выслушать своих экспертов по России». Из их доклада Гитлер узнал много для себя нового, в частности — что СССР уже не придерживается политики мировой революции⁹¹⁰. Интерес Гитлера к России усиливался. Посмотрев документальный фильм о советских военных парадах, фюрер воскликнул: «Я совершенно не знал, что Сталин — такая симпатичная и сильная личность». Немецким дипломатам была дана команда и дальше зондировать возможности сближения с СССР⁹¹¹.

В этом проблем не было. Шуленбург, по словам того же У.Ширера, последовательно выступал за сближение Германии с Советской Россией, во всех его донесениях за 1939 г. проглядывает искреннее стремление восстановить отношения, существовавшие во времена Веймарской республики. Но, как и многие другие дипломаты старой школы, он плохо знал Гитлера⁹¹². Примечательно, что и предыдущие немецкие послы в СССР придерживались подобных настроений. Об этом свидетельствует, например, письмо Молотову брата прежнего посла в России Ранцау: «Мой брат, близнец посол граф Ранцау... понимая, что в любой момент может наступить его внезапная кончина, просил меня в свой смертный час передать Вам...», что «его последней и твердой надеждой была надежда, что немецкий и русский народы могут достичь желаемой для них цели»⁹¹³.

Возобновление контактов между Берлином и Москвой не осталось незамеченным. 7 мая французский посол Кулондр информировал свой МИД, что Германия ищет контакта с Россией, в результате которого, помимо всего прочего, может произойти четвертый раздел Польши⁹¹⁴. Аналогичная информация достигла и Британии, но Галифакс не придавал ей значения. Он считал, что «не стоит испытывать особого доверия к таким сообщениям, которые, вполне возможно, распространяются людьми, желающими подтолкнуть нас к пакту с Россией»⁹¹⁵.

Встречи советских и германских представителей стали более частыми. 17 мая Шнурре докладывал: «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной политики между Советской Россией и Германией нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами». Были опасения нападения со стороны Германии, но если вернуться к политике времен Рапалльского договора, то все можно поправить. Что касается переговоров с Западом, то «при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты»⁹¹⁶. Шнурре в ответ сказал Астахову, что собирается в Москву для обсуждения торговых отношений.

Однако неожиданно возникли проблемы. Москва опасалась повторения литвиновского этапа взаимоотношений с Германией, когда Гитлер использовал торговые переговоры с СССР для давления на Запад. 20 мая Молотов на встрече с Шуленбургом заявил, что у него складывается впечатление, что Германия, вместо того чтобы вести серьезные экономические переговоры, предпочитает играть с Советским Союзом в какие-то игры. На бурные протесты Шуленбурга Молотов указал, что для успеха экономических переговоров должны быть соответствующие политические основания. Когда Шуленбург спросил, что Молотов имеет в виду, нарком предпочел уйти от конкретного ответа⁹¹⁷.

Именно в тот момент, когда Молотов не очень-то спешил с ответом на очевидные германские заигрывания, интерес к улучшению отношений с Берлином стали проявлять британцы. 18 мая Галифакс вызвал к себе посла Г. фон Дирксена. Министр спросил, нельзя ли убедить Гитлера сделать публичное заявление, осуждающее применение силы и склонить его к мирным переговорам. Убедить не удалось, и 8 июня Галифакс сделал на заседании палаты лордов свое собственное заявление, в котором указал на возможность начала переговоров, если Гитлер не будет прибегать к силе или к угрозам применения силы⁹¹⁸.

Свое молчание на зондаж Галифакса Гитлер объяснил на совещании 23 мая. На нем фюрер заявил, что **экономические проблемы «80-миллионной массы» немецкого народа нельзя решить «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества»**. В ответ военные указали, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет. Однако Гитлер был непреклонен. Решение уже принято: напасть на Польшу при первом удобном случае. «Мы не можем ожидать, что события начнут разворачиваться так же, как в Чехословакии. Будет война. Наша задача — изолировать Польшу. От успешной изоляции Польши зависит успех всего»⁹¹⁹. Однако по убеждению германского МИДа сделать это было не просто.

27 мая Вайцекер писал Шуленбургу, что по мнению, циркулирующему в Берлине, англо-русские переговоры «не так легко будет сорвать» и Германия опасается решительно вмешиваться, чтобы не вызвать «раскатов татарского хохота» в Москве. Помимо того, статс-секретарь сообщил, что как Япония, так и Италия холодно отнеслись к планируемому сближению Германии с Москвой... «Таким образом,— писал он в заключение,— мы хотим выждать и посмотреть, насколько Москва и Лондон с Парижем свяжут себя взаимными обязательствами»⁹²⁰.

На очередной встрече с Молотовым 28 июня Шуленбург открыто заявил, «что германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР». Я действую, добавил Шуленбург, по инструкциям Риббентропа, одобренным Гитлером. «Нельзя,— ответил Молотов,— никому запретить мечтать, что, должно быть, и в Германии есть люди, склонные к мечтаниям». И добавил, что у посла не должно остаться сомнений относительно советской позиции. «Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией»⁹²¹.

Реакция Гитлера последовала на следующий день: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимости от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией»⁹²². Вместе с этим Шуленбургу был дан последний шанс для решения проблемы на встрече с Потемкиным. Посол сделал все от него зависящее и даже позволил себе обронить, что Германия могла бы способствовать улучшению советских отношений с Японией⁹²³. Однако с точки зрения Шуленбурга, встреча оказалась малоэффективной. Больше того, он нарушил новые инструкции Риббентропа не поднимать политических вопросов. В итоге Вайцекер дал послу новые инструкции — на текущий момент «мы не должны подавать поводов к дальнейшим переговорам»⁹²⁴.

Однако уже 14 июля один из членов команды Риббентропа встретился с Астаховым, чтобы возобновить обхаживания. Шнурре предложил трехступенчатую схему улучшения экономических, культурных и политических отношений⁹²⁵. Наконец 16 июля Шнурре донял Астахова: «Скажите, каких доказательств Вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии»⁹²⁶. Ответ последовал 18 июля, когда торгпред СССР в Берлине обратился к Ю. Шнурре с подробным меморандумом о торговом соглашении и сообщил, что если разногласия между сторонами будут улажены, то он уполномочен подписать соглашение. Шнуре был доволен, он писал в отчете: «Такой договор неизбежно окажет влияние по крайней мере на Польшу и Англию»⁹²⁷. 22 июля в советской прессе было опубликовано сообщение о возобновлении советско-германских торговых переговоров.

В то время, как английские и французские военные миссии ждали парохода на Ленинград, 2 августа с Астаховым захотел встретиться сам Риббентроп. Министр заявил: «Ваша страна производит много сырья, в котором нуждается Германия. Мы же производим много ценных изделий, в которых нуждаетесь вы». Развивая тему, он заметил, что заключение экономического соглашения могло бы стать началом улучшения политических отношений. Нет причин для вражды между двумя нашими народами, говорил Риббентроп, если они еще согласятся не вмешиваться во внутренние дела друг друга⁹²⁸. На следующий день Риббентроп лично известил Шуленбурга, что он готов к переговорам с Россией, «если Советское правительство сообщит мне... что оно также стремится к установлению германо-русских отношений на новой основе»⁹²⁹.

4 августа Шуленбург встретился с Молотовым. Нарком спросил, чем вызвано столь внезапное изменение отношений Германии к СССР. Шуленбург ответил: «[Я] не имею намерения оправдывать прошлую политику Германии, [я] только желаю найти путь для улучшения отношений в будущем». Ответ понравился. По итогам встречи Шуленбург информировал Берлин: «Из всего отношения Молотова было видно, что советское руководство постепенно привыкает к мысли об улучшении германо-советских отношений, хотя застарелое недоверие к Германии сохраняется. Мое общее впечатление таково, что в настоящий момент советское правительство полно решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если те выполнят все их требования. Однако переговоры эти могут длиться неопределенно долго, в особенности если учесть настороженность Британии. Я полагаю, что мои заявления произвели впечатление на Молотова; тем не менее потребуются еще значительные усилия с нашей стороны, чтобы вызвать поворот в курсе советского руководства»⁹³⁰. Шуленбург продолжал: «мы по крайней мере... дали Советам пищу для размышлений». Однако

в «каждом слове, на каждом шагу чувствуется огромное недоверие к нам...»⁹³¹.

10 августа Шнурре перешел к делу. В отчете о встрече Астахов писал: «Германское правительство наиболее интересуется вопросом нашего отношения к польской проблеме. Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция советского правительства»⁹³².

12 августа Астахов ответил Шнурре, что Молотов готов приступить к обсуждению предложенных вопросов, в том числе и о Польше. «Основной упор в инструкциях Молотова, — отмечал Шнурре в своем отчете, — был сделан на слове «постепенно»... Обсуждения должны проходить постепенно»⁹³³. Астахов в отчете о той же встрече в Москву сообщал, что немцы хотели от нас только «обещания невмешательства в конфликт с Польшей». Астахов предупреждал, что война с Польшей уже на пороге⁹³⁴. 13 августа Шнурре вновь обратился к Астахову, с еще более откровенным посланием: «события идут очень быстрым темпом, и терять время нельзя». Советскому Союзу следует решить, кто он Германии — союзник или противник»⁹³⁵.

15 августа Шуленбург зачитал Молотову послание Риббентропа, настаивающего на срочном сближении двух стран⁹³⁶, и сообщил, что последний готов немедленно прибыть в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Однако нарком продолжал тянуть время, он заявил, что такой шаг «требует соответствующей подготовки, чтобы обмен мнениями оказался результативным». Одновременно Молотов спросил, не заинтересует ли Германию пакт о ненападении между двумя странами, не сможет ли Германия использовать свое влияние для улучшения советско-японских отношений⁹³⁷. В те же дни Астахов телеграфировал из Берлина: ситуация «столь напряжена, что возможность ми-

ровой войны не исключена. Все это должно решиться в течение максимум трех недель»⁹³⁸.

Официальный ответ Советского правительства был передан Молотовым Шуленбургу 17 августа. В нем после ссылки на многолетнее враждебное отношение нацистского правительства к России говорилось: «Тем не менее если правительство Германии готово отойти от прежней политики... Советское правительство... со своей стороны готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения»⁹³⁹. Относительно визита Риббентропа, Молотов заявил, что «визит такого известного политического и государственного деятеля свидетельствует о серьезности намерений правительства Германии», и добавил, что это заметно отличается «от линии поведения» Англии, которая прислала в Москву второстепенное лицо. Тем не менее, по словам Молотова, визит министра иностранных дел Германии требует тщательной подготовки⁹⁴⁰.

18 августа Риббентроп телеграфировал Шуленбургу «немедленно добиться второй встречи с Молотовым и сделать все, чтобы эта встреча состоялась без задержки»... «Я прошу вас сообщить господину Молотову следующее: ...При нормальных обстоятельствах мы, конечно, тоже были бы готовы добиваться улучшения германо-русских отношений через дипломатические каналы и делать это традиционным путем. Но в сложившейся ситуации, по мнению фюрера, необходимо использовать другие методы, способные привести к быстрому результату...» «Настаивайте, в духе предыдущих заявлений, на скорейшем осуществлении моей поездки... В этой связи вы должны иметь в виду главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского конфликта...»⁹⁴¹

Вопрос решился 19 августа, хотя еще на дневной встрече Молотов заявил, что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить дату визита, поскольку к нему нужно тщательно подготовиться. Прежде, по словам

Молотова, необходимо подписать экономическое соглашение, а затем настанет очередь и пакта о ненападении. Однако не «прошло и получаса после окончания беседы», как Молотов пригласил Шуленбурга снова. Молотов передал удивленному послу проект пакта о ненападении и сказал, что Риббентроп может приехать в Москву 26-27 августа, если экономическое соглашение будет подписано на следующий день. Внезапное изменения позиции наркома Шуленбург отнес на вмешательство Сталина⁹⁴².

Но Гитлера уже не устраивали и эти сроки, он просил принять Риббентропа 22 августа⁹⁴³. 21 августа ТАСС объявил о подписании советско-германского торгового соглашения; 22 августа в Москве ожидали Риббентропа, чтобы на следующий же день завершить с заключением пакта о ненападении⁹⁴⁴. Согласно пакту СССР и Германия брали на себя обязательства воздерживаться от нападения друг на друга, разрешать споры мирными средствами и соблюдать нейтралитет, если одна сторона будет вовлечена в военные действия. Аналогичные соглашения Германия подписала с Польшей в 1934 г., с Англией и Францией — в 1938 г., с Литвой, Латвией и Эстонией — в 1939 г.⁹⁴⁵ Отличие заключалось в том, что к пакту был приложен секретный протокол, правда, в то время о нем никто не знал.

Как отмечает М. Карлей: «Все были просто «поражены» тем фактом, что советское руководство позволило себе заключить договор с Германией, в то время как английская и французская делегации находились в Москве...»⁹⁴⁶. «Англичан и французов годами предупреждали об опасности германо-советского сближения. Литвинов, например, делал это постоянно. А также Альфан, Кулондр, Наджиар и Пайяр... «Сколько раз я говорил об этом! — вспоминал Альфан. — Договоритесь с СССР (о взаимопомощи), иначе русские договорятся с немцами»»⁹⁴⁷. Так, в апреле 1935 г. Буллит писал Рузвельту, что советские власти угрожают германской картой, если французы не станут более ак-

тивно выступить против нацистов⁹⁴⁸. Однако отмечал Д. Данн: «советская угроза заключить временное соглашение с нацистской Германией была неубедительной — западные политики были уверены... что в силу идеологического антагонизма между нацизмом и коммунизмом союз Москвы и Берлина очень маловероятен, если вообще возможен»⁹⁴⁹. Действительно, выбирая будущих партнеров, Гитлер в конце 1932 г. остановился на Англии и Франции, поскольку, по его мнению, «договоры могут заключаться только между партнерами, стоящими на одной мировоззренческой платформе... Политическое сотрудничество Германии с Россией неприятно задевает остальной мир»⁹⁵⁰.

История пакта получила свое развитие год спустя — в ноябре 1940 г., когда уже полным ходом шла война с Англией. В эти дни Гитлер предложил Сталину разграничить «сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов»⁹⁵¹. Предложение, подготовленное Риббентропом, было весьма общим и отдавало СССР направление к югу от СССР в направлении Индийского океана, а также предполагало пересмотр режима Проливов, по сути возвращая его к русско-турецким договорам 1799—1805 гг.⁹⁵².

Ответ СССР включал требования: демилитаризации Финляндии, при гарантии сохранении ее целостности и мирных отношений; в целях обеспечения безопасности в Проливах — заключение пакта взаимопомощи с Болгарией, организацию военно-морской базы на правах долгосрочной аренды в районе Босфора и Дарданелл; предоставление сферы интересов к югу от Батума и Баку в направлении к Персидскому заливу; отказ Японии от концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине⁹⁵³. Проект советской декларации был подчеркнуто мягок к Великобритании и указывал на необходимость сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий), в частности был

вычеркнут пункт об Индии. Поскольку по словам Сталина: «мы боимся, что контрагенты могут воспринять пункт об Индии как ~~жаверзу~~, имеющую возможность разжечь войну»⁹⁵⁴. Декларация соответствовала заявлениям Гитлера, что он не намерен разрушать Британскую империю, а только хочет избавить Европу от ее влияния»⁹⁵⁵.

По мнению В. Молодякова, визит Молотова в Берлин, для обсуждения данного круга вопросов, был шагом на пути дальнейшего сближения Гитлера и Сталина. Молодяков настаивает на том, что Сталин принял предложения Гитлера или по крайней мере продемонстрировал готовность к диалогу⁹⁵⁶. В свою очередь Г. Куманев утверждает, что Сталин не сомневался в агрессивных намерениях Германии. В подтверждение своих слов Куманев приводит цитату из инструкции, данной Молотову, в которой Сталин указывал: «Ведется подготовка к нападению на нашу страну. Добиваясь берлинской встречи, нацистский фюрер стремился замаскировать свои истинные намерения...»⁹⁵⁷.

На практике визит Молотова означал, что Сталин любой ценой старался избежать войны или по крайней мере на, как можно больший срок оттянуть ее. Мир с Гитлером! Чудовищно! А, как же Польша? А Франция? А другие страны Европы, стонущие под пятой нацизма!? А, что эти страны сделали для того, чтобы противостоять ему, чем пожертвовали!? Пускали ли они Россию в свои семейные европейские дела!? Стоил ли мир пускай и с Гитлером новой мировой войны!? Новых десятков миллионов жертв!? Причем жертв со стороны Советской России, которая теперь, ценой огромной крови и страданий своего народа, должна была принести свободу проклинавшей ее Европе? Очевидно, эти мысли возникали в голове Сталина.

Но главным, очевидно, был страх. Сталин, как и Черчилль, помнил уроки Первой мировой. У Черчилль при громадном превосходстве союзников, в начале 1916 г. откровенно паниковал: «Я очень сомневаюсь в конечном результате. Больше,

чем прежде, я осознаю громадность стоящей перед нами задачи, и неумность способа ведения наших дел приводит меня в отчаяние... Нашу армию нельзя сравнить с их (немецкой) армией... Мы — дети в этой игре по сравнению с ними»⁹⁵⁸. После прихода Гитлера в начале 1933 г. У. Черчилль снова впадал в панику, утверждая, что, говоря о немцах как об «одной из наиболее талантливых, просвещенных, передовых в научном отношении и мощных наций в мире, мы не можем скрыть чувства страха».

При этом передовая Англия не испытала и десятой доли того, что пришлось на долю отсталой России во время Первой мировой. А теперь к этой памяти добавились свежие уроки поверженных Чехословакии, Польши, Франции... Так, Р. Джексон, главный обвинитель от США на Нюрнбергском процессе, назвал советско-германский пакт «предательским миром» и тут же оправдал Мюнхен и последующее бездействие Англии и Франции тем, что «Запад был охвачен ужасом... он страшился войны»⁹⁵⁹. Бездействие США, отделенных от Европы океаном, так же очевидно диктовалось страхом войны. У Советской же России надо полагать чувство страха должно было быть атрофировано. Впрочем, Гитлер был, видимо, другого мнения. Геббельс в конце 1940 г. записал слова фюрера: «Россия ничего не предпримет против нас — из страха»⁹⁶⁰. Именно в страхе А. Некрич находит главную причину сближения Сталина с Гитлером: «в середине июня 1939 г. Сталин решил заговорить с немцами более определенно. Два обстоятельства подталкивают его: кровавые бои с японской армией на границе с Монголией и гипнотический страх перед войной на два фронта — на Дальнем Востоке и на Западе»⁹⁶¹. Сталин испугался! Но точно так же из страха Париж и Лондон пальцем не пошевелили, когда германская армия громила Чехословакию и Польшу.

Запросы Сталина в вопросах о Болгарии, Буковине, Финляндии, проливах и Персидском заливе, по, видимому, отражали стремление перестраховаться, в случае если мир

все же и удастся сохранить, даже ценой германского доминирования в Европе. Чем бы ни были предложения советской стороны, они не сильно отличались от аналогичных британских и французских, которые неоднократно делались Гитлеру. **Но демократии вне подозрений...**

Однако шансы на мир были ничтожны, и Сталин наделся по возможности только оттянуть войну. Так, например, 6 марта 1939 г. Файрбрейс сообщал в Лондон, что «Красная Армия считает войну неизбежной и наверняка напряженно к ней готовится»⁹⁶². Астахов за две недели до подписания пакта отмечал в своем послании Молотову, что не верит в то, что Германия будет долго придерживаться этих соглашений; любое взаимопонимание можно было планировать только на ближайшее будущее, «чтобы этой ценой нейтрализовать нас в случае войны с Польшей»⁹⁶³. «Нью Йорк таймс» спустя несколько дней после пакта утверждала, что пакту суждена недолгая жизнь, что Гитлеру нельзя доверять и что Германия обязательно нападет на СССР⁹⁶⁴. Сам Сталин после подписания пакта заявлял, «нам удалось предотвратить нападение фашистской Германии... Но, конечно, это только временная передышка, непосредственная угроза вооруженной агрессии против нас лишь несколько ослаблена, однако полностью не устранена»... «Какой был смысл разглаговольствований фюрера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским государством? Могло ли случиться, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его «Майн кампф»? Разумеется, нет»⁹⁶⁵. Не случайно на этой же самой сессии Верховного Совета, на которой был одобрен пакт, был принят и закон о всеобщей воинской повинности, который заменил прежний закон об обязательной военной службе⁹⁶⁶. Спустя год, 15 ноября, Сталин заявлял: договорам с Гитлером верить нельзя, благодаря пакту о ненападении «мы уже выиграли больше года для подготовки решительной и смертельной борьбы с гитлеризмом»⁹⁶⁷.

Что касается Германии то, она по мнению А. Сиполса не имела ««в виду заключать военный союз с СССР», предложения делались, исходя из целей дезинформации и осложнения отношений между СССР и Англией, путем организации утечек о переговорах...»⁹⁶⁸. Очевидно и стремление Гитлера отвлечь внимание Сталина от Европы. С аналогичным призывом четверть века назад обращался к Николаю II Вильгельм II, не найдя понимания в данном вопросе германский кайзер пошел на его силовое решение. Аналогично в 1940-м г. поступил Гитлер. Получив ответ из Москвы, он отдал приказ о подготовке к войне против СССР. 5 декабря Гальдер представил Гитлеру операционный план войны против России. 18 декабря фюрер подписал Директиву № 21 (план «Барбаросса»).

Оценка Пакта Молотова — Риббентропа Западом

ПРОТИВ

Липкая оболочка мошенничества и обмана... обволакивает этот германо-советский пакт о ненападении.

*Биркенхед*⁹⁶⁹

Говоря об оценках пакта западными историками, М. Карлей отмечал, что большинство из них до сих пор осуждает за пакт с Гитлером только Советский Союз⁹⁷⁰. Их мнение сводится к тому, что «Сталин, красный царь, будучи вероломным по своей натуре, обманывал французов и англичан, одновременно договариваясь по секрету с немцами»⁹⁷¹. У. Ширер: «По части неприкрытого цинизма нацистский диктатор в лице советского деспота нашел равного себе. Теперь они вдвоем могли расставить все точки над «i» в одной из самых грязных сде-

лок нашей эпохи»⁹⁷². Обобщая эти мнения, Р. Иванов указывает, что: «... все антисоветские публикации подчеркивали персональную ответственность Сталина за активизировавшуюся агрессивную внешнюю политику Германии. После подписания советско-германского пакта эта линия стала лейтмотивом всей политики и пропаганды демократических стран Европы и Америки»⁹⁷³. Позже к ним присоединились и российские либерально настроенные историки, так Геллер и Некрич заявляли: «Советский Союз, подписав договор с Германией, открыл дорогу войне»⁹⁷⁴.

«История заключения нацистско-советского пакта о ненападении, — в этой связи отмечает М. Карлей, — давно уже обросла всякого рода слухами и легендами. Началось это еще летом 1939 года, когда французы и англичане сами устраивали «утечки» информации в прессу, чтобы подготовить общественное мнение к возможному провалу переговоров и возложить вину за это на Советский Союз. Согласно этим легендам Советы сами искали возможности заключения этого пакта, для чего тайно и вероломно «сговорились» с нацистами. А во время переговоров 1939 года Молотов нарочно изводил англичан и французов все новыми требованиями, чтобы дать немцам возможность решить. Советское требование о правах прохода представляется, как «большой сюрприз» на переговорах в Москве. А Вторую мировую войну «обусловил» именно пакт о ненападении»⁹⁷⁵.

Зачем же нужна была Сталину Вторая мировая война? Приговор «Запада» однозначен и единодушен. Подписывая договор с Гитлером, Сталин преследовал свои цели: мировая война приведет к победе мировой революции, принесенной на штыках победоносной Красной Армии, сокрушившей ослабший в войне с Западом германский фашизм. А. Некрич назвал этот план «доктриной Сталина», согласно которой война неизбежна и миссия Советского Союза состоит в том, что бы появиться в решающий момент и «выступить, но вы-

ступить последним... чтобы бросить решающую гирию на чашу весов, гирию, которая могла бы перевесить»⁹⁷⁶. После заключения Пакта один из сотрудников французского посольства в Москве сказал по этому поводу: «Не устаешь убеждаться, что советское руководство всегда готово отказаться от своих идеологических установок ради реалий жизни... и ненависть к фашизму, создание защиты от агрессоров для них не цели, а средства». Советская политика «не зависела от каких-либо моральных установок»; она целиком исходила «из кодекса Макиавелли в его чистейшей форме»⁹⁷⁷.

Заместитель начальника французского генштаба Кольсон заговорил об этом сразу после Мюнхена: «Россия продемонстрировала, несмотря на громкие заявления Литвинова в его речи... в Женеве, как свою неспособность, так и нежелание ввязываться в конфликт, который может подвергнуть ее политический режим мощным ударам германской армии. СССР, являясь в целом азиатской державой, может вмешаться в европейский конфликт только тогда, когда увидит возможность распространить свою... идеологию на руины цивилизации, ослабленной войной»⁹⁷⁸. М. Гоше из французской разведки «был убежден, что демократиям нечего ждать от военного взаимодействия с Россией. Теперь, как и всегда, в интересах Сталина было, чтобы демократии и тоталитарные государства сами перерезали друг другу глотки, что вымостило бы дорогу большевизму и наилучшим образом защитило бы русские территории; он больше не был заинтересован в том, чтобы демократии сокрушили тоталитаризм или наоборот»⁹⁷⁹.

В Лондоне придерживались аналогичного мнения. Так, один из документов Форин оффис, указывал, что цель Советов — «поддерживать баланс между противниками в интересах большевизации Европы, с как можно меньшими потерями для себя, пока обе стороны не истощат своих сил». При этом высокопоставленный чиновник данного учрежде-

ния — Р. Липер винил во всем Гитлера: «Именно он... дал возможность Сталину захватить более сильные позиции для распространения большевистского вируса по Европе уже в начале войны, теперь ему не нужно ждать даже ее конца, когда европейские нации истощат друг друга в смертельной борьбе»⁹⁸⁰. Чемберлен писал сестре: «я все не могу избавиться от подозрения, что больше всего они (русские) жаждут увидеть, как «капиталистические» державы разорвут друг друга в клочья, в то время как они будут стоять и смотреть»⁹⁸¹. «В конечном счете, — говорил Сарджент, — главный принцип большевизма — коммунистическая экспансия». «Я в целом разделяю это мнение», присоединился Галифакс⁹⁸².

Единство Запада в данном вопросе подчеркивало мнение американского посла в России С. Штейнгардта: «Москва вступила в альянс, чтобы создать условия для полномасштабной войны Германии с Англией и Францией и таким образом добиться своих целей по сохранению и укреплению собственной страны, вначале оставаясь вне войны и занимая новые территории, а затем выступив против Германии с целью распространения коммунизма»⁹⁸³. Бывший американский посол в России Буллит также полагал, что война в Европе была главной задачей Кремля. Здесь в планах Москвы было вызвать войну между Германией и Францией, вначале избежать собственного участия, а затем, когда силы европейцев будут истощены и когда Советский Союз укрепит свои, «осуществить успешное вступление в эту войну, и... защитить и укрепить коммунистическое правительство, которое может прийти к власти в ходе войны и последующей революции в любом государстве Европы»⁹⁸⁴.

В итоге авторы «Черной книги коммунизма» вещающие с либерал-демократических позиций идут дальше и провозглашают, что «помимо вопроса о прямой ответственности коммунистов, стоявших у власти, возникает вопрос и о пособничестве»⁹⁸⁵.

Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: «Хорошо. Давайте вместе объединимся и сломаем Гитлеру шею» — или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил... и история могла бы пойти по иному пути. Вместо этого длилось молчание... Для безопасности России требовалась совершенно иная внешняя политика... Россия должна была позаботиться о себе.

*У. Черчилль*⁹⁸⁶

«В Лондоне и Париже горько сокрушались по поводу двойной игры Сталина. Многие годы советский деспот кричал о «фашистских зверях», призывая все миролюбивые государства сплотиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Теперь он сам становился ее пособником. В Кремле могли возразить, — замечал У. Ширер, — что, собственно, и сделали: Советский Союз сделал то, что Англия и Франция сделали год назад в Мюнхене — за счет маленького государства купили себе мирную передышку, необходимую на перевооружение, чтобы противостоять Германии. Если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повел себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая все равно отказалась от советской помощи?»⁹⁸⁷ Аналогичную мысль высказывает М. Карлей: «Советское правительство, все время порицавшее Францию и Британию за «умиротворенчество», теперь взяло на вооружение ту же самую политику и по тем же причинам. И если уж «ревизионисты» так горячо ратуют за англо-французскую политику умиротворения, то почему бы им не сделать того же в отношении ее советского эквивалента?»⁹⁸⁸ Примечательно, что главный обвинитель от Великобритании

Х. Шоукросс на Нюрнбергском процессе заявил: «нацисты перешли от подготовки к агрессии непосредственно к самой активной агрессии» в начале февраля 1938 г.⁹⁸⁹. Т.е. с аншлюса Австрии и захвата Чехословакии, которые были осуществлены с молчаливого согласия, а потом и признания Англии, Франции и США.

После войны Даладье «обвинил французских коммунистов в предательстве за то, что они поддержали пакт; но, — отмечает М. Карлей, — сам он несет не меньшую ответственность за то, что случилось в августе 1939 года... Точно так же, как Чемберлен, в особенности, Чемберлен. Англо-французская беззаботность при подготовке переговоров в Москве просто невероятна, если не допустить, что она явилась отражением антисоветской настроенности, нежелания лишаться последней надежды договориться с Гитлером и, в случае Франции, недостатком решительности, который и заставил ее следовать за англичанами... *если не считать творцов англо-французской политики — Чемберлена, Галифакса, Даладье, Бонне — дураками, каковыми они определенно не были, то их политику в отношении Советского Союза в 1939 году следует считать не грубым промахом, а скорее слишком хитроумным риском, который не оправдался*»⁹⁹⁰.

В «основном западное общественное мнение возлагало вину за пакт с нацистской Германией на Советский Союз, пишет М. Карлей. — Однако сами британские дипломаты вовсе не были так уверены в этом»⁹⁹¹. Один их клерков Форин оффиса, так просуммировал сложившуюся ситуацию: *«Наша политика в отношении Советского Союза была по сути своей аморальна, навязана нам необходимостью, и чем меньше мы будем говорить о ней, тем лучше*»⁹⁹². Когда Л. Фишер, известный американский журналист и историк, попросил Галифакса эксклюзивной информации для статьи, осуждавшей советскую политику, Галифакс отказал, считая, что «не так уж невероятно, что эти материалы заставят краснеть нас самих...»⁹⁹³.

А. Тэйлор, по словам М. Карлея, удачно подметил, что отрицательное отношение Запада к нацистско-советскому пакту о ненападении «родилось из мнений политиков, которые ездили в Мюнхен... *Русские, на самом деле, осуществили то, чего надеялись добиться государственные мужи Запада; горечь Запада по этому поводу была горечью разочарования, смешанной со злостью по поводу того, что исповедание коммунистами коммунизма оказалось не более искренним, чем исповедание ими самими демократии*»⁹⁹⁴. Сейчас «мы располагаем существенной частью тех архивных записей, и они, — отмечает М. Карлей, — подтверждают многие из предположений Тэйлора»⁹⁹⁵.

Навряд ли кто будет сомневаться в антикоммунистических взглядах У. Черчилля, но в этот раз он был явно на стороне Кремля. Как всегда он был оригинален, на этот раз встав на защиту «*ленинских норм*»: «Подписание секретного протокола было, конечно, отступлением от ленинских норм внешней политики социалистического государства, международного права и морали и подлежит осуждению. Советская страна опустилась до уровня тайной дипломатии, действовала методами империалистических держав (т.е. в первую очередь Англии, Франции и США — В.Г.). Но договор потому и был подписан, что он диктовался жизненно важными интересами безопасности СССР, позволял лучше подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом»⁹⁹⁶. «Невозможно сказать, кому он [пакт] внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, *продиктованной обстоятельствами*. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав»⁹⁹⁷. У. Черчилль подчеркивал: «*Если их (русских) политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной*»⁹⁹⁸, международные события август-

та 1939 г. «знаменовали всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»⁹⁹⁹.

Историки Робертс и Сиполс считают, что советское движение к пакту о ненападении было просто результатом неопределенности положения и пассивности. Однако неизменным в их аргументации остается положение, что нацистско-советский пакт явился результатом провала англо-франко-советских переговоров¹⁰⁰⁰. Ванситгарт: «Мы никогда не оказывали им нашего доверия, не стремились установить с ними близкого контакта; именно этот факт и объясняет развитие изоляционизма, который набирает силу в России»¹⁰⁰¹. М. Карлей: «Советский Союз не мог отказаться от пакта о ненападении с нацистской Германией, когда французское и британское правительства отвергали «всеобъемлющий» альянс, а Польша просто до самого конца плевала на предложения о советской помощи?»¹⁰⁰²

По мнению У. Манчестера, война была крайне не выгодна Советскому Союзу, который только что встал на ноги, не знаю какой степени наивности надо обладать (если не сказать большего), чтобы обвинять И. Сталина, этого прагматика до «мозга костей», в желании войны с Германией. «Россия нуждалась в мире, каждый знал это, но (западные) демократии проявили нечувствительность». По мнению А. Тэйлора: «Советская Россия стремилась не к захватам, а к безопасности в Европе. Объяснение этого очевидно. Советские государственные деятели... не доверяли Гитлеру. Для них союз с западными державами представлялся более безопасным делом... Советское правительство повернулось в сторону Германии только тогда, когда удостоверилось, что заключение этого союза невозможно»¹⁰⁰³.

Русские историки, активные критики сталинизма эпохи перестройки, Р. Медведев и Д. Волкогонов, тем не менее также пришли к выводу, что Запад не оставил советскому правительству иного выбора, кроме как заключить пакт о ненападении с Гитлером¹⁰⁰⁴. Известный английский историк и публицист А. Верт рассуждая о «пакте» безоговорочно утверждал, что «у русских не было другого выбора»¹⁰⁰⁵.

«Если Москва сблизится с Берлином, — писал бывший американский посол в СССР Дэвис Рузвельту, — она пойдет на это, только исходя из своих потребностей по безопасности, а также из-за нежелания англичан и французов считаться с Советским Союзом...» Советские товарищи, утверждал Дэвис, это честные люди, которых англичане и французы безрассудно изолировали... После перевода в Брюссель в апреле 1939 г. Дэвис даже предложил, чтобы его послали обратно в СССР со специальным заданием по подготовке российско-британского соглашения о ненападении¹⁰⁰⁶.

В начале 1980-х «Гардиан» писала: *«Из опубликованных документов 1939 года ясно, что Вторая мировая война не началась бы в этом году, если бы правительство Чемберлена прислушалось к совету русских. Союз между Англией, Францией и СССР предотвратил бы войну, ибо Гитлер не мог тогда решиться на конфликт с великими державами на двух фронтах». Почему же все-таки тогда не состоялся такой союз? Газета отвечает так: «Англия могла бы иметь приемлемый союз с Россией, если бы Чемберлен и его министры хотели этого. Россия нуждалась в союзе и хотела его. Англия нуждалась, но не хотела»*¹⁰⁰⁷.

Альтернативы

Мы обхаживали Сталина, говоря ему о чести, справедливости, свободе. Он ответил, что не хочет «таскать каштаны из огня» ради нашей выгоды. Германия говорила ему о войне, разделе территорий, революции: это язык, который он понимал.

*А. Фабре-Люс, французский журналист*¹⁰⁰⁸

А что было бы, если бы Сталин не заключил пакта с Германией? Помогло бы это избежать мировой войны или хотя бы уменьшить ее последствия?

К этим вопросам историки обращались неоднократно. Так, например, М. Семиряга склонялся к мысли, что «без пакта о ненападении с СССР Германия в это время вероятнее всего не рискнула бы напасть на Польшу»¹⁰⁰⁹. А. Некрич категоричен: Сталин «оказался недостаточно смелым и проницательным, чтобы остаться в августе 1939 года «вне игры», то есть не заключать соглашений ни с одной из сторон»¹⁰¹⁰. МИД Франции в 1939 г. шел еще дальше, он рассчитывал, что даже сам факт заключения англо-франко-советского *политического* соглашения напугает Гитлера. В ответ французский посол в Москве Наджиар замечал: «Это ребяческая идея устрасить Гитлера пустыми словами, без каких-либо более веских доводов, которые могут заставить его задуматься: например, согласие Польши на военное сотрудничество с Россией»¹⁰¹¹.

Действительно, от решения СССР принципиально ничего не зависело, представители нацистской Германии не раз высказывали намерение в любом случае разгромить и ликвидировать Польское государство. Так, заведующий восточным отделом МИД Германии летом 1939 г. заявлял: «Фюрер не позволит, чтобы исход англо-франко-русских переговоров о пакте оказал влияние на его волю в деле радикального разрешения польского вопроса. Германо-польский конфликт будет разрешен Берлином при условии как успешного, так и безуспешного исхода переговоров о пакте»¹⁰¹². Сам Гитлер объяснял нападение на Польшу неизбежными, объективными, не зависящими от него обстоятельствами: *«Решение принять очень легко. Нам нечего терять; мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сможем продержаться всего несколько лет. Геринг может это подтвердить. У нас нет выбора, мы должны действовать...»*¹⁰¹³. 23 мая 1939 г. на совещании с военными Гитлер заявил, что решение экономических проблем Германии не может быть достигнуто без вторжения на территорию иностранных государств¹⁰¹⁴.

С другой стороны, договор мог возникнуть де-факто, в случае вступления СССР в войну после нападения Германии на Польшу. Эту версию активно проталкивает в своих книгах Суворов (Резун). В ответ В. Грызун замечает, что Суворов требует, «чтобы Советский Союз, не дававший Польше никаких гарантий, не заключавший с ней никаких союзов и договоров, и ровным счетом ничем Польше не обязанный, выполнил работу Англии и Франции, которые... дали Польше свои гарантии... — а затем, кинули ее...»¹⁰¹⁵. Но перед угрозой войны речь не идет о каких-то счетах. Если бы вмешательство Советского Союза смогло остановить войну, отсутствие договоров и гарантий не имело бы никакого значения. Мог ли СССР в одиночку, малой кровью, остановить лучшую армию мира?...

Правда, у России были два вероятных союзника — Англия и Франция. У Ширер в этой связи указывал, что в 1939 г. в Европе уже потенциально существовал «второй фронт», открытия которого впоследствии так настойчиво добивался Сталин, в лице польской, французской армии и английского экспедиционного корпуса¹⁰¹⁶. Но мог ли в тех условиях СССР полагаться на *потенцию* Англии, Франции и Польши? В этом случае сразу возникал вопрос о их добросовестности, поскольку в противном случае союзники в лучшем случае превращались в зрителей, наблюдавших за смертельной схваткой Германии и России.

Даже если отстраниться от субъективного фактора — ярой антисоветской и русофобской позиции английского кабинета и судить только по объективным критериям, Англия со своими десятью дивизиями физически не могла стать сколько-нибудь добросовестным союзником. Гитлер перед нападением на Польшу однозначно считал, что Англия не способна вести масштабную войну. В отличие от 1914 г., полагал фюрер, «Англия не позволит себе участвовать в войне, которая продлится годы... Это удел богатых стран... Даже у Англии сегодня нет денег, чтобы вести мировую войну. За что же воевать Англии? Ради союзника умирать никто не за-

хочет... Англия и Франция в войну не вступят... Нет ничего, что может заставить их вступить в эту войну...»¹⁰¹⁷.

По словам Р. Картье, Гитлер рассчитывал, что «Англия подвела итоги своего участия в Первой мировой войне, и баланс оказался далеко не утешительным. Она увидела, что работала для восстановления французского империализма. Англия обеднела. Она допустила Америку перегнуть себя. Ее империя зашаталась. Она потеряла Ирландию. Она теряла Египет. Ей грозила потеря Индии. Новая война ускорила бы ее упадок и углубила бы зияющие трещины. Империя бы распалась. Южная Африка наверное, а Австралия и Канада вероятно отказались бы пуститься вслед за метрополией в новую авантюру, где им еще раз пришлось бы проливать свою кровь за чужие интересы. Америка — циничная, жадная, хищная — соберет обильную жатву. Англия это знает. Вот почему она не будет воевать, если только ее не принудят к этому.) Доказательство этому Гитлер видел в ее разоружении. Для него, по складу его ума, разоружение было равносильно отречению. Он лучше, чем кто-либо, знал состояние английского флота. Кроме двух линейных кораблей «Родней» и «Нельсон», уже не новых, у них не было крупных современных кораблей. Крейсера не были в достаточном числе и порядком изношены. Армия была сокращена до минимума. Авиация устарела. Что это все доказывало, как не то, что Англия решила оставаться нейтральной?»¹⁰¹⁸ Мало того, Лондон никогда и ни при каких условиях не вступил бы в войну ради России, тем более Советской.

Однако для Франции, в отличие от Англии, усиление Германии был вопросом жизни и смерти. Инстинкт самосохранения и довольно внушительный экономический потенциал мог заставить ее рано или поздно вступить в схватку с фашизмом. В 1939 г. 136 немецким дивизиям противостояли 135 французских, английских, бельгийских и голландских. Линия Мажино и бельгийские форты. Что же представлял

из себя единственный серьезный потенциальный союзник Сталина — Франция?

Францию, на своей шкуре перенесшую Первую мировую войну, в отличие от Англии прежде всего интересовала не война, а мир. Профессор Ж. Бартеlemi писал в то время: «В случае войны Франции придется отдать как минимум 3 миллиона жизней — пожертвовать всей университетской, заводской, школьной молодежью»¹⁰¹⁹. Генерал М. Вейган заявлял, что Франция не может позволить себе роскошь каждые 20-25 лет вновь переживать войну и терять миллионы людей, «так как это было бы физическим истреблением французского народа»¹⁰²⁰.

Первой лакмусовой бумажкой, характеризующей союзническую порядочность Франции, стал советско-французский договор 1935 г. По словам Наджиара Советский Союз предложил четкие обязательства по договору, «на которые мы ответили расплывчатыми формулировками»¹⁰²¹. Переговоры тянулись бесконечно. Дошло до того, что Потемкин обвинил Лавалья в лицемерии... будто Франция, заключая соглашение с Советским Союзом, приносит себя в жертву¹⁰²². В марте советское правительство фактически предъявило ультимативное требование завершить переговоры¹⁰²³. Тогда же в марте Гитлер заявил о создании Люфтваффе и полумиллионной армии. Лаваль был вынужден согласиться, однако при этом чиновники французского внешнеполитического ведомства буквально выхолостили проект соглашения¹⁰²⁴.

Несмотря на постоянное давление Литвинова, Франция ратифицировала договор только через год, в марте 1936 г.¹⁰²⁵. Но это было только политическое соглашение, теперь необходимо было подписать — военное, без которого первое теряло смысл¹⁰²⁶. Однако Франция не только не торопилась приступить к его обсуждению, а наоборот, в ответ на активность Литвинова и Тухачевского заблокировала советские заказы на военное оборудование¹⁰²⁷. Как отмечает М. Карлей:

«Оттяжки и лицемерие становились главными тактическими приемами в стремлении избежать штабных переговоров». Гамелен заявлял: «Нам нужно затягивать дело как можно дольше». Швайсгут подтверждал «нам следует не спешить, но и не создавать у русских впечатления, что мы дурачим их, что может привести к резкому развороту (т.е. к сближению с Германией)»¹⁰²⁸.

По словам М. Карлея, «главным в политической повестке были «красная опасность» и «ненависть к социалистической революции»¹⁰²⁹. Французская боязнь всего, что несло на себе советский отпечаток, достигла такой степени, что *Bibliothèque nationale*, национальная библиотека в Париже, даже отказалась выставлять советские книги¹⁰³⁰. Бонне в январе 1939 г. заявлял: «Я тщательно изучил франко-советский пакт. И я открыл, что мы никак не связаны им. Нам нет нужды отказываться от него, потому что он не принуждает нас автоматически присоединяться к России». В то время «*Matin*» на первой полосе призывала: «Направьте германскую экспансию на восток... и мы на западе сможем отдохнуть спокойно»¹⁰³¹. «Для французского правительства, — отмечал в этой связи М. Карлей, — пакт о взаимопомощи был просто страховым полисом от советско-германского сближения»¹⁰³². Последний аргумент «Литвинов использовал всякий раз, пытаясь повлиять на французское правительство...»¹⁰³³ Кулондр по этому поводу предупреждал Париж: «...если Советский Союз не будет с нами, он будет против нас»¹⁰³⁴.

Французы вернулись к соглашению только, когда Германия и Россия действительно подписали пакт. Но было уже поздно. На телеграмму Бонне воспользоваться статьями франко-советского договора о взаимопомощи от 1935 г. Наджиар смог лишь ответить: «Слегка поздновато»¹⁰³⁵. Сарджент в то же время писал: «русские уже несколько лет настаивают на штабных переговорах как необходимом дополнении к франко-советскому пакту, от которых французы, отнюдь не без нашего участия, всегда отказывались».

Теперь Молотов поставил в этом деле точку. Нечего было держать нас за «наивных дураков», скажет он позднее¹⁰³⁶.

Между тем во Франции «Страх перед завтрашним днем, — писал Суриц в ноябре 1937 г., — усиливается буквально на глазах; Франция видела опасность буквально повсюду и совсем потеряла голову»¹⁰³⁷. Ж. Камбон доходил до утверждения, что: «Победоносной Франции пора привыкнуть к тому, что она представляет из себя меньшую силу, чем Франция побежденная»¹⁰³⁸. Писатель Селин заявлял, что в случае войны: «Мы исчезнем, телесно и духовно, из этих краев, как галлы... От их языка не осталось и двадцати слов. *Нам повезет, если что-нибудь, кроме слова «merde» (дерьмо), переживет нас*»¹⁰³⁹.

По поводу реакции французских правящих кругов на Судетский кризис советский полпред писал: «Никто из них, за исключением, может быть, одного Мандела, не чувствовал себя способным руководить современной войной. Ни у кого не было ни воли, ни энергии, ни хватки, ни размаха людей типа Клемансо и даже Пуанкаре. Мысль невольно цеплялась за всякий выход, который отсрочивал такое решение, который предоставлял какую-то передышку, хотя бы купленную ценой унижения...»¹⁰⁴⁰.

Действительно, второй лакмусовой бумажкой стали французские гарантии Чехословакии. В дни кризиса 1938 г. У. Черчилль отмечал, что Чехословакия на протяжении 20 лет была самым близким и самым верным союзником Франции. «Если в истории и имели место случаи, когда одна сторона обещала оградить другую своими вооруженными силами, всеми своими ресурсами, то это был как раз именно тот случай: Франция обещала сохранить границы Чехословакии всеми возможными средствами»¹⁰⁴¹.

И несмотря на это, Франция сдала своего союзника. Типичные заголовки французских газет того времени гласили: «Нет вдов, нет сирот для чехов» («Je suis partout»), «Почему нужно умирать за дело судетцев?» («Grinegoire»), «Война,

чтобы урегулировать чехословацкую проблему? Французы не желают этого» («La République») ¹⁰⁴². Требования расторгнуть союзнический договор с Чехословакией звучали как от ультраправых, так и от ультрапацифистов из социалистических партий. Французский институт по изучению общественного мнения, проводя в октябре опрос граждан, установил, что 57% одобряют Мюнхенское соглашение (против — 37%) ¹⁰⁴³.

Чехословаки однозначно восприняли поведение Франции как предательство. После Мюнхена глава французской военной миссии в Чехословакии генерал Л. Фоше писал Даладьё: «Антифранцузские демонстрации снова имели место в Праге. Французский посланник говорит мне, что ему каждый день присылают ордена. Директор Французского института сказал мне, что будут распущены многие секции «Alliance française». Французские дипломы возвращают в институт... Я не могу забыть, к тому же, что однажды Вы сами... поручили мне заверить президента Бенеша, что нападение на Чехословакию немедленно приведет к выступлению французских сил. Воспоминание об этой миссии не в малой мере содействовало моему решению просить Вас освободить меня от моих обязанностей» ¹⁰⁴⁴.

Комментируя Мюнхенское соглашение, У. Черчилль писал позднее: «Нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелее и ее труднее будет выиграть... Решение французского правительства покинуть на произвол судьбы своего верного союзника Чехословакию было печальной ошибкой... Мы вынуждены с прискорбием констатировать, что английское правительство не только дало свое согласие, но и толкало французское правительство на роковой путь» ¹⁰⁴⁵.

С Францией теперь не считались не только Чехи, но и Германия. Гитлер после Мюнхена презрительно «называл линию Мажино пограничной полосой народа, готовящегося к смерти» ¹⁰⁴⁶. Когда же посол Франции попытался передать

протест по поводу окончательного раздела Чехословакии статс-секретарь фон Вайцзекер откровенно послал... посла Франции. В самой Франции после Мюнхена политика правительства сдвинулась резко вправо, был разогнан Народный фронт и запрещена компартия. **6 декабря 1938 г. Франция подписывает с Германией пакт о ненападении.** Журналистка Ж. Табуи в то время передавала впечатления английского чиновника, ставшего на званом обеде свидетелем разговора двух французских генералов. Они обсуждали, не лучше ли для Франции быть захваченной Гитлером, чем стать победительницей благодаря армиям Сталина. **«У нас подобные слова в устах военных руководителей были бы расценены как измена, но вокруг этого стола с ними согласились, что показалось мне зловещим предзнаменованием»**¹⁰⁴⁷.

Лаваль еще в 1935 г. заявлял: «Мое германофильство... — это пацифизм французского народа; без улучшения отношений Франции с Германией мир не осуществим»¹⁰⁴⁸. В 1936 г. Мандель утверждал, что «никто не решится предстать перед избирателями, как сторонник войны и защитник непримиримых позиций в отношении Германии... Выборы [в мае] должны пройти под знаком пацифизма»¹⁰⁴⁹. Советский посол, прибывший в Париж в 1938 г., был обескуражен: «Когда присматриваешься здесь к печати, больше чем на половину захваченной фашистскими руками, к роли банков, трестов, реакционной военщины, когда наблюдаешь этот панический страх, смешанный с пиететом перед германской силой, немецкой «мощью», когда изо дня в день являешься свидетелем вечных оглядок, уступок, постепенной утраты своего собственного, самостоятельного лица во внешней политике, когда, наконец, видишь, как с каждым днем все больше и больше нагнет и подымает голову фашизм, то невольно возникают тревожные мысли и сомнения»...¹⁰⁵⁰.

Эти сомнения подтвердила германская агрессия против Польши, когда Франция и Англия в очередной раз предали страну, которой дали свои гарантии. Когда настал черед са-

мой Франции, как отмечал Кестлер: «многие наблюдатели событий 1940 года удостоверились по собственному опыту: примерно сорок процентов французского населения было настроено либо откровенно прогермански, либо вполне безразлично»¹⁰⁵¹.

Отношение Франции к войне довольно красноречиво характеризует история с ее авиацией. Ж. Моне вспоминал: «...в области авиации наше отставание было реальным и угрожающим... в то время, как Гитлер и Геринг гордо объявляли о рождении Люфтваффе... у них уже была тысяча истребителей-мессершмит, превосходящих в скорости все французские и английские самолеты»¹⁰⁵². Франция располагала всего 600-ми устаревшими боевыми самолетами. Даладье ехал в Мюнхен с уверенностью: «Немцы могут разбомбить Париж в любой момент»¹⁰⁵³. Когда же французы попытались заказать 1600 самолетов в США на сумму 85 млн. долл., секретарь Казначейства США ответил, что французское «правительство не располагает внешними вкладами, которые позволили бы ему выплатить такую сумму в течение года». Выход предложил Буллит: «Четыре миллиарда золотом покинули Францию за последние четыре года. Часть этих капиталов осела в Соединенных Штатах, и американское правительство могло бы помочь разыскать их в соответствии с трехсторонним договором от 1936 года: для этого вы могли бы издать декрет о контроле над валютными сделками и об обязательном декларировании иностранных авуаров»¹⁰⁵⁴. На это либерально-демократическое правительство Франции, конечно же, пойти не могло. Правда, у французского правительства были еще собственные золотовалютные резервы, но даже в 1940 г., в военное время *«Поль Рейно (премьер-министр), поддержанный на этот раз британским министром финансов... заявил, что такие расходы (покупка самолетов у США) опустошат казну Союзников. Снова возникла та же идея: экономика наших стран должна быть готова*

выдержать длительную войну и выйти из нее с нетронутыми резервами»¹⁰⁵⁵.

А. Тейлор приводил другой пример, описывая ситуацию во Франции после заключения ею «перемирия» с Германией 22 июня 1940 г.: «Для подавляющего большинства французского народа война закончилась... правительство осуществляло политику лояльного сотрудничества с немцами, позволяя себе лишь слабые, бесплодные протесты по поводу чрезмерных налогов... Единственное омрачало согласие Шарль де Голль бежал в последний момент из Бордо в Лондон... Он обратился к французскому народу с призывом продолжать борьбу... Лишь несколько сот французов откликнулись на его призыв». Во Франции: «Немцы обнаружили в хранилищах достаточные запасы нефти... для первой крупной кампании в России. А взимание с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 млн. человек»; в результате в Германии «уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 года... Не было необходимости в экономической мобилизации, в управлении трудовыми ресурсами... Продолжалось строительство автомобильных дорог. Начали осуществляться грандиозные планы Гитлера по созданию нового Берлина»¹⁰⁵⁶.

Бравый генерал Петен приказал французской полиции вместе с гестапо вести борьбу с участниками Сопротивления и передал Гитлеру французских политических заключенных, евреев и немцев, бежавших от нацистского режима. По приказу Петена правительство Виши помогало фашистам, отправляя в Германию сырье и посылая французских рабочих на немецкие заводы.

Мог ли в таких условиях Сталин рассчитывать на мораль и добросовестность великих демократий — Франции и Англии?

Английский журнал «Контемпорери ревью», отвечая на этот вопрос, в те дни писал: «Что бы ни говорили о Сталине, он является наиболее находчивым и наиболее реальным по-

литиком нашего времени; он никогда не занимается абстракциями... Сталин знает цену политических программ и манифестов... главным образом он хочет, чтобы не было никаких уверток, которые дали бы возможность западным демократиям втянуть его в войну с Германией и затем оставить одного... (Сталин) подозревает, что именно к этому стремились английский и французский кабинеты, и поэтому не желает рисковать в этом деле»¹⁰⁵⁷.

К. Типпельскирх: «Русские не были склонны ставить себя в зависимость от политики западных держав и дать им втянуть себя в войну. Они понимали, что им, возможно, пришлось бы нести главную тяжесть борьбы против Германии...»¹⁰⁵⁸. *У. Черчилль: «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что в этом случае от них будет мало проку»*¹⁰⁵⁹. Для того, чтобы появился реальный, а не декларируемый Второй фронт, Англию и Францию необходимо было заставить вступить в войну, что Сталин и сделал, заключив пакт с Германией. «Самое главное, что подчеркивалось потом в официально изданной «Истории дипломатии», — *в Кремле возросла уверенность, что если Германия и нападет на Россию, то к этому времени западные демократии уже будут в состоянии войны с ней и Советскому Союзу не придется противостоять ей в одиночку, чего опасался Сталин летом 1939 года. Это, безусловно, верно*», — отмечал У. Ширер¹⁰⁶⁰.

Даже такой историк, как Б. Соколов, весьма далекий от симпатий к Сталину, в этой связи отмечает: «в 1939—1941 годах СССР и Германия были фактически союзниками. Благодаря этому Гитлер смог разгромить и оккупировать Польшу и Францию, установить контроль над Норвегией и Балканами. Однако тем самым он сделал неизбежным союз Англии и стоявших за ней США с Советским Союзом, что предопределило конечное поражение Германии»¹⁰⁶¹.

Фактическим союзником Германии был не только СССР, но и Швейцария, и Швеция, и США..., да, они не заключали пакта с Германией, но чем от него отличался их нейтралитет? Швеция и США точно так же спокойно наблюдали, как Германия громит Польшу, Францию, Балканы, Норвегию, точно так же торговали с Германией. Почему же именно СССР, проклятый и разоренный европейцами, превращенный ими в изгоя, *должен* был идти умирать за них? СССР превратился в сильнейшую страну Европы не благодаря, а вопреки активным усилиям Англии, Франции, Польши... огромной ценой жертв и напряжения собственных ресурсов, и теперь он должен был бросить свой созданный огромной кровью экономический потенциал ради них на чашу весов?

Германии было достаточно нейтралитета СССР в войне на Западе, чем бы в этом случае СССР отличался от США? Но почему в отличие от США и Швеции, благодаря своему нейтралитету в очередной раз наживавшихся на европейской крови, Сталин пошел на подписание пакта? — Он считал войну неизбежной и сознательно готовился к ней. Он должен был победить, а для этого СССР необходимо было решить ряд стратегических задач, и поэтому *Сталин пошел на подписание пакта, ставшего началом освобождения Европы от фашизма.*

Стратегические задачи

Пакта Молотова — Риббентрона

— *Во-первых, пакт предотвращал возможность заключения «нового Мюнхена».*

«Новый Мюнхен» был не только возможен, а являлся логичным следствием всей англо-французской политики межвоенного периода. Мало того, «новый Мюнхен» был призван не столько отвести угрозу войны от Парижа и Лондона, сколько сделать Германию англо-французским инструментом войны против Советской России. К подоб-

ным выводам приходили не только советские руководители, но и по сути *вся «мощная когорта канадских, английских и американских историков, которые видели в умиротворении только выражение профашистской и антикоммунистической идеологии»*¹⁰⁶².

Э. Нольте даже назвал свою известную книгу, посвященную тому периоду — «Европейская гражданская война»¹⁰⁶³. Действительно — это была Европейская гражданская война, где по одну сторону, стоял СССР по другую фашистская Германия вместе с «демократическими» странами Запада. Это была гражданская война русского социализма и западного либерального капитализма, образца XVII в. Француз А. Симон в своем исследовании, посвященном началу войны приходил к выводу, что *«Запад буквально вскормил гитлеровскую Германию, рассчитывая, что она станет его бастионом против СССР. Грядущая мировая война трактовалась как «война цивилизаций»*. Даже когда «внутри» самого Запада уже шла война, Франция снимала со своего фронта танки и самолеты и посылала их против СССР. Любая страна, принимавшая помощь СССР, автоматически становилась врагом. Как с врагом Запада поступили с республиканской Испанией... Еще более красноречива фразеология, с которой западные политики обращались к президенту Чехословакии, заставляя его принять ультиматум Германии. Приняв помощь русских, Чехословакия стала бы врагом всего Запада и жертвой его *крестового похода»*¹⁰⁶⁴.

Ш. Рист, в то время управляющий французским банком, отмечал в своем дневнике: «То, о чем в будущем, вероятно, забудут, но что нужно запомнить, это огромная роль общественного консерватизма, страх перед коммунизмом и большевизмом, который играл большую роль в последние годы во внешней политике Франции и Англии. Этот страх ослеплял некоторых, делал их неспособными оценивать определенные события иначе, как через эту искажающую призму. Отсюда *скрытая, но очевидная симпатия даже к Гитлеру, к его методам и жестокости. Думали лишь о том, что де-*

мократическое правительство во Франции не будет достаточно сильным, чтобы их защитить. Видимость сохраняющегося порядка, отсутствие острых социальных конфликтов не успокаивали их. Им нужно было внешнее проявление полицейской силы так же, как им нужен был образ воинствующего коммунизма, и для этого они не останавливаются даже перед покушениями, которые сами совершают, но при этом обвиняют в них коммунистов»¹⁰⁶⁵.

М. Карлей: «Для многих британских тори и французских консерваторов кооперация с Советским Союзом никогда не была приемлемой альтернативой. До 1939 года фашизм или нацизм не воспринимались как абсолютное зло, хотя такая форма правления и пользовалась дурной репутацией. Наоборот, фашизм был эффективным оружием против коммунизма и социализма, барьером для экспансии большевизма за пределы Советского Союза»¹⁰⁶⁶. «Угроза была столь серьезна, что союзные силы взяли Советскую Россию в блокаду, наладили тайные связи с ее внутренними врагами и послали войска, чтобы остановить большевистскую опасность. У союзников не было сил подавить революцию, но они никогда с нею не смирились, злоба и страх сохранялись и через много лет после того, как большевики победили»¹⁰⁶⁷.

Молотов позднее подтвердит, что советское правительство заключило пакт о ненападении с Германией только для того, чтобы предотвратить англо-германское соглашение¹⁰⁶⁸. *Именно провал планов «крестового похода» Запада против СССР увидел в Пакте Молотова — Риббентропа, один из наиболее известных идеологов «холодной войны», Дж. Кеннан. Он обвинил в заключении пакта не Сталина, а ... Гитлера: «Заключение Гитлером пакта о ненападении со Сталиным и поворот его штыков против французов и англичан означали колоссальное предательство западной цивилизации... Сближение западных держав с Советским Союзом было результатом политики нацистов, за что те должны нести самую серьезную ответственность перед историей»¹⁰⁶⁹.*

— Во-вторых, пакт давал СССР уникальную возможность технического перевооружения.

5 января 1939 г. Германия предложила возобновить замороженные в конце марта 1938 г. переговоры о предоставлении СССР кредита в 200 млн. марок, немцы дополнительно предложили уступки в сроках кредита и снижении процентов по нему¹⁰⁷⁰. А. Буллок пишет, что немцы были ошеломлены, когда увидели, чего хотят русские. Меморандум директора отдела экономической политики министерства иностранных дел Э. Виля от 11 марта гласил: «хотя Германии недостает русского сырья, хотя Геринг постоянно требует его закупки, рейх просто не в состоянии снабжать СССР теми товарами, которые придется поставлять в обмен»¹⁰⁷¹.

Переговоры возобновились 17 августа, когда в ответ на предложение Германии нормализовать советско-германские отношения¹⁰⁷² глава советского правительства В. Молотов ответил: «Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения»¹⁰⁷³. Фактически Молотов поставил ультиматум — пакт в обмен на кредит. 19 августа было подписано советско-германское кредитное соглашение*, кроме этого, предусматривалось размещение советских заказов в обмен на поставки сырья и продовольствия¹⁰⁷⁴.

8 октября в Москву прибыл представитель Германии К. Риттер, который привез с собой годовую план закупок на сумму 1,3 млрд. марок, однако советская сторона согласилась исходить из максимального объема поставок в прежние годы, т.е. 470 млн. марок¹⁰⁷⁵. Для составления ответных заявок в Германию была послана специальная комиссия, собранная из ведущих специалистов¹⁰⁷⁶. Чего хотели русские? В

* 200 млн. марок, под 4,5%, на 7 лет. В дальнейшем были заключены хозяйственные соглашения от 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г., а также 6 дополнительных торговых соглашений. Общая сумма соглашений составляла 620-640 млн. марок, со сроком поставки до августа 1942 г.

официальном запросе руководителя советской делегации говорилось: «нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования. Старые типы покупать не будем. Германское правительство должно показать нам все новое, что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не сможем дать согласия на эти заявки»¹⁰⁷⁷. Немцы пошли навстречу русским с большим трудом, только после настойчивых требований советской делегации. Наиболее важные вопросы решались лично Гитлером и Герингом¹⁰⁷⁸.

11 февраля 1940 г. договор был подписан, список военных материалов, предусмотренных к поставке германской стороной к концу текущего года, составлял 42 машинописные страницы, напечатанные через полтора интервала, и включал, например, чертежи и образцы новейших немецких боевых самолетов «Мессершмитт -109», 110», «Юнкерс 88» и т.д., артиллерийских орудий, танков, тягачей и даже целый тяжелый крейсер «Лютцов»! Советский список состоял почти полностью из военных материалов и включал не только взятые на вооружение, но также и те, которые находились в разработке: десятки полевых морских и зенитных артиллерийских систем, минометы калибра 50-240 мм с боеприпасами, лучший танк Pz-III, торпедное вооружение, десятки радиостанций, «8 единиц переносных пеленгаторов, 2 полевые радиостанции для обнаружения самолетов, 4 комплекта приборов для стрельбы ночью... 10 комплектов засекречивающих приборов для телеграфно-телефонных аппаратов», сверхмощные прессы, прокатные станы, горное оборудование, танкер водоизмещением 12 тыс. т., 3 сухогруза... канатную проволоку, трубы и т.д...»¹⁰⁷⁹.

Кроме этого, по договору Советский Союз получал из Германии новейшие технологии, в которых СССР отказали США и Англия (химическое оборудование и документацию для налаживания производства синтетических материалов, технологии: получения сверхчистых материалов; получения

отдельных элементов радиоэлектронного оборудования; изготовления многих видов инструментальной и высокопрочной стали, некоторых видов брони, средств автоматизации и управления, «образцы и рецептуру беспламенных и бездымных, аммиачных... взрывчатых веществ» и т.д.). Как заметил в итоге Геринг: «*в списке имеются объекты, которые ни одно государство никогда не продаст другому, даже связанному с ним самой тесной дружбой*»¹⁰⁸⁰.

В обмен СССР поставлял сырье:

*Поставки СССР в Германию
с декабря 1939 г. по конец мая 1941 г.*¹⁰⁸¹

Товар	Количество, тыс. т	Стоимость, млн. марок
Нефтепродукты	1000	95,0
Зерно	1600	250,0
Хлопок	111	100,0
Жмыхи	36	6,4
Лен	10	14,7
Лесоматериалы		41,3
Никель	1,8	8,1
Марганцевая руда	185	7,6
Хромовая руда	23	2,0
Фосфаты	214	6,0

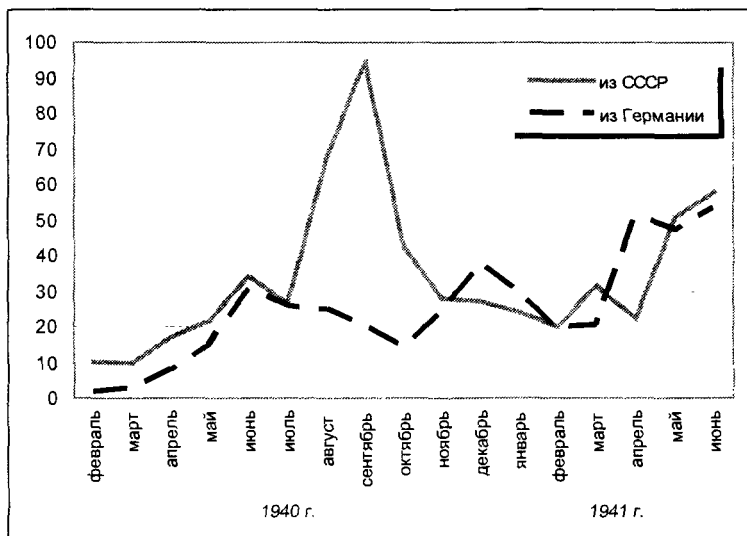
Кроме этого, было поставлено 6 тыс. т. меди, по 500 т. олова, вольфрама и молибдена, и главным образом железный лом, всего на сумму 17,5 млн. марок, 2,782 т платины, а также пушнины на 10 млн. марок¹⁰⁸². И даже 11 300 т. «очесов льна, хлопковых отходов, тряпья»¹⁰⁸³.

Циркуляр министерства иностранных дел Германии гласил: «Советский Союз поставил все обещанное. По мно-

гим пунктам он поставил даже сверх того, о чем первоначально было оговорено. Вызывает законное восхищение то, как Советский Союз организовал отгрузку гигантского количества товаров. В настоящий момент торговые и транспортные каналы работают бесперебойно».

Немцы отставали не намного. В натуральном выражении советский импорт из Германии вырос в 1940 г. по сравнению с 1939 г. почти в 29 раз¹⁰⁸⁴. Июнь 1941 г. стал рекордным по объему немецких поставок. Всего за апрель-июнь 1941 г. немецкие поставки составили 151,3 млн. марок, в то время, как советские — 130,8 млн. марок¹⁰⁸⁵. И это не случайно. В первых числах февраля 1941 г. Гитлер распорядился: обязательства Германии по хозяйственному соглашению с СССР *«безусловно должны быть выполнены»*¹⁰⁸⁶. Когда же в марте русские приостановили поставки зерна и нефти, ссылаясь на то, что германская сторона не выполнила своих обещаний*, Гитлер подписал указ, отдававший приоритет поставкам оружия в СССР, даже за счет вермахта. «Немецкий историк Г. Швендеман отмечает, что весной 1941 г., когда уже всюю шла подготовка к нападению на СССР, *«Советский Союз стал абсолютно привилегированным торговым партнером Германии, заказам которого было отведено по степени важности в программе военного производства преимущественное место по сравнению с другими заказами как для собственных нужд, так и для поставок иностранным государствам»*. Германская промышленность прекратила все остальное производство, за исключением обеспечения вермахта и поставок в Советский Союз»¹⁰⁸⁷.

* Германско-советский договор предусматривал жесткое выполнение обязательств, если немецкие поставки отставали от советских более, чем на 20% СССР имел право приостанавливать свои поставки (Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 330 (Пыхалов И..., с. 219))

*Динамика советско-германских товарных поставок,
млн. марок¹⁰⁸⁸*

Конечно, импорт из СССР усиливал позиции Германии. Так, К. Хильдебранд утверждает: «главным образом русские военные поставки в Третий рейх помогли преодолеть внешнюю зависимость Германии от сырья и продовольствия»¹⁰⁸⁹. Аналогичное мнение высказывал Штейнгардт — Советский Союз играет роль агента Германии по закупкам товаров на международном рынке, в том числе в США, то есть «действует фактически, если не юридически, как молчаливый партнер Германии в существующем конфликте»¹⁰⁹⁰. Д. Данн: «Штейнгардт был абсолютно прав. Советские власти оказывали прямое содействие немцам в войне против Франции и Англии. Они осуществляли снабжение германской военной машины»¹⁰⁹¹. Однако, сколь не важны были эти поставки, они составляли лишь небольшую часть — около 650 млн. марок общей суммы германского импорта, составлявшего при-

мерно 7 млрд. марок. Т. е. доля СССР не превышала 10%*. В импорте Германии СССР занимал 5-е место (после Италии, Дании, Румынии и Голландии)¹⁰⁹². Конечно, Италию можно исключить, поскольку она была союзницей Германии.

Румынские же нефтепромыслы, принадлежали англо-французским фирмам и поставляли нефть в Германию с полного ведома их правительств¹⁰⁹³. Дания и Голландия в свою очередь сохраняли нейтралитет, оставаясь транзитными странами, через которые шел поток товаров, и в первую очередь из США. Примечательно, что, когда накануне вторжения Германии во Францию «англичане потребовали от голландского правительства права передвижения по территории Нидерландов... голландцы отказали»¹⁰⁹⁴. Главным поставщиком железной руды для Германии была нейтральная Швеция¹⁰⁹⁵, точных приборов — нейтральная Швейцария, хромовой руды Турция... Испания, не имеющая собственных месторождений нефти, вдруг стала ее экспортером, вернее, перевалочной базой для американской нефти поставляемой в Германию.

Ситуация изменится лишь в апреле-мае 1940 г., когда Голландия и Дания будут оккупированы Германией. А Румыния окончательно возьмет ориентацию на Берлин, *поскольку: «Германия становилась отныне хозяином континента»*¹⁰⁹⁶. С этого времени сотрудничество с СССР будет иметь для Германии гораздо большее значение. Правда, основную роль будут играть не советские поставки, а транзит товаров через советскую территорию (именно транзит, а не посредничество) на Ближний и Дальний Восток. Так, в апреле — декабре 1940 г. через СССР прошло 59% германского

* В 1940 г. поставки из СССР составляли 7,6% общей суммы германского импорта, а поставки в СССР — 4,5% германского экспорта, в 1941 г. — соответственно 6,3% и 6,6%. (Штрандман Х.П. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939-1941 // Война и политика, 1939-1941. М., 1999. С.367 (Пыхалов И..., с. 225))

импорта и 49% экспорта, а в первой половине 1941 г. соответственно 72% и 64%¹⁰⁹⁷. Основным деловым партнером Германии в войне против Англии и Франции, на Востоке являлись ... США. Очевидно, именно поэтому Англия, за исключением ареста советских судов, не только не пошла на разрыв дипломатических отношений с СССР, но и не предъявила сколько-нибудь существенных претензий. Примечателен в этой связи эпизод, когда в мае 1940 г. англичане поймали за руку караван с американской нефтью для немецких потребителей, под французским флагом, то их тут же одернул глава Госдепа К. Хелл, могучий британский флот молча подчинился¹⁰⁹⁸.

Торговля с фашистской Германией носила для США принципиальный характер и была совершенно осознанной. Точно так же США наживались на миллионах смертей европейцев во время Первой мировой войны. Э. Хауз в 1915 г. в письме президенту объяснял позицию США следующим образом: «Германия нарушала права человечества, между тем как разногласия с Великобританией были гораздо менее значительны. *Но они задевали карман и самолюбие многих американцев*»¹⁰⁹⁹. В очередном послании президенту Э. Хауз отмечал: «мы наживаем деньги на их несчастье, но это, тем не менее, неизбежно»¹¹⁰⁰.

После войны на Версальской конференции США в ультимативной форме требовали от союзников признания принципа «свободы морей» — права «торговли нейтральных стран во время войны». Хауз откровенно угрожал: «*вмешательство англичан в американскую торговлю в случае новой войны бросит Соединенные Штаты в объятия врага Великобритании, кто бы он ни был*»¹¹⁰¹. Англия и Франция не пошли на сделку с США, и Великая Демократия отказалась подписать Версальский мир. Учтя негативную реакцию европейцев, на торговлю с врагом во время Первой мировой, в начале Второй США торговали с Германией через сеть посредников в разных странах мира. В итоге в 1940—1941 гг. доля США в торговле с Германией превышала долю СССР в

несколько раз. Т.е. образно говоря, США был во столько же раз большим фактическим союзником Германии, чем СССР. Следует так же отметить, что СССР не был агентом Германии в торговле с США, (а то мог бы неплохо заработать на комиссионных — в несколько раз больше, чем на транзите)*.

Между тем поставка Советскому Союзу большого количества новейших станков ослабляла военную экономику Третьего рейха, отмечают И. Пыхалов и В. Сиполс, поскольку свыше половины использовавшихся в немецкой промышленности металлорежущих станков к тому времени устарела, имея срок службы более десяти лет¹¹⁰². За 1940-1941 гг. СССР получил из Германии 6430 металлорежущих станков¹¹⁰³; для сравнения в 1939 г. из всех стран — 3458 станков¹¹⁰⁴. Причем многие из этих станков были уникальными, которые в Советском Союзе не производились¹¹⁰⁵. В свою очередь Б. Мюллер-Гиллебранд писал о положении Германии в то время: «положение со станками продолжало оставаться неудовлетворительным. Некоторые станки удалось получить через нейтральные страны (Швейцария, Швеция). В военной промышленности пришлось создать органы, на которые возлагалась задача распределения машинного оборудования»¹¹⁰⁶.

Кроме этого, отмечал Б. Мюллер-Гиллебранд: «Ощущалась хроническая нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных рабочих, для военной промышленности. 13 сентября 1939 г. ОКВ... отдало распоряжение о возвращении из Вооруженных сил в военную промышленность квалифицированных рабочих... 27 сентября.. изда(н)о положение об освобождении рабочих от призыва в армию в случае неза-

* На этом история не закончилась — «13 декабря, через 6 дней после Перл-Харбора, когда Гитлер уже объявил войну США, Рузвельт подписал указ, регламентирующий условия, при коих выдается официальное разрешение американской администрации на торговлю со странами, с которыми США находятся в состоянии войны». (Грызун В..., с. 352).

менимости их на производстве... В конце 1939 г. последовал приказ... об увольнении из армии военнослужащих рождения 1900 г. и старше, владевших дефицитными профессиями»¹¹⁰⁷. В этих условиях весомая часть рабочих была отвлечена на изготовление техники по советским заказам.

Для советской экономики, отмечают И. Пыхалов и В. Сиполс, поставки сырья были не слишком обременительны. За 1940 г. Германия получила 657 тыс. т. нефтепродуктов, в то время как добыча нефти в СССР в том году составила 31,1 млн. т. Зерна в Германию в 1940 г. было поставлено чуть меньше 1 млн. т., а заготовлено 95,6 млн. т.¹¹⁰⁸.

*Баланс торгово-экономических отношений
между СССР и Германией, млн. марок¹¹⁰⁹*

	Со стороны СССР:	Со стороны Германии:
Поставлено товаров с августа 1939 по июнь 1941 г.	671,9	507
Транспортные услуги по транзиту немецких товаров	84,5	
«Продажа» литовской территории**		31,5
Кредит 1935 г.***		151,2
Итого:	756,4	689,7

* Для Германии включая золото на сумму 44,7 млн. марок. Поставлялось Германией для выравнивания торгового баланса с СССР.

** Летом 1940 г. по предложению советского правительства Германия отказалась от своих прав на часть литовской территории в обмен на материальную компенсацию.

*** По кредиту 1935 г. СССР получил из Германии заводское оборудование и другие товары. Встречные поставки для покрытия кредита должны были начаться в конце 1940 г.

Почему Гитлер, уже подписавший план «Барбаросса», продолжал поставлять в СССР новейшие технологии. По мнению А. Шахурина: «Зная, что война с нами не за горами, фашистское руководство, видимо, считало, что мы уже ничего не успеем сделать. Во всяком случае, подобное тому, что у них есть»¹¹¹⁰. К аналогичным выводам приходил и Х. Штрэндман: «Для Гитлера, по-видимому, решающими оказались стратегические доводы. В противном случае трудно было бы понять, почему он согласился снабжать Советский Союз самой последней военной технологией, зная, что он собирается напасть на него в не очень далеком будущем. И, кроме того, у него было довольно низкое мнение о технических возможностях России — предубеждение, подтвержденное во время войны с Финляндией. Он также допускал, что произойдет некоторая задержка, прежде чем Россия сможет использовать технологическое преимущество от получения немецкого оружия»¹¹¹¹. Однако Сталин сумел реализовать полученный от Гитлера уникальный технический потенциал. Таким образом СССР вышел из «технологической» изоляции. Многие из этих технологий обеспечили конкурентоспособность научного потенциала СССР вплоть до 1960-х гг.

— *В-третьих, пакт обеспечивал СССР выигрыш времени в 2 года.*

Время работало на СССР, экономический потенциал Советской России рос невиданными темпами. Еще несколько лет у России не было бы экономических конкурентов на континенте Евразии. Рос и военно-технический потенциал. За 1939-1940 гг. были созданы все основные виды новых вооружений: танки Т-34, КВ; самолеты МиГ, ЛаГГ, Як-1, Ил-2, Пе-2; самозарядные винтовки СВТ-40 (их образцы, попавшие к немецким специалистам «вызывали удивление»¹¹¹²); автоматы ППШ-41, реактивные минометы «Катюша», первые радиолокационные станции «Редут» и РУС-1, и т.д. Кроме этого, с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. числен-

ность Красной Армии была увеличена более, чем в 2,8 раза и достигла почти 5,4 млн. человек¹¹¹³. Была проведена мобилизация экономики, расходы на оборону выросли с 16,5% бюджета в 1937 г., до 32,6% в 1940 г.

Была и другая сторона медали.

Так, например, информация, полученная советской стороной от немцев, продемонстрировала отсталость советской техники, особенно в области авиации¹¹¹⁴. Это по-видимому вызвало паническую реакцию, ставшую одной из причин разгрома КБ Поликарпова и потери лучших самолетов того времени И-185, И-200. Новые научные школы, возникшие на его руинах, к началу войны еще не успели как следует сформироваться.

Другой пример был еще более существенным. Никто в Кремле не предполагал, что европейские страны падут и будут покорены с такой скоростью. Да, что Москва, по словам А. Некрича: «экономические последствия побед Германии на Западе и Юго-Восточной Европе не могли быть предусмотрены даже самыми смелыми расчетами руководства германской военной экономики. В руки Германии попала высокоразвитая промышленность европейских стран, таких, как Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург... Захват Польши, а затем победы на западе позволили гитлеровскому руководству получить даровую рабочую силу... Только в сельском хозяйстве Германии было использовано свыше 1 млн. человек, главным образом польских военнопленных. Таким образом высвобождалось значительное число немцев, в которых так нуждалась германская армия»¹¹¹⁵. Уже к концу 1940 г. «хозяйственное пространство» Германии составляло 4 млн. кв. км с населением 333 млн. человек. Теперь даже валовый экономический и промышленный потенциал «объединенной немецкой Европы» превосходил показатели СССР. Только в одной Бельгии германские вооруженные силы обслуживала половина рабочих и служащих, или более 900 тыс. человек¹¹¹⁶.

— В-четвертых, пакт отодвигал границы СССР и восстанавливал его статус-кво:

Присоединение украинских и белорусских территорий Польши, Прибалтики и пограничных с Ленинградом земель Финляндии осуществлялось на основании духа секретного протокола, подписанного вместе с пактом. Секретный протокол после его обнаружения после Второй мировой войны стал основанием для новых обвинений в адрес СССР. Так И. Фест пишет: «сухие формулировки (протокола) обнажали империалистический по своей сути характер соглашения и неопровержимо свидетельствовали о его взаимосвязи с запланированной войной... Ни один из этих аргументов не может заставить забыть о Секретном дополнительном протоколе, который превращал пакт о ненападении в пакт о нападении»¹¹¹⁷. Э. Нольте даже обвинял СССР в отходе от принципов марксизма: «Какие бы тактические и обусловленные реальной политикой элементы оправдания, выдерживающие в конце концов более или менее строгий анализ, ни использовались в советских работах, ясно, что дополнительный протокол был «недостойн идеологического движения, которое утверждало, что обладает самым глубоким пониманием исторического процесса»¹¹¹⁸.

Сталина в данный момент идеология действительно интересовала в меньшей степени, речь шла о безопасности государства. Надеяться на помощь или благоразумие Англии, Франции и Польши в тех условиях мог только тот, кому надоело собственное существование. Присоединенные территории отодвигали границы СССР на 100-400 км от ключевых экономических центров страны. Так например, говоря о Польше, У. Черчилль замечал: «Россия проводит холодную и взвешенную политику собственных интересов... Но для защиты России от нацистской угрозы явно было необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии... Премьер-министр полностью согласен со мной»¹¹¹⁹.

Эти территории были отторгнуты у России путем вооруженной агрессии, сначала Германией, а затем во время интервенции (Первого крестового похода XX века) Англией, Францией, США, Польшей... Не случайно прибалтийские страны, по своему положению и значению повторяли государства «рыцарских орденов» времен крестовых походов XI века. Не имея возможности играть самостоятельной роли в европейской и мировой политике, лимитрофы по изначальному замыслу стратегов Антанты *выполняли функции «санитарного кордона», отделявшего СССР от Европы. Что являлось актом агрессии уже само по себе.* В случае же очередного Мюнхенского сговора эти страны, вместе взятые могли выставить против СССР около сотни дивизий или в крайнем случае пропустить через свою территорию немецкие армии к жизненным центрам России.

Следует отметить, что возврат украинских и белорусских земель Польши и Прибалтики был осуществлен мирным путем при поддержке местного населения. Что касается удара в спину польской армии, то Красная Армия вошла в Польшу только 17 сентября, когда польского государства фактически уже не существовало*. Остатки польской армии спасались, отступая на захваченные Польшей в 1920-х гг. белорусские и украинские земли, где Красная Армия их не громила, а спасала**. Так, по воспоминаниям адъютанта Андерса: «Местное украинское население относилось к нам весьма враждебно. Его приходилось избегать. Только присутствию Красной Армии мы обязаны тем, что в это время не дошло до крупных погромов или массовой резни поляков»¹¹²⁰. Как отмечалось, пограничные районы Финляндия также готова была обменять мирным путем на встречные компенсации СССР, и только провокации Англии и Франции сделали конфликт неизбежным.

* Польское правительство к этому времени уже бежало из Польши.

** Впрочем некоторые до сих пор не сомневаются в мощи польской армии, способной в 1939 г. разгромить немецкую. Вот если бы не Красная Армия, то мы бы...

— В-пятых, пакт нейтрализовывал активность Японии.

Положение на Восточных границах СССР было не менее напряженными, чем Западных, там уже шла война и там также господствовала политика «умиротворения». У. Додд вспоминал: посол Китая «подтвердил сообщения... японцы потопили американские и английские суда на китайских реках, убив при этом нескольких американцев, и президент потребовал от японского императора полностью возместить убытки и принести извинения. Посол хотел знать, намерены ли Соединенные Штаты действительно что-либо предпринять. Я не мог дать ему никаких заверений, хотя согласился с тем, что демократические страны должны спасти Китай, если они не хотят поставить себя перед серьезной опасностью. Наше прощание было грустным: он сказал, что его страна, возможно, будет покорена, а я признал, что современная цивилизация находится, по-видимому, на грани катастрофы... если Соединенные Штаты и Англия не остановят Японию»¹¹²¹. Несколько дней спустя китайский посол снова посетил американского посла. Он «все еще надеется, что Соединенные Штаты и Англия заставят Японию прекратить истребление его народа, и умоляет об этом»¹¹²².

Американский посол обратился к своим европейским коллегам: «Если Франция и Англия поддержат Соединенные Штаты в блокаде Японии, война против Китая будет приостановлена в течение двух месяцев. Предпримите же что-нибудь в плане этого сотрудничества, пока еще не поздно»¹¹²³. Но Англия, Франция и США не только не шелохнулись, а, наоборот, продолжили свои торговые поставки Японии. Так, к 1940 г. доля поставок США в импорте Японии составляла по нефти и нефтепродуктам 67%, по стали и лому, меди — 90%, по самолетам и запчастям к ним — 77% и по металлическим сплавам — 99%.

Единственной страной, противостоящей агрессии Японии в Китае, оставалась Советская Россия. У. Додд записывал в этой связи слова русского поверенного в делах, который «утверж-

дал, что Англия, Франция и Соединенные Штаты хотят, чтобы его страна спасла Китай без их участия. Россия этого не сделает, сказал он, но она будет сотрудничать с этими странами, если они придут на помощь Китаю»¹¹²⁴. Когда после нападения Японии на Китай СССР предложил США заключить пакт, Рузвельт ответил: «Пакты не дают никакой гарантии, им нет веры... Главная гарантия — сильный флот»¹¹²⁵.

Последней надеждой Китая оставались поставки оружия и боеприпасов через Монголию и Синцзян из СССР. В 1937-1938 гг. Советским Союзом было поставлено вооружений и техники на 300 млн. рублей, в том числе 361 самолет с летчиками¹¹²⁶. Политические установки советского правительства в Китае соответствовали новой европейской политике Кремля, использованной в Испании: единый фронт, создание правительства национальной обороны и единой антияпонской армии, переименование советской рабоче-крестьянской республики (которую провозгласили коммунисты на контролируемых ими территориях) в советскую народную республику¹¹²⁷.

Не обошлось и без очередной антисоветской, профашистской пропаганды, так статс-секретарь Макензен заявлял: «Россия тайком помогает, как Японии, так и Китаю, надеясь ослабить обе стороны». По его словам, Германия одинаково дружелюбна к Японии и к Китаю, но не намерена помогать ни одной из сторон»¹¹²⁸. В ответ У. Додд приводил данные, что: «Гитлер продает военные материалы и Китаю и Японии и даже посылает в Китай немецких офицеров. Его цель... состоит в установлении господства Японии над Китаем, чтобы обе эти страны были готовы выступить против России, если возникнет война в Европе»¹¹²⁹. Французский посол в Германии в свою очередь «опроверг причастность России к развязыванию военных действий на Дальнем Востоке, но отметил, что вступление России в войну на стороне Китая вызовет европейскую войну»¹¹³⁰.

В июне 1938 г. японские войска вторглись в СССР в районе озера Хасан, но были отброшены, правда, с большим

трудом. После Хасана японцы решили, что СССР не слишком сильный противник, и в мае 1939 г. Япония крупными силами напала на Монголию в районе реки Халхин-Гол, с целью перерезать советские коммуникации с Китаем. В то время, как англо-французская делегация устраивала «переговорный спектакль» в Кремле, на восточных границах СССР уже вовсю шла война. По «15 сентября 1939 года на территории МНР происходили ожесточенные столкновения между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками»¹¹³¹. Несмотря на то что японские войска были разгромлены, угроза войны на два фронта не исчезла¹¹³². У. Додд еще в 1936 г. говорил о своем «подозрении, что существует неписанный договор, по которому эти две страны (Япония и Германия) начнут войну против России, когда наступит подходящий момент»¹¹³³. Действительно 21 октября 1936 г. Геббельс записывал в дневнике: «Фюрер подписал договор с Японией. Союз против большевизма»¹¹³⁴.

Не случайно заключение Пакта Молотова — Риббентропа, отмечает И. Пыхалов, было воспринято в Японии как предательство. Временный поверенный в делах СССР в Японии Н. Генералов докладывал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»¹¹³⁵. Аналогичную оценку дал и английский посол в Токио Р. Крейги, согласно донесению которого это событие «было для японцев тяжелым ударом»¹¹³⁶. Япония заявила Германии протест, указав, что советско-германский договор противоречит Антикоминтерновскому пакту, в соответствии с которым подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров»¹¹³⁷.

Японский кабинет министров во главе с К. Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать

в отставку¹¹³⁸. А 13 апреля 1941 г., несмотря на то, что Япония была одним из инициаторов Антикоминтерновского пакта, СССР и Япония подписали пакт о нейтралитете, что исключило для СССР войну на два фронта.

Против пакта яростно выступили США. Американский посол в СССР Штейнгардт утверждал, что этот договор был направлен против Соединенных Штатов¹¹³⁹. Д. Данн заявлял, что соглашение «подготовило почву для продвижения Японии на юг к широким запасам сырья... и к конфликту с Соединенными Штатами»¹¹⁴⁰. «В своей... политике в отношении СССР, — писал в то время советник посольства СССР в США А. Громыко, — Ампра (американское правительство) применяло методы экономического нажима»¹¹⁴¹. Торговля с СССР была свернута, госдеп США 7 июня ввел ограничения на свободу передвижения советских представителей в США¹¹⁴². 10 июня были объявлены персонами нон грата два представителя советского посольства в Вашингтоне. Тем не менее Д. Данн остался неудовлетворен масштабами антисоветских репрессий со стороны администрации Рузвельта¹¹⁴³. Штейнгардт вообще заподозрил, что между Москвой и Вашингтоном имеется какая-то дополнительная связь, о которой он не информирован¹¹⁴⁴.

Исторические предпосылки позиции Москвы в отношении Пакта

Идеологические разногласия между странами Запада и СССР могут создать ощущение, что именно большевизм служил основным препятствием для объединения Европы в борьбе против надвигавшейся военной угрозы. Однако за антисоветизмом стояли еще более глубокие движущие силы истории, которые всего четверть века назад привели к Первой мировой войне, когда большевики существовали разве что в зародыше.

Великий князь Александр Михайлович, присутствовавший на мирной конференции, знаменовавшей окончание Первой мировой, писал о своих впечатлениях: «Уполномоченные 27 наций, собравшиеся в Версале... *Глядя на знакомые лица, я понял, что перемирие уже вызвало пробуждение самых эгоистических инстинктов: основы вечного мира вырабатывались теми же государственными людьми, которые были виновниками мировой войны.* Спектакль принимал зловещий характер даже для выдавших виды дипломатов. Бросалась в глаза фигура Артура Бальфура... Вот и я, — казалось, говорила его капризная усмешка. — Я готов принять участие в мирной конференции в обществе всех этих старых лисиц, которые сделали все от них зависящее, чтобы поощрить мировую бойню*. В общем, ничего не изменилось под солнцем, несмотря на уверения газетных публицистов... За исключением американской делегации, состоявшей из весьма неопытных и неловких людей... все остальные делегаты были виновниками преступления 1914 года»¹¹⁴⁵.

В те годы, накануне Первой мировой, в британской европейской практике царил та же политика «умиротворения». Она не была изобретением Чемберлена, ее во время череды Балканских войн использовал предшественник премьер-министра, министр иностранных дел Э. Грэй. Несмотря на неоднократные предложения Николая II, правительство Англии категорически отказывалось остановить продвиже-

* Примечательно, что в начале 1930-х гг. в английской печати появилось заявление лорда Бальфура, председателя правления «Артур Бальфур энд компани» и «Кэпитал стил уоркс, Шеффилда», директора «Нэшнл провиншл банк»: «Будут ли немцы снова воевать? Я твердо уверовал, что в один прекрасный день либо мы позволим немцам перевооружиться, либо сами вооружим их. Перед лицом грозной опасности с Востока невооруженная Германия была бы подобна созревшему плоду, который только того и ждет, чтобы русские сорвали его. Если бы немцы не смогли защитить себя, мы должны были бы выступить в их защиту. Одна из наибольших угроз миру — полная безоружность Германии». (Кремлев С Россия и Германия... с. 102). Аналогичные слова об угрозе с Востока (от Российской империи) А. Бальфур повторял и накануне Первой мировой войны.

ние Австро-Венгрии на Восток. Наоборот, все усилия англо-французской дипломатии были направлены на ослабление русского влияния на Балканах и на потакание Австро-Венгрии. Первая мировая война, по мнению многих, в том числе и Пуанкаре, во многом стала следствием именно политики «умиротворения» Э. Грэй. Б. Такман описывала эту политику следующим образом: «Находясь в течение восьми лет на посту министра иностранных дел в тот период, когда, по выражению Бюлова, «боснийские» кризисы следовали один за другим, Грэй достиг совершенства в манере речи, которая не содержала почти никакого смысла»¹¹⁴⁶.

Министр иностранных дел России Сазонов накануне Первой мировой полагал, что: «При нынешнем обороте дел первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну... К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение»¹¹⁴⁷. С русским министром был полностью солидарен французский президент. Английский посол во Франции 30 июля доносил: «Президент... убежден, что мир между державами находится в руках Великобритании... Если бы разразилась всеобщая война на континенте, Англия неминуемо была бы в нее вовлечена ради сохранения своих же жизненных интересов. Заявление о ее намерении поддержать Францию, которая искренне желает сохранения мира, несомненно, удержит Германию от стремления к войне»¹¹⁴⁸. 31 июля 1914 г. Пуанкаре лично обратился с письмом к английскому королю Георгу V: «Если бы Германия имела уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и наоборот, если бы Германия была уверена, что entente Cordiale было бы подтверждено в худшем случае совместным выступ-

лением Англии и Франции на поле сражения, это явилось бы большой гарантией того, что мир не будет нарушен»¹¹⁴⁹. Сам Вильгельм заявлял, что: «Одного слова от Англии было бы достаточно, чтобы предотвратить войну»¹¹⁵⁰.

Но вот война началась. «Неплохо бы напомнить, — отмечал в конце 1939 г. Р. Анситтарт, тогдашний главный советник по дипломатическим вопросам Форин оффиса, — что в последней войне, из которой мы едва смогли выкарабкаться... У Франции не было *ни единого шанса выжить, если бы не Восточный фронт*. Да и то она едва могла избежать разгрома» (курсив в оригинале)¹¹⁵¹. У Черчилль подтверждал, в Первой мировой западные союзники смогли продержаться три года только потому, что огромная армия царя сковывала немцев на востоке¹¹⁵².

А что же сами союзники? По словам А. Деникина, они «отнеслись с жестоким, циничным эгоизмом к судьбам России...». Позже генерал добавлял: «обоюдная государственная польза требовала от союзников не самопожертвования (этот банальный, с точки зрения Европы, альтруизм был похоронен давно на полях Восточной Пруссии и Галиции в русских братских могилах); она требовала некоторой жертвы. Конъюнктура безнадежная. До такой моральной высоты психология европейских государственных деятелей и практика союзной дипломатии подняться не могли»¹¹⁵³. «В толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, — вспоминал Головин, — что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать начиная с зимы 1915/16 года циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата»¹¹⁵⁴. Этим настроениям были подвержены не только солдаты, как вспоминал бывший военный министр Сухомлинов: «лозунг мира с немцами и войны с «капиталом согласия» становился среди молодого кор-

пуса офицеров все популярнее, так как очевидная эксплуатация России Антантой, несомненное использование русского солдата исключительно как пушечного мяса... Это было проклятие, тяготевшее над Временным правительством, а также и царским, которое... договором двойственного союза вело Россию к французскому игу. С того времени, как Россия... пошла на то, чтобы после объявления войны не соглашаться идти ни на какой сепаратный мир, она потеряла самостоятельность, так как в техническом отношении находилась в полной зависимости от своего союзника...»¹¹⁵⁵.

По словам Сухомлинова: «Русский народ своими дипломатами и финансовыми людьми прямо-таки был продан Франции»¹¹⁵⁶. В. Ламздорф, отражая эти настроения еще, в 1891 г. писал: «Французы собираются осаждать нас предложениями заключить соглашение о совместных военных действиях обеих держав в случае нападения какой-нибудь третьей стороны. *Совершенно запутавшись в их сетях, мы будем преданы и проданы при первом удобном случае*»¹¹⁵⁷. Ллойд Джордж уже после войны сетовал: «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, израсходованных впоследствии в битвах на западном фронте, и пятую часть орудий, то не только не было бы русского поражения, но немцы были бы отброшены на расстояние, по сравнению с которым захват нескольких окровавленных километров во Франции казался бы насмешкой»¹¹⁵⁸. Ллойд Джордж, говоря о союзнических обязательствах отмечал: «Мы предоставили Россию ее собственной судьбе...»¹¹⁵⁹.

Прежняя жертвенная готовность по отношению к своим союзникам сменилась в русской армии чувством горькой обиды и разочарования. Генерал Нокс в воспоминаниях приводит свой разговор с генерал-квартирмейстером штаба армий Западного фронта ген. Лебедевым. Последний «сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами притаились, как зайцы в своих норах, свалив всю тя-

жесть на Россию... Что мог я ответить на это? Ибо я знал, что многое из того, что говорил Лебедев, была правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее того, что высказывали некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал»¹¹⁶⁰. Английский посол в России Бьюкенен тогда докладывал в Лондон: «Негативные чувства против нас и французов распространились столь широко, что мы не можем терять времени — мы должны представить доказательства того, что мы не бездействуем в ситуации, когда немцы переводят свои войска с Западного на Восточный фронт»¹¹⁶¹.

Чем закончилась Первая Мировая война для России? Тем, о чем предупреждал еще в 1913 г. сотрудник русского Генерального штаба Вандам. Он уже тогда прогнозировал, что после разгрома Германии на континенте останется одна великая держава — Россия и Англия с Францией сделают все, в том числе и сколотят новую антирусскую коалицию, чтобы не допустить этого. Представители британского истеблишмента высказывали в те же годы аналогичное мнение. Оптимальным решением было падение России вместе с Германией. Именно это решение обсуждалось на совещании Э. Хауза с представителями британского правительства в феврале 1916 г.¹¹⁶². По англо-американскому плану в России должна была произойти либеральная революция, которая в тех условиях неизбежно хоронила Россию как государство.

Но после либеральной в России неожиданно произошла социалистическая революция. К власти пришли большевики. В ответ Англия, Франция, США и еще 14 государств прибегли к интервенции и блокаде Советской России, принеся миллионы жертв. Но это не смутило Запад, ведь не непосредственно же их руками, да и на что не пойдешь ради святых принципов демократии. В очередной раз политес был соблюден, а вина списана на большевиков. Интервенция за-

кончилась отторжением от России западных провинций, установлением «санитарного кордона», политической и экономической изоляцией.

Если взглянуть еще глубже в историю, то окажется, что аналогии указывают на вполне закономерные тенденции: не успел Александр I в 1815 г. войти в Париж, как освобожденная русской армией Франция, подписывает с союзниками России — Австрией и Англией секретный союз против России, к нему сразу присоединились Бавария, Ганновер, Нидерланды*.

Кстати наполеоновские войны являются в этом случае весьма показательным примером. Можно начать с Тильзитского мира, по которому Россия пошла на значительные территориальные, политические и экономические уступки Наполеону (включая экономическую блокаду Великобритании и создание оборонительного союза «против любой европейской державы»). Александр I дал следующее объяснение Тильзитскому миру: «... *иметь возможность некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства и силы*». Уступая требованиям Наполеона, Россия в 1809 г. отвоевала у Швеции Финляндию. В 1810 г. началось перевооружение армии, укрепление западных границ России и создание военных поселений. Уже в 1811 г. Россия фактически девальвировала Тильзитский мир введением положения о нейтральной торговле и тем самым отказавшись от континентальной блокады Великобритании. На следующий год началась война «1812 года».

Но история Тильзитского мира началась еще раньше и была не менее поучительной. В 1803 г. началась война

* Формально конфликт касался поддержки Россией Пруссии в саксонском вопросе и нового раздела Польши. На деле Англия и Франция боролись не за Саксонию и Польшу, а против резкого усиления влияния России в послевоенной Европе.

Франции и Англии. В 1804 г. Наполеон подготовил армию вторжения. Англия срочно стала искать союзников на континенте. И скоро нашла, в 1805 г. был подписан англо-русский договор направленный против Наполеона. Британский парламент вотировал 5 млн. фунтов на военное пособие континентальным державам. Наполеон получает известие что русские армии двинулись на соединение с австрийскими. О высадке в Британии пришлось забыть. Огромная армия вторжения из Булонского лагеря за три недели была перебросена на Дунай. Наполеон разбил русско-австрийскую армию, финалом стало Аустерлицкое сражение. Потерпев поражение, Австрия подписала с Францией Прессбургский мир. По нему русские войска должны были покинуть территорию Австрии. После этого Англия и Швеция вышли из коалиции с Россией и отозвали свои войска. В 1806 г. началась прусско-французская война, где русские войска пришли на помощь Пруссии, и снова очередная коалиция была разбита. В этой кампании потери русской армии составили десятки тысяч человек, только в одной битве под Фрисландом более 25 тысяч. В начале 1806 г. Александр I обратился к Англии с просьбой о займе на военные нужды, но получил отказ. Оставшись один на один с армией Наполеона, Александр I летом 1807 г. подписал Тильзитский мир.

Правда, в отличие от наполеоновских войн и Первой мировой в истории с Пактом 1939 г. был еще один участник, который хоть и не принимал в нем непосредственного участия, однако именно он был призван искупить все грехи Англии и Франции. *Да, толкали Гитлера на Восток, да, попустительствовали войне, но это ж ради святого дела ... для защиты демократии и цивилизации от мировой революции, от большевизма.*

Факелом, призванным зажечь огонь мировой революции являлся — Коминтерн.

Коминтерн

Коминтерн — III Интернационал был создан в 1919 г. как международное объединение рабочих партий. Основной целью создания Коминтерна была консолидация рабочих движений в борьбе против интервенции Англии, Франции, США, Польши... в Советскую Россию. Манифест Коммунистического интернационала провозглашал: «Рабочие массы всех стран должны потребовать от своих правительств искреннего отказа от всякой прямой или косвенной интервенции в дела Советской России»¹¹⁶³. В 1920 г. в связи с очередной активизацией интервенции; с заключением Версальского договора, который, по мнению коммунистов, неизбежно вел к новой империалистической войне, а также в связи с кровавым подавлением коммунистических движений в Европе*, политика Коминтерна приобрела более радикальный характер. Руководители интернационала констатировали: «Классовая борьба почти во всех странах Европы и Америки вступает в фазу гражданской войны». Коминтерн объявил «решительную борьбу всему буржуазному миру и всем желтым социал-демократическим партиям...» и стал революционной коммунистической международной организацией, подчинявшейся жесткой дисциплине**.

* «Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Объединение венгерских коммунистов с так называемыми «левыми» социал-демократами дорого стоило венгерскому пролетариату». (Условия приема в Коммунистический интернационал 30 июля 1920 г.)

** «без революционного низвержения капитализма никакие международные третейские суды, никакие договоры об уменьшении вооружений, никакая «демократическая» реорганизация Лиги народов не спасут человечество от новых империалистических войн». «коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной». (Условия приема в Коммунистический интернационал, 30 июля 1920 г.)

Окончание интервенции в Россию, провозглашение В. Лениным новой доктрины «мирного сосуществования стран с различным общественно-социальным строем», поражение на выборах прокоммунистических партий в странах Запада ослабили актуальность деятельности Коминтерна. Тем не менее его последователи даже в период расцвета советско-германских экономических отношений готовили революцию в Германии. По словам Ш. Радо, план был таков: поднять вооруженные отряды одновременно на севере — в Гамбурге и в Средней Германии — в Лейпциге и Галле, а после наступать на Берлин. Перспективы «германской революции 1923 г.», как ее называл Троцкий, Сталин оценивал прохладно. В августе 1923-го он писал Зиновьеву и Бухарину: «Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без социал-демократов, созрели ли они уже для этого, — в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у германских коммунистов нет. Конечно, они имеют по соседству Советскую страну, но что мы можем дать им в данный момент?»¹¹⁶⁴

Однако Коминтерн, родившийся в огне интервенции, уже стал вполне самостоятельной леворадикальной политической силой. И на V конгрессе Коминтерна в 1924 г. победила позиция Зиновьева, в соответствии с которой рабоче-крестьянское правительство могло быть только советским и только диктатурой пролетариата¹¹⁶⁵. При этом, по словам А. Нена рокова, наблюдавшие Г. Зиновьева в качестве предводителя Коминтерна отмечали, что тот «говорил таким тоном «владыки мира», каким никогда не говорили еще никакие монархи на свете». Очевидно не случайно в 1926 г. Зиновьев был освобожден от должности председателя ИККИ*, однако это не привело к коренному изменению политики Коминтерна.

* Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

Советское руководство, оставаясь верным принципам международной солидарности трудящихся, считало своим долгом поддержку компартий в других странах. Впрочем, в этом оно мало в чем отличалось от демократических стран Запада, которые вполне открыто поддерживали своих сторонников во всех странах мира и не только деньгами, пропагандой, но и блокадой, оружием, а то и прямой интервенцией. Так, например, Ллойд Джордж во время Генуэзской конференции, в ответ на требования компенсаций за интервенцию в Россию, заявлял Г. Чичерину: *«Если у соседа раздор между двумя партиями, мы поддерживаем ту из них, которая идет с нами, и отказываемся от возмещения ущербов другой партии»*¹¹⁶⁶.

Однако Сталину, пытавшемуся упрочить экономические и политические отношения с Западом, активность Коминтерна порой вставала поперек дороги. Так, в 1927 г. Чичерин сообщал из Франкфурта: *«Компартии относятся самым легкомысленным образом к существованию СССР, как будто он им не нужен. Теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде всего в Берлине, ИККИ не находит ничего лучшего, как срывать нашу работу выпадами против Германии, портящими все окончательно»*¹¹⁶⁷. Великая депрессия 1929 г. привела к радикализации политической борьбы в странах Европы, что вызвало новый всплеск беспокойства Чичерина. В письме Молотову он отмечал: *«Меня крайне волнует гибельное руководство Коминтерна, стремление Москвы во что бы то ни стало испортить в угоду Тельману отношения с Германией»*¹¹⁶⁸.

В том же году Чичерин обращал внимание Сталина на то, что: *«ложная информация из Китая привела к нашим колоссальным ошибкам 1927 г... Механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы (троцкистов. — С.К.)... этого факта не изменили... Нет хуже несоответствия между тактикой и существующими силами... Французские коммунальные выборы — топтанье на месте.*

В Англии из 22 миллионов поданных голосов оказалось коммунистических 50 тысяч... Германская компартия сократилась с 500 тысяч до 100 тысяч. И этому надо принести в жертву... факт создания СССР, подрывать его положение, ежедневно портить отношения с Германией и врать об ее переориентировке, чтобы дать немножко больше агитационного материала т. Тельману?»¹¹⁶⁹. По мнению А. Некрича, Сталина не надо было уговаривать, ««разменять» Коминтерн ради соглашения с западными государствами, партнерами СССР, он (Сталин) был готов всегда»¹¹⁷⁰.

В 1930 г. Чичерин замечал: «Из наших, по известному шутливому выражению, «внутренних врагов» первый — Коминтерн. До 1929 г. неприятностей с ним хоть и было много, но удавалось положение улаживать. С 1929 г. положение стало совершенно невыносимым, это смерть внешней политики...»¹¹⁷¹. При этом современные исследователи отмечают, что: «Политбюро справедливо опасалось, что разговоры о восстании в Европе на фоне начавшейся «Великой депрессии» спровоцируют ответную реакцию англо-французских «империалистов», для которых антисоветская интервенция может показаться привлекательным способом выхода из экономического кризиса»¹¹⁷². Действительно, в декабре 1929 г. во Франции Эрбети пугал Бриана советской угрозой: «в экономическом отношении СССР готовится расшатать иностранные рынки с помощью непреодолимого демпинга, который породит безработицу и облегчит революционную пропаганду...»¹¹⁷³. Франция ввела ограничения на советский экспорт в конце 1930 г.¹¹⁷⁴. Примечательно, что первой в послевоенной Европе, путем ослабления франка, стала демпинговать именно Франция. А в 1929 г. рынки расшатал не советский демпинг, а Великая Депрессия, обрушившая мировую торговлю*.

* Советский экспорт в 1929 г. составлял доли процента от мирового экспорта или 2% от совокупного экспорта пятерки лидеров — США, Англии, Франции, Германии и Японии.

С наступлением Великой Депрессии в Германии произошел взрывной рост популярности фашистской партии. На выборах 1930 г. количество голосов, поданных за НСДАП, выросло почти в 7 раз по сравнению с 1928 г., а к июлю 1932 г. — в 14 раз. НСДАП стала ведущей партией Германии. Лидер Коммунистической партии Германии (КПГ) Э. Тельман в 1930 г. заявлял: «В Германии мы стоим перед выбором. Один путь, на который вступила буржуазия, — это путь фашизма, установление открытой фашистской диктатуры. Другой путь, который предлагаем мы, коммунисты, — это путь к истинной свободе, к победе диктатуры пролетариата». Однако в ответ на призыв коммунистов доля поданных за них голосов к июльским выборам в Германии 1932 г. выросла всего в полтора раза. Надежда оставалась на социал-демократов, которые хоть и теряли популярность, но в 1930 г. еще являлись крупнейшей партией Германии.

Несмотря на то что коммунисты и социал-демократы представляли собой левый спектр политических сил, накаленность отношений между ними была во много раз сильнее, чем между социал-демократами и умеренными правыми. Стена недоверия между партиями возникла не вчера. Коммунисты и социал-демократы стояли по разные стороны баррикад, начиная с гражданской войны в России. Именно социал-демократы стали основной силой, подавлявшей коммунистические революции в Германии и Венгрии в 1919 г. В 1922 г. попустительство социал-демократов способствовало приходу к власти Муссолини, за что социал-демократы в советской прессе получили прозвище «социал-фашистов». А в 1924 г. определение Г. Зиновьева: «Фашисты — это правая рука, социал-демократы — левая рука буржуазии»¹¹⁷⁵. В 1925 г. единственной крупной политической группой, которая, по словам Луначарского, «восхищалась перспективами Локарно и продолжала свою политику злобного брюзжания против Советов», были... германские социал-демократы¹¹⁷⁶.

В соответствии с прогнозом Коминтерна о неизбежно скором кризисе капитализма, в тезисах Н. Бухарина на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) утверждалось, что у буржуазии осталось два пути из нараставшего кризиса — использование социал-демократии или установление прямой фашистской диктатуры¹¹⁷⁷. События развивались в полном соответствии с прогнозами Коминтерна. Впрочем, по вопросам сотрудничества с социал-демократами в его рядах настроения были далеки от полного единства. Так, К. Макдермот и Д. Агню полагают, что в Москве, в то время шла «упорная борьба между осторожными «новаторами» во главе с Димитровым, Мануильским и Куусиненом, с одной стороны, и непримиримыми «фундаменталистами», сплотившимися вокруг Пятницкого, Куна, Лозовского и Кнорина, — с другой»¹¹⁷⁸.

На практике КПГ неоднократно призывала лидеров СДПГ к совместной борьбе против фашистской угрозы, но последние неизменно категорически отвергали их¹¹⁷⁹. Так во время предвыборной президентской кампании 1932 г. Э. Тельман призывал «устранить ту стену, которая стоит между социал-демократами и коммунистическими рабочими»¹¹⁸⁰. Но руководство СДПГ в очередной раз отклонило предложение. В свою очередь, сами лидеры СДПГ оказались не способны предложить какую-либо внятную платформу для сотрудничества. Социал-демократы в 1930 г. были правящей партией, и они потерпели поражение, поскольку им просто нечего было предложить, для вывода страны из кризиса. С этого времени социал-демократы, несмотря на то что они оставались ведущей партией Германии, фактически самоустранились от власти, последовательно сдавая свои позиции.

«Стена недоверия» между партиями закачалась после прихода Гитлера к власти. 19 февраля 1933 г. бюро Рабочего социалистического интернационала (РСИ) приняло резолюцию, обращенную к Коминтерну: «Важно связать борьбу против фашизма с борьбой против угрозы новой войны, с борьбой против капитализма, за завоевание власти рабо-

чим классом, за социализм»¹¹⁸¹. Коминтерн сделал ответный шаг 5 марта 1933 г.: «Сделать еще одну попытку установления единого рабочего фронта совместно с социал-демократическими рабочими массами при посредничестве социал-демократических партий»¹¹⁸². Происходившие изменения наглядно демонстрировала смена в настроениях будущего генерального секретаря Коминтерна Г. Димитрова.

В декабре 1933 г. на Лейпцигском процессе он заявлял: «...кто не хочет быть наковальной, тот должен быть молотом! Эту истину германский рабочий класс в целом не понял ни в 1918, ни в 1923 годах, ни 20 июля 1932 года, ни в январе 1933 года. Виноваты в этом социал-демократические вожди...»¹¹⁸³. А уже в феврале-апреле-июле 1934 г. в диалоге со Сталиным Димитров настаивает на сотрудничестве с социал-демократами. Димитров: «...почему в решительный момент миллионные массы идут не с нами, а с социал-демократией или, скажем, как в Германии, с национал-социализмом?» Димитров полагал, что главная причина кроется в огульной классификации социал-демократии, как «социал-фашизма», как «главной социальной опоры буржуазии», как «главной опасности» и в «неправильном подходе к европейским рабочим». Сталин в ответ подтвердил справедливость коминтерновских лозунгов, причина же того, что компарии не могут завоевать на свою сторону большинство европейских рабочих, по его мнению, вытекала из исторических предпосылок, приведших к связи европейских рабочих масс с буржуазной демократией¹¹⁸⁴.

Несмотря на скептицизм в отношении социал-демократов, Сталин попытался использовать последний шанс в борьбе против фашизма. Поворот в стратегии Коминтерна был закреплен на первом и последнем с 1928 г., конгрессе собравшемся в 1935 г. Ключевым стал доклад Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма». Димитров заявил, что *в новых условиях настала пора*

коммунистам защищать буржуазную демократию: «Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»¹¹⁸⁵. Изменение политики Коминтерна дало основание французскому поверенному в делах в Москве Ж. Пайяру в своем отчете в 1935 г. утверждать, что советское правительство вовсе не заинтересовано в мировой революции, а Коминтерн находится на последнем издыхании¹¹⁸⁶. Новая политика Коминтерна стала базой для поддержки объединенных с социал-демократами «Народных фронтов» в странах Европы. В итоге в 1936 г. один из лидеров Социалистического интернационала О.Бауэр заявил коммунисту Э.Фишеру: «Союз демократических рабочих партий с Советским Союзом не только стал возможным, он исторически необходим»¹¹⁸⁷.

Переориентация политики Коминтерна привела к его расколу и объединению крайне левых, сторонников Троцкого, боровшихся за «мировую революцию», в свой — IV Интернационал. Особенно ярко конфликт между двумя коммунистическими течениями проявился в Испании, где, по словам Дж. Оруэлла, сражавшегося в троцкистском подразделении ПОУМ, речь «шла о борьбе за власть между Коминтерном и испанскими левыми (троцкистскими) партиями, а также о стремлениях русского правительства не допустить настоящей революции в Испании»¹¹⁸⁸. В СССР в те же годы начались массовые сталинские репрессии против троцкистов и сторонников «мировой революции».

Фактическая поддержка Англией и Францией фашизма в Испании и последовавший Мюнхенский стговор привели к новой радикализации политики Коминтерна. Ж. Пайяр в ноябре 1938 г. высказал сожаление о манифесте Коминтерна, призывавшем к свержению французского и британского правительств, и вручил его текст Литвинову. Нарком прочел бумагу и предложил исправить в ней ошибку: манифесту следовало призывать к свержению «правительств предатель-

ства и измены». «Я заметил Пайяру, — писал Литвинов — что если правительства Чемберлена и Даладые идентифицируют себя с данной в манифесте характеристикой, то они могут быть в претензии на Коминтерн. Мы, однако, за Коминтерн не отвечаем»¹¹⁸⁹.

В 1939 г. СССР сам заключил пакт с Германией, что означало коренное изменение политики Советской России по отношению к фашизму и требовало соответствующего объяснения. И 22 августа, накануне подписания пакта, Исполком Коминтерна выступил с заявлением, в котором говорилось, что пакт о ненападении... действует в защиту всеобщего мира... Этим СССР срывает планы буржуазных, реакционных кругов... стремящихся направить агрессию против страны социализма... СССР разъединяет агрессоров, освобождает себе руки против агрессии Японии и в деле помощи китайскому народу. Наконец, переговоры с Германией могут понудить правительства Англии и Франции перейти от пустых разговоров к скорейшему заключению пакта с СССР. Заявление заканчивалось указанием «на необходимость продолжать с еще большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма».

Эта линия Исполкома Коминтерна была активно поддержана коммунистическими партиями стран Запада. После нападения Германии на Польшу компартии Франции, Англии, США, Бельгии, Голландии, Дании, Швейцарии поддержали объявление Англией и Францией войны Германии. Особенно важное значение имела позиция влиятельной Французской компартии. Парламентская группа ФКП голосовала за военные кредиты и заявила о «непоколебимой решимости всех коммунистов стать в первые ряды сопротивления агрессии гитлеровского фашизма». Часть членов руководства ФКП, включая Мориса Тореза, вступила в ряды французской армии¹¹⁹⁰.

Однако правительства Англии и Франции не спешили как вступить в войну, так и заключать пакт с СССР. Наоборот,

на Западе началась «странная война». В соответствии с этим изменилось и отношение Сталина к политике Коминтерна. Новый курс Сталин озвучил в беседе с Г. Димитровым 7 сентября: **«Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром!** Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались... Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл. **Война вызвала коренной перелом...** Стоять сегодня на позиции вчерашнего дня (единый народный фронт, единство наций) — значит скатываться на позиции буржуазии. Этот лозунг снимается... Надо сказать рабочему классу: война идет за господство над миром; воюют хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы. Эта война ничего не даст рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений. Надо выступить решительно против войны и ее виновников. Надо разоблачать нейтралитет буржуазных нейтральных стран, которые, выступая за нейтралитет у себя, поддерживают войну в других странах в целях наживы»¹¹⁹¹.

Уже 9 сентября Исполком Коминтерна, полностью поддержав сталинские установки, выступил с новым заявлением о политике и тактике коммунистических партий в связи с войной. С этого времени термин «фашизм» практически исчез из пропагандистского арсенала СССР. За ним последовало и международное коммунистическое движение. Правда, столь кардинальная перемена фронта вызвала немалые трудности. В особенно тяжелом положении оказалась Французская компартия. Коммунистов нередко обвиняли в те дни в пособничестве фашистской Германии. Как вспоминал член политбюро ЦК ФКП А. Раметт, «коммунистов оскорбляли на улице, на заводах... Это были страшные дни изо-

ляции. Мы не могли даже выступить, нас больше не слушали»¹¹⁹². Когда «Коминтерн в Москве объявил, что берет новую линию на мир, против «империалистической» войны, британская коммунистическая партия потеряла половину своих членов в Лондоне»¹¹⁹³.

«Советский поворот «кругом», — отмечает М. Карлей, — изменил все. До августа 1939 года Советский Союз был для многих надежным оплотом в борьбе с нацизмом, своеобразным политическим островом. Пусть небольшим островком, омываемым реками крови от сталинских чисток, но все же куском твердой почвы. Когда Молотов подписал пакт о ненападении, этот остров погрузился в пучину. Международному коммунизму был нанесен жестокий удар, многие коммунисты, разочаровавшись, выходили из своих партий. Советский Союз протянул руку фашистам. Это не укладывалось в сознании. Во Франции и Британии антикоммунистическая говорильня, немного поутихшая весной и летом в связи с переговорами в Москве, возобновилась с новой силой. В конце августа французское правительство запретило коммунистическую «L'Humanite», а в следующем месяце объявило французскую компартию вне закона и арестовало депутатов-коммунистов. Начался антикоммунистический разгул. Если кто-нибудь имел неосторожность слишком громко произнести в местном кафе «Vivent les Soviets», беднягу тут же заключали на восемнадцать месяцев в тюрьму, ferme — без прав досрочного освобождения»¹¹⁹⁴.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

К концу книги мы наконец-то подошли к ее началу. Затянувшееся вступление служило цели лишь введения в тему. Наступило время перейти к тому, ради чего, собственно говоря писалась книга — почему же началась эта война, унесшая 55 миллионов жизней? О Второй мировой написаны тысячи книг, но среди них навряд ли можно найти десяток, посвященных этому вопросу. Лишь отдельные ссылки. Например, Фуллер главную причину Второй мировой войны видел в движении «через паровые двигатели и биржи к инстинктам первобытного человека»... В. Суворов (Резун) вообще утверждает, что: «Историки так никогда и не объяснили, почему же Гитлер напал на Сталина»...

Наиболее популярным и избитым, как у западных, так и у современных российских «историков», ответом на этот вопрос является тема двух диктаторов, один из которых стремился к мировому господству, другой — к мировой революции. Например, уже Геббельс находил главную причину войны в том, что «Россия изо всех сил стремится к мировой революции»¹¹⁹⁵. Французский сенатор А. де Жувенель публично заявлял в январе 1932 г., что советская пятилетка — это подготовка к агрессивной наступательной войне¹¹⁹⁶. Именно эту установку для пропаганды войны против России дал Гитлер Геббельсу 8 июля 1941 г.: Советский Союз изготовился всеми своими вооруженными силами напасть на Германию, отра-

жая; занесенный над фатерляндом удар, фюрер в последний момент опережая врага, отдал приказ немецким вооруженным силам уничтожить военную силу врага¹¹⁹⁷. Этой теме посвящены сотни, если не тысячи книг. Примером такого подхода, например, является классическая книга А. Буллока или творчество одного из апостолов перестройки 1990-х, А. Яковлева.

Подход был не нов. Так, Папен заявлял, что «Германия вступила в Первую мировую войну, что-бы помочь своему союзнику Австро-Венгрии в борьбе против славянской агрессии»¹¹⁹⁸. Папен утверждал: «Россия намеревалась начать войну»¹¹⁹⁹. Аналогичного мнения был и Мольтке: «Все это устроила Россия, и, надо признать, очень ловко»¹²⁰⁰. Начальник генштаба Австро-Венгрии К. фон Гетцендорф накануне Первой мировой указывал «на неизбежность войны с Россией как следствие ее агрессивной панславянской политики». «Тогдашняя ситуация весьма похожа на сегодняшнюю, — отмечал Папен. — В наше время очень многие уверены, что цели мирового коммунизма могут быть достигнуты исключительно военным путем, а потому конфликт неминуем»¹²⁰¹.

Таким образом, не имело значения, ради чего Россия рвалась завоевать Европу, — ради торжества панславянизма или коммунизма. Гитлер вообще устанавливал между ними прямую наследственную связь: «Сталин претендует на то, чтобы быть провозвестником большевистской революции. На самом же деле он отождествляет себя с Россией царей и просто-напросто возрождает традицию панславизма. Для него большевизм лишь средство, род ловушки, предназначенной для обмана германских и латинских народов»¹²⁰².

У. Черчилль находил еще более глубокие причины возникновения Второй мировой: «Над широкими равнинами Восточной и Центральной Европы с их многочисленными новыми и высоконационалистическими государствами еще витают оскорбленные тени Петра I и Фридриха Великого, и память тех войн, которые они вели, еще жива. Россия, сама

превратившая себя в изгоя среди народов, точит штыки во мраке арктической ночи и механически провозглашает вновь и вновь философию ненависти и смерти...»¹²⁰³. Для главного идеолога Третьего рейха А. Розенберга на первый план вообще выступали расовые особенности: «У русских всегда дремало стремление к безграничному распространению, необузданная воля к разрушению всех форм жизни, ощущаемых лишь как голое ограничение. Смешанная монгольская кровь, даже сильно разбавленная, вскипала еще при всяком потрясении русской жизни и увлекала людей на дела, зачастую непонятные даже самому участнику»¹²⁰⁴.

Угроза с Востока. Папен начинал ее с татаромонгольского нашествия; Черчилль — с Петра I, «прорубившего окно» в Европу; Вильгельм II и Дизраэли — с освободительных походов русской армии в 1870-х годов, против Турции. К. Мяло считает, что история вообще началась парой тысячелетий раньше — с Геродота, «... Ибо именно Геродотом были впервые нарисованы впечатляющие картины варварских скифских пространств... Именно у Геродота... получил пластическое воплощение, оставшись своего рода вечным эталоном, комплекс Европы перед лицом «Азии», как угрожающий самим ее (Европы) основаниям...»¹²⁰⁵

Реальное подтверждение своим страхам Европа получила во время татаро-монгольского нашествия. Об этом пестрят западноевропейские летописи 1241 — 1242 г.г.: «некое племя жесткое бесчисленное, незаконное и свирепое, вторглось в соседние с нами пределы...», «...они превосходят всех людей жадностью злобой, хитростью и бессердечием... они убеждены, что только ради них одних все было создано... В случае поражения они не молят о пощаде, а побежденных не щадят. Они все как один человек настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству...», «... бесчисленные племена, ненавидимые прочими людьми, по необузданной злобе землю с ревом попирая, от востока до самых границ нашего владения подвергли всю землю полному

разорению, горда, крепости и даже муниципии разрушая... никого не щадя, всех равно без сострадания предавая смерти... Людей — они не поедают, но прямо пожирают... при виде этого племени все народы христианские обращаются в бегство»¹²⁰⁶.

С тех времен прошло более пяти веков, и А. де Кюстин отмечал: «Укрепление мощи москвитян принесло цивилизованному миру лишь страх нового вторжения да образец безжалостного и беспримерного деспотизма, подобные которому мы находим разве что в древней истории»¹²⁰⁷. Этот страх сквозил уже в середине XVI в. в словах о русских Р. Чанселлора, первого англичанина, прибывшего в Россию: «что можно будет сделать с этими воинами, если они обучатся и приобретут порядок и знания цивилизованной войны? Если этот государь имеет у себя в стране таких людей... я полагаю, что два лучших и величайших государя христианского мира будут не в состоянии соперничать с ним, учитывая его мощь, стойкость его народа и тяжелую жизнь... людей...»¹²⁰⁸

Впечатления А. де Кюстина от его посещения России в 1839 г. можно назвать обобщающим европейским мнением: «Из подобного общественного устройства проистекает столь мощная лихорадка зависти, столь неодолимый зуд честолюбия, что русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира. Я все время обращаюсь к этому намерению, ибо тот избыток жертв, на какие здесь обрекает общество человека, не может объясняться ничем иным, кроме подобной цели»¹²⁰⁹. ***«Мне представляется, что главное его предназначение — покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового нашествия; нам непрестанно угрожает извечная восточная тирания...»***¹²¹⁰ «В сердце русского народа кипит сильная, необузданная страсть к завоеваниям — одна из тех страстей, что вырастают лишь в душе угнетенных и питаются лишь всенародною бедой. Нация эта, захватническая от природы, алчная от перенесенных лишений, унижительным покорством у себя дома зара-

нее искупает свою мечту о тиранической власти над другими народами; ожидание славы и богатств отвлекает ее от переживаемого ею бесчестья; коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной вольности... Россия видит в Европе свою добычу, которая рано или поздно ей достанется вследствие наших раздоров»¹²¹¹.

В первой половине XIX в. «тема Русской угрозы обсуждалась на страницах французской печати ничуть не реже, чем необходимость союза с Россией. Россия имела в Европе репутацию «державы, захватнической по самой своей природе», — отмечал Меттерних в 1827 г.¹²¹². «Чего только не сможет предпринять государь-завоеватель, встав во главе этих отважных людей, которым не страшна никакая опасность? ... Кто сможет противостоять их напору», — писал Ancelot в 1838 г. «В 1830-е годы в республиканской и — отчасти — правительственной прессе общим местом стала мысль о том, что российский император готовит «крестовый поход» против западной цивилизации и намеревается принести на Запад «цивилизацию сабли и дубины» (по определению газеты «National»), что единственное призвание России — война и что «грубый, воинственный отсталый Север, движимый инстинктивной потребностью, обрушится всей своей мощью на цивилизованный мир и навяжет ему свои законы» — *Revue du Nord*, 1838 г. «Россию изображали «Дамокловым мечом, подвешенным над головами всех европейских государей, нацией варваров, готовых покорить и поглотить половину земного шара»» — Wiegell¹²¹³. Призыв «не допустить до Европы дикие орды с Севера... Защитить права европейских народов» звучал в 1830 г. в манифесте польского сейма¹²¹⁴.

Не случайно западные историки XIX века, отмечает С. Кара-Мурза, назвали Карла I, «очистившего» Центральную Европу от славян, главной фигурой истории Запада — выше Цезаря и Александра Македонского и даже выше христианс-

ких героев. Когда Наполеон готовил поход на Россию, его называли «воскресшим Карлом». В 30-40-е годы XIX века в Европе считали неизбежным «крестовый поход» Запада против «восточного тирана»¹²¹⁵.

А. Пушкин в те годы писал:

Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага
И ненавидите вы нас...

В 1830 г. Пушкин утверждал: «озлобленная Европа покамест нападает на Россию не оружием, но ежедневно бешеной клеветой»¹²¹⁶. То же восприятие Европы сквозит в строках Ф. Тютчева:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас насилье и обман...
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян...

Не пройдет и века, когда клеветы уже покажется недостаточно. К началу XX века европейцы уже пару столетий пугали друг друга угрозой с Востока, а русские все никак не шли и не шли. Однако угроза с Востока верно служила оправданием любого насилия, агрессии (экономической, военной, политической...) Запада против России. Все, кто громче всего кричал об угрозе — Черчилль, Клемансо, Чемберлен, Папен, Вильгельм II, Пилсудский, Гитлер и т.д. — были и главными идеологами, и организаторами всех агрессивных войн против России. Любая война должна получить легитимность по крайней мере в глазах своего народа. Так, «в

1866 и даже в 1870 годах князь Бисмарк сумел добиться того, что клеймо инициатора войны оказалось припечатанным к его противникам. В этом мире важно не быть, а казаться. Еще греки это знали: образы, представления, а не реалии правят миром», — писал Бюлов в своих мемуарах¹²¹⁷. Следуя этому принципу, накануне Первой мировой Бетман утверждал: «Настоятельной необходимостью является, чтобы ответственность за возможное распространение конфликта на непосредственно заинтересованные державы пала при всех обстоятельствах на Россию...»¹²¹⁸. Для Вильгельма II, отмечает Макдоно, свалить все на русского царя стало политическим императивом¹²¹⁹. После Первой мировой на смену славянской угрозе пришла новая угроза — «мировой революции», вся вина при всех обстоятельствах должна была пасть на Сталина и большевиков.

Однако даже диктаторам, для того чтобы развязать тотальную войну, необходимо убедить в ее моральной оправданности и целесообразности большинство населения или по крайней мере его активную часть. Мало того, война всегда сопряжена с жестокими тяготами и риском для жизни каждого человека. Большинство населения СССР и Германии к 1941 г. знало об этом не понаслышке, оно уже пережило ужас, кровь и страдания Первой мировой войны. И «историки» хотят убедить нынешние поколения в том, что двум диктаторам пропагандой и силой удалось «убедить» большинство народов своих стран ввергнуться в новую самоистребительную войну ради каких-то призрачных идей. В этом случае необходимо признать патологическими преступниками и умственно-неполноценными либо подавляющее большинство из тех 250 млн. русских и немцев, либо тех «историков», которые выносят подобный диагноз.

Тема Гитлера и Сталина является не более чем мифом, удобным мифом. Благодаря массовой рекламе и пропаганде миф приобретает популярность и скоро уже сам воспринимается как правда. Но зачем нужен миф? Испанский фило-

соф Мигуэль де Унамуну отвечая на этот вопрос, писал: «Облик правды — грозен, народ нуждается в мифах, в иллюзиях, в том, чтобы его обманывали. Правда — нечто страшное, невыносимое, смертельное»... **И здесь начинается самая тяжелая часть нашего исследования** — поиск истинных причин Второй мировой. Поскольку книга посвящена в первую очередь России, то является логичным и оправданным начать именно с нее:

* * *

П. Чаадаев с горечью писал в 1828 г.: «Мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих»¹²²⁰. В 1837 г. он повторял: **«Не отталкивайте истины, не воображайте, что вы жили жизнью народов исторических, когда на самом деле, похороненные в вашей необъятной гробнице, вы жили только жизнью ископаемых»**¹²²¹. «Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды, мы не дали себе труда ничего создать в области воображения...»¹²²²

Непосредственно «вслед за этим Достоевский ставит уже, так сказать, практический вопрос, который, — по словам В. Кожина, — Чаадаева еще не мог по-настоящему волновать: **«Мы всего более боимся, что Европа не поймет нас, и по-прежнему, по-всегдашнему встретит нас высокомерием... Основной, главной идеи нашей... она долго, слишком долго еще не поймет. Ей надо фактов теперь понятных, понятных на ее теперешний взгляд. Она спросит нас: «Где ваша цивилизация? Усматривается ли строй экономических сил ваших в том хаосе, который видим мы все у вас?»**»¹²²³

Ф. Достоевский в 1875 г. предсказывал из Германии: «в Европе собирается нечто, как бы уж неминуемое. Вопрос о Востоке растет, подымается, как волны прилива, и действительно, может кончиться тем, что захватит все, так, что уж никакое миролюбие, никакое благоразумие, никакое твердое решение не зажигать войны не устоит против напора обстоятельств»¹²²⁴.

Салтыков-Щедрин в 1881 г., после посещения Германии, в своей книге «За рубежом» образно описал свои ощущения в разговоре «мальчика в штанах» (немца) и «мальчика без штанов» (русского). Разговор этот начался с того, пишет автор, что в нем «русский был напорист, а немец — доказателен. В конце же его «мальчик в штанах» сказал: мы, немцы, имеем старинную культуру, у нас есть солидная наука, блестящая литература, свободные учреждения, а вы делаете вид, как будто все это вам не в диковицу. У вас ничего подобного нет, даже хлеба у вас нет, — а когда я, от имени немцев, предлагаю вам свои услуги, вы отвечаете мне: выкуси! Берегитесь, русский мальчик! Это с вашей стороны высокоумие, которое положительно ничем не оправдывается!

На что «мальчик без штанов» отвечал: а надоели вы нам, немцы, — вот что! Взяли в полон, да и держите... *Только жадность у вас первого сорта, и так как вы эту жадность произвольно смешали с правом, то и думаете, что вам предстоит слопать мир...* Все вас боятся, никто от вас ничего не ждет, кроме подвоха. Есть же какая-нибудь этому причина!

— *Разумеется, от необразованности. Необразованный человек — все равно, что низший организм, а чего же ждать от низших организмов!*»¹²²⁵

Слова М. Меньшикова, написанные в 1900 г., звучали для России набатным колоколом: «Германия и Англия — вот на рубеже XX века торжествующие народности, не только вожди, но и истребители человечества. *Наш славянский мир, как и латинский, позади этих хищных рас... Мы не-*

удержимо отстаем в развитии народной энергии и постепенно стягиваемся в сеть англо-германского захвата. Россия еще страшна своей государственной силой... но видимо на всех мировых поприщах уступает белокурому соседу»¹²²⁶.

С. Витте в те годы буквально кричал: «Для блага России, отсталой сравнительно с Западом, прежде всего необходим подъем ее производительных сил. Для этого всего больше нужно развитие ее обрабатывающей промышленности и транспорта», **«Создание своей собственной промышленности — это есть коренная не только экономическая, но и политическая задача»**, для России, — продолжал Витте, — **необходимо прежде всего ускорить темпы «индустриализации»**, «В мире ничего не дается даром, и, чтобы создать свою промышленность, страна должна нести известные жертвы, но эти жертвы временные и во всяком случае ниже... выгод»¹²²⁷.

В Европе тем временем созревали семена, засеянные почти век назад наиболее могучим выразителем западноевропейского самосознания — Гегелем. В своей «Философии истории» он констатировал: «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины, как бесконечного самоопределения свободы... **Германцы начали с того, что... покорили одряхлевшие и сгнившие внутри государства цивилизованных народов...**»¹²²⁸. В 1901 г. германский географ Ф. Ратцель, один из основателей «политической географии», выпустил работу «О законах пространственного роста государств», в которой привел практическое обоснование экспансии развитых государств в менее развитые. Он утверждал, что **«Изначальный импульс экспансии приходит извне, так как Государство провоцируется на расширение государством (или территорией) с явно низшей цивилизацией»**¹²²⁹. История человеческой цивилизации наглядно подтверждает выводы Ф. Ратцеля. Европейцы завоевывали ко-

лонии и порой поголовно уничтожали аборигенов, их не считали за людей, а только за «*низшие организмы*». Разве завоевание (освоение) Америки не служит наиболее наглядным примером тому? Мораль к тем временам была давно похоронена под мощным напором капитализма, с его лозунгом — морально все, что приносит прибыль. А право, возведенное в закон — закон уничтожения, порабощения туземцев, давалось правом цивилизации.

В конце XIX в. пангерманист В. Хен уже утверждал, что «русские — это китайцы Запада», их Души пропитал «вековой деспотизм», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить два и два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. *У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы*». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов»¹²³⁰.

Почему же отсталую Россию не постигла судьба индейской Америки, Индии, Китая или Африки? Ведь попытки покорить или по крайней мере потеснить от морей предпринимались европейцами неоднократно. Например, идея экспансии Германии на Восток и завоевания юга России до Кавказа была высказана еще в 40-е гг. XIX в. известным немецким политэкономом Ф. Листом в работе «Национальная система политической экономии». Начиная с 60-х гг. XIX в. немцы овладевают промышленностью Польши. Во времена О. Бисмарка с более детальным проектом выступил Гартман. В нем предлагалось расчленить Россию на отдельные королевства под протекторатом Германии — Балтийское, Киевское — и собственно Россию оттеснить за Днепр и Волгу.

Россию защищали суровый климат и необъятные пространства надежнее, чем Атлантический океан индейскую Америку. О. Бисмарк, предупреждая от войны с Россией, говорил: «Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и ограниченностью потребностей...». Кроме этого, русские достаточно быстро перенимали опыт европейцев, имеющийся разрыв между ними не позволял получить абсолютного превосходства. Период начала колониальной экспансии в Европе, в России вызвал реформы Петра I: *«Петр... понял, что народ, оставший в цивилизации, технике и в культуре знания и сознания, — будет завоеван и поработан...»*, — писал И. Ильин»¹²³¹.

Поэтому не смотря на то, что Россия была слаба и отставала от Европы, война против нее не могла принести ощутимой выгоды, а ее эксплуатация и без того осуществлялась экономическим путем. Так, в период индустриализации Германии «экспорт из России в Пруссию возрос с 1861 по 1875 г. в 5 раз, из Германии в Россию поступало две пятых всего русского импорта. Германии до 90-х гг. XIX в. принадлежало до 60-65% ввоза в Россию чугунных отливок, до 50% — железа, 50% — инструментов, до 70% — сельскохозяйственных машин и т. п. Германия снабжала русское железнодорожное и промышленное строительство капиталом, реализуя и размещая на своих биржах облигации русских железнодорожных обществ, акции промышленных компаний, организовывала в России акционерные общества на свои капиталы. Облигации первых русских частных железных дорог были почти полностью реализованы на берлинском рынке. Первые русские акционерные коммерческие банки в значительной своей части были основаны при поддержке немецких банков (Частный коммерческий банк, Международный, Рижский и многие другие). *На Россию в Германии смотрели как на ближайшую, наиболее удобную полуколонию, на источник сырья, продовольствия, сбыта промышленной продукции,* — отмечает

Н. Обухов, — Германия ввозила свои капиталы в Россию, предпочитая систему «филиальных отделений», а не настоящий экспорт капитала, при котором он подвергался денационализации, а филиалы немецких фабрик и немецкие колонисты не были потеряны для Германии и оставались немцами.... До 1877 г. в Германии во многом еще царил принцип свободы торговли, но уже в 1879 г. новый тариф, который повысил таможенные ставки, прошел через рейхстаг. Он почти закрывал германский рынок для иностранной конкуренции во всех главных отраслях промышленности. С 80-х гг. началась экономическая борьба Германии с Англией»¹²³². Тогда же, в конце XIX в., Россия последней из великих стран Европы начала свой выход на путь прогресса.

В быстром усилении России и Германии Англия видела угрозу своему могуществу, и Великая империя прибегла к своей традиционной политике — в 1888 г. новый кайзер Фридрих III в первые дни своего правления заявил, что имеет целью начать *«крестовый поход против России»*¹²³³. Причина русофобии кайзера, по словам русского царя, заключалась в том, «что бедняга Фридрих... был просто орудием в руках своей супруги»*. По мнению Александра II речь шла об английском влиянии, причем очень сильном¹²³⁴.

Накануне Первой мировой полуфеодалная Россия по темпам промышленного роста опережала все европейские страны, врываясь в реальную конкуренцию с передовыми мировыми державами. Стремительно растущая Россия воспринималась как прямая угроза Европе и прежде всего отстающей в темпах развития Англии, но пока все еще самой Великой Державе. В 1907 г. П. Столыпин отмечал: «Англия больше всех ненавидит Россию и будет искренне радоваться, если... Россия не будет больше великим государством и распадется на целый ряд самостоятельных республик...»¹²³⁵.

* Дочери английской королевы Виктории.

Э. Хауз докладывал Вильсону в мае 1914 г.: «Англия не хотела бы совсем раздавить Германию, так как тогда она бы столкнулась бы один на один со своим старинным врагом, с Россией...»¹²³⁶. В разговоре с кайзером в июне 1914 г. Э. Хауз утверждал, что «Россия представляет наибольшую угрозу для Англии... Англии выгодно, что-бы Германия сдерживала Россию, Германия является барьером между Европой и славянами»¹²³⁷.

В самой Германии быстрое промышленное развитие России порождало страх. Ни Англия, ни Франция уже не могли конкурировать с Германией, последняя вытесняла даже США с ее собственных американских рынков. Э. Хауз в то время поддерживал мнение Бриана, который «считал, что, если бы теперь Германия не начала войны, она мирным способом завоевала бы весь мир...»¹²³⁸. Единственная страна, которая обгоняла Германию в темпах развития, была Россия. При этом в отличие от Германии у нее были неограниченные сырьевые ресурсы, время работало на Россию. И это виделось из Германии гораздо большей угрозой, чем война с Францией и Англией, да и со всей Европой, вместе взятой.

Германская элита откровенно паниковала. Генерал П. Рорбах в книгах «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика» утверждал: ***«Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности»***. Все немецкие канцлеры после Бисмарка — Л. Каприви, Б. Бюлов — считали Россию главной угрозой, нависавшей над Германией. А Бетман-Гольвег уже требовал превентивной войны: «...я надеюсь, несмотря на войну и даже именно благодаря войне, установить действительно дружественные, полные взаимного доверия, лояльные отношения с Англией, а через Англию и с Францией. ***Германо-англо-французская группировка была бы лучшей гарантией от тех опасностей, какими угрожает всей европейской цивилизации варварский русский колосс...***»¹²³⁹.

В 1911 г. генерал фон Бернарди в книге «Германия и следующая война» приходил к выводу: «Славяне становятся огромной силой...остановить их требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар». Он призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права»¹²⁴⁰.

Правительственная комиссия из Германии под руководством профессора Аугагена, посетившая в те годы Россию, пришла к выводу, что по завершении земельной реформы война с ней будет не под силу никакой державе¹²⁴¹. Министр иностранных дел Германии Г. фон Ягов в июле 1914 г. констатировал: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат... Наша же группа слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят еще на несколько лет покоя»¹²⁴².

Угроза с Востока воспринималась германской элитой именно как военная угроза. Однако военных планов у России в отношении Европы никогда не существовало. Ллойд Джордж, например, в 1915 г. писал: «Я вообще не знаю, чтобы Россия когда-либо затевала наступательную войну против кого-нибудь из своих европейских соседей... Она хотела мира, нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы ее оставили в покое. Она переживала начало значительного промышленного подъема, и ей нужен был мир, чтобы промышленность достигла полного расцвета... Что бы ни говорили о ее внутреннем управлении, Россия была миролюбивой нацией. Люди, стоявшие во главе управления ею, были проникнуты миролюбием»¹²⁴³.

Проблему германское руководство видело в том, что Россия выходила из статуса полуколонии. Что она становится самостоятельным конкурентоспособным государством.

Гитлер совершенно четко определял причины Первой мировой: «В Германии перед войной самым широким образом была распространена вера в то, что именно через торговую и колониальную политику удастся открыть Германии путь во все страны мира или даже просто завоевать весь мир...». Но в 1914 г. в России теория «мирного экономического проникновения» (экономической экспансии) потерпела поражение*, и для Германии оставался только один выход — «приобрести новые земли на Востоке Европы, люди знали, что этого нельзя сделать без борьбы»¹²⁴⁴.

А ведь это было только началом. Россия еще отставала в темпах роста экспорта от Германии, но это объяснялось наличием у нее собственного огромного внутреннего рынка сбыта, которого не имели ни Германия, ни Англия. Но Россия со своей промышленной продукцией уже стала выходить на внешние рынки, что было прямым вызовом Европе. С середины XIX в. российские промышленники и торговцы начинали теснить на Балканах и в Средней Азии Англию и Германию. Понимание ситуации давало восклицание Вильгельма II, сделанное в марте 1913 г.: «Я защищаю купца. Его враг — мой враг»¹²⁴⁵. Сбывалось пророчество А. де Кюстина, сказанное в 1839 г.: «Я... *предвижу серьезные политические следствия, какие может иметь для Европы желание русского народа перестать зависеть от промышленности других стран*»¹²⁴⁶.

По мнению Дж. Макдоно: «*Единственным фактором, толкнувшим Верховное командование немецкой армии на войну, была их «зацикленность» на идее, что рейху грозит упадок и гибель, если он не одержит победу в тотальной войне*»¹²⁴⁷. Бетман отмечал: «Кайзер ожидает войну, думает,

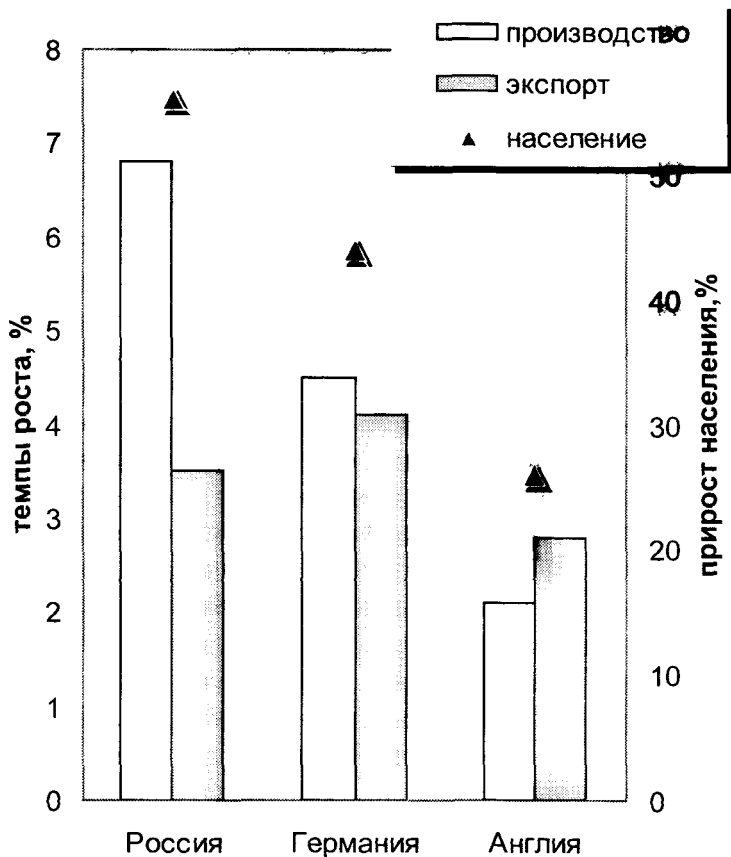
* В 1914 г. истек срок кабального торгового договора, который Вильгельм II навязал России во время русско-японской войны. Россия отказалась продлять договор. Немецкая экономическая экспансия уперлась в стену русских таможенных барьеров.

она все перевернет. *Пока все говорит о том, что будущее принадлежит России, она становится больше и сильнее, нависает над нами, как тяжелая туча*»¹²⁴⁸. М. Шелер утверждал, что единственной подлинной целью Германии является объединение всего континента против России. Запад должен понять, что только могущественная Германия, вставшая между Балтикой и Черным морем, может защитить его от растущей мощи России¹²⁴⁹. Автор книги «Гении войн» знал, о чем говорил. Темпы экономического роста России были впечатляющими. Вся Европа с ужасом наблюдала за стремительным ростом русского гиганта. Еще два-три десятилетия таких темпов развития — и Россия по численности населения и промышленному потенциалу должна была превзойти все великие европейские державы, вместе взятые*. Английский историк Дж. Сили в конце XIX в. писал: *«Если Соединенные Штаты и Россия продержатся еще полстолетия, то совершенно затмят такие старые государства, как Франция и Германия, и оттеснят их на задний план. То же самое случится с Англией, если она будет считаться только европейской державою...»*¹²⁵⁰.

Эти слова имели под собой веские основания. Темпы промышленного развития России на рубеже веков, несмотря на кризисы, войны и революции, были самыми высокими в Европе. И они все время увеличивались, после 1910 г. достигая 8—11% в год. Население России всего за 17 лет, с 1897 по 1914 гг., выросло почти на 50 млн. человек. (что было сопоставимо с численностью населения всей Германии)**.

* Это, конечно, идеалистическая оценка, но именно она не давала покоя Европе того времени. В XXI веке подобные настроения встречаются в России, когда она смотрит на стремительно растущий Китай.

** Нетрудно представить себе, как влиял только один этот факт на германских стратегов. Ведь согласно классическому труду Клаузевица «О войне»: «Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее значение...» (Клаузевиц К... с. 331)

Среднегодовые темпы роста промышленного производства и экспорта в 1870—1913 гг. в %¹²⁵¹.

Прирост численности населения за 1880—1910 гг., в %¹²⁵²

Быстрый экономический рост России обострял чувство страха неизвестности перед будущим деловой и политической элиты Германии до панического состояния. Он перевешивал даже страх перед возможностью военного поражения. В. Шубарт в этой связи замечал, что для Запада руководящим посылом является «принцип страха. Его назначение — лишить будущее ужаса неизвестности»¹²⁵³. А Бисмарк в свое время дал меткое определение превентивной войне против России: «*Самоубийство из-за страха смерти*»¹²⁵⁴.

Накануне обеих мировых войн, отмечал В. Шубарт, чувство страха в Европе и прежде всего в Германии доминировало над всеми остальными¹²⁵⁵. Аналогичные ощущения накануне Первой мировой передавал в своих воспоминаниях Э. Грэй: «Вместо чувства безопасности воцарилось увеличивающееся с каждым годом чувство страха... Таково было общее состояние Европы; подготовка к войне порождала страх, а страх предрасполагает к насилию и катастрофе»¹²⁵⁶. Э. Хауз в июне 1914 г. сообщал президенту: «Я нахожу, что Англия и Германия имеют одно общее чувство, и это чувство есть страх...»¹²⁵⁷.

* * *

Именно к этому периоду относятся слова Вильгельма II: «...я ни малейшим образом не сомневаюсь, что Россия систематически готовится к войне с нами, и сообразно с этим я веду свою политику». Дважды в той же надписи он повторяет: это «вопрос расы»¹²⁵⁸. Гинденбург: «Расовая ненависть является причиной антагонизма между Россией и нами»¹²⁵⁹. В основу расовой доктрины Вильгельма легли труды англичанина Х. Чемберлена. Последний утверждал, что Германия является «спасительницей человечества»; она должна хранить

себя от двух зол — «янкизированного англосаксонства и тараризированного славянства»¹²⁶⁰. Император Вильгельм ввел борьбу против «славизма» в общую программу своей мировой политики. Мы даже знаем, кто был посредником при усвоении этой не новой, но обновленной идеи. «В особенности приобрел мое доверие, — признает он, — *балтийский профессор Шиман*, автор работ по русской истории...»¹²⁶¹. По словам Д. Макдоно, *Шиман одарил Вильгельма изрядной долей «балтийского менталитета»*. Бюлов считал, что влияние Шимана на кайзера перешло разумные рамки¹²⁶².

Кайзер неоднократно заявлял: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами...»¹²⁶³. На знаменитом Военном совете 8 декабря 1912 г. начальник Генерального штаба граф фон Мольтке-младший потребовал довести до сознания страны «при помощи печати национальную заинтересованность в войне с Россией», и вполне в этом духе вскоре после того газета «Гамбургер Нахрихтен» потребовала неизбежной решающей борьбы с Востоком. Весь вопрос в том, подхватывала «Германия», кто будет властвовать в Европе — германцы или славяне¹²⁶⁴. В 1914 г. германская пресса кричала: «пора всех славян выкупать в грязной луже позора и бессилия» и о том, что грядущая война будет расовой, станет «последним сражением между славянами и германцами».

Восточная угроза со временем приобрела характер некоего ритуального заклинания. Так, в 1915 г., несмотря на то, что война с Россией уже шла, статс-секретарь иностранных дел фон Ягов снова убеждал императора и правительство: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой, как кошмар. Несмотря на влияние Западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за

ним, фундаментально византийско-восточная культура отделяет русских от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной по отношению к германо-латинским народам Запада»¹²⁶⁵.

Национализм легко находил отклик на Западе, играя на чувствах англичан и французов, которые относились к русским с откровенным пренебрежением. Так, например, французский посол в России Палеолог в 1915 г., писал: «По культурному развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные — это сливки человечества...»¹²⁶⁶. Русский военный агент во Франции граф Игнатъев в том же 1915 г. после разговора с Петэном пришел к выводу, что тот вообще «принимал нас за дикарей»¹²⁶⁷.

Английское общественное мнение, на протяжении столетий старательно обрабатываемое прессой, было далеко от симпатий к своему давнему сопернику. Б. Такман в этой связи приводила следующий пример: «В 1908 г. Эдуард, к неудовольствию своих подданных, нанес официальный визит русскому царю на императорской яхте в Ревеле. Англичане рассматривали Россию, как старого врага времен Крыма, а что касается последних лет — то как угрозу, нависшую над Индией. Либералы и лейбористы считали Россию страной кнута, погромов и казненных революционеров 1905 года, а царя, как заявил Рамсей Макдональд, — «обыкновенным убийцей»¹²⁶⁸. Министру иностранных дел Грею пришлось долго убеждать свою «передовую интеллигенцию», что Антанта между Россией, Францией и нами будет абсолютно безопасна. Уступая общественному мнению, английская дипломатия повернула дело так, что формально визита Эдуарда вроде и не было. Он прибыл не в Петербург, а в Ревель (Таллин),

со своей яхты не сходил, оставаясь на британской территории...»¹²⁶⁹. Постоянный подсекретарь британского МИДа А. Николсон заявлял в 1913 г.: «Для меня это такой кошмар, что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией».

Эти настроения не были секретом. Даже Керенский начинал в эмиграции свою рукопись «История России» словами: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали...»¹²⁷⁰. Об этом же еще в 1889 г. писал Р. Фадеев: «Несмотря на блеск нынешнего государственного положения России, мы все-таки чужие в Европе; она признает и будет признавать наши права настолько лишь, насколько мы действительно сильны. Кто этого не знает?»¹²⁷¹. Действительно, в момент бессилия России эти настроения проявились в полной мере. О времени интервенции англичан на Север России в 1919 г. командующий русскими войсками генерал В. Марушевский вспоминал: «Роулинсон принял нас как какой-нибудь вице-король принял бы негритянскую депутацию»¹²⁷². В. Игнатъев, член правительства Северной области, отмечал, что чины английского командования держали себя «крайне нагло, точно среди туземцев завоеванной колонии»¹²⁷³.

А. Деникин, находясь в Европе, не мог прийти в себя: «...непонимание роли России я встречал почти повсюду в широких общественных кругах, даже долгое время спустя после заключения мира, скитаясь по Европе. Карикатурным, но весьма характерным показателем его, служит мелкий эпизод: на знамени-хоругви, поднесенной маршалу Фошу «от американских друзей», изображены флаги всех государств, мелких земель и колоний, так или иначе входивших в орбиту Антанты в Великую войну; флаг России поставлен на... 46-е место, после Гаити, Уругвая и непосредственно за Сан-Марино...»¹²⁷⁴

Не смотря на стремительный предвоенный рост, Россия потерпела поражение в мировой войне. Революции и большевики стали его следствием. О причинах грядущих событий еще в мае 1914 г. на VIII съезде представителей промышленности и торговли в Петербурге говорил один из крупнейших промышленников России, П. Рябушинский, который призывал *«к скорейшей индустриализации народной жизни, ибо иначе Россия отстанет от мировых держав»*¹²⁷⁵. Спустя два года, накануне революции, осенью 1916 г., Рябушинский констатировал *«Обстоятельства войны, думаю бесповоротно утвердили во всей стране, начиная от бывшей фритредерской интеллигенции и кончая необразованными массами, сознание необходимости собственной промышленности»*¹²⁷⁶. М. Горький описывал царское наследие доставшее России, весной 1917 г.: *«Промышленность, техника — в зачаточном состоянии и вне прочной связи с наукой; наука — где то на задворках в темноте и под враждебным надзором чиновника...»*¹²⁷⁷. Горький приходил к выводу, что Германия была Россией своей *«культурой и прекрасной организацией»*.

В начале 1917 г. В. Шульгин писал: *«Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет — приговор правительству и его военному министру. Приговор всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей. То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи в нашей стране, теперь окупалось миллионами русских жизней. Мы не хотели и не могли быть «эддисонами», мы презирали материальную культуру. Гораздо*

веселее было создавать мировую литературу, трансцендентальный балет и анархические теории. Но за то пришла расплата. «Ты все пела... Так поди же попляши». И вот мы плясали «последнее танго» на гребне окопов, забитых трупами»¹²⁷⁸.

Действительно, помимо вполне объективных причин, тормозивших развитие России по сравнению с другими странами Европы, существовали и субъективные. На этот факт веком раньше обращал внимание П. Чаадаев: «Если бы орды варваров, потрясших мир, не прошли прежде нашествия на Запад по нашей стране, мы едва были бы главой для всемирной истории. Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера... *В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс...*»¹²⁷⁹. Прошло почти сто лет, и С. Витте в период российского промышленного бума! начала XX в. опять приходил к выводу: «*Вообще вопрос о значении промышленности в России еще не оценен и не понят*». Философ И. Ильин отмечал: «*Запад бил нас нашей отсталостью, а мы считали, что наша отсталость — есть нечто правильное, православное и священно-обязательное...*»¹²⁸⁰.

Может показаться, что техническое, промышленное отставание было частным случаем, зато в остальных областях человеческой деятельности Россия не уступала другим странам. Ведь многие представители ее высших классов получили блестящее европейское образование, были переполнены передовыми идеями, в том числе и общественного устройства. Однако на деле, отмечал Чаадаев: «*из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь*»¹²⁸¹. Впитывая внешние проявления европейской цивилизации, высшие и образованные классы не хотели знать и не придавали значения тем силам, которые двигали развитием Европы.

В результате культурно Россия все больше отставала от Запада, лишний раз подтверждая тезис: «*Наше сознание так*

же архаично, как и наша техника». Ведь именно техника определяет *«способ производства материальной жизни, — который согласно К. Марксу, — обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»*¹²⁸². Энгельс развивал мысль: «Экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории...»¹²⁸³.

Предвидя скептические улыбки, в отношении цитат классиков марксизма, приведем для баланса и мнение классика либерализма, который в данном вопросе идет еще дальше, утверждая, что экономический прогресс сам определяет социально-политическое и культурное развитие общества. Хайек подчеркивал: *«неэкономические, жизненные задачи определяются экономической деятельностью, которая заставляет нас четко определять свои приоритеты»*¹²⁸⁴. Последователи либеральной школы Е. Гайдар и В. Мау в свою очередь ссылаются на многочисленные выводы западных политологов, которые сто лет спустя после Маркса подтвердили зависимость между уровнем экономического развития и политической организацией общества¹²⁸⁵.

Отставание в технике неуклонно вело к общекультурной, экономической и политической отсталости России. М. Горький весной 1917 г. отмечал: «Я не знаю в популярной литературе ни одной толково и убедительно написанной книжки, которая рассказала бы, как велика положительная роль промышленности в процессе развития культуры. А такая книжка для русского народа давно необходима»¹²⁸⁶. Можно получить европейское образование, купить передовой иностранный аппарат, машину, лекарство... научиться на них работать или применять... Но это всего лишь навыки пользователя, а не знания и опыт, не научная и трудовая школы, которые способны их создать. Владелец благ западной цивили-

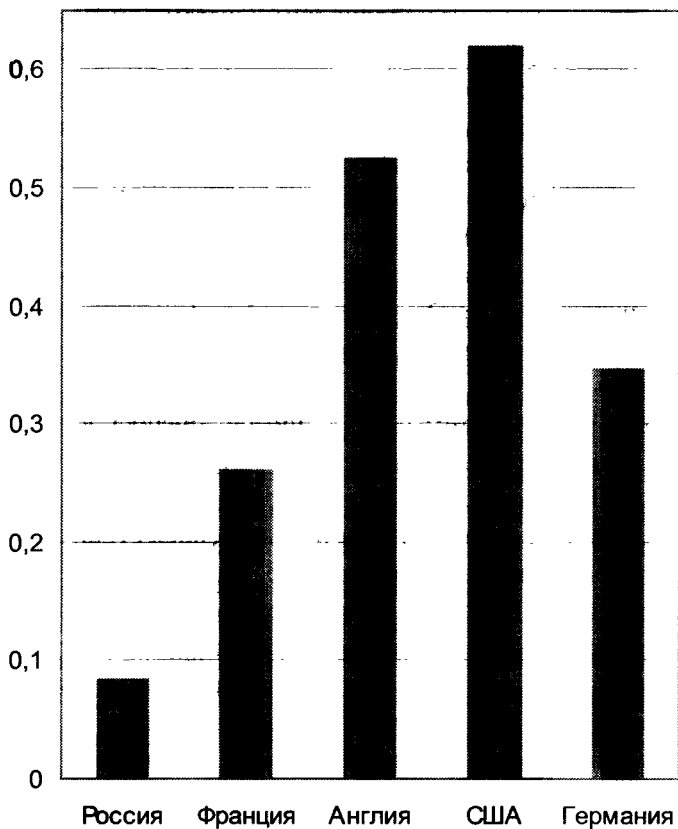
лизации может воспринимать себя приобщенным к ней, на самом деле он лишь баловень судьбы*, которому выпал счастливый жребий. Не более того.

Салтыков-Щедрин еще в 1881 г. отмечал этот факт словами мальчика «в штанах»: «Вот уже двадцать лет, как вы хвастаетесь, что идете исполинскими шагами вперед, ...и что же оказывается? — что вы беднее, нежели когда-нибудь..., что никто не доверяет вашей солидности, никто не рассчитывает ни на вашу дружбу, ни на вашу неприязнь...»¹²⁸⁷. Действительно низкая эффективность использования капиталов, проедание инвестиционных ресурсов общества приводили к тому, что Россия, в удельных показателях на душу населения, не догоняла Запад, а отставала от него. *Среди всех причин главной, предопределившей поражение России в Первой мировой, стала ее техническая и экономическая отсталость*¹²⁸⁸.

М. Горький летом 1917 г. писал: «Велика и обильна Россия, но ее промышленность находится в зачаточном состоянии. Несмотря на неисчислимое количество даров природы... мы не можем жить продуктами своей страны, своего труда. Промышленно развитые страны смотрят на Россию, как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбывать разный товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых... не считается зазорным»¹²⁹⁰.

Поступь цивилизации неумолима

* В начале XX в. «баловней судьбы» порождали: проедание выкупных ссуд с дворянских имений; западные кредиты; экспорт продовольствия — хлеба, масла, сахара, добываемых ценой экономического и политического закрепощения крестьянства. Так или иначе «баловни судьбы» проедали инвестиционные ресурсы общества, предопределяя его отсталость и деградацию...

Доля в совокупном промышленном производстве (пяти стран лидеров), приходящаяся на миллион населения в 1913 г.¹²⁸⁹

***Кто отстанет, того не станет —
такова суровая и непреложная правда жизни.***

В духовном плане происходило, то чего так боялся Достоевский Запад не понял русской цивилизации, да и не мог понять. После большевистской революции разрыв между цивилизациями нарастал с все более ощущаемой силой. В. Шубарт в те годы писал: «Никогда прежде, даже во времена римских цезарей, не была Европа столь далека от понимания Востока и его души в прометеевскую эпоху. Противоречие между Востоком и Западом достигло высшей точки своего напряжения...»¹²⁹¹

* * *

Именно в это время, в 1918 г., выходит книга немецкого профессора В. Дайа, проповедовавшая мир и дружбу с Россией. Какой именно России — неважно. «Для нас совершенно безразлично — иметь ли дело с Россией большевистской, кадетской или царской... условия нашего соглашения останутся все те же. Ибо они настолько вызываются насущными требованиями нашего развития, что никакие обстоятельства не заставят нас изменить их. Не ради любви к России должна Германия овладеть дорогой, ведущей в глубины Азии, но ради осуществления предстоящей ей континентальной политики. Первый раз в истории морской политики Англии... будет противопоставлена сильная и определенная сухопутная политика... В самое тяжелое лихолетье, переживаемое Российской державой, когда как будто все силы небесные и земные ополчились против нее, на арену мировой политики выступает вновь и с новой силой могущественная союзница...» Напоследок В. Дайа оставил свое понимание дружбы с Россией: «*Развитие до высшего преде-*

ла эксплуатации европейской России и Сибири... немецким капиталом, промышленностью и организаторским талантом»¹²⁹².

В 1924 г. в Мюнхене выходит первый том «Майн Кампф», где Гитлер утверждал, что даже сама «организация русского государства не была результатом государственной деятельности славянства в России, а только блестящим примером государственно-творческой деятельности германского элемента среди низестоящей расы». На следующий год в том же Мюнхене в издательстве «Alfred Langen» выходит книга британца Гэлэхэда «Idiotenführer durch russische Literatur»*. В ней англичанин проповедовал о ничтожестве русского народа: «народ столь же телесно грязный, сколько нравственно и умственно убогий; ничтожный в своей истории, весь сотканный из презренного смирения и отвратительной ярости; народ, лишенный чувства природы и дара к искусству; лишенный такта, прирожденного благородства...; народ, неспособный даже к смелой, чистой, удачной порочности, нигде не показавший человека с радостным очертанием, никогда не поднявшийся от страсти к красоте. Это даже не варвары — мазохистические трусы, блудливо ждущие позорного наказания. Смесь восточного бессмыслия и татарской хитрости. Таковы все они, побирающиеся у западной культуры: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой и больше всех Достоевский».

Вот подлинные слова автора о Достоевском: «Залив все нервы ядом эпилепсии, Достоевский пишет, корчась в падучей, Евангелие Всечеловечества с пеною у рта, как набитый дурак. Всю жизнь он хрипит, скрежещет, визжит, буйствует, яростно фыркает, топает ногами, царапает, кусается, — твякает, утверждая Всечеловечество против этой ненавистной заграницы, в которой он потерянно блуждает, ничего не видит, ничего не слышит, ничему не учится — кроме игры в ру-

* Путеводитель для идиотов (т. е. очень простой) по русской литературе.

летку». Россия — это славянское ничто, жаждущее немедленного всеразрушения и прикрывающееся учением ап. Павла об избрании благодатию; утешающееся вместе с рабами, отверженными и прокляженными мировой истории тем, что все равно де последние будут первыми. Образы, выдвинутые русской литературой, — это сплошь «образцовые идиоты» (Leitidioten) — от Мышкина и Раскольникова до Кутузова и Платона Каратаева. Россия есть символ *духовного бесплодия*, изначального и конечного. Это воплощенная неспособность к творческому сверканию, к героической магии, к целеполаганию, восходящему до истинного качества. Это народ пассивно валяющихся калек, неудачливого всекретинства (der russische Allkretin), сводит деяния к благодеяниям, страдание к состраданию и всю жизнь к элементарному кормлению и согреванию (Großfütterung und Kälteschutz).

Эти вечно бунтующие рабы без внутренних велений получили от евреев христианство для того, чтобы вонзить его как нож в спину европейской культуры и чужого качества — и потребовать всеобщей любви и всеобщего братства — именно потому, что они сами бесплодны, бездарны, и образуют подпольное большинство неудачливой калечи. Высшие миры закрыты русской душе и недоступны ей. Она не имеет доступа ни к музыке, ни к волшебству, ни к постижению психологии: она не знает, что есть звук, свет, пространство и мир, она аффектирована и отвратительна и в Ваньке-Ключнике, и в Иване-Дураке, и в Иванушке-Грозном (Iwanuschka der Schreckliche) с ее буйным сектантством, с ее закопченными иконами, с ее отрицанием Бетховена — она лишена самой эссенции творческой силы; она пуста и обречена на свою русскость. Быть русским — есть тягостная и постыдная обреченность. И большевизм Ленина и Троцкого есть последнее, достойное слово этой духовной пустоты и разрушительности. Россия — это вечная ночь, раз навсегда опустившаяся на жалких людей»¹²⁹³. Ильин, приводивший данную цитату отмечал, что опыт и наблюдение убедили его в том, что эта книга «не случайна, а *типична*»¹²⁹⁴.

В послевоенной Европе англичанин С. Гэлэхэд идеологически претендовал на роль нового Х. Чемберлена. Роль нового «прибалтийского профессора Шимана» занял ближайший соратник Гитлера, сначала глава «Отдела внешней политики НСДАП», а затем министр по восточным территориям прибалтийский немец А. Розенберг. Впрочем, не он один, но и его приятель прибалтийский немец М. Шойбнер-Рихтер — ближайший сподвижник Гитлера, один из главных организаторов «Пивного путча», по словам И. Феста «его влияние на Гитлера было огромным»¹²⁹⁵. Гитлер позже шутливо заметит, что «Фелькишер Беобахтер»*, редактором которого в начале 1920-х г. был Розенберг, следовало бы «снабдить подзаголовком «Прибалтийское издание»¹²⁹⁶. «Розенберг считался в партии специалистом по России». Он защищал свои «мировоззренческие постулаты с прямо-таки религиозной неистовостью»¹²⁹⁷.

Очевидно присутствие прибалтийских немцев в качестве экспертов по России при Вильгельме II и при Гитлере было далеко не случайно**. Например, В. Шубарт между войнами писал: «Те же, кто мог бы стать самым активным посредником между Западом и Востоком — балтийские немцы, — как раз пустили в ход самые неверные суждения о русских... Они смотрели на Восток с предубеждением, с ощущением некоей противоположности себе, с ненавистью или страхом, почему и не поняли Востока, однако сумели сделать вид, будто понимают его. *Мнение, что Россия является отсталой частью Европы, больше всего утверждалось именно балтийцами*»¹²⁹⁸.

Мнение первого посла США в СССР Буллита о русских сложилось у него после трех лет пребывания на посту — в 1936 г. Он приходил к выводу, что враждебность советской

* Официальный печатный орган нацистской партии.

** Шубарт выделяет в связи с этим даже особенный «балтийский менталитет», сыгравший свою не последнюю роль в развязывании двух мировых войн.

стороны обострялась в силу русской культурной традиции, характеризовавшейся ксенофобией, скрытностью, угрюмостью, шовинизмом и тенденцией к поиску безопасности за счет экспансии и авторитаризма. В телеграмме в Вашингтон Буллит с восхищением приводил отрывок из воспоминаний американского священника Н. Брауна, посетившего Россию в 1850-х гг.: «Одно из самых неприятных явлений, с которыми приходится сталкиваться [американцу в России] — это секретность, окружающая любую деятельность. Ему редко удастся раздобыть достоверные сведения, пока события не прояснятся сами собой, и он может быть уверен, что за его собственными передвижениями пристально наблюдают глаза, которых он не замечает. Русский менталитет представляется недоверчивым от природы, особенно в среде правительственных чиновников. Формальности окружают все на свете, ничего нельзя добиться, разве что после ужасающих проволочек. Самое первое впечатление американца — ошеломляющая власть полиции. Кажется, будто столица находится в осаде, и среди целого ряда ограничений, введенных с целью поддержания общественного порядка, самое сильное отвращение вызывает власть цензуры... Во многих случаях трудно понять основания употребления этой власти, и редко вызывает сомнения ее прихотливость... Россия не может похвастать ни одним изобретением в механике, которое получило бы практическое применение или было бы скопировано и вывезено из страны. Все, что имеют, они позаимствовали в других странах... Они воюют, используя заемный капитал и берут займы для строительства железных дорог. Их лучшие суда построены в Англии и Соединенных Штатах. Все их искусства и профессиональные занятия, хотя и развитые и осуществляемые с достойным прилежанием и похвальным успехом, являются продуктами иностранного гения и дубликатами изобретений и открытий, сделанных более мудрыми людьми». Буллит подчеркивал, что со времени Брауна в России мало что изменилось¹²⁹⁹. Другой американский посол в СССР, Штейнгардт,

писал о русских: «Их психология признает только твердость, мощь и грубую силу, отражая примитивные инстинкты и реакции, лишённые сдерживающих начал цивилизации»¹³⁰⁰.

М. Карлей отмечает, что британцы также не испытывали большой приязни к Советам. В подтверждение своего мнения он приводит слова Кадогана: «Мы обеими руками протягиваем им то, чего они требуют... а они просто отталкивают эти руки. Молотов — это невежественный и подозрительный мужик, крестьянин». А все они вообще «неумытые мусорщики»¹³⁰¹. Чтобы понимать, что «протягивали» англичане, следует отметить, что эти слова относились к июню 1939 г...

Для немцев в отличие от американцев и англичан вопрос отсталой России выходил далеко за рамки простой неприязни. Речь шла о вопросе жизни смерти. Геббельс в 1926 г. отмечал: «Нельзя обойти Россию. Россия альфа и омега любой целенаправленной внешней политики»¹³⁰². За день до начала войны — 20 июня 1941 г. Розенберг произнес директивную речь, в которой не без издевки сказал о наивных людях, полагающих, что война-де имеет цель «освободить «бедных русских» на все времена от большевизма»; нет, заявил Розенберг, война предназначена «для того, чтобы проводить германскую мировую политику... Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления, как первоначальная сущность европейских исторических сил»¹³⁰³. О каких проблемах говорил Розенберг?

На *первую* указывали рассуждения В. Шубарта: «самым судьбоносным результатом войны 1914 года стало не поражение Германии, не падение Габсбургской монархии, не возросшее колониальное могущество Англии или Франции, не экономическое укрепление Северной Америки или Японии, а появление большевизма, с которым старая борьба между Европой и Азией вступает в новую фазу. Эта перемена на Востоке — решающее событие новейшей истории. Я сейчас ставлю вопрос не о том, что значит большевизм для России...

а о том, что он значит для Европы; причем вопрос не стоит так: Третий рейх или третий Интернационал, фашизм или большевизм; Нет, речь идет о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами...»¹³⁰⁴. В. Шубарт пояснял свою мысль: «В 1810 г. в Европе проживало (включая Россию) 187 млн. человек, из них по одной трети германцев, романских народов и славян. К 1910 г. славяне насчитывали уже 42%, ныне (1939 г.) — 46%. В 1950 г. более половины европейцев составят славяне. На этом основании специалист по народонаселению Ф. Бургдерфер высказал предположение, что Европа превращается в преимущественно славянскую часть света»¹³⁰⁵.

Гитлер не колебался в решении расовой проблемы: **«После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших.** Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их. В прежние дни прерогативой победителя было уничтожать целые племена, целые народы»¹³⁰⁶. Гитлер продолжал: «Граница между Европой и Азией проходит не по Уралу, а на том месте, где кончаются поселения настоящих германцев... Наша задача состоит в том, чтобы передвинуть эту границу возможно дальше на Восток, если нужно — за Урал... Ядовитое гнездо Петербург, из которого так долго азиатский яд источался в Балтийское море, должно исчезнуть с лица земли... Азиаты и большевики будут изгнаны из Европы, эпизод 250-летней азиатчины закончен... **Восток будет для Западной Европы рынком сбыта и источником сырья»**¹³⁰⁷.

О второй проблеме Гитлер писал Майн Кампф: «Ежегодный прирост народонаселения в Германии составляет 900 тысяч человек. Прокормить эту новую армию граж-

дан с каждым годом становится все трудней. Эти трудности неизбежно должны будут когда-нибудь кончиться катастрофой, если мы не сумеем найти путей и средств, чтобы избежать опасности голода... Конечно, никто не уступит нам землю добровольно. Тогда вступает в силу право на самосохранение нашей нации... Чего нельзя получить добром, то приходится взять силою кулака. Если бы наши предки в прошлом выводили свои решения из тех же пацифистских нелепостей, которыми мы руководимся теперь, то наш народ едва ли обладал бы теперь даже третью той территория, какую мы имеем. Тогда немецкой нации в нынешнем смысле слова и вообще не было бы в Европе... Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации»¹³⁰⁸. Геббельс дополнял: **«Это война — не за трон и не за алтарь; это война за зерно и хлеб, за обильный обеденный стол... война за сырье, за резину, за железо»**¹³⁰⁹.

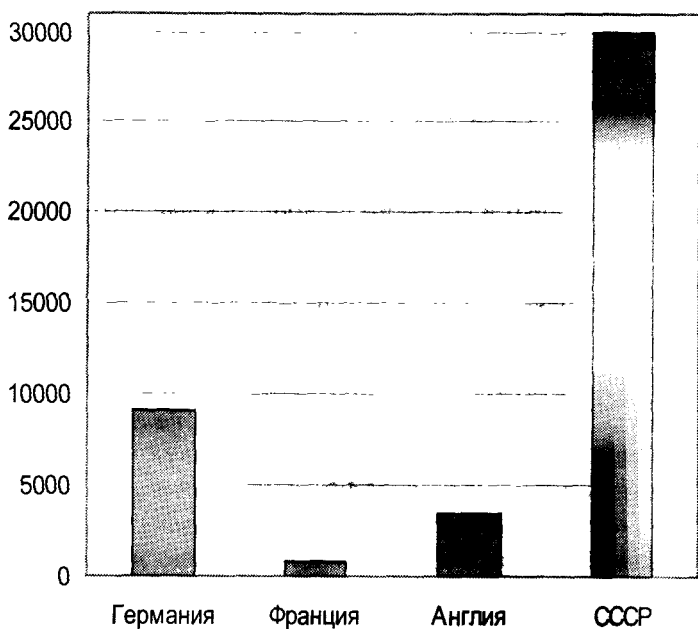
Отношение к *третьей* проблеме объединяло большинство политических сил Германии. Так, в 1918 г. партии центра расходились с правыми лишь в акцентах: «Кровавая борьба делает настоящим, чтобы победа была использована для достижения Германией военного превосходства на континенте на все времена и обеспечила германскому народу мирное развитие, по меньшей мере, на сто лет вперед... Вторая цель — ликвидация британского опекуна при решении вопросов мировой политики, нетерпимого для Германии; *третья цель — сокрушение русского колосса*»¹³¹⁰. Эта проблема, также найдет свое отражение в строках Майн Кампф Гитлера: «Никогда не миритесь с существованием континентальных держав в Европе! В любой попытке на границе Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной державой, вы

должны видеть прямое нападение на Германию»¹³¹¹. Спустя некоторое время, еще до прихода к власти, Гитлер говорил Раушнингу: «Советская Россия, как революционное социалистическое государство, является врагом национал-социалистических сил порядка, но есть и кое-что большее. *Как великое территориальное образование, Россия является постоянной угрозой Европе...* Русская проблема может быть разрешена только в согласии с европейскими, что означает германскими идеями... Не только русские пограничные районы, но и вся Россия должна быть расчленена на составные части»¹³¹². Придя к власти, Гитлер неоднократно повторял: «главная опасность заключается в колоссальной массе России»¹³¹³.

* * *

В самой России в это время происходило, что то необъяснимое, порождавшее новые еще более грозные, смертельные проблемы. Один только прирост населения СССР и тот уже потрясал Запад. Несмотря на репрессии, коллективизацию и индустриализацию, он в два раза превышал аналогичные показатели Англии, Франции и Германии, вместе взятых. К 1939 г. население СССР было сопоставимо по численности с населением всей Западной Европы. А его прирост был сопоставим с населением Франции*.

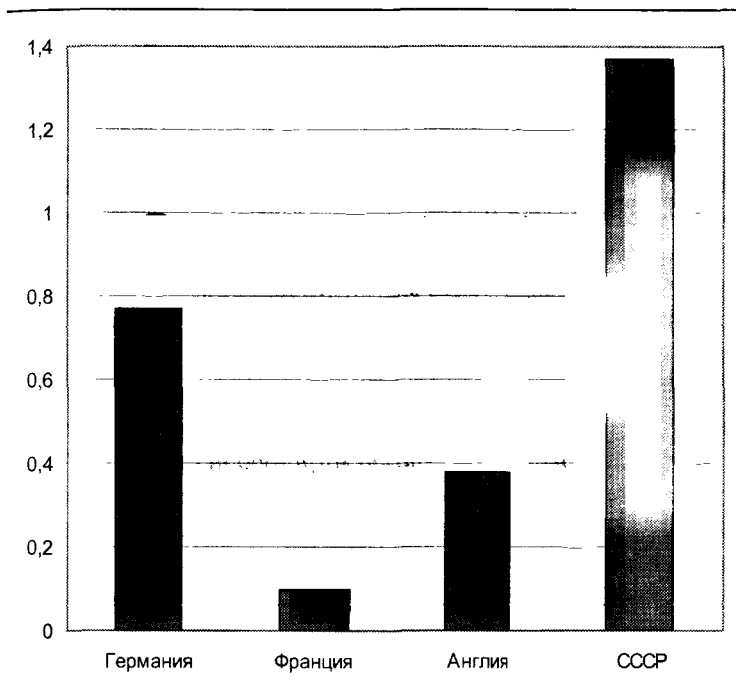
* Относительно высокие темпы прироста населения Великобритании обеспечивало дешевое продовольствие от эксплуатации колоний, а Германии — целенаправленная политика правительства. Так, на жалобы Гитлера в 1936 г., что на квадратную милю в Германии приходится 340 человек, Р. Говард замечал: «Почему же вы платите каждой женщине за третьего ребенка и еще больше за четвертого, почему платите за вступление в брак?»... парижская «Геральд» сообщала из Берлина, что германское правительство выплатило 125 миллионов долларов супружеским парам, вступившим в брак после 1933 г. Рост населения для «третьего рейха», — отмечал У. Додд, — означает либо войну, либо «мирный» захват земель других народов». (Апрель 1936 г. Додд У... с. 351).

*Естественный прирост населения 1919—1939 гг.
(СССР 1923—1939 гг., в границах до 1939 г.)*, млн. чел.¹³¹⁴*

С 1923 по 1939 гг. СССР имел самые высокие темпы естественного прироста населения среди всех Великих стран мира. При этом он обеспечивался не столько за счет высокой рождаемости, которая, хоть и снизилась к середине 1930-х гг. по сравнению с 1913 г. почти на 35%¹³¹⁵, оставалась одной из самых высоких в Европе, сколько за счет увеличения продолжительности жизни, почти в 1,5 раза, с 30—33 лет накануне Первой мировой, до 46—50 лет в 1939 г.

* СССР с окончания интервенции и гражданской войны в 1922 г.

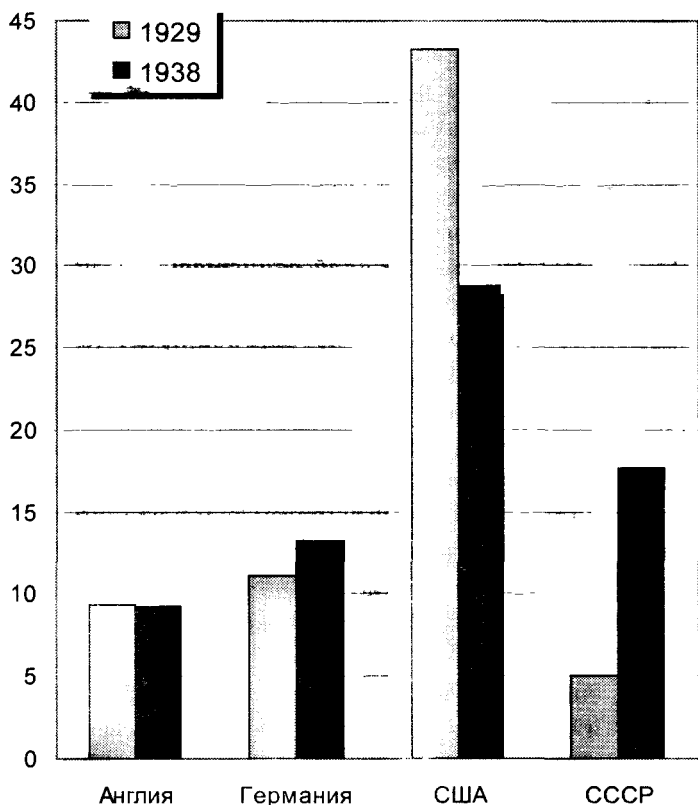
Среднегодовые темпы естественного прироста населения в 1923—1939 гг., в %¹³¹⁶

В. Шубарт отмечал не только рост населения, но и новые тенденции в развитии России: *«О том, как сильно Россия начинает чувствовать себя континентом, говорит ее национальная политика, не делающая больше никаких различий между отдельными расами, народностями и племенами.* Здесь континентальный стиль мышления приходит на смену национальному, и под эгидой принципа равенства... идет борьба формирующегося континента за свой облик. (Когда в январе 1938 года в Москве впервые собрался Верховный Совет, «Известия» вышли на 11 языках!) Так рус-

ский большевизм служит развитию, далеко отстоящему от его изначальных намерений и планов, — образованию восточного континента, который вступит в решающую борьбу с Западом»¹³¹⁷.

Однако большой прирост населения, как и огромная богатая территория, сами по себе не являются решающим показателем. Царская Россия имела еще большие и население, и территорию, но это не уберегло ее от поражений при столкновении с гораздо более мелкими, но гораздо более развитыми экономически и промышленно противниками. И именно здесь происходило самое непостижимое. Статистика Лиги Наций бесстрастно свидетельствовала — *СССР имел самые высокие темпы роста промышленного производства, за всю предшествующую мировую историю*¹³¹⁸.

Полностью разоренная мировой и гражданской войнами, интервенцией, с уничтоженной промышленностью, фабриками и заводами, транспортом, радикализированным населением, отброшенная в средневековье страна возрождалась невиданными темпами. Всего через 17 лет после окончания войны, к 1939 г. промышленный потенциал СССР превысил аналогичный показатель всех стран Европы, заняв второе место в мире после США. *Уже в 1936 г. Буллит доносил госсекретарю, что Советский Союз теперь «является одной из великих держав, и его отношения с Европой, Китаем и Японией так важны, что мы не можем проводить взвешенную внешнюю политику, не зная, что делается в Москве»*¹³¹⁹. Не случайно перед лицом фашистской угрозы У. Черчилль видел на Евразийском континенте только одну державу, способную противостоять Германии. Выступая 13 апреля 1939 г. в палате общин, Черчилль призывал: *«необходимо «добиться полного возможного сотрудничества с Россией, сделать так, чтобы никаким предрассудкам со стороны Англии или Франции не было позволено мешать теснейшему сотрудничеству между нашими странами, что обеспечило бы нашей коалиции огромный контрбаланс русской мощи»*¹³²⁰.

Доли стран в мировом промышленном производстве¹³²¹

Стремительный промышленный рост России был главной проблемой Гитлера. В описании Э. Генри она выглядела следующим образом: «Германский союз, как бы он ни был обширен, нуждается в огромных колониальных рынках. Стомиллионная масса людей гитлеровской «высшей расы» нуждается в 160-миллионной массе людей низшей расы,

чтобы дать выход своему «призванию к господству»... Низшая раса — это раса большевиков. Низшая раса — это огромная темная крестьянская масса, которая живет между Балтийским и Черным морями и Тихим океаном; которая отказывается покупать что-либо у Тиссена, не желает иметь ничего общего с гитлеровской культурой и развивает свою собственную культуру — культуру социализма. Тиссен знает, что **рост Советского Союза создает смертельную угрозу Германскому союзу — пожалуй, единственную серьезную и настоящую угрозу**. Как бы ни был обширен гитлеровский Германский союз, Советский Союз еще обширнее. Как бы ни были велики производительные силы Рура, производительные силы Уральского бассейна, Донецкого бассейна, Кузнецкого бассейна, московской промышленности, которые развиваются в формах и темпах социалистического планового хозяйства, еще больше. Тиссен знает, что никогда не сможет поспеть за советским пятилетним планом, несмотря на свои огромные технические и финансовые ресурсы; социалистические ресурсы 160-миллионного народа и страны площадью в 8 млн. 240 тыс. кв. миль еще больше, и развиваются они еще быстрее... Германский союз может одолеть Францию и Англию и, может быть, Соединенные Штаты Америки, но никогда не одолеет Советский Союз»¹³²².

Гитлер полностью отдавал себе отчет в происходящем. Еще в начале 1930-х гг. в интервью влиятельному редактору газеты «Лейпцигер нейесте нахрихтен» Р. Брейтингу, Гитлер заявлял: **«Мы не должны оставаться равнодушными к тому, что происходит в России... Русачество, это славянство в соединении с диктатурой пролетариата, есть опаснейшая сила на свете. Что будет, если осуществится этот симбиоз? Подумайте лишь о том человеческом потенциале и сырьевом богатстве, которым располагает Сталин! Уже сейчас наши публицисты должны бить тревогу. Никогда не была так велика угроза западной цивилизации.** Еще до того, как мы придем к власти, мы должны разъяснить

англичанам, французам, также американцам и Ватикану, что *мы будем рано или поздно вынуждены начать крестовый поход против большевизма. Мы должны безжалостно колонизировать Восток... Мы хотим от Северной Норвегии до Черного моря протянуть защитный вал против русачества, против славянства...*¹³²³.

Именно этими разъяснениями до прихода Гитлера к власти занимался Ф. Папен: «Мы не представляли угрозы кому бы то ни было. Неизменной оставалась только наша европейская миссия, все та же, что и в те времена, когда мы распространяли христианство на восточные провинции и на Прибалтику, — служить плотиной против славянских вождений и агрессии. Даже если страх перед Германией ослепил союзников в отношении угрозы, исходящей от России, наименьшее, что они могли бы сделать после нашего поражения, — это *восстановить европейское равновесие, когда революция посадила в Кремле Ленина*»¹³²⁴. В 1932 г. на Лозаннской конференции Папен призвал французоз сплотиться с Германией против советской угрозы*. Англичан убеждал в том, что «мир и европейское равновесие можно было сохранить только при условии, что Британия и Германия приложат совместные усилия...»¹³²⁵. Канцлер убеждал и немцев в том, что «ухудшение наших отношений с Россией должно... привести к улучшению отношений с западными странами»¹³²⁶.

Англичан и французоз не надо было убеждать в том, что они сами навязывали Германии. Хотя порой реакция на эти обращения, по мнению представителей правого ревизионизма, была не вполне адекватной. Так, М. Солонин с негодованием пишет о том времени: «в обстановке жесточайшего экономического кризиса сталинские эмиссары скупали авиационные, авиамоторные, приборостроительные заводы, скупали и воровали технологические секреты и заманивали

* После поражения под Сталинградом Папен 21 марта 1943 г. снова обратится к западному миру «с призывом прийти на выручку Европе», «понять... историческую миссию» Германии. (Папен Ф... с. 484)

баснословными зарплатами ведущих специалистов»... на Западе же нашлись «полезные идиоты», которые в начале 30-х годов... продали Сталину целые заводы и технологические линии...»¹³²⁷. А. Солженицын в свою очередь обвиняет западных бизнесменов в том, что они «помогли советским коммунистическим вождям, их неуклюжей, нелепой экономике, которая не могла бы никогда справиться сама со своими трудностями, непрерывную *помощь* материалами и технологией. Крупнейшие стройки первой пятилетки были созданы исключительно при помощи американской технологии и американских материалов»¹³²⁸.

Гитлер, по М. Солонину и А. Солженицыну, не был «полезным идиотом» и летом 1932 г. заявлял, «что когда он придет к власти, то он не позволит, чтобы СССР вывозил из Германии машины, а не товары широкого потребления. *Поддержка индустриализации СССР, по Гитлеру, должна привести к тому, что СССР через несколько лет начнет конкурировать с германской индустрией...*»¹³²⁹. Однако по экономическим и политическим соображениям, не только американцы, но и Гитлер были вынуждены *продавать* России заводы и технологии. Именно *продавать* за золото и твердую валюту.

Что же до конкуренции с Германией, то России до этого было еще далеко. Например, М. Горький летом 1917 г. подчеркивал этот факт словами: «Мы не умеем строить машин...»¹³³⁰. Советская Россия становилась по настоящему индустриальной державой фактически лишь в первом поколении. Полуграмотные вчерашние крестьяне по своему менталитету и навыкам были еще далеки даже от средних образцов наследственных германских или английских промышленных рабочих. За редким исключением, недалеко ушел управленческий и бюрократический персонал. А до того, чтобы создавать свои научные школы необходимо было освоить западный опыт, накопленный столетиями, вырастить новое поколение, дать ему соответствующее образование и

воспитание, накопить капитал, для того чтобы вложить его в создание и развитие собственной научной базы, а на это были необходимы десятилетия мирной жизни. **Ворошилов в те годы отмечал: «У нас есть уже промышленная база, но у нас пока мало людей — конструкторов»**¹³³¹. Кроме этого, России необходимо было решить не менее серьезные проблемы политического, экономического... эволюционного созреваания.

На Западе, несмотря на непрерывные заклинания о советской угрозе, отлично понимали эти проблемы и как следствие крайне невысоко оценивали боеспособность Красной Армии. Так, «Манчестер гардиан» в 1935 г. твердила: «Красная армия находится в совершенно отчаянном состоянии... Советский Союз не может вести победоносную войну...»¹³³². Аналогичные данные давала и британская разведка. Так, в марте 1939 г. в докладе британских военных атташе в СССР отмечалось, что хотя Красная Армия и ВВС способны достаточно хорошо обороняться, вести серьезные наступательные действия они не могут¹³³³. Чемберлен в том же марте писал: «У меня нет веры в способность России осуществить эффективное наступление»¹³³⁴. Очевидно, это мнение было почти единодушным среди правящих кругов Запада. Аппарат американского военного атташе в Москве, накануне войны, был крайне пессимистичен в оценках боеспособности Красной Армии. Военная разведка США акцентировала ее слабости — обескровленный «чистками» командный состав, неграмотные «безынициативные солдаты», «возможное массовое дезертирство в Прибалтике и на Кавказе». Но главная слабость виделась в «нехватке современного оснащения, вооружения и техники. Советская армия остро нуждается в качественном и количественном наращивании современной авиации, артиллерии и моторизованного транспорта... Она не может противостоять мобильной армии большой огневой мощи, оснащенной сов-

ременной техникой и вооружением... *Трудно представить боееспособную Красную Армию в стране, до сих пор практически неграмотной и технически отсталой*»¹³³⁵.

Т.е. по крайней мере в обозримом будущем Россия не представляла военной угрозы для Запада. Да и какая цель могла заставить Советскую Россию двинуться на Европу? Бросить с таким огромным трудом и жертвами наколенный экономический и человеческий потенциал, ради чего? Ради священного торжества над руинами опустошенных войной европейских городов? Не до такой степени... Тогда ради призрачных идей панславянизма? Да, Россия имела стратегические интересы на Балканах и на Балтике, обеспечивавшие ее выход к европейским морям. Однако существовавшее после Версаля равновесие в Европе ее вполне устраивало. Ну, конечно же, ради торжества мировой революции... Но только за два года до этого Сталин почему то прочно похоронил идеи мировой революции в почти полумиллионе могил ее приверженцев. А потом спокойно пожертвовал своей коммунистической репутацией, поддержав республиканцев в Испании, а затем подписав пакт с Гитлером.

Нет, Запад не пугала «победоносная» Красная Армия, **Запад боялся самого факта существования Советской России**, как растущего экономического и политического конкурента с совершенно чуждой для него культурой.

Запад был не готов к диалогу с любой Россией (советской, монархической, демократической и т.д.) **на равных**.

Запад привык смотреть на русских как на варваров, а на Россию как на полуколонию, которая в скором времени должна была превратиться в полную колонию. «Россия складывалась и всю дореволюционную историю развивалась как зона западной колонизации... Россия задолго до революции 1917 стала сферой колонизации для западных стран, — перелом, по мнению А. Зиновьева, совершила большевистская революция. — Революция означала, что Запад эту сферу те-

рял... Россия в поразительно короткие сроки стала современным индустриальным обществом. Не случись этого, ей пришлось бы удовлетвориться судьбой западной колонии уже в двадцатые и тридцатые годы»¹³³⁶. Но революция не изменила взглядов Запада на будущее России. Их отражают слова Дарре министра земледелия нацистского правительства: «страна, населенная чуждой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных и промышленных рабочих»¹³³⁷. Вполне естественно, что *попытка России, как и любой другой колонии, выйти из промышленной зависимости Запада, конкурировать с ним, расценивались Европой не иначе, как бунт рабов**.

Бурный экономический рост СССР в 1930-х годах означал возвращение России на свой прерванный Первой мировой цикл развития, остановить ее движение в очередной раз могла только новая война. *Война против русской цивилизации как таковой*. Обе мировые войны становились звеньями одной цепи, отмечает в этой связи большинство историков. Например: В. Шамбаров: «Вторая мировая выглядела, как повторная атака тех же самых позиций после неудачи первого штурма. Атака, осуществленная после получения свежих подкреплений, более тщательно продуманная и подготовленная...»¹³³⁸; И. Фест: «взаимосвязь между Первой и Второй мировыми войнами ощущается на различных уровнях... Гитлер сам всякий раз настойчиво указывал на это»¹³³⁹; А. Фурсов: «многие историки склонны считать 1914-1945 гг. единым военным периодом, по сути непрекращающейся или почти непрекращающейся мировой войной...»¹³⁴⁰; Черчилль вообще назвал этот период «тридцатилетней войной»¹³⁴¹.

* В. Шубарт накануне Второй мировой войны отмечал: «В своей расовой гордости европеец презирает восточную расу. Причисляя себя к разряду господ, он считает славян за рабов (уже звуковое подобие этих слов соблазняет его на это). (По английски Slav — славянин, slave — раб; по немецки Slawe — славянин, Sklave — раб.) (Шубарт В... с. 98.)

Но во Второй мировой было и отличие от Первой. Впечатляющий экономический и промышленный рост СССР сопровождался тем, что там не было безработицы, зато уже было бесплатное медицинское обеспечение и бесплатное образование, были равные возможности, но самое главное СССР был первой в мировой истории страной социализма. А это значит, что *теперь уже не средневековые энциклики папы римского или заветы Кальвина, а социалистическая идеология определяла духовные и моральные устои современного мира*. Экономическая победа СССР означала победу социалистической идеологии во всем мире, что вступало в смертельную конфронтацию с принципами либерального капитализма, господствовавшего на Западе с XVII в.

О размерах потенциальной угрозы принципам западного мира говорил уровень влияния России на этот мир. Русский социализм впитал в себя основы русской цивилизации, созданной национальной интеллигенцией от Чаадаева и Пушкина до Достоевского, от Добролюбова до Чехова, от Чайковского до Бердяева, которая на базе близости к основам русской жизни придала форму своей — русской цивилизации. Это был русский вклад в мировую цивилизацию, и западный мир страстно нуждался в нем. Именно с русской цивилизацией Гердер еще в конце XVIII в. связывал будущее европейской — с неповторимостью русской души¹³⁴². Но что бы русская цивилизация действительно смогла оказать свое влияние, должна была произойти Русская социалистическая революция — **она изменила мир**. Неожиданно оказалось, что **русский большевизм стал единственным существенным вкладом России в мировую цивилизацию**.

Впрочем этот вклад и особенно форма его проявления, были далеко неоднозначны, а зачастую и вообще внешне противоречили фундаментальным основам. И поэтому на Западе многие, проклиная большевиков зывали непосредственно к русской цивилизации. Так, Геббельс еще до того, как

присоединился к фашистам в 1918-1924 г. писал в дневнике: Шпенглер «Закат Европы». «Пессимизм». «Отчаяние, мысль о самоубийстве»... «Впервые Достоевский, потрясен. Преступление и наказание». Читаю по ночам»... ««Идиот» величайшее впечатление»... «Все эти книги о раннем христианстве происходят не из чего иного, как из сильнейшей тоски по Духу Святому. Гуптман, «Безумец во Христе». Пока первая книга на немецком языке на эту тему. Но насколько этот «Безумец» уступает «Идиоту» Достоевского. Россия найдет новую христианскую веру со всем своим юношеским пылом и детской верой, с религиозной скорбью и фанатизмом»¹³⁴³. «Великая русская музыка». «Русская музыка, моя старая незабываемая привязанность»¹³⁴⁴. Геббельс продолжал: «Русская психология так наглядна, поскольку она проста и очевидна. Русский не ищет проблем вне себя, поскольку он носит их в своей груди. Россия, когда же ты проснешся? Старый мир уже жаждет твоего освободительного деяния! Россия, ты надежда умирающего мира!»¹³⁴⁵ «Свет с Востока... С Востока идет идея новой государственности, индивидуальной связи и ответственности перед государством...»¹³⁴⁶ — восклицал Геббельс*.

Бежавший из фашистской Германии В. Шубарт только в России видел спасение европейской цивилизации и мира: **«Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе...** Только Россия способна вдохнуть душу в гибнущий от властолюбия, погрязший в предметной деловитости человеческий род... Россия — единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее, поскольку во всей совокупности жизненных процессов придерживается установки, противоположной той, которую занимают европейские народы... Русский обладает для этого теми душевными предпосылками, которых сегод-

* Спустя неделю после нападения Германии на СССР Геббельс запретит книги и музыку русских писателей и композиторов.

ня нет ни у кого из европейских народов»¹³⁴⁷. Томас Манн восклицал: «Уже много лет я желаю одного: взаимопонимания и союза с Россией»¹³⁴⁸.

Из Англии слышался голос Дж. Оруэлла: *«Едва ли стоит напоминать, что среди интеллигенции сегодня основной формой национализма является коммунизм — если употреблять это слово в очень широком смысле, включая сюда не просто членов коммунистической партии, но и «попутчиков», и вообще русофилов. Коммунистом... я буду называть того, кто смотрит на СССР как на свою отчизну, кто считает своим долгом оправдывать политику русских и любой ценой служить русским интересам»*¹³⁴⁹.

Даже такой жесткий реалист, которого наврядли можно заподозрить в бесплодных мечтаниях, как У. Черчилль вынужден был признать: *«Несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении — это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители. Осуществить ее мы можем лишь с помощью Германии...»*¹³⁵⁰. Примечательно, что эти слова были сказаны почти за год до прихода Гитлера и фашистской идеологии (морали) к власти...

Упредить стремительное развитие России — в этом состоял главный вопрос. Геббельс в 1937 г. записывал: фюрер «объясняет напряженность, указывает на силу России, рассматривая наши возможности... надеется, что у нас будет еще 6 лет, но, если подвернется очень хороший случай, мы его не упустим»¹³⁵¹. Для начала необходимо было решить проблему тылов. Гитлер объяснял в конце 1939 г.: «Мы можем выступить против России, только когда мы будем свободны на Западе»¹³⁵². И Гитлер последовательно решал эту проблему. Ну а случай, очевидно, подвернулся во время советско-финской войны. Геббельс по ее итогам писал: «Русская армия мало чего стоит. Плохо руководима... Фюрер вновь определяет катастрофическое состояние русской армии. Она

едва способна к боям. К тому же — упорство финнов. Возможно, что и средний уровень интеллектуальности русских не позволяет производить современное оружие»¹³⁵³. В конце ноября 1939 г. Гитлер отмечал: «фактом является то, что в настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна. **На ближайшие год или два нынешнее состояние сохранится... Время работает на нашего противника.** Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться»¹³⁵⁴. Спустя месяц был подписан к разработке план «Барбаросса». Через год, 13 декабря 1940 г., Гальдер приходил к выводу: «**Решение вопросов о гегемонии в Европе упирается в борьбу против России**». А. Гитлер 9 января 1941 г. констатировал: «**Особенно важен для разгрома России вопрос времени**»¹³⁵⁵. 24 мая 1941 г. Геббельс: «Россия должна быть разложена на составные части... на Востоке нельзя терпеть существования такого колоссального государства...»¹³⁵⁶.

Советское правительство не сомневалось в намерениях Гитлера, так в 1934 г. К. Радек замечал: «мы знаем, что Версаля больше не существует. **Вы не должны представлять себе, что мы окажемся настолько глупыми, что попадем под колеса мировой истории. Мы знаем кое-что о германских возможностях вооружаться. Политика СССР заключается в том, что бы продлить мирную передышку**»¹³⁵⁷. Еще несколько лет, и Россия могла бы быть недостижима.

Даже ее существующая мощь оказалась неприятным сюрпризом для фашистского руководства. Так, всего через месяц после вторжения в Россию, Геббельс отмечал: «**Большевики дерутся упорно и упрямо**, но их наступлению не хватает решающего размаха. Это ведь славянский народ, который при решающем столкновении с германской расой всегда терпит поражение... Впрочем, в Ставке фюрера о положении судят чрезвычайно оптимистично... Открыто признают, что ошибочное приблизительное определение советс-

кой боеспособности ввело нас в некоторое заблуждение. *Большевики все же оказывают более сильное сопротивление, чем это нами предполагалось, и прежде всего, они располагают материальными средствами в большем масштабе, чем мы себе представляли*»¹³⁵⁸.

Спустя еще полмесяца в словах Геббельса уже слышна тревога: «Фюрер подробно описывает мне военное положение. В прошедшие недели положение было очень критическим. *Мы серьезно недооценили советскую боеспособность и, главным образом, вооружение советской армии. Мы даже приблизительно не имели представления о том, что имели большевики в своем распоряжении...*». Гитлер заявляет: «*Вопрос стоит о тяжелом кризисе.* Во всяком случае, предпосылки его вполне ясны. Нашим доверенным лицам и шпионам еще удавалось проникать в Советский Союз. Они не могли составить точную картину. Большевики прямо пошли на то, что бы нас обманывать... Совершенно противоположно было с Францией, где мы довольно точно знали обо всем и поэтому ни в коем случае не могли быть застигнуты врасплох. Гитлер подчеркивает, что в этой неосведомленности было для него преимущество при принятии решения о нападении. Если б он располагал точными данными, то «кто знает, как бы тогда пошли дела»¹³⁵⁹.

* * *

Однако, как уже отмечалось, воли и желания одного человека, даже диктатора недостаточно, что бы разжечь мировую войну, бросить на смерть и страдания десятки миллионов людей. Мало того, успех был настолько маловероятен, что риск поражения превышал любой разумный расчет. И даже победа не гарантировала успеха.

Так, в сентябре 1938 г. К. Брауэр германский поверенный в делах в Париже, сокрушался о том, что после окончания

военных действий, «вне зависимости от того, кто победит, во Франции точно так же, как и в Италии с Германией, неизбежно произойдет революция. Советская Россия не упустит возможности распространить мировую революцию на наши страны...». Казаки, жаловался он позднее американскому послу в Париже, «Европой будут править казаки»¹³⁶⁰. По мнению М. Карлея, «как в Британии, так и во Франции, связка «война-революция» была главным доводом консервативной оппозиции франко-советскому сближению»¹³⁶¹. И. Фест в свою очередь, отмечает, что «политика умиротворения основывалась не в последнюю очередь на страхе буржуазного мира перед коммунистической революцией»¹³⁶². Война «может означать триумф сил большевизма на континенте, — говорил Фипс У. Буллит, — необходимо пойти на любые жертвы, чтобы ее избежать»¹³⁶³. Сам У. Буллит в мае 1938 г. убеждал Рузвельта, что «война в Европе может окончиться только установлением большевизма от одного конца континента до другого», а осуществленное Рузвельтом примирение европейских держав «оставит большевиков за болотами, которые отделяют Советский Союз от Европы. Я думаю, что даже Гитлер... примет Ваше предложение»¹³⁶⁴.

Проблема была не в Советской России, а в изменениях произошедших, в человеческой цивилизации в XX веке. Их понимание еще накануне Первой мировой, когда еще Советской России не было и в проекте, продемонстрировал Вильгельм II, который в разговоре с Николаем II «высказывал несколько раз... свой взгляд, что Германия не должна иметь войны с Россией, ибо такая война только бы помогла международным социалистам довести или Россию, или Германию, или обе эти страны до революции»¹³⁶⁵. «Правда» в августе 1939 г. лишь констатировала закономерность и объективность этого процесса: «Первая империалистическая война принесла экономическую катастрофу, нищету и голод народу. Только революция могла положить конец войне и экономической разрухе... Нет никаких оснований сомне-

ваться, что вторая война окончится... революцией в ряде стран Европы и Азии...»¹³⁶⁶

Почему же тогда началась Вторая мировая война?

Пытаясь ответить на этот вопрос в первой части книги, мы лишь едва очистили от кожуры плод познаний, чуть затронув мякоть. Настало время отведать плода: Почему к власти в Германии пришел фашизм? С чего это добропорядочные немцы ни с того ни с сего бросились в радикализм? Откуда взялся Гитлер? Что двигало им и германским народом — слепой фанатизм или что-то более серьезное? Какой это такой вклад внес русский большевизм в мировую цивилизацию? Почему вдруг русский социализм стал единственной надеждой «процветающего» и «благополучного» Запада? Где кроются те причины и истинные виновники, которые сделали войну неизбежной и обрекли на смерть и страдания десятки и сотни миллионов людей?

Американский представитель Верховного суда на Нюрнбергском процессе Джексон по этому поводу заявлял: «Я полагаю, что этот процесс, если на нем будут допущены дискуссии о политических и экономических причинах возникновения войны, может принести неисчислимый вред как Европе... так и Америке...»¹³⁶⁷. А еще в 1943 г. Рузвельт вдруг почему то дал указание Госдепу не публиковать протоколов заседаний Большой четверки во время Парижской мирной конференции в 1919 г. на том основании, что «таких записей никогда не следует сохранять и, тем более, публиковать»¹³⁶⁸.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Астахов Г.А. (1897-1942) — советский дипломат, в 1937-39 советник, временный поверенный в Германии.

Бальфур А.Д. (1848-1930) — лорд, один из лидеров консервативной партии. В 1916-19 министр иностранных дел. С марта 1918 активно участвовал в осуществлении антисоветской интервенции. В 1919-22 и 1925-29 входил в состав правительства. Возглавлял английскую делегацию на Вашингтонской конференции 1921-22.

Барту Л. (1862-1934) — глава французской делегации на Генуэзской конференции 1922. В 1922-26 председатель Репарационной комиссии; настаивал на выполнении Германией постановлений Версальского договора. С 1933 сторонник франко-советского сотрудничества. С 1934 министр иностранных дел. Убит хорватским террористом.

Батлер Р.О. (1902-82) — зам. министра иностранных дел Великобритании в 1938-40. Член кабинетов Р. МакДональда, С. Болдуина и Н. Чемберлена.

Бек Ю. (1894-1944) — сторонник Пилсудского, в 1932-39 министр иностранных дел Польши. После немецко-фашистского вторжения бежал в Румынию.

Бенеш Э. (1884-1948) — в 1918-35 министр иностранных дел Чехословакии, в 1935-38 президент. В 1927-1938 председатель Комитета безопасности Лиги Наций. Приняв условия Мюнхенского соглашения, вышел в отставку. С 1939 руководитель чехословацкого правительства в изгнании. В 1943 подписал в Москве советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. В 1946-48 президент республики.

Берзин Я.К. (Кюзис Петерис) (1889-1938) — армейский комиссар 2-го ранга (1937). В 1924-35 и 1937 начальник Разведуправления Штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии. В 1936-37 главный военный советник в Испании. Репрессирован.

Бернштейн Э. (1850-1932) — один из лидеров правого крыла германской социал-демократической партии и II Интернационала. Депутат рейхстага с 1902. В книге «Предпосылки социализма» подверг ревизии учение Маркса. Сторонник эволюционного пути развития за счет сращивания интересов рабочего класса и буржуазии в вопросах таможенной и колониальной политики, вооружений. Перед 1-й мировой войной «обосновал» значение идеи отечества для рабочего класса.

Бломберг В. фон (1878-1946) — генерал-фельдмаршал, в 1927-29 начальник войскового управления (замаскированного Генштаба) Германии. С 1933 министр рейхсвера, с 1935 военный министр, главнокомандующий вооруженными силами. В 1938 уволен в отставку. Осужден Нюрнбергским трибуналом, умер в тюрьме.

Блюм Л. (1872-1950) — лидер Французской социалистической партии. В 1936-37 и в марте-апреле 1938 возглавлял правительства Народного фронта. В июне 1940 противник предоставления чрезвычайных полномочий Петэну, арестован, до 1945 интернирован в Германии. Премьер-министр в 1946-47.

Бонне Ж. — министр иностранных дел Франции в 1938-39.

Браухич В. фон (1881-1948) — генерал-фельдмаршал, с 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии. После провала наступления на Москву в 1941 уволен в запас. В 1945 сдался в плен английским войскам, умер в госпитале.

Бриан А. (1862-1932) — дипломат, в 1909-31 неоднократно занимал пост премьер-министра и министра иностранных дел Франции. Один из инициаторов Локарнской конференции, автор проекта «Пан-Европы».

Брокдорф-Ранцау У. (1869-1928) — граф, в 1919 министр иностранных дел в правительстве Шейдемана. Председатель германской делегации на Парижской мирной конференции, возражал

против принятия Германией условий Версальского мирного договора. В 1922-28 посол в СССР.

Бубнов А.Д. (1883-1963) — контр-адмирал, участник русско-японской войны, участвовал в создании Морского Генерального штаба, преподавал в Морской академии. Во время 1-й мировой войны — в штабе Верховного главнокомандующего. В Гражданскую войну в армии Деникина, эмигрировал. Организовал по просьбе короля в Югославии Морскую военную академию и училище. Автор многочисленных работ по истории военно-морского искусства.

Буллит У.К. (1891—1967) — дипломат. Член американской делегации на Парижской конференции 1919, возглавлял секретную миссию В. Вильсона в Советской России. После отклонения его предложения о признании советского правительства вышел в отставку, выступил с резкой критикой Версальских соглашений. Первый посол США в СССР (1933-36), затем во Франции, советник министра ВМФ. В 1944-45 в армии де Голля.

Бюлов Б. (1849-1929) — князь, юрист. В 1897-1900 статс-секретарь иностранных дел Германии, в 1900-09 рейхсканцлер и министр-президент Пруссии. Инициатор жестких репрессий против рабочего движения. Требовал для Германии «места под солнцем», добивался всемерного увеличения германской военной мощи. Проводил политику колониальной экспансии.

Вайцзекер Э. — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии в 1938-43.

Вандам А.Е. (Едрихин) (1867-1933) — генерал-майор, закончил Академию Генерального штаба, корреспондентом участвовал в англо-бурской войне, затем в военной разведке в Китае, с 1906 в Генштабе. Главные работы касались геополитики: «Наше положение» (1912), «Величайшее из искусств» (1913). В 1-ю мировую войну ком. полка, нач. штаба дивизии. В Гражданской войне пассивно поддерживал белых, эмигрировал.

Ванситтарт Р.Г. (1881-1957) — замминистра иностранных дел Великобритании 1930-1937, представитель британского правительства в Германии. Главный дипломатический советник министра иностранных дел в 1938-1941.

Вильсон Х. — главный советник британского премьер-министра в правительстве Чемберлена 1937-1940.

Вирт К.Й. (1879-1956) — в 1921-1922 рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии. В 1930-31 министр внутренних дел. В 1933-1948 — в эмиграции. В 1953 в ФРГ основал и возглавил партию «Союз немцев, борющихся за единство, мир и свободу». Выступал против возрождения милитаризма, за установление дружественных отношений с СССР.

Ворошилов К.Е. (1881-1969) — член РСДРП с 1903, профессиональный революционер, активный участник революции 1905, с 1918 командующий и член Реввоенсовета ряда армий и фронтов. Один из организаторов 1-й Конной армии. С 1925 нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР; в 1934-40 нарком обороны СССР. С 1940 заместитель Предсовнаркома СССР, председатель Комитета обороны. В Великую Отечественную после поражений первых месяцев войны отозван с фронта и контролировал подготовку резервов Красной Армии. С 1953 председатель Президиума Верховного Совета.

Галифакс Э. Ф. (1881-1959) — в 1926-31 вице-король Индии, лорд-председатель Британского совета в 1937-38, в 1938-40 министр иностранных дел Англии. В 1941-46 посол в США.

Гальдер Ф. (1884-1972) — генерал-полковник, с 1936 в Генеральном штабе сухопутных войск Германии. В 1938-1942 начальник Генерального штаба сухопутных войск. В связи с поражениями осенью 1942 отстранен, с января 1945 в отставке. В брошюре «Гитлер как полководец» пытался представить Гитлера единственным виновником поражения Германии. Популярность приобрел «Военный дневник» Гальдера.

Гамелен М. (1872-1958) — французский генерал. В 1925-28 командующий войсками в Сирии, подавил национально-освободительное восстание. В 1931-35 и 1938-39 начальник Генерального штаба, в 1935-40 зам. председателя Высшего военного совета. В 1939-40 главнокомандующий союзными войсками во Франции. Осужден на процессе над виновниками поражения под председательством Петэна (1942). До конца войны в концлагере.

Гендерсон А. (1863-1935) — в 1929-31 министр иностранных дел в лейбористском правительстве Р. Макдональда. В 1932-33 председатель международной конференции по разоружению.

Гендерсон Н. — британский посол в Берлине в 1937-39.

Генри Э. (Ростовский С. Н.) (1904-90) — журналист, публицист («Гитлер против СССР» и др. книги). Участник антифашистского движения в Германии, член Коммунистической партии Германии в 1920-1933, в 1935-1951 — сотрудник советского посольства в Лондоне.

Герекс Г. (1893-1970) — помещик, в 1924-29 Президент Германского конгресса земельных общин, депутат рейхстага от Немецкой национальной партии, с 1929 от Христианско-национальной крестьянской партии. По настоянию Гинденбурга включен в кабинет Шлейхера, а затем Гитлера, как имперский комиссар по трудоустройству, отказался вступать в НСДАП, за что был арестован гестапо. В 1946 министр внутренних дел в Нижней Саксонии, затем занимал посты в земельных правительствах и ХДС. Из-за несогласия с авторитарной политикой Аденауэра и возвращением нацистов на руководящие посты ФРГ эмигрировал в ГДР.

Гилберт М. (1936-?) — английский историк, автор 3-томного труда «История XX века», истории мировых войн, биографии У. Черчилля и т.д.

Голль Ш. де (1890-1970) — президент Франции в 1959-69. В 1-ю мировую войну попал в плен. В межвоенный период стал приверженцем французского национализма и сторонником сильной исполнительной власти. Работы «Раздор в стане врага» (1924), «За профессиональную армию» (1934), «Франция и ее армия» (1938)... В 1940 основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция»; в 1943 стал руководителем Французского комитета национального освобождения. В 1944-46 — глава Временного правительства Франции. После войны основатель и руководитель партии «Объединение французского народа». В 1958 премьер-министр Франции.

Головин Н.Н. (1875-1944) — генерал-лейтенант, закончил Пажеский корпус, Академию Генерального штаба, диссертация по военной психологии, с 1907 профессор Николаевской академии. В 1-ю мировую войну ком. полка, нач. штаба армии. В Гражданскую войну ярый сторонник интервенции, воевал в армии Колчака, эмигрировал. Один из крупнейших специалистов по истории 1-й мировой войны, военной теории, социологии войны, контрреволюции. Автор более 30 фундаментальных работ и 100 публикаций по этим темам. Активно сотрудничал с различными французскими и американскими институтами и научными обществами. Создатель курсов «высшего военного самообразования» для русских офицеров-эмигрантов и т.д. Член РОВС.

Гофман М. (1869-1927) — генерал, писатель. В 1904-05 в германской военной миссии при 1-й японской армии. В 1914-16 генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта, начштаба. Фактический глава германской делегации во время Брестских переговоров.

Гугенберг А. (1865-1951) — в 1909-18 генеральный директор фирмы Круппа. В 1916 создал собственный концерн и стал одним из самых могущественных промышленников Германии. Владелец газет, телеграфных агентств и издательств, киностудии. Лидер крайне правой Национальной партии. В 1933 министр продовольствия и сельского хозяйства. После войны освобожден от наказания. Способствовал восстановлению в ФРГ милитаристских организаций, в том числе «Стального шлема».

Даладьё Э. (1884-1970) — лидер республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. Неоднократно министр по военным вопросам и обороне, иностранных дел и премьер-министр Франции в 1933, 1934, 1938 — марте 1940.

Данн Д.Дж. — современный американский историк, директор программ международных исследований Университета Юго-Западного Техаса. По направлению оруженосец «холодной войны».

Детердинг Г. (1866-1939) — один из крупнейших монополистов, «королей нефти». С 1902 — ген. директор «Ройял датч», с 1907

«Ройял датч шелл». Инициатор создания Международного нефтяного картеля.

Дигкоф — германский посол в 1930-40 гг. в США, в Испании.

Димитров Г.М. (1882-1949) — деятель болгарского и международного рабочего движения. Участник восстания 1923, эмигрировал. Работал в ИККИ. В 1933 арестован в Берлине по обвинению в поджоге германского рейхстага, предстал перед судом на Лейпцигском процессе. В 1934-45 в СССР. В годы 2-й мировой войны инициатор создания и руководитель Отечественного фронта Болгарии.

Дирксен Г. фон (1882-1955) — дипломат, с 1920 в посольстве в Варшаве. В 1923-25 генеральный консул в Данциге. В 1929-33 посол в СССР. С 1938 посол в Лондоне. После вступления Великобритании в войну покинул страну, вышел в отставку.

Додд У. (1869-1940) — историк, получил докторскую степень в Лейпциге. Преподавал в Чикагском университете. Президент Американской исторической ассоциации. Составил жизнеописания Джефферсона, Линкольна, Вильсона. Пламенный сторонник Ф. Рузвельта. Посол США в Германии в 1933-1937. Оставил свой уникальный дневник, который благодаря уму и честности автора дает понимание истинных причин Второй мировой войны.

Дольфус Э. (1892-1934) — с 1932 канцлер и министр иностранных дел Австрии. В 1934 подписал Римские протоколы, поставившие политику Австрии в полную зависимость от Италии. Убит австрийскими национал-социалистами, стремившимися к включению Австрии в состав Германии.

Дэвис Дж. (1876-1958) — американский посол в СССР в 1936-1938, автор книги «Миссия в Москве».

Думенк Ж. — глава французской военной миссии в Москве.

Зейсс-Инкварт А. (1892-1946) — один из лидеров национал-социализма, австриец. В 1938 назначен под давлением Гитлера министром внутренних дел Австрии, способствовал аншлюсу. С 1939 — рейхсштатхальтер Австрии, затем зам. генерал-губернатора Польши, в 1940-45 рейхскомиссар Нидерландов. В последние

дни войны — министр иностранных дел. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Зиновьев А.А. (1922—2006) — русский логик, социолог и писатель, основоположник жанра социологической повести (кн. «Зияющие высоты», «Желтый дом» и др.). Профессор МГУ. Диссидент, в 1976 уволен, лишен научных званий и военных наград. В 1978—1999 в эмиграции.

Зиновьев (Радомысльский) **Г.Е.** (Апфельбаум Герш-О.А.) (1883-1936) — член РСДРП(б), участник революции 1905-07, в октябре 1917 выступал против вооруженного восстания. С декабря 1917 председатель Петроградского совета. В 1919-26 председатель Исполкома Коминтерна. В 1923-24 вместе со Сталиным и Каменевым боролся против Троцкого. Член ЦК партии в 1907-27; член Политбюро ЦК в октябре 1917 и в 1921-26. В 1934 арестован по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», расстрелян.

Иден А. (1897-1977) — один из лидеров консервативной партии. В 1935-38 министр иностранных дел, оставил этот пост из-за разногласий с премьер-министром Н. Чемберленом. В 1940-45 министр иностранных дел в коалиционном кабинете Черчилля. В 1955-57 премьер-министр. Один из инициаторов англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956.

Йодль А. (1890-1946) — генерал-полковник. В 1939-45 начальник штаба оперуправления ВС Германии, главный советник Гитлера по всем оперативно-стратегическим вопросам. В 1945 подписал общую капитуляцию ВС Германии. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Кадоган А.Дж. (1885-1968) — британский дипломат. В 1933-36 посланник, затем посол в Китае. В 1938-46 постоянный 1-й зам. государственного секретаря по иностранным делам. В 1946-50 постоянный представитель Великобритании в ООН.

Калинин М.И. (1875-1946) — участник революционного движения с 1896, член РСДРП(б) с 1903. Активный участник революций. В 1918 комиссар городского хозяйства Петрограда. С 1926

член Политбюро ЦК, с 1919 председатель ВЦИК. В 1938-45 председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Карлей М. (р. 1945) — канадский историк, проф. Акронского ун-та (США), специалист и автор книг по политической истории России, <http://gozips.uakron.edu/~mcarley>

Карлейль Т. (1795-1881) — английский публицист, историк и философ.

Келлог — государственный секретарь США.

Кеннан Д. Ф. (1904-2005) — американский дипломат и историк. С 1925 занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США. В 1952 посол США в СССР, отозван в связи с враждебными выпадами в адрес СССР. В 1961-63 посол США в Югославии. Один из идеологов «холодной войны», сторонник политики «с позиции силы» в отношении СССР.

Клемансо Ж. (1841-1929) — премьер-министр Франции в 1906-09, 1917-20. В 1880-90-х гг. лидер радикал-социалистов, журналист, издатель, в прессе выражал мнение о неизбежности войны с Германией. Председатель Парижской мирной конференции 1919-20.

Конт О. (1798-1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом. Кредо позитивистской социологии — «порядок и прогресс». Социальной силой, призванной осуществить преобразования, считал пролетариат, превосходящий все другие социальные слои морально-интеллектуальными качествами, при этом являлся сторонником незыблемости частной собственности. Был противником демократии, революции (анархии) и классовой борьбы. Отвергал либерализм, как генератор эгоизма и низменных инстинктов, считал «коммунизм» противоречащим законам социологии учением. Основные сочинения: «Курс позитивной философии», «Система позитивной политики».

Колье Л. — глава северного департамента британского Форин Оффиса в 1935-42.

Корбен Ш. — французский посол в Лондоне в 1933-1940.

Крестинский Н.Н. (1883-1938) — с 1918 нарком финансов РСФСР. С 1921 полпред в Германии, с 1930 зам. наркома иностранных дел СССР. В 1937 зам. наркома юстиции СССР. Репрессирован.

Кривицкий В.Г. (1899-1941) — советский разведчик. В 1918-21 на нелегальной партийной работе по линии Коминтерна в Австрии и Польше. С 1923 г. в Германии, с 1935 глава советской военной разведки в странах Европы. В 1937 эмигрировал во Францию, затем в США.

Криппс Р.С. (1889-1952) — один из лидеров левого крыла Лейбористской партии Великобритании; в 1934-35 член ее Исполкома. Выступал за создание единого фронта левых сил, включая компартию. В 1939 исключен из партии (восстановлен в 1945). В 1940-42 посол в СССР. В 1942-50 в правительстве.

Кузнецов Н.Г. (1904-74) — адмирал Флота Советского Союза. С 1930 командир крейсера, в 1936 военный атташе в Испании, с 1937 командующий Тихоокеанским флотом, В 1939-46 нарком ВМФ. В 1951-53 военно-морской министр. В 1953-56 главком ВМС.

Кулондр Р. — французский посол в Москве в 1936-38 и Берлине в 1938-39.

Кюстин А. (1790-1857) — маркиз, французский автор романов и путевых заметок. Европейскую славу принесла книга «Россия в 1839 г.». В России была запрещена, неоднократно использовалась в целях антироссийской пропаганды. Однако, если отбросить идеологизмы, до сих пор остается одной из лучших и наиболее проникновенных книг о России.

Лаваль П. (1883-1945) — в 1931-32 и в 1935-36 премьер-министр Франции, в 1934-35 министр иностранных дел. С началом 2-й мировой войны добивался подписания сепаратного мира с Германией. Министр в правительстве Петэна, в 1942-1944 премьер-министр коллаборационистского правительства. В 1945 казнен по обвинению в измене.

Литвинов М.М. (Валлах Макс) (1876-1951) — дипломат. С 1918 г. член коллегии Наркоминдела. С 1921 зам. наркома, а затем в 1930-39 нарком иностранных дел СССР. В 1941-1943 зам. наркома иностранных дел, одновременно посол СССР в США. Член ВЦИК, ЦИК СССР.

Лотиан, лорд (1882 — ?) — журналист, в 1916—21 секретарь премьер-министра Ллойд Джорджа. С 1939 посол Великобритании в США.

Луначарский А.В. (1875-1933) — закончил Цюрихский университет, с 1898 активный участник марксистского движения. Развивал идею «богостроительства» (сборник «Религия и социализм», 1908). В 1917-29 нарком просвещения. В 1933 полпред СССР в Испании.

Майский И.М. (1884-1975) — дипломат, историк. В 1929-32 полпред в Финляндии, в 1932-43 посол СССР в Великобритании. В 1943-46 зам. наркома иностранных дел СССР.

Маккензен А. (1849-1945) — генерал-фельдмаршал. Участвовал во франко-прусской войне 1870-71, с 1882 в германском генштабе. В 1-ю мировую войну командир корпуса, армии на Восточном фронте.

Мандель Ж. (1885-1944) — журналист, во время 1-й мировой войны выполнял поручения Клемансо по установлению контроля за прессой и профсоюзным движением. В 30-е гг. министр почт, министр колоний. Выступил за союз с СССР, против «политики умиротворения» и Мюнхенских соглашений. Участник боев с германскими войсками, в мае 1940 назначен министром внутренних дел. Арестован, убит вишистами.

Маннергейм К.Г. (1867-1951) — барон, маршал (1933). До 1917 на службе в русской армии, генерал-лейтенант (1917); в 1918 командующий белофинской армией, подавил Финляндскую революцию. Председатель Совета государственной обороны с 1931. Руководил действиями финской армии во время советско-финской войны 1939-40, и в 1941-44 в качестве союзника фашистской Германии. В 1944-1946 — президент Финляндии.

Микоян А.И. (1895-1978) — в 1926-1946 нарком внешней и внутренней торговли, нарком снабжения, нарком пищевой промышленности СССР. В 1937-46 заместитель председателя СНК СССР. С 1941 председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии; в 1942-45 член ГКО, в 1943-1946 член Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации. В 1946-64 зам. председателя Совета Министров СССР.

Молотов В.М. (1890-1987) — с 1917 член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1921-30 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930-41 председатель Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР, одновременно с мая 1939 нарком иностранных дел СССР. В 1941-57 1-й зам. председателя СНК (затем Совета Министров) СССР, одновременно в 1941-49, 1953-57 министр иностранных дел СССР.

Монро Д. (1758-1831) — президент США. В «доктрине Монро» (1823) выдвигался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы и провозглашалась идея невмешательства США в дела европейских государств и соответственно невмешательства последних в дела Американского континента.

Мерекалов А.Ф. — советский посол в Берлине в 1938-39.

Мехэн А.Т. (1840-1914) — американский военный морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906). Участник гражданской войны, испано-американской войны 1898, в 1899 член американской делегации на 1-й Гаагской конференции. Обосновывал закономерность войн, оправдывал захватнические войны США и завоевание мирового господства. Работы: «Влияние морской силы на историю 1660—1783»; «Влияние морской силы на французскую революцию и империю».

Наджияр П. Э. — французский посол в Москве в 1939-1940.

Надольный Р. А. (1873-1953) — дипломат. В 1903-07 вице-консул в Петербурге, затем советник германского министерства иностранных дел. В 1932-33 глава германской делегации на конференции по разоружению в Женеве.

Натчбулл-Хаджесен Х. — посол Великобритании в Турции во время 2-й мировой войны. Автор книги «Diplomat in Peace and War».

Нейрат К. (1873-1956) — дипломат, в 1932-1938 министр иностранных дел Германии. В 1938-39 глава Тайного кабинета — высшего консультативного органа по вопросам внешней политики. В 1939-42 протектор Чехии и Моравии. На Нюрнбергском процессе приговорен к тюремному заключению.

Некрич А.М. (1920-93) — историк. Автор книги «22 июня 1941 г.» (1966), ставшей сенсацией в СССР и подвергшейся резкой официальной критике. Исключен из партии, в 1976 получил разрешение покинуть СССР. Преподавал в Гарвардском университете. Другие произведения: «Наказанные народы»; «Утопия у власти».

Никольсон Г. — дипломат, писатель.

Осусский С. — чешский представитель в Париже в 1938-39.

Пайяр — французский поверенный в делах в Москве в 1931 - 1940.

Пальмерстон Г.Д. (1784-1865) — виконт, лидер вигов, министр иностранных дел Англии в 1830-40-е, в 1855-59 премьер-министр. В 1830-55 министр иностранных дел, внутренних дел. Сторонник консервативно-реакционного курса.

Папен Ф. фон (1879-1969) — сын крупного землевладельца. В 1914—18 офицер Генштаба. В 1913—15 военный атташе в США, откуда был выслан за шпионаж и подрывную деятельность. В 1921—32 депутат прусского ландтага от католической партии «Центра»; примыкал к ее крайне правому крылу. В июле — ноябре 1932 канцлер. В 1933 вице-канцлер, в 1934-38 посол в Австрии, содействовал аншлюсу. В 1939-44 посол в Турции. В 1946 оправдан Нюрнбергским трибуналом.

Петэн А.Ф. (1856-1951) — маршал, с 1917 начальник Генштаба, главнокомандующий французской армией. В 1934 — военный министр, в 1940 премьер-министр. Подписал капитуляцию Франции. Глава правительства Виши 1940-44. В 1945 приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

Потемкин В.П. — советский посол в Париже в 1935-37, зам. наркома иностранных дел в 1937-39.

Радек К.Б. (1885-1939) — в 1919-24 член ЦК РКП(б). В 1920—24 член (в 1920 секретарь) Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет «Правда» и «Известия». Репрессирован.

Радо Ш. (1899-1981) — венгерский картограф и географ, доктор географических и экономических наук. Участник революционного движения 1919 в Венгрии и антифашистской борьбы. Во время 2-й мировой войны руководил разведгруппой «Дора» в Швейцарии.

Ратенау В. (1867-1922) — мультимиллионер, владелец Всеобщей электрической компании (АЭГ). По словам Г. Далласа: «Ратенау был богат, как Гувер, и был философом, как Кейнс». В 1921-22 министр восстановления, иностранных дел Германии. Во время Генуэзской конференции подписал Рапалльский договор с Советской Россией. Убит националистами.

Рейнхарт Ф. — статс-секретарь министерства финансов Германии в 1934 г.

Редер Э. (1876-1960) — гросс-адмирал. Во время 1-й мировой войны командовал крейсером. С 1928 начальник Главного морского штаба; в 1935-43 главнокомандующий ВМФ. С 1943 в отставке.

Риббентроп И. (1893-1946) — один из приближенных А. Гитлера. В 1936-38 посол в Лондоне. В феврале 1938-45 министр иностранных дел. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Розенберг А. (1893-1946) — журналист, участник «пивного путча», с 1923 — главный редактор центрального органа НСДАП «Фелькишербеобахтер». С 1933 глава внешнеполитического отдела Национал-социалистической партии. С июля 1941 — министр оккупированных восточных территорий. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала.

Рыдз-Смиглы Э. (1886-1941) — генеральный инспектор польской армии, фактический диктатор Польши с 1935, маршал. Командующий армией в советско-польской войне 1920. В сентябре 1939 главком; после нападения Германии бежал в Румынию.

Саймон Дж. — британский министр внутренних дел в 1935-1937, министр финансов в 1937-40.

Сект Х. (1866-1936) — генерал. В 1-ю мировую войну командовал войсками на Восточном фронте. С 1918 начальник турецкого Генштаба. В 1919-20 начальник войскового управления (аналога Генштаба). В 1920-26 начальник управления сухопутными войсками.

Сидс У. — британский посол в Москве в 1939 г.

Спенсер Ч. — видный член консервативной партии Великобритании, директор электрических компаний.

Стрэнг У. — начальник главного департамента британского МИД в 1938-39, руководитель британской миссии в Москве в 1939. Помощник заместителя министра иностранных дел 1939-1941.

Суриц Я.З. (1882-1952) — советский дипломат. В 1920-1934 полпред в Афганистане, Норвегии, Турции. В 1934-37 полпред в Германии. В 1937 переведен во Францию. В 1937-39 постоянно входил в состав советской делегации в Лиге Наций.

Тиссен Ф. (1873-1951) — крупнейший германский промышленник, субсидировал нацистский переворот, а затем — вооружение гитлеровской Германии. Поссорившись с Гитлером, в 1939 покинул страну и жил за границей. Издал книгу «Я оплачивал Гитлера». После 2-й мировой войны активно способствовал восстановлению западногерманского промышленного потенциала.

Тойнби А.Д. (1889-1975) — английский историк и социолог. Профессор Лондонского университета, затем Лондонской школы экономических наук. В 1925-55 один из руководителей Королевского института международных отношений; автор «Исследования истории», в которой стремился переосмыслить все общественно-историческое развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций.

Тухачевский М.Н. (1893—1937) — маршал. Участник 1-й мировой войны. С 1918 в Красной Армии, командовал армиями и фронтами. Начальник Военной академии РККА, в 1925-28 начштаба РККА. С 1931 зам. председателя Реввоенсовета СССР, с 1934 зам. наркома обороны. Репрессирован.

Уборевич И.П. (1896-1937) — военачальник. В Гражданскую войну командующий армией на Южном, Кавказском и Юго-Западном фронтах. В 1922 военный министр и главком Народно-революционной армии Дальневосточной республики. С 1925 командующий войсками ряда военных округов. Репрессирован.

Уткин А.И. (р. 1944) — историк, профессор МГУ с 1994, с 1997 директор центра международных исследований Института США и Канады РАН, эксперт по внешней политике США, советник Комитета по международным делам Госдумы. Автор монографий: «Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне», «Франклин Рузвельт», «Американская стратегия для XXI века» и др.

Фиппс Э. — британский посол в Берлине в 1933-1937 и Париже 1937-1939.

Фош Ф. (1851-1929) — маршал. В 1-ю мировую войну командовал корпусом, армией, группой армий «Север». С 1917 начальник Генштаба, с 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из активных организаторов военной интервенции в Советскую Россию.

Фриш С.Э. (1899-1977) — физик, член-корр. АН СССР (1946). Основные труды по спектроскопии и спектральному анализу.

Фуллер Д.Ф. (1878-1966) — военный историк и теоретик, генерал-майор. Участник англо-бурской и 1-й мировой войн. Труды посвящены истории двух мировых войн.

Хадсон Р. — секретарь британского министерства внешней торговли в 1937-40.

Хайек фон Ф. (1899-1992) — представитель австрийской школы экономического либерализма. Эмигрировал в Великобританию, затем в США. Основные направления работ: денежная теория, методология. Подверг острой критике идеи и практику социализма. Автор книг «Дорога к рабству» (1944), «Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма» (1988) и др. Один из вдохновителей (наряду с М. Фридменом) неоконсервативного поворота в экономической политике стран Запада. Нобелевская премия (1974). ❦

Хинчук Л.М. (1869-1944) — меньшевик, член «Комитета Спасения Отечества и Революции», большевик с 1920 г. Посол в Германии в 1930-34. Репрессирован.

Хор С. — министр иностранных дел Англии в 1935, первый лорд адмиралтейства в 1936-39, лорд-хранитель королевской печати в 1939-40.

Чемберлен Н. (1869-1940) — консерватор, брат О. Чемберлена, член парламента с 1918, в 1922-37 генеральный почтмейстер, казначей вооруженных сил, министр здравоохранения, финансов, премьер-министр Великобритании в 1937-40.

Ченнон Г. (1897-1958) — член парламента в 1935-58, парламентский секретарь, замминистра иностранных дел в 1938-40. Лорд, активный сторонник умиротворения Германии.

Чичерин Г.В. (1872-1936) — в 1918-30 нарком иностранных дел РСФСР, СССР, руководитель делегаций РСФСР на Генуэзской и Лозаннской конференциях. Член ЦК партии в 1925-30.

Шахт Я. (1877-1970) — финансист, в 1916 директор Национального банка Германии. В 1923-30, 1933-37 и с 1938 президент рейхсбанка. В 1934-37 рейхсминистр экономики.

Ширер У. (1904-?) — американский журналист и историк, автор многих книг, статей и радиорепортажей о Третьем рейхе. В 1925-1932 собкор газеты «Трибюн» в Западной Европе, затем шеф берлинского бюро американской службы новостей.

Шлейхер К. фон (1882-1934) — генерал, с 1913 в Генштабе. После 1918 сотрудник командующего рейхсвером фон Секта, участвовал в разработке планов восстановления военного потенциала Германии. С 1929 статс-секретарь военного министерства, в 1932 военный министр. В декабре 1932 рейхсканцлер. Убит в «ночь длинных ножей».

Шнурре К. — глава департамента экономической политики министерства иностранных дел Германии в 1938-40.

Штреземан Г. (1878-1929) — в 1903-18 зампред Союза германской промышленности. Один из организаторов и лидеров Немецкой народной партии. В 1923 глава правительства, министр иностранных дел.

Шуленбург В. фон (1875-1944) — граф, дипломат, в 1934-41 посол в СССР. Выступал против войны и за сотрудничество между Германией и СССР. Причастен к Июльскому заговору 1944, казнен.

Шушниг К. (1897-1977) — один из лидеров австрийской Христианско-социальной партии. В 1932-34 министр юстиции, министр просвещения. С 1934 канцлер. После аншлюса заключен в концлагерь. Освобожден в 1945, эмигрировал в США.

Эберт Ф. (1871-1925) — социал-демократ, в 1916 глава фракции в рейхстаге. В 1918 рейхсканцлер, подавил германскую коммунистическую революцию. С 1919 президент Германии.

Эмери Л. — лорд, в 1922-1940 первый лорд Адмиралтейства.

Ягов Г. (1863-1935), дипломат, в 1913-16 статс-секретарь МИД Германии.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бердяев Н. А... — Бердяев Н. А. Самопознание. — М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1999.

Бернстайн П.Л... — Бернстайн П.Л. Власть золота. — М.: Олимп-бизнес, 2004. — 400 с.

Борисов Ю. В... — Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984.

Булатов В.Н... — Булатов В.Н. Адмирал Кузнецов. — Архангельск: Поморский университет, 2004. — 268 с.

Буллок А... — Буллок А. Гитлер и Сталин: в 2 т., пер. Н. Бочкаревой, Н. Пальцева, Н. Казаковой, Л. Артемова, А. Фельдшера. — Смоленск: Русич, 2000.

Вандам А. Наше положение ... — Вандам А. Наше положение. СПб, 1912. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Вандам А... — Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб, 1913. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Витте С.Ю... — Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001.

Гайдар Е., Мау В... — Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики. — М.: Институт экономики РАН. № 6, 2004.

Геббельс... — Ржевская Е.М. Геббельс. Портрет на фоне дневника. — М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2004. — 400 с.

Генри Э... — Генри Эрнст. Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. — М.: ИПЦ «Русский раритет», 2004. — 488 с.

Гереке Г... — Гереке Г. Я был королевско-прусским советником. — М.: Прогресс, 1977. — 868 с.

Голдин В. И... — Заброшенные в небытие. Интервенция на русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. Составитель В. И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1997.

Головин Н., Бубнов А... — Головин Н., Бубнов А. «The Problem of the Pacific in the Twentieth Century». Лондон, Нью-Йорк, 1922 г.; Стратегия американо-японской войны. — М.: Военный вестник, 1925. (Неуслышанные пророки грядущих войн. Пред., сост. И. Образцов. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 363 с.)

Горький М. — Горький М. Несвоевременные мысли. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с.

Грызун В... — Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 608 с.

Данн Д... — Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. — М.: Три квадрата, 2004. — 472 с.

Деникин А. И... — Деникин А. И. Очерки русской смуты. — Мн.: Харвест, 2002.

Дирксен фон Г... — Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. Пер. с англ. Н.Ю. Лихачевой. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. — 445 с.

Додд У... — Додд У. Дневник посла Додда. 1933-1938./ Пер. с англ. В. Мачавариани и В. Хинкиса. — М.: Грифон, 2005. — 480 с.

Исаев А... — Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. — М.: Эксмо, Яуза, 2004. — 416 с.

Жуков Ю... — Жуков Ю. Н. Сталин: операция «Эрмитаж». — М.: Вагриус, 2005. — 336 с.

Кара-Мурза А., Поляков Л... — Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. — Спб.: РХГИ, 1999. — 440 с.

Кара-Мурза С... — Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. — М.: Алгоритм, 2002.

- Карлей М.Д... — Карлей М.Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. — М.: «Грантъ», 2005. — 376 с.
- Картье Р... — Картье Р. Тайны войны. После Нюрнберга. — М.: Вече, 2005. — 448 с.
- Киган Д... — Киган Д. Первая мировая война/ Пер. с англ. Т. Горошковой, А. Николаева. — М.: «АСТ», 2002. — 576 с.
- Клаузевиц К... — Клаузевиц К. О войне. /пер. Рачинского. — М.: Логос; Наука, 1994. — 448 с.
- Кожин В. В... — Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.
- Кожин В. В. О русском... — Кожин В. В. О русском национальном сознании. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 416 с.
- Кремлев С. Россия и Германия... — Кремлев С. Россия и Германия: сравнить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну/С. Кремлев. — М.: «Издательство АСТ»: «Издательство Астрель», 2003. — 318 с.
- Кремлев С... — Кремлев С. Россия и Германия: путь к пакту: Коридоры раздора и пакт надежды: историческое исследование. — М.: АСТ; Астрель; ВЗОИ, 2004. — 469 с.
- Куняев С... — Куняев С.Ю. Русский полонез — М.: Алгоритм, 2006. — 352 с.
- Лампмен Дж. Роберт... — Лампмен Дж. Роберт. Принстонский университет 1962 г. Богачи и сверхбогачи. Ф. Ландберг. — М.: Прогресс. 1975.
- Манчестер У... — Манчестер У. Стальная империя Круппов. — М.: Центрполиграф. 2003. — 702 с.
- Мау В., Стародубровская И... — Мау В.А., Стародубровская И.В. Великие революции: От Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001.
- Мельтюхов М.И... — Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). — М.: Вече, 2000.
- Некрич А.М... — Некрич А.М. 1941, 22 июня. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — 335 с.

Нольте Э... — Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. Пер. с нем./ Послесловие С. Земляного. — М.: Логос, 2003. — 528 с.

Нюрнбергский процесс... — Нюрнбергский процесс, в 8 т., т.1 — М.: Юридическая литература, 1987. — 688 с.

Оруэлл Дж... — Оруэлл Дж. «Англичане». Эссе. Статьи. Рецензии — Пермь: Капик, 1992, 320 с.

Папен Ф... Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. 1933-1947. / Пер. с англ. М. Барышникова. — М.: Центрполиграф, 2005. — 590 с.

Печатнов В.О... — Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. — М.: ТЕРРА, 2006. — 752 с.

Пуанкаре Р... — Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. — 784 с.

Пыхалов И... — Пыхалов И. Великая оболганная война. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 480 с.

Рыбас С. Ю... — Рыбас С. Ю. Столыпин. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 421 с.

Скидельски Р... — Скидельски Р. Хайек versus Кейнс Дорога к примирению. Вопросы экономики, № 6, июнь 2006.

Советско-американские отношения... — Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1927-1933. — М.: МФД, 2002. — 824 с.

Соколов Б. Германская империя... — Соколов Б. Германская империя: от Бисмарка до Гитлера. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 480 с.

Такман Б... — Такман Б. Первый блицкриг, август 1914 / Предисл. и пер. О. Касимова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Jantastica, 2002. — 635 с.

Таннер В... — Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии. 1939-1940. / Пер. с англ. В. Кайдалова. — М., 2003. — 349 с.

Типпельскирх К... — Типпельскирх К. История Второй мировой войны. — СПб., М., Полигон. АСТ. 1998. — 795 с.

Типпельскирх К., Киссельринг А. Гудериан Г... — Типпельскирх К., Киссельринг А. Гудериан Г. Итоги Второй мировой войны. Выводы победенных. — СПб., М.: Полигон, АСТ. 1998.

Трухановский В.Г... — Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения, 1982. — 464 с.

Тэтчер М... — Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 504 с.

Уткин А.И. Рузвельт... — Уткин А.И. Рузвельт. — М.: Логос, 2000. — 544 с.

Уткин А. И. Забытая трагедия... — Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: «Русич», 2000. — 640 с. (Мир в войнах), с. 206

Уткин А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. — 624 с.

Уткин А.И. Россия над бездной... — Уткин А.И. Россия над бездной — Смоленск: Русич, 2000. — 480 с.

Фест И. Путь наверх... — Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх. / Пер. А. Федорова, Н. Летнева, А. Андропова. — М.: Вече, 2006. — 640 с.

Фест И. Триумф... — Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. / Пер. А. Федорова, Н. Летнева, А. Андропова. — М.: Вече, 2006. — 640 с.

Фурсов А. И... — Фурсов А. И. «Биг Чарли», Или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... / Русский Исторический Журнал. Весна 1998.

Фуллер Дж. Ф... — Фуллер Дж. С. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. — М.: АСТ, СПб. Полигон, 2006. — 559 с.

Фурсов А. И. Saeculum.. — Фурсов А. И. Saeculum vicesimum: in metoiam. / Русский Исторический Журнал. 2000, N 1-4.

Хауз... — Архив полковника Хауза. В 2 т. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 602 с.; — 744 с.

Хоскинг Дж... — Хоскинг Дж. Россия и русские, в 2 кн. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. — 492 с.

Черчилль У... — Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 768 с.

Шамбаров В.Е... — Шамбаров В.Е. **За веру, царя и Отечество!** — М.: Алгоритм, 2003. — 656 с.

Шацилло В. К... — Шацилло В. К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 480 с.

Шацилло К. Ф... — Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне — М.: РОССПЭН, 2000. — 399 с.

Ширер У... — Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х томах. — Пер. с англ./С предисловием и под ред. О. А. Ржешевского. — М.: Воениздат, 1991.

Шпеер А... — Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. / Пер. С.В. Лисогорского — М.: Центрполиграф, 2005. — 654 с.

Шубарт В... — Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 480 с.

Язьков Е.Ф... — Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918-1945) — 2 изд. М. МГУ; ИНФРА-МБ, 2001. — 352 с.

Churchill W. The Second World War. — London Pimlico. 2002. — 1034 p.

Keynes J.M. The Economic cosequences of the Peace. Printed by R. & R. Clarc, Limited, Edinburg.

¹ <http://istory4.narod.ru/fest.html>

² Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за 1913 год. Часть I /Издание департамента таможенных сборов. СПб., 1914. Введение. С III-IV.

³ Ленин — Смильге (начальнику Главного управления по топливу) в Берлин 26 января 1922 г. Встреча Смильги и Стомоныкова 31 января 1922 г. с представителями «Deutsche Bank» по вопросу нефтяных концессий. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 72).

⁴ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 69.

⁵ Ференбах О... с. 82.

⁶ Хаффнер С. Дьявольский пакт (Ференбах О... с. 82, 84-85).

⁷ Дирксен фон Г... с. 75.

⁸ Миллер. Советские воздушные силы в войне.

⁹ *Ministere des affaires etrangeres. Archives diplomatiques, Europe-Russie. Dossier 35, p. 102, 107, 185* (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 26).

¹⁰ Нота посольству Германии в Москве 17 января 1923 г.

¹¹ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 107.

¹² Хаффнер С. Дьявольский пакт (Ференбах О... с. 84-85).

¹³ Ж. Эрбетт — МИДу, 24 октября 1925 г. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 301).

¹⁴ Ж. Эрбетт — МИД Франции, январь 1925 г. *Ministere des affaires etrangeres. Archives diplomatiques, Europe-Russie. Dossier 357, p. 199, 201* (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 33).

¹⁵ Геббельс... 16, 23 октября 1925 г., с. 46-47.

¹⁶ Сект «Германия между Востоком и Западом», 1932—1933.

¹⁷ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 81-82.

¹⁸ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 82.

¹⁹ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 82.

²⁰ Дирксен фон Г... с. 75.

- ²¹ Дирксен фон Г... с. 80, 81.
- ²² Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 81.
- ²³ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 81.
- ²⁴ Дирксен фон Г... с. 97.
- ²⁵ Дирксен фон Г... с. 99.
- ²⁶ Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации, с. 114.
- ²⁷ Горлов С.А. Совершенно секретно... с. 220; Дьяков Ю. Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР... с. 186-187.
- ²⁸ Горлов С.А. Совершенно секретно... с. 220; Дьяков Ю. Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР... с. 186-187.
- ²⁹ Пыхалов И... с. 32.
- ³⁰ Sutton A. C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 — 1930. Stanford University, 1972 [263-348].
- ³¹ Уборевич доклад о пребывании в Германии 13 января 1929 г. Дирксен фон Г... с. 422-423.
- ³² Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с., с. 88.
- ³³ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 83.
- ³⁴ Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 301, 334, 471, 476, 544, 551, 782, 786, 1068, 1073. Все суммы пересчитаны по курсу рубля, введенному с 1 марта 1950 г. (Пыхалов И..., с. 199). В данном случае есть расхождения в цифрах.
- ³⁵ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 97.
- ³⁶ Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. №5. С. 14 (Пыхалов И..., с. 199-200).
- ³⁷ Дирксен фон Г... с. 138.
- ³⁸ Дирксен фон Г... с. 139.
- ³⁹ Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. Статистический обзор. М., 1960. С. 301, 334, 471, 476, 544, 551, 782, 786, 1068, 1073. Все суммы пересчитаны по курсу рубля, введенному с 1 марта 1950 г. (Пыхалов И..., с. 199).
- ⁴⁰ Полпред СССР в Германии Хинчук — рейхсканцлеру Шлейхеру, меморандум 21 декабря 1932 г. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 284-285).
- ⁴¹ Геббельс... с. 144, прим. составит.
- ⁴² VB vom 04.03.1933 (nicht in Domarus und Schulthess). (Нольте Э... с. 33).
- ⁴³ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 299.
- ⁴⁴ Союз германской промышленности во внутренней и внешней политике Гитлера. 19 февраля 1933. (Дирксен фон Г... с. 425-426.).
- ⁴⁵ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 342-343.

⁴⁶ См. ответ: «Известия», 6 мая 1933 г. Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 345.

⁴⁷ Дирксен фон Г... с. 170.

⁴⁸ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 349.

⁴⁹ Папен Ф... с. 290.

⁵⁰ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 348

⁵¹ Гитлер А. Майн кампф.

⁵² Гитлер А. Майн кампф.

⁵³ Доклад Крестинского, ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 497. Л. 81-84. (Дирксен фон Г... с. 428.)

⁵⁴ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 354.

⁵⁵ Из отчета полпредства СССР в Германии от 31 декабря 1933 г. Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 341 (Грызун В..., с. 349).

⁵⁶ Молодяков В.Э... с. 65.

⁵⁷ М.М. Литвинов — И.В. Сталину о международном положении и взаимоотношениях с США. 18 мая 1930 г. (Советско-американские отношения..., с. 284).

⁵⁸ Соколов В. В. Неизвестный Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2, с. 13-14 (Шубин А. В..., с. 40).

⁵⁹ Твардовски — советнику МИД Типпельскирху. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 18).

⁶⁰ Письмо заместителя управляющего Главного секретариата Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР Фесенко главному секретарю Коллегии НКВД Б.И. Канторовичу о беседе наркома А. И. Микояна с американским коммерсантом Э. Файлином, приложение, 9 июля 1927 г. (АВП РФ, ф. 04, оп. 3, п.13, д. 191, л. 3-11.) (Советско-американские отношения... с. 31-32).

⁶¹ Тухачевский М.Н., Берзин Я.К., Жигур Я.М., Никонов А.Н. Будущая война. — М.: 1928 г. (М.: ВАШГ ВС РФ, 1996, с. 55.) (Исаев А. Антисуворов.- М.: Яуза, Эксмо, 2005 — 352 с., с. 304.)

⁶² Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. С. 60 (Грызун В..., с. 83).

⁶³ Carley M. J., Debo R. K., Always in Need of Credit: The USSR and Franco-German Economic Cooperation, 1916-1919, French Historical Studies, vol. 20, no. 3 (Summer 1997), pp. 315-356. (Карлей М..., с. 317-318).

⁶⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVI. М., 1974, с. 161 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 16).

⁶⁵ 9 февраля 1933 г. Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 301.

⁶⁶ П. Кот, сентябрь 1933 г. Documents diplomatiques francais 1932-1939, 1-e serie, t. IV, p. 570-572 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 64).

⁶⁷ Додд У... с. 65.

⁶⁸ Леже — М. Розенбергу 28 апреля 1934 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 79.)

⁶⁹ John Carswell, *The Exile: A Life of Ivy Litvinov*, London, 1983, p. 113 (Карлей М..., с. 40).

⁷⁰ Посол Германии в СССР Г. фон Дирксен — Н. Крестинскому, официальная встреча, 27 февраля 1933 г.

⁷¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 62.

⁷² Кремлев С. Путь к пакту... с. 22.

⁷³ 4, 13 декабря 1933 г. Внешняя политика СССР. Т. NVI №405, с. 714, № 424, с. 743. (Некрич А... с. 14).

⁷⁴ Documents on British foreign policy. Policy 1919-1939. 2. ser. t. 6, p. 806 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 32).

⁷⁵ Coulondre R. *De Staline a Hitler. Souvenirs de l'ambassade*. p. 18 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 32).

⁷⁶ Внешняя политика Чехословакии 1918-1939 гг. Под ред. В. Сояка. Пер. с чеш. М., 1959, с. 336 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 19).

⁷⁷ Малафеев К. А. Луи Барту. Политик и дипломат. М., 1988, с. 139; Шубин А. В..., с. 170.

⁷⁸ И. Сталин. XVIII съезд ВКП(б) 10 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. 1939. С.18.

⁷⁹ Карлей М..., с. 41.

⁸⁰ Советская сторона в лице торгпреда в Германии И. Вейцера извещала германскую: «Объем советского экспорта в Германию в 1934 г., предусмотренный Протоколом от 20 марта 1934 г., разд. I, пункт 2, в размере 200 млн. германских марок ни в коей мере не гарантирован» (Кремлев С. Путь к пакту... с. 41.) Крестинский — Трояновскому, 9 марта 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 102).

⁸¹ Krivitsky W. G. In *Stalin's Secret Service*. New York, 1939. p. 10. (Некрич А... с. 20).

⁸² Некрич А... с. 20-21.

⁸³ DGFP. Serie C. Vol. 3. N 229. p. 455. Шуленбург — МИДу. Москва. 1934. 3 окт. (Некрич А... с. 21).

⁸⁴ Журавель В.А. Технологии Третьего рейха на службе СССР // История науки и техники. 2002. №5. С.54 (Пыхалов И..., с. 201).

⁸⁵ Журавель В.А. Технологии Третьего рейха на службе СССР // История науки и техники. 2002. №5. С.54-55 (Пыхалов И..., с. 202).

- ⁸⁶ DGFP. Serie C. Vol. 2. N 173. p. 333-334. Шуленбург — МИДу. Москва. 1934. 10 янв. (Некрич А... с. 15).
- ⁸⁷ Ноябрь 1934 г. Додд У... с. 214.
- ⁸⁸ 18 июня 1934 г. Додд У... с. 143.
- ⁸⁹ Троцкий Л. Преданная революция.
- ⁹⁰ Joseph E. Davies. Mission to Moscow, NY., Simon and Schuster, 1941, pp. 59-606 78-79; Davies to Hull, July 10, 1937, FRUS: Soviet Union, p. 386-387 (Данн Д..., с. 135).
- ⁹¹ Апрель 1935 г. Додд У... с. 266.
- ⁹² Журавель В.А. Технологии Третьего рейха на службе СССР // История науки и техники. 2002. №5. С.55-56 (Пыхалов И..., с. 203).
- ⁹³ Внешняя политика СССР. М., 1937, т. XVIII, с. 250.
- ⁹⁴ Известия. 4 июня 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 103-104).
- ⁹⁵ Литвинов — полпреду в Чехословакии Александровскому, 27 июня 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 104).
- ⁹⁶ Сталин — торгпреду в Берлине Канделаки, июль 1935 г. (Некрич А... с. 22).
- ⁹⁷ Суриц — Литвинову, 28 ноября 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 105).
- ⁹⁸ DGFP. Serie C. Vol. IV. № 383. pp. 778-779. Посол Шуленбург — статс-секретарю Бюлову. Москва. 1935. 28 окт.; № 407, p. 811-813; Шуленбург — Кепке. Москва. 1935. 11 ноября. (Некрич А... с. 23).
- ⁹⁹ Заявление советника советского посольства в Берлине Бессонова, 31 декабря 1935 г. DGFP. Serie C. Vol. IV. № 383. № 453. p. 897. Меморандум фон Твардовского. — Берлин. 1935, 10 дек. № 472, p. 931-933; Меморандум Редигера. Берлин. 1935. 21 дек. (Некрич А... с. 23).
- ¹⁰⁰ Заметки Хенке о беседе с Бессоновым. Берлин. 1936. 3 июля. (Некрич А... с. 24).
- ¹⁰¹ Некрич А... с. 23-24.
- ¹⁰² И. Сталин. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XVII съезду 26 января 1934 г.
- ¹⁰³ Осень 1934 г. Додд У... с. 196-197.
- ¹⁰⁴ У. Черчилль, октябрь 1932 г. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 249.)
- ¹⁰⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Vol. IV, № 100. (Папен Ф... с. 204).
- ¹⁰⁶ Бора. 3 октября 1933 г. Советско-американские отношения... с. 618-619.
- ¹⁰⁷ Нейрат — Гендерсону, 14 октября 1933 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 81).
- ¹⁰⁸ Фест И. Триумф... с. 87.
- ¹⁰⁹ Декабрь 1934 г. (Додд У... с. 234.)
- ¹¹⁰ Январь 1935 г. (Додд У... с. 236.)
- ¹¹¹ Февраль 1935 г. (Додд У... с. 240.)

¹¹² Б.Е. Свирский — М.М. Литвинову о дискуссиях в конгрессе США и в американской прессе по вопросу признания СССР. 4 мая 1929 г. (АВП РФ. Ф. 0129, оп. 12, п. 125, д. 305, л. 42-45.) (Советско-американские отношения..., с. 164).

¹¹³ Шнитман. 22 апреля 1933 г. (Дирксен фон Г... с. 424.)

¹¹⁴ У. Черчилль, декабрь 1932 г. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 247.)

¹¹⁵ Уткин А.И. Черчилль..., с. 252-253.

¹¹⁶ Уткин А.И. Черчилль..., с. 253.

¹¹⁷ Октябрь 1934 г. (Додд У... с. 207.)

¹¹⁸ Ноябрь 1934 г. (Додд У... с. 213.)

¹¹⁹ Радиообращение У. Черчилля, Британская радиовещательная корпорация, 16 ноября 1934 г. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 257).

¹²⁰ А. Симон «Я обвиняю! (О тех, кто предал Францию)». 1940 г., США. В СССР в сборнике «О тех, кто предал Францию» — М., 1941. (Кара-Мурза С... с. 440-441.)

¹²¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 107-108.

¹²² Уткин А.И. Черчилль..., с. 239.

¹²³ Литвинов — в НКВД из Женевы, 1-7 января 1935 г. Кремлев С. Путь к пакту... с. 100.

¹²⁴ Манчестер У..., с. 367.

¹²⁵ Schmidt P. Statist auf diplomatischer Buhne 1923-1945, Bohn, 1950, S. 292 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 169).

¹²⁶ Фест И. Гитлер. Триумф... с. 169.

¹²⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 257.

¹²⁸ Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с.30.

¹²⁹ Апрель 1935 г. (Додд У... с. 261.)

¹³⁰ Gilbert M., Gott R., Der gescheiterte Frieden: Europa 1933 bis 1939. Stuttgart, 1964, S. 26 f (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 170, прим.)

¹³¹ Министр иностранных дел Кут — полпреду СССР Якубовичу, июнь 1936 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 158)

¹³² 12 апреля 1935 г. (Додд У... с. 259.)

¹³³ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1, М., 1991, с. 326.

¹³⁴ Май 1935 г. (Додд У... с. 274.)

¹³⁵ Папен Ф... с. 554.

¹³⁶ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 172.

¹³⁷ Ingrim R. Hitlers glucklichster Tag. Stettgart, 1962, S. 140, 139 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 167).

¹³⁸ Ingrim R. Hitlers glucklichster Tag. Stettgart, 1962, S. 143 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 167).

¹³⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 258-9.

¹⁴⁰ Июль 1935 г. (Додд У... с. 283.)

¹⁴¹ Июнь 1935 г. (Додд У... с. 278.)

- ¹⁴² 14 декабря 1935 г. (Додд У... с. 312.)
- ¹⁴³ Bullitt to the State Department, November 9, 1935, FRUS: Soviet Union, p. 264 (Данн Д..., с. 90).
- ¹⁴⁴ Уткин А.И. Черчилль..., с. 258.
- ¹⁴⁵ Додд У... с. 310.
- ¹⁴⁶ 11 апреля 1936 г. (Додд У... с. 354.)
- ¹⁴⁷ 15 августа 1936 г. (Додд У... с. 362.)
- ¹⁴⁸ Кремлев С. Путь к пакту... с. 130-131.
- ¹⁴⁹ Никольский А. В. Итало-эфиопская война 1935-1936(41). СПб., 2001, с. 79-80.
- ¹⁵⁰ 20 декабря 1935 г. (Додд У... с. 313-314.)
- ¹⁵¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 131-133.
- ¹⁵² Nolte E. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. Munchen, 1968, S. 160 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 176).
- ¹⁵³ Троцкий Л. Преданная революция.
- ¹⁵⁴ 12 сентября 1936 г. (Додд У... с. 371.)
- ¹⁵⁵ 1 ноября 1936 г. митинг в Милане. Прозектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, с. 100 (Шубин А. В..., с. 195).
- ¹⁵⁶ Геббельс... 19 октября 1935 г., с. 167.
- ¹⁵⁷ Штейн в НКВД 1 декабря 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 134).
- ¹⁵⁸ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 181.
- ¹⁵⁹ 12 февраля 1936 г. (Додд У... с. 340-341.)
- ¹⁶⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 259-260.
- ¹⁶¹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 261.
- ¹⁶² Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. IV. М., 1946, с. 114 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984, с. 78).
- ¹⁶³ Orville H. Bullitt, ed. For the President: Personal and Secret, Boston: Houghton Mifflin Co., 1972, p. 71; Bullitt to FDR, December 24, 1933, PSF, FDR Library (Данн Д..., с. 56-57).
- ¹⁶⁴ 7 апреля 1936 г. (Додд У... с. 353.)
- ¹⁶⁵ Эмери Л. Моя политическая жизнь, пер. с англ., М., 1960, с. 423 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 60).
- ¹⁶⁶ Orville H. Bullitt, ed. For the President: Personal and Secret, Boston: Houghton Mifflin Co., 1972, p. 156 (Данн Д..., с. 96).
- ¹⁶⁷ Beatrice Farnsworth. William C. Bullitt and the Soviet Union, Bloomington: Indiana University press, 1967, p. 153-154 (Данн Д..., с. 96).
- ¹⁶⁸ George F. Kennan. Memoirs 1925-1950, Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1967, p. 80 (Данн Д..., с. 96).
- ¹⁶⁹ Манчестер У..., с. 371.
- ¹⁷⁰ Картье Р... с. 40.

¹⁷¹ Картье Р... с. 39.

¹⁷² Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, с. 165 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 45-46).

¹⁷³ Reynaud P. In the Thick of the Fight, 1930-1945. — NY., 1955, p. 121 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 48).

¹⁷⁴ О тех, кто предал Францию. М., 1941, с. 321 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 54).

¹⁷⁵ DDF., 2me serie, vol. I, p. 121-124 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 46).

¹⁷⁶ Reynaud P. In the Thick of the Fight, 1930-1945. — NY., 1955, p. 127 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 51).

¹⁷⁷ Р. Рекули, 1936 г. Wright G. France in modern times: from the Enlightenment to the Present, NY, Lnd., 1981, p. 388.

¹⁷⁸ Warner G. France and Non-Intervention in Spain, July-August 1936, International Affairs, I, 38, 1962, p. 220 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 98-99).

¹⁷⁹ Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. М., 1945, с. 243 (Шубин А. В..., с. 192).

¹⁸⁰ Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 53.

¹⁸¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 158.

¹⁸² 9 марта 1936 г. (Додд У... с. 343.)

¹⁸³ Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918-1939 гг. М., 1945, с. 284 (Шубин А. В..., с. 194).

¹⁸⁴ Нюрнбергский процесс... с. 524.

¹⁸⁵ Charmley J. Chamberlain and the Lost Peace. L., 1990 (Шубин А. В..., с. 193).

¹⁸⁶ Ширер У..., т. 1, с. 335.

¹⁸⁷ 5 марта 1936 г. (Додд У... с. 339.)

¹⁸⁸ 1 февраля 1936 г. (Додд У... с. 331.)

¹⁸⁹ 12 февраля 1936 г. (Додд У... с. 334.)

¹⁹⁰ Черчилль У. Как остановить войну. Речь 12 июня 1936 г. (Черчилль У. с. 514).

¹⁹¹ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1, М., 1991, с. 335.

¹⁹² Трухановский В.Г..., с. 295.

¹⁹³ Les evenements survenus en France de 1933 a 1945. Temoignages et documents. Т. 1. Р., 1951, p. 16 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 11).

¹⁹⁴ Ф. Понсе — Сурицу. 8 октября 1935 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 116-117.)

¹⁹⁵ Кремлев С. Путь к пакту... с. 160-161.

¹⁹⁶ Суриц — в НКВД, 18 сентября 1936 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 167).

¹⁹⁷ Письмо Герберта Л.-В. Геринга о беседе его дяди Г. Геринга с Канделаки и Фридрихсоном. 1936. 28 мая. (Некрич А... с. 24).

¹⁹⁸ Krivitsky W.G. In Stalin's secret Service. Harper & Brothers Publishers, New York, 1939, p. 215. (Некрич А... с. 25).

¹⁹⁹ Заметки Шахта о беседе с Канделаки и Фридрихсоном. — Берлин. 1936. дек., 1937. 6 фев. (Некрич А... с. 25).

²⁰⁰ Нейрат — Шахту. Берлин. 11 фев. 1937 г. (Некрич А... с. 26).

²⁰¹ Внешняя политика СССР. Т. XX. № 143, с. 234-235. Суриц — НКВД, Берлин. 1937. 9 мая. (Некрич А... с. 26).

²⁰² Внешняя политика СССР. Т. XX. № 128, с. 204. Суриц — Литвинову. Берлин. 1937. 27 апр. (Некрич А... с. 27).

²⁰³ Внешняя политика СССР. Т. XX. № 273, с. 429-430. К. Юренев в беседе с Вайцзекерном. Берлин. 1937. 30 июля. (Некрич А... с. 26).

²⁰⁴ Внешняя политика СССР. Т. XX. № 98, с. 164. (Некрич А... с. 26).

²⁰⁵ Литвинов. 17 апреля 1937 г. Внешняя политика СССР. Т. XX. № 110, с. 174-175. (Некрич А... с. 26).

²⁰⁶ F.J. № 371. File 20346, 1936 Soviet Union. № 90/6/36/ 11 February 1936. (Некрич А... с. 25).

²⁰⁷ Дирксен — Гитлеру, апрель 1933 г. Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 313 (Грызун В..., с. 348-349).

²⁰⁸ Foreign Office № 371. File 20346, 1936. Soviet Union, № 4771 g. Кольер — Чилстону 1936. 29 янв. (Некрич А... с. 25).

²⁰⁹ F.J. № 371. File 20346, 1936 Soviet Union. № 90/6/36/ 11 February 1936. (Некрич А... с. 25).

²¹⁰ А. Симон «Я обвиняю! (О тех, кто предал Францию)». 1940 г., США. В СССР в сборнике «О тех, кто предал Францию» — М., 1941. (Кара-Мурза С... с. 440-441.)

²¹¹ Франко. 16 ноября 1937 г. Palabras del Caudillo 19 abril 1937-19 abril 1938, pp186-187. (Престон П. Франко: Биография. — Пер с. англ. Ю. Бехтина. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с., с. 224).

²¹² Serrano Suner, Entre Hendaia y Gibraltar, p. 29. (Престон П. Франко: Биография. — Пер с. англ. Ю. Бехтина. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с., с. 224).

²¹³ Хью. Т... с. 211.

²¹⁴ Хью. Т... с. 315.

²¹⁵ 28 февраля 1937 г. (Додд У... с. 407.)

²¹⁶ Речь 13 ноября 1936 г. // Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Wuerrzburg, 1962-63, S. 643 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 194).

²¹⁷ Из заявления партийного съезда 1937 г. (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 194-195).

²¹⁸ 15 октября 1936 г. (Додд У... с. 377.)

²¹⁹ Карлей М..., с. 53.

²²⁰ Eden's minute, Aug. 25, 1936, C5939/1/17, PRO FO 371 ¹⁹⁸⁵⁸; Sir George Clerk (британский посол в Париже) to Eden, no. 1164, Sept. 8, 1936, C6328/1/17, PRO FO 371 19859 (Карлей М..., с. 53).

²²¹ Карлей М..., с. 53.

²²² John W. Converdate. Italian Intervention in the Spanish Civil War. — Princeton. 1975. — p. 81. (Нольте Э... с. 213.)

²²³ Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. М., 1972, с. 179 (Шубин А. В..., с. 220).

²²⁴ Кремлев С. Путь к пакту... с. 162-163.

²²⁵ Gorodetsky G., Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940-1942. Lnd, 1984, p. 177; Cadogan Diary, запись, Dec. 4, 1940, p. 338 (Карлей М..., с. 317).

²²⁶ Трухановский В.Г... с. 265, 266.

²²⁷ Оруэлл Дж. Вспоминая войну в Испании (Оруэлл... с. 168-169).

²²⁸ 11 января 1937 г. (Додд У... с. 397.)

²²⁹ 6 мая 1937 г. (Додд У... с. 423, 424.)

²³⁰ Elizabeth Kimball MacLean, Joseph E. Davies. Envoy to the Soviets, Westport, CO, Praeger, 1992, pp. 4, 17, 184 (Данн Д..., с. 131).

²³¹ Ширер У... т.1, с. 487.

²³² Оруэлл Дж. Вспоминая войну в Испании (Оруэлл... с. 161-162).

²³³ Кремлев С. Путь к пакту... с. 162.

²³⁴ Кремлев С. Путь к пакту... с. 162.

²³⁵ Гитлер речь в Вюрцбурге 27 июня 1937 г. (Хью Т... с. 421-422).

²³⁶ Ллойд-Джордж — послу СССР в Великобритании Майскому. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 198-199.)

²³⁷ Суриц — Крестинскому, 28 августа 1936 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 166).

²³⁸ Кремлев С. Путь к пакту... с. 163.

²³⁹ Швендеман, 23 июля 1936 г., Овсяный Д. И. Тайна, в которой война рождалась. — М., 1988, с. 147 (Шубин А. В..., с. 234).

²⁴⁰ Хью Т... с. 403.

²⁴¹ Thomas, Civil War, p. 828. (Престон П. Франко: Биография. — Пер с. англ. Ю. Бехтина. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с., с. 237); См. также: Хью Т..., с. 493.

²⁴² Хью Т... с. 429.

²⁴³ Кара-Мурза С... с. 441.

²⁴⁴ Кара-Мурза С... с. 441-442.

²⁴⁵ Хью Т... с. 243.

²⁴⁶ «Compte-rendu du general [Victor-Henri] Schweisguth sur un entretien avec M. Leger». 9 octobre, 1936, SHAT 7N 3143; N. Lloyd Thomas to Vansittart, private and confidential, Oct. 26, 1936, W14793/9549/41, PRO FO 371 20583 (Карлей М..., с. 54-55).

²⁴⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923-1939. М., 2001, с. 339 (Шубин А. В..., с. 236).

²⁴⁸ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. 24 октября 1936 г. Решения «особой папки» 1923-1939. М., 2001, с. 343-344 (Шубин А. В..., с. 237).

²⁴⁹ Оруэлл Дж. Вспоминая войну в Испании (Оруэлл... с. 168-169).

²⁵⁰ Хью Т... с. 105.

²⁵¹ Данн Д..., с. 20-21.

²⁵² Дирксен — Гитлеру, апрель 1933 г. Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 313 (Грызун В..., с. 348-349).

²⁵³ Хью Т... с. 73.

²⁵⁴ Данн Д..., с. 92.

²⁵⁵ Кремлев С. Путь к пакту... с. 170.

²⁵⁶ Пакт был подписан 26 ноября 1936 г. между ~~Германией и Японией~~, 6 ноября 1937-го к нему присоединилась Италия.

²⁵⁷ Хью Т... с. 561-562.

²⁵⁸ Хью Т... с. 429.

²⁵⁹ 30 ноября 1937 г. (Додд У... с. 450.)

²⁶⁰ Ciano, Diary 1937-1938, p. 78. (Престон П. Франко: Биография. — Пер с. англ. Ю. Бехтина. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с., с. 236).

²⁶¹ DGFR, D, III, p. 684. (Престон П. Франко: Биография. — Пер с. англ. Ю. Бехтина. — М.: Центрполиграф, 1999. — 702 с., с. 236-237).

²⁶² Хью Т... с. 366.

²⁶³ 13 мая 1938 г. на Совете Лиги Наций. (Хью Т... с. 490.)

²⁶⁴ 25 апреля 1937 г. (Додд У... с. 421)

²⁶⁵ Хью Т... с. 312.

²⁶⁶ Хью Т... с. 311.

²⁶⁷ 5 января 1937 г. (Додд У... с. 397)

²⁶⁸ Хью Т... с. 484.

²⁶⁹ Documents diplomatiques francais 1932-1939, 2-e serie, t. X, P., 1976, p. 511 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 81).

²⁷⁰ Хью Т... с. 561.

²⁷¹ Хью Т... с. 561.

²⁷² Ибаррури Д. Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и мятежников. (1936-1939). Вопросы истории, № 11, 1953, с. 45. (Урланис Б.Ц... с. 191).

²⁷³ Кузнецов Н. Интервью газете «Правда Севера» (Булатов В.Н., с. 92).

²⁷⁴ Данные по: Кремлев С., Шубин А.

²⁷⁵ Хью Т... с. 361.

²⁷⁶ По данным Т. Хью «Количество советских людей в Испании никогда не превышало 2000 человек, но все они занимали ключевые позиции». (Хью Т... с. 334.) На самом деле, за исключением нескольких десятков человек, это были в основном военные специалисты, в том числе летчики, танкисты и т.д.

²⁷⁷ Хью Т... с. 443.

²⁷⁸ La République, 1939, 1 mars (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 90-91).

²⁷⁹ Хью Т... с. 552.

²⁸⁰ Хью Т... с. 547.

²⁸¹ Хью Т... с. 534.

²⁸² 1 сентября 1936 г. (Додд У... с. 370.)

²⁸³ 26 сентября 1936 г. (Додд У... с. 374.)

²⁸⁴ Осень 1938 г., журнал «Большевик». Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939: Пер. с нем. М., 1990, с. 109—112. (Мельтюхов М.)

²⁸⁵ Клотц Г. Уроки гражданской войны в Испании. — М.: Воениздат НКО СССР, 1938. (Солонин М... с. 84).

²⁸⁶ Любарский С. Некоторые оперативно-тактические выводы из опыта войны в Испании. — М.: Государственное Военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1939. (Солонин М... с. 84).

²⁸⁷ Roosevelt F. D. Great Speeches, NY., 1999, p. 67 (Шубин А. В..., с. 305).

²⁸⁸ Шубин А. В..., с. 305.

²⁸⁹ 18 ноября 1937 г. (Додд У... с. 448.)

²⁹⁰ Norman Rose, Vansittart: Study of a Diplomat, London, 1978, p. 94 (Карлей М..., с. 43).

²⁹¹ Ширер У... с. 384, 387.

²⁹² См. подробнее: Папен Ф... с. 340-341.

²⁹³ Папен Ф... с. 363.

²⁹⁴ Ширер У... с. 382.

²⁹⁵ 12 июля 1937 г. (Додд У... с. 438.)

²⁹⁶ Ноябрь 1937 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 219.)

²⁹⁷ Папен Ф... с. 406.

²⁹⁸ Ширер У... с. 380.

²⁹⁹ Ширер У... с. 387.

³⁰⁰ Кремлев С. Путь к пакту... с. 218, 219.

³⁰¹ Чемберлен. Речь в палате общин 24 марта 1938 г. (У. Черчилль, Вторая мировая война. Кн. 1, М., 1991, с. 127 (Шубин А. В..., с. 275-276)).

- ³⁰² Ширер У... с. 391.
- ³⁰³ Ширер У., т. 1, с. 394.
- ³⁰⁴ 25 января 1924 г. Дипломатический словарь, т. 3. — М.: 1986, с. 521-522.
- ³⁰⁵ Март 1935 г. (Додд У... с. 256.)
- ³⁰⁶ Documents diplomatiques francais 1932-1939, 2-e serie, t. IV, P., 1967, p. 167 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 82).
- ³⁰⁷ 20 июля 1937 г. Duroselle J. V. La Decadence, 1932-1939. P., 1979, p. 334, 335 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 86-87).
- ³⁰⁸ 14 декабря 1937 г. (Додд У... с. 453.)
- ³⁰⁹ Шубин А. В..., с. 277-278.
- ³¹⁰ Кремлев С. Путь к пакту... с. 225.
- ³¹¹ Ширер У... т. 1, с. 395.
- ³¹² Ширер У..., т. 1, с. 395.
- ³¹³ Ширер У... т. 1, с. 396.
- ³¹⁴ Ширер У... т. 1, с. 396.
- ³¹⁵ Ширер У... т. 1, с. 396.
- ³¹⁶ Дирксен фон Г... с. 283.
- ³¹⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 271.
- ³¹⁸ Гитлер А..., с. 117.
- ³¹⁹ Гендерсон. Дневник 3 марта 1938 г. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 271-272.)
- ³²⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 272.
- ³²¹ Ширер У... с. 400.
- ³²² Генри Э... с. 113.
- ³²³ Генри Э... с. 113.
- ³²⁴ Ширер У... т. 1. с. 399.
- ³²⁵ 23 мая 1938 г. (Ширер У... т. 1. с. 401.)
- ³²⁶ 28 мая, 30 мая 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 402.)
- ³²⁷ Директива А. Гитлера 18 июня 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 403.)
- ³²⁸ 14 мая 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 412.)
- ³²⁹ А. Кодаган. 21 мая 1938 г. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с., с. 161.
- ³³⁰ Ширер У... т. 1, с. 401.
- ³³¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 234
- ³³² А. Гендерсон 6 августа 1938 г. Ширер У... с. 417.
- ³³³ Ширер У... т. 1., с. 413.
- ³³⁴ Кремлев С. Путь к пакту... с. 235, 238-239.
- ³³⁵ Кремлев С. Путь к пакту... с. 336.
- ³³⁶ Уткин А.И. Черчилль..., с. 277-8.
- ³³⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 276.

- ³³⁸ Шубин А. В..., с. 284.
- ³³⁹ Ширер У... т. 1., с. 419.
- ³⁴⁰ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991, с. 136. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 252.)
- ³⁴¹ Кожин В.В. Россия. Век XX (1939—1964). — М., Эксмо-Пресс, 2002. С. 28.
- ³⁴² Ширер У... т. 1., с. 426.
- ³⁴³ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991, с. 139.
- ³⁴⁴ 18 сентября 1938 г. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с., с. 165.
- ³⁴⁵ Уткин А.И. Черчилль..., с. 285.
- ³⁴⁶ Ширер У... т. 1., с. 420.
- ³⁴⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 286.
- ³⁴⁸ Содержание этого ультиматума было после Мюнхена оглашено чешским министром пропаганды (Кара-Мурза С..., с. 442).
- ³⁴⁹ Freund M. Abendglanz Europas, Stuttgart, 1967, S. 172 ff (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 274.)
- ³⁵⁰ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937-1938. М., 1979, с. 148 (Шубин А. В..., с. 289.)
- ³⁵¹ Ширер У... т. 1., с. 411.
- ³⁵² 30 мая 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 403.)
- ³⁵³ Меморандум Л. Бек — фон Браухичу 5 мая 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 403.)
- ³⁵⁴ Меморандум Л. Бек — фон Браухичу 28 мая, 3 июня, 16 июля (Ширер У... т. 1., с. 404.)
- ³⁵⁵ 16 июля Ширер У... т. 1., с. 405.
- ³⁵⁶ Меморандум Л. Бек — фон Браухичу 19 июля 1938 г. Ширер У... т. 1., с. 406.
- ³⁵⁷ Ширер У... т. 1., с. 408.
- ³⁵⁸ Ширер У... т. 1., с. 417.
- ³⁵⁹ Ширер У... т. 1., с. 418.
- ³⁶⁰ Картье Р..., с. 86.
- ³⁶¹ Картье Р..., с. 86.
- ³⁶² Ширер У... т. 1., с. 438, 439.
- ³⁶³ Ширер У... т. 1., с. 439.
- ³⁶⁴ Ширер У... т. 1., с. 440.
- ³⁶⁵ Ширер У... т. 1., с. 446.
- ³⁶⁶ Ширер У... т. 1., с. 448.
- ³⁶⁷ Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: 1972. С. 86-91.
- ³⁶⁸ Ширер У... т. 1, с. 456.
- ³⁶⁹ Язьков Е.Ф...
- ³⁷⁰ Ширер У... т. 1., с. 438.

- ³⁷¹ Документы по истории Мюнхенского стовора. 1937-1938. М., 1979, с. 107 (Шубин А. В..., с. 279.)
- ³⁷² Адам — Гитлеру 29 августа 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 415.)
- ³⁷³ Ширер У... т. 1., с. 438.
- ³⁷⁴ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 1. М., 1991, с. 463 (Шубин А. В..., с. 290.)
- ³⁷⁵ А. Симон. «Я обвиняю! (О тех, кто предал Францию)». 1940 г., США. В СССР в сборнике «О тех, кто предал Францию» — М., 1941. (Кара-Мурза С... с. 443.)
- ³⁷⁶ Шубин А. В..., с. 289.
- ³⁷⁷ IMT. Bd. XX. S. 397.; Ширер У... т.1, с. 461.
- ³⁷⁸ Пертинакс. Могильщики Франции. Прим. У. Ширера. (Ширер У... т.1, с. 461.)
- ³⁷⁹ Ширер У... т. 1, с. 461.
- ³⁸⁰ Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, Русич, 1998, с. 153—154 (Грызун В..., с. 99, примечание 1).
- ³⁸¹ Картье Р... с. 63.
- ³⁸² Ширер У... т. 1, с. 461.
- ³⁸³ Ширер У... т. 1., с. 436-437.
- ³⁸⁴ Ширер У... т. 1., с. 449.
- ³⁸⁵ Картье Р... с. 69.
- ³⁸⁶ Ширер У..., т. 1, с. 458.
- ³⁸⁷ Ширер У... т. 1, с. 463.
- ³⁸⁸ Le Testament politique de Hitler. P. 118 f. (Фест И. Триумф... с. 291).
- ³⁸⁹ Ширер У... т. 1, с. 461.
- ³⁹⁰ Генри Э... с. 421.
- ³⁹¹ Brzezinsky Zb. And Mearsheimer J. Clash of Titans («Foreign Policy» January/February 2005, p. 21) (Уткин А. Месть за Победу... с. 371.)
- ³⁹² Генри Э... с. 71.
- ³⁹³ Генри Э... с. 90.
- ³⁹⁴ Генри Э... с. 83.
- ³⁹⁵ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с.
- ³⁹⁶ Rosenberg A. Das Wesensgefuge des National-Sozialismus. Munchen, 1933 (Генри Э... с. 87).
- ³⁹⁷ A. Hitler. Mein Kampf. Mtlnhchen. 1925-1927. A. Hitler. Mein Kampf. Mtlnhchen. 1925-1927. S.653, 742, 757, 783. Перевод с немецкого; См. также: Гитлер А..., с. 118.
- ³⁹⁸ Генри Э... с. 334.
- ³⁹⁹ Отчет № 014158 (Деникин А. И... Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920 — Мн.: Харвест, 2002, с. 48)
- ⁴⁰⁰ Генри Э... с. 109.

- ⁴⁰¹ Генри Э... с. 125.
- ⁴⁰² Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000.
512 с.
- ⁴⁰³ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000.
512 с.
- ⁴⁰⁴ Генри Э... с. 366.
- ⁴⁰⁵ Гитлер А..., с. 118.
- ⁴⁰⁶ Папен Ф... с. 227.
- ⁴⁰⁷ Папен Ф... с. 129.
- ⁴⁰⁸ Выступление 9 сентября 1936 г. // Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Wuerrzburg, 1962-63, S. 638 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 159).
- ⁴⁰⁹ Stalin. Werke. Bd. 13. — s.270. (Нольте А... с. 207.)
- ⁴¹⁰ Генри Э... с. 383.
- ⁴¹¹ Генри Э... с. 395-396.
- ⁴¹² Генри Э... с. 410, примечание.
- ⁴¹³ Генри Э... с. 396.
- ⁴¹⁴ Генри Э... с. 384.
- ⁴¹⁵ Генри Э... с. 406.
- ⁴¹⁶ Генри Э... с. 384.
- ⁴¹⁷ Генри Э... с. 407.
- ⁴¹⁸ Генри Э... с. 397.
- ⁴¹⁹ Генри Э... с. 397.
- ⁴²⁰ Генри Э... с. 402.
- ⁴²¹ См. например: Saiter, Allied Shipping Control, p. 77, 121. (Хауз... т.2, с. 8.); Сандей Пикчерел, 12.01.1919. (Людендорф Э... с. 781); Черчилль У... с. 271.
- ⁴²² Генри Э... с. 398.
- ⁴²³ Генри Э... с. 399.
- ⁴²⁴ Июль 1935 г. (Додд У... с. 282.)
- ⁴²⁵ Ribbentrop Joachim von. Zwischen London und Moskau: Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Leoni, 1953, S. 64 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 172).
- ⁴²⁶ Геббельс 18 августа 1935 г. (Ржевская Е. Геббельс... с. 166).
- ⁴²⁷ Июнь 1935 г. (Додд У... с. 281.)
- ⁴²⁸ У. Черчилль. 22 июня 1935 г. (Трухановский В.Г... с. 263.)
- ⁴²⁹ Додд У... с. 272.
- ⁴³⁰ Генри Э... с. 402.
- ⁴³¹ Генри Э... с. 402.
- ⁴³² Генри Э... с. 385.
- ⁴³³ Генри Э... с. 385.
- ⁴³⁴ Генри Э... с. 385.
- ⁴³⁵ Генри Э... с. 389.

⁴³⁶ Генри Э... с. 354.

⁴³⁷ Генри Э... с. 388.

⁴³⁸ Генри Э... с. 109.

⁴³⁹ Генри Э... с. 412.

⁴⁴⁰ Генри Э... с. 380.

⁴⁴¹ Sunday Times, 3 июня 1934 г. (Генри Э... с. 381).

⁴⁴² Генри Э... с. 413.

⁴⁴³ Генри Э... с. 413.

⁴⁴⁴ Додд У... с. 309.

⁴⁴⁵ Додд У... с. 309.

У. Черчилль. Речь в палате общин 5 октября 1938 г. (Ширер У... т. 1., с. 460.)

⁴⁴⁷ У. Черчилль. 1 октября 1939 г. в выступлении по радио. Черчилль У. Кн. 1, с. 205-206. (Мухин Ю. Антироссийская подлость... с. 209) .

⁴⁴⁸ Генри Э... с. 354.

⁴⁴⁹ Июль 1935 г. (Додд У... с. 282.)

⁴⁵⁰ Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Till. Warszawa, 1968. S.262, 287 (Пыхалов И..., с. 109).

⁴⁵¹ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990, с. 195 (Пыхалов И..., с. 110).

⁴⁵² Генри Э... с. 416.

⁴⁵³ «Sunday Times», 3 июня 1934 (Генри Э... с. 417-418).

⁴⁵⁴ «Sunday Times», 3 июня 1934 (Генри Э... с. 417-418).

⁴⁵⁵ Collier to H. Knatehbull-Hugessen (посол Великобритании в Турции) most secret, Nov. 10, 1939. N6125/57/38, PRO FO 371 23678; Knatehbull-Hugessen to Collier, most secret, Nov. 18, 1939. N6585/57/38, PRO FO 371 23678; Collier to Knatehbull-Hugessen, secret, Dec. 1, 1939, ibid (Карлей М..., с. 301).

⁴⁵⁶ Терентьев в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 27 октября 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 235 — 238; Терентьев — Молотову, совершенно секретно, 6 ноября 1939, ibid., с. 263-270; Терентьев — Сталину, Молотову и Ворошилову, совершенно секретно, 7 декабря 1939, ibid., с. 373 — 380 (Карлей М..., с. 301).

⁴⁵⁷ Черчилль У... с. 508.

⁴⁵⁸ Гитлер А..., с. 118-119.

⁴⁵⁹ См. Галин В. «Запретная политэкономия» «Красное и Белое»... с. 456.

⁴⁶⁰ Б.Е. Сквирский — М.М. Литвинову об обстановке в США относительно признания СССР. 25.04.1932. (АВП РФ, ф. 05, оп.12, п. 88, д. 95, л. 18-24. (Советско-американские отношения..., с. 554-555).

⁴⁶¹ Советско-американские отношения..., с. 556-558.

⁴⁶² Б.Е. Сквирский — М.М. Литвинову о политике СССР и США на Дальнем Востоке. 7.10.1932. (АВП РФ, ф. 0129, оп. 15. п. 128, д. 327, л. 142-154.) (Советско-американские отношения..., с. 613).

- ⁴⁶³ Б.Е. Сквирский — М.М. Литвинову о политике СССР и США на Дальнем Востоке. 7.10.1932. (АВП РФ. ф. 0129, оп. 15. п. 128, д. 327, л. 142-154.) (Советско-американские отношения..., с. 612).
- ⁴⁶⁴ Б.Е. Сквирский — М.М. Литвинову о политике СССР и США на Дальнем Востоке. 7.10.1932. (АВП РФ. ф. 0129, оп. 15. п. 128, д. 327, л. 142-154.) (Советско-американские отношения..., с. 613).
- ⁴⁶⁵ Геббельс... 18 августа 1935 г., с. 166.
- ⁴⁶⁶ Июль 1935 г. (Додд У... с. 283.)
- ⁴⁶⁷ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 193-194.
- ⁴⁶⁸ Геббельс... 9 июня 1936 г., с. 169.
- ⁴⁶⁹ Стрелки возможного вторжения — автора **В. Галла. Карта:** Головин Н., Бубнов А...
- ⁴⁷⁰ Шубин А. В..., с. 305-306.
- ⁴⁷¹ Генри Э... с. 418-419.
- ⁴⁷² Генри Э... с. 419.
- ⁴⁷³ Генри Э... с. 419.
- ⁴⁷⁴ Молодяков В... с. 275.
- ⁴⁷⁵ *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof. Nurnberg. 14 November 1945, — I. Oktober 1946. Nurnberg, 1947-1949, Bd. XXVI, S. 547 ff. (Нольте Э... с. 385-386).*
- ⁴⁷⁶ Картье Р... с. 28.
- ⁴⁷⁷ Картье Р... с. 28.
- ⁴⁷⁸ Картье Р... с. 28.
- ⁴⁷⁹ Картье Р... с. 28.
- ⁴⁸⁰ Уткин А.И. Черчилль... с.179-80.
- ⁴⁸¹ Черчилль — Ллойд Джорджу, 9 апреля 1919 г. (Трухановский В.Г... с.174).
- ⁴⁸² Gilbert M. Churchill: A Life. London. 1993, p. 276-277 (Уткин А. И. Унижение России..., с. 349).
- ⁴⁸³ Черчилль У... с. 241.
- ⁴⁸⁴ Черчилль У... с. 446-447.
- ⁴⁸⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга **России**. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, **2002**, с. 178.
- ⁴⁸⁶ Черчилль У... с. 507-508.
- ⁴⁸⁷ Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.; История дипломатии, 2 изд., т. 3, М. 1965; Турок В. М. Локарно, М. — Л., 1949; Карой Л. Великобритания и Локарно. М., 1961.
- ⁴⁸⁸ Wright G. France in modern times: from the Enlightenment to the Present, NY, Lnd., 1981, p. 358.
- ⁴⁸⁹ Дирксен фон Г... с. 95.
- ⁴⁹⁰ Schulthess, 1929. S. 35 ff. (Нольте Э... с. 457, примечание).

⁴⁹¹ Ministère des affaires étrangères. Archives diplomatiques, Europe-Russie. Dossier 357, p. 199, 201 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 45).

⁴⁹² Генри Э... с. 354.

⁴⁹³ Генри Э... с. 362.

⁴⁹⁴ Папен Ф... с. 572.

⁴⁹⁵ Папен Ф... с. 31.

⁴⁹⁶ Папен Ф... с. 469.

⁴⁹⁷ Папен Ф... с. 469.

⁴⁹⁸ Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 14 November 1945, — I. ~~Oktober 1945~~ Nürnberg, 1947-1949, Bd. XXVI, S. 610 ff. (Нольте Э... с. 386).

⁴⁹⁹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 36

⁵⁰⁰ Черчилль У... с. 85-86.

⁵⁰¹ Трухановский В.Г... с. 262.

⁵⁰² Овсяный Д. И. Тайна, в которой война рождалась. М., 1988, с. 107 (Шубин А. В..., с. 168-169).

⁵⁰³ Советско-американские отношения... с. 683.

⁵⁰⁴ Трухановский В.Г... с. 262.

⁵⁰⁵ Трухановский В.Г... с. 261.

⁵⁰⁶ Henry Channon, член парламента от консервативной партии. Заявление. Сентябрь 1936 г. Harold Nicolson, Diaries and Letters. 1930-1939. (New York, 1966), p. 273. (Карлей М. Дж... с. 13.)

⁵⁰⁷ Год Кризиса 1938-1939, т. 1 — М.: Политическая литература, 1990, с. 6.

⁵⁰⁸ Кремлев С. Путь к пакту... с. 338.

⁵⁰⁹ Карлей М. Дж... с. 127.

⁵¹⁰ Schuman F.L. Soviet Politics// At Home and Abroad. N.Y., 1947. — p. 282.

⁵¹¹ Christopher Andrew, Secret Service: The Making of the British Intelligence Community, London, 1987, p. 579; Wesley Wark, «Something Very Stern: British Political Intelligence, Moralism and Grand Strategy in 1939», Intelligence and National Security, vol. 5, no. 1 (January 1990), 155, 167; Peter Jackson, «Recent Journeys Along the Road Back to France, 1940», The Historical Journal, vol. 39, no. 2 (1996), 502 (Карлей М..., с. 69).

⁵¹² Alexander Martin S., The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933-1940. Cambridge, England, 1992, p. 292; Young Robert J., «French Military Intelligence», in Ernst R. May, ed., Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment Before the Two World Wars, Princeton, 1986, pp. 297, 302; Adamthwaite, «French Military Intelligence and the Coming of War», 1936-1939, London, 1977, pp. 197-198; Elisabeth du Reau, Edouard Daladier, 1884-1970, Paris, 1993, p. 348 (Карлей М..., с. 69).

⁵¹³ Coulondre, no. 121, 15 avril 1938, включая отчет Паласса, DDF, 2^e, IX, 390-394; «Note pour le colonel Palasse...», no. 1356 2/EMA-SAE, подписано Henri-Fernand Dentz (генерал, заместитель начальника штаба), 30 mai 1938, SHAT (Карлей М..., с. 80).

⁵¹⁴ Manchester Guardian, 4 июля 1935 (Генри Э... с. 449).

⁵¹⁵ Уткин А.И. Черчилль..., с. 285-6.

⁵¹⁶ Ширер У... т. 1., с. 442.

⁵¹⁷ 12 сентября 1938 г. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960, с. 510 (Шубин А. В..., с. 285).

⁵¹⁸ 12 сентября 1938 г. Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989, с. 191. (Кожин В.В. Россия. Век XX (1939—1964). — М., Эксмо-Пресс, 2002. С. 27.); См. также: Год кризиса 1938-1939. т. 1. — М.: Политическая литература, 1990, с.6.

⁵¹⁹ Трухановский В.Г... с. 272.

⁵²⁰ Полпред СССР в Лондоне Майский — наркому иностранных дел Литвинову, 25 ноября 1938 г. (Трухановский В.Г... с. 273.)

⁵²¹ Папен Ф... с. 324.

⁵²² 23 июня 1937 г. (Додд У... с. 436-437.)

⁵²³ «Record of a Discussion which took place between the Prime Minister and a deputation from both Houses of Parliament on July 28, 1936», 106 pp., PRO PREM1/193 (Карлей М..., с. 68-69); См. также: Язьков Е.Ф...

⁵²⁴ Картье Р... с. 28.

⁵²⁵ Channon Diaries (член парламента от консерваторов), запись Dec. 5, 1937, p. 144. (Карлей М. Дж... с. 131).

⁵²⁶ 19 ноября 1937 г. Оберзальцберг, Галифакс — Гитлер. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 203-204.)

⁵²⁷ ADAP, Serie D, VD. 1 —S.55, 47 (Нольге А... с. 238).

⁵²⁸ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 22—23. Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. с. 198.

⁵²⁹ В. Шубарт... (Кара-Мурза С..., с. 451).

⁵³⁰ Sherwood J. M. George Mandel and the Third Republic, Stanford, 1970, p. 212; Shirer William L., The Collapse of the Third Republic: An Inquiry into the Fall of France in 1940, New York, 1969, pp. 403-405; Manchester William, The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932-1940, London, 1989, pp. 358-359; Elisabeth du Reau, Edouard Daladier, 1884-1970, Paris, 1993, pp. 280-281, 285; Serge Berstein и Jean-Jacques Becker, Histoire de l'anti-communisme, 1917 — 1940, Paris, 1987, pp. 309-319 (Карлей М..., с. 112-113).

⁵³¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 229, 266, 336.

⁵³² Берлин. 15 марта 1939 г. (Ширер. У... т.1, с. 483.)

⁵³³ Ширер У... т.1, с. 486.

⁵³⁴ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939, т. 2. Январь-август 1939 г. — М.: 1981, с. 352.

⁵³⁵ Берлин. 15 марта 1939 г. (Ширер. У... т. 1, с. 481-482.)

⁵³⁶ Ширер. У... т. 1, с. 483.

- 537 Ширер. У... т. 1, с. 485.
- 538 Ширер. У... т. 1, с. 486.
- 539 Ширер У..., т. 1, с. 486.
- 540 Ширер У..., т. 1, с. 486-487.
- 541 Ширер У... т. 1, с. 487.
- 542 Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война/ Сокр. пер. с англ. Е. Федотова. — М.: 1972, с. 194-196.
- 543 Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 116.
- 544 Кремлев С. Путь к пакту... с. 301.
- 545 Кремлев С. Путь к пакту... с. 301.
- 546 Кремлев С. Путь к пакту... с. 301.
- 547 Кремлев С. Путь к пакту... с. 298.
- 548 Кремлев С. Путь к пакту... с. 308.
- 549 Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960, с. 564 (Шубин А. В..., с. 309).
- 550 Шубин А. В..., с. 309.
- 551 Ширер У..., т. 1, с. 488-489.
- 552 Ширер У..., т. 1, с. 489.
- 553 М. Хорти — А. Гитлеру 13 марта 1939 г. (Ширер У... т. 1, с. 485.)
- 554 Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. с. 199.
- 555 Черчилль У... с. 321.
- 556 Людендорф Э... с. 565.
- 557 Шубин А. В..., с. 309.
- 558 FRUS, diplomatic papers, 1939. Т. 1, р. 194 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 105).
- 559 Шубин А. В..., с. 309.
- 560 Шубин А. В..., с. 315.
- 561 В. Батлер, «Ньюс кроникл» 31.01.1939 Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. с. 170.
- 562 Documents diplomatiques francais, 1938-1939. P., 1940, р. 44-45 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 84).
- 563 Литвинов. Беседа с французским послом в Москве Наджияром 22 февраля 1939 г. // Documents diplomatiques francais, 2-e serie, t. XIV, р. 540 (Перов Б. М. Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьё в 1938-1939 гг. Самара, 2001, с. 146-147).
- 564 Суриц — в Наркоминдел, 8 декабря 1938. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXI, с. 662 — 663 (Карлей М..., с. 125).
- 565 Документы внешней политики СССР. Т. 21. с. 658 (Шубин А. В..., с. 309).
- 566 Ширер У..., т. 1, с. 512.

⁵⁶⁷ «Из отчетного доклада Центрального комитета ВКП(б) XVIII съезду ВКП(б)», 10 марта 1939, Год кризиса. Документы и материалы, I, М., 1990, с. 258-264; Seeds, no. 93, Mar. 20, 1939, DBFP, 3rd series, 9 vols. (London, 1949-1957), IV, 411-419 (Карлей М..., с. 142).

⁵⁶⁸ И. Сталин. XVIII съезд ВКП(б). 10 марта 1939 г. Стенографический отчет. М. 1939.

⁵⁶⁹ Год кризиса. Т. 1, с. 167—168, 184—186; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938—1939: Пер. с нем. М., 1990. С.75-85, 93-95; Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы//Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3—26. (Мельтюхов М.)

⁵⁷⁰ Год кризиса. 1938-1939. Т. 1, М., 1990, с. 201 (Шубин А. В..., с. 319).

⁵⁷¹ Суриц в Наркоминдел, 15 марта 1939. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сент. 1938 — август 1939 г.) Документы и материалы, М., 1971, с. 237 — 238 (Карлей М..., с. 150).

⁵⁷² Речь Ленина на IV Чрезвычайном съезде Советов. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 111.)

⁵⁷³ Кремлев С. Путь к пакту... с. 111.

⁵⁷⁴ Кремлев С. Путь к пакту... с. 203-204.

⁵⁷⁵ Chilston to Halifax, no. 307, July 2, 1937, N3374/97/38, PRO FO 371, 22289 (Карлей М..., с. 69).

⁵⁷⁶ Генри Э... с. 419.

⁵⁷⁷ Генри Э... с. 411.

⁵⁷⁸ Папен Ф... с. 433.

⁵⁷⁹ Вандам А. Наше положение... с. 90.

⁵⁸⁰ Сентябрь 1928 г. (Уткин А.И. Черчилль... с. 280-1.)

⁵⁸¹ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992, с. 74 (Шубин А. В..., с. 310).

⁵⁸² Фуллер Дж. Ф... с. 23.

⁵⁸³ Гитлер А..., с. 522-523.

⁵⁸⁴ Гитлер. Речь на военном совещании 23 мая 1939 г. (Картье Р... с. 67).

⁵⁸⁵ Обращение И. Сталина к XVIII съезду ВКП(б) от 10 марта 1939 г.

⁵⁸⁶ Кремлев С., Путь к пакту... с. 282.

⁵⁸⁷ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937-1938. М., 1979, с. 122 (Шубин А. В..., с. 283).

⁵⁸⁸ Калинин М. О международном положении, — М.: 1938, с. 14. (Шиллер У... т. 1., с. 428. прим. ред.)

⁵⁸⁹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 251.

⁵⁹⁰ Кремлев С. Путь к пакту... с. 229-230.

⁵⁹¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 230.

⁵⁹² Ворошилов — Н. Н. Васильченко, 25 сентября 1938, ДИМС, 1937-1939, М., 1979, с. 293; G. Jukes, «The Red Army and the Munich Crisis», *Journal of Contemporary History*, vol. 26 (1991), 195-214; Hugh Ragsdale, «Soviet Actions during the Munich Crisis of 1938», резюме документов дано институтом Кеннона, Вашингтон, округ Колумбия, июнь 1998 г.; Ragsdale Hugh, «Soviet Military Preparations and Policy in the Munich Crisis: New Evidence», *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, vol. 47, no. 2 (1999), 210-226 (Карлей М..., с. 105).

⁵⁹³ Шубин А. В..., с. 282.

⁵⁹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 21, с. 516. (Куняев С... с. 246).

⁵⁹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 21, с. 523. (Куняев С... с. 246).

⁵⁹⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939-1941 гг. М., 1999, с. 97 (Шубин А. В..., с. 281).

⁵⁹⁷ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001. С.273 (Пыхалов И..., с. 102).

⁵⁹⁸ Гришин Я.Я. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932-1939 гг. Казань, 1999. С. 99 (Пыхалов И..., с. 102).

⁵⁹⁹ Документы внешней политики СССР, т. XXI. — М.: 1977, с. 554.

⁶⁰⁰ Сообщение ТАСС от 27 ноября 1938 г. ДВП СССР. Т. 21, с. 650-651. (Куняев С... с. 247).

⁶⁰¹ Кремлев С. Путь к пакту... с. 221:

⁶⁰² Трухановский В.Г... с. 273-274.

⁶⁰³ Joseph E. Davies. *Mission to Moscow*, NY., Simon and Schuster, 1941, p. 304, 297-299, 301, 306; Henderson to Hull, February 18, 1938, FRUS: Soviet Union, p. 514-515 (Данн Д..., с. 138-139).

⁶⁰⁴ Майский — в Наркоминдел, 2 октября 1938. Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937-1939. М., 1979, с. 342-344 (Карлей М..., с. 113).

⁶⁰⁵ У. Черчилль 21 сентября 1938 г. Трухановский В.Г... с. 269.

⁶⁰⁶ Manchester William, *The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932-1940*, Lnd., 1989, pp. 459 — 462; Parker R. A. C., *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. Lnd., 1993, p. 229; Channon Diaries, запись May 19, 1939, p. 199 (Карлей М..., с. 200).

⁶⁰⁷ Уткин А.И. Черчилль..., с. 276.

⁶⁰⁸ Channon Diaries, запись Apr. 3, 1939, p. 192 (Карлей М..., с. 174).

⁶⁰⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 274.

⁶¹⁰ Трухановский В.Г... с. 260.

⁶¹¹ Manchester William, *The Caged Lion: Winston Spencer Churchill, 1932-1940*, Lnd., 1989, pp. 459 — 462; Parker R. A. C., *Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War*. Lnd., 1993, p. 229. (Карлей М..., с. 200).

- ⁶¹² Кремлев С. Путь к пакту... с. 202.
- ⁶¹³ Трухановский В.Г... с. 69.
- ⁶¹⁴ Вандам А. Наше положение... с. 118.
- ⁶¹⁵ Уткин А.И. Черчилль... с.225.
- ⁶¹⁶ Ширер У... т. 1, с. 399.
- ⁶¹⁷ Год кризиса, т. 1, с. 329-331 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 94-95).
- ⁶¹⁸ Черчилль..., т. 2, с. 295; Безыменский Лев. Тайный фронт против второго фронта. М., 1987, с. 97.
- ⁶¹⁹ Вступительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. 4.12.1945. (Нюрнбергский процесс... с. 477.)
- ⁶²⁰ Геббельс... 18.03.1941 г., с. 244.
- ⁶²¹ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 293.
- ⁶²² Шубин А. В..., с. 318.
- ⁶²³ Ширер У..., т. 1, с. 497.
- ⁶²⁴ Кремлев С. Путь к пакту... с. 287.
- ⁶²⁵ Шубин А. В..., с. 308-309.
- ⁶²⁶ Шубарт В... с. 378-379.
- ⁶²⁷ Гитлер — Чиано 12 апреля 1939 г. (Картье Р..., с. 26-27).
- ⁶²⁸ Ширер У... т. 1, с. 493.
- ⁶²⁹ Ширер У... т. 1, с. 498.
- ⁶³⁰ Ширер У..., т. 1, с. 493.
- ⁶³¹ Ширер У..., т. 1, с. 501.
- ⁶³² Картье Р..., с. 75.
- ⁶³³ Усовский А... с. 68-69.
- ⁶³⁴ Ширер У... т.1, с. 493.
- ⁶³⁵ Follick M. Facing Facts: A Political Survey for the Average Man. 1935, p. 83, 84, 109. (Фуллер Дж. Ф... с. 18-19).
- ⁶³⁶ Фуллер Дж. Ф... с. 19.
- ⁶³⁷ Freund M. Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Freiburg, 1954-1956, Bd. II, S. 58 ff (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 305); См. также: Ширер У... т. 1, с. 498.
- ⁶³⁸ Gisevius H. B. Bis zum bitteren Ende, Zurich, 1946, Bd. II, S. 107 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 311).
- ⁶³⁹ Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Wuertzburg, 1962-63, S. 119 ff (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 311).
- ⁶⁴⁰ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 311.
- ⁶⁴¹ Язьков Е.Ф... с. 327.
- ⁶⁴² Из речи Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса (Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 486).
- ⁶⁴³ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 310-311.
- ⁶⁴⁴ Документ Нюрнбергского трибунала 798 P.S. (Картье Р..., с. 66.)
- ⁶⁴⁵ Ширер У..., т. 1, с. 507.

⁶⁴⁶ Burckhardt C.J. *Meine Danziger Mission 1937-1939*. Zurich; Munchen, 1960, S. 164. (Фест И. Триумф... с. 346).

⁶⁴⁷ Генри Э... с. 338-339.

⁶⁴⁸ Ширер У... т. 1, с. 493.

⁶⁴⁹ Пыхалов И... с. 91-92.

⁶⁵⁰ Lockhart V. *retreat From Glory*. London, 1934. (Папен Ф... с. 188.)

⁶⁵¹ Картье Р..., с. 74-75.

⁶⁵² Гитлер. Из речи на большом военном совещании, 23 мая 1939 г. (Картье Р..., с. 66).

⁶⁵³ Дневник Чиано. Август 1939 г. Документ Нюрнбергского трибунала 2987 P.S. (Картье Р..., с. 75).

⁶⁵⁴ Год кризиса. 1938—1939. В 2-х т. М., 1990. Т.I, с. 378—379; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. М., 1972, с. 218—221; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939. М., 1963, с. 567—571. (Мельтюхов М.)

⁶⁵⁵ Трухановский В.Г..., с. 278.

⁶⁵⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, книга первая, с. 153. Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. с. 199.

⁶⁵⁷ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... т. 2, с. 391. (Трухановский В.Г..., с. 279).

⁶⁵⁸ Трухановский В.Г..., с. 279.

⁶⁵⁹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 293-4.

⁶⁶⁰ Ширер У..., т. 1, с. 504.

⁶⁶¹ Ширер У..., т. 1, с. 505.

⁶⁶² Майский — в Наркоминдел, 6 апреля 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, I, с. 361—363; Halifax to Seeds, no. 255, Apr. 6, 1939, Documents on British Foreign Policy, 3 series, 9 vols, London, 1949-1957, V, 53-54; minutes by Sargent, Cadogan, Halifax, Apr. 6-8, 1939, C5430/3356/18, PRO FO 371 23063; Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 159-160 (Карлей М..., с. 167).

⁶⁶³ М. М. Литвинов — Я.З. Сурицу 11 апреля 1939 г. (Трухановский В.Г..., с. 280.)

⁶⁶⁴ Трухановский В.Г..., с. 280; См. также: Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, p. 223 (Карлей М..., с. 175).

⁶⁶⁵ Карлей М..., с. 175.

⁶⁶⁶ Cadogan's note, Apr. 19, 1939, C5460/15/18, PRO FO 371 22969; Corbin, no. 409, 25 mai 1939, DDF, 2^e serie, 18 vols. (Paris, 1963-), XVI, 562-566 (Карлей М..., с. 177).

⁶⁶⁷ 29 апреля 1939 г. Галифакс — Майскому. (Карлей М..., с. 182).

⁶⁶⁸ Chamberlain to Hilda, Apr. 29, 1939, NC18/1/1096, Chamberlain papers (Карлей М..., с. 182-183).

⁶⁶⁹ Halifax to Phipps, no. 981, Apr. 20, 1939, Documents on British Foreign Policy, 3 series, 9 vols, London, 1949-1957, V, 260; также Halifax to Phipps, no. 945, Apr. 19, 1939, C5532/3356/18, PRO FO 371 23064 (Карлей М..., с. 178).

⁶⁷⁰ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... т.2, с. 391.

⁶⁷¹ В. Молотов — полпреду СССР во Франции. (Трухановский В.Г..., с. 284.)

⁶⁷² Панкратова М., Шполс В. Почему не удалось предотвратить войну. Документальный обзор. М., 1970, с. 33 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 101).

⁶⁷³ Трухановский В.Г..., с. 284.

⁶⁷⁴ Беседа В. Молотова с дипломатическими представителями Англии и Франции в Москве Сидсом и Пайяром 27 мая 1939 г. (Трухановский В. Г..., с. 284-285.)

⁶⁷⁵ Трухановский В.Г..., с. 279.

⁶⁷⁶ Язьков Е.Ф...

⁶⁷⁷ Майский — в Наркоминдел, 10 мая 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, I, с. 444 — 447; Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, p. 233 (Карлей М..., с. 200-201).

⁶⁷⁸ Перов Б. М. Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьё в 1938-1939 гг. Самара, 2001, с. 71.

⁶⁷⁹ Трухановский В.Г..., с. 282.

⁶⁸⁰ Суриц — в Наркоминдел, совершенно секретно, 19 июня 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 486-487 (Карлей М..., с. 211-212).

⁶⁸¹ Ширер У..., т. 1, с. 524.

⁶⁸² Chamberlain to Hilda, May 28, 1939, NC18/1/1101, Chamberlain papers (Карлей М..., с. 203).

⁶⁸³ Channon Diaries, запись May 24, 1939, p. 201; Молотов — Сурицу, 26 мая 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, I, с. 500; «Запись беседы... Молотова с... Сидсом и... Пайяром», Потемкин, 17 мая 1939, *ibid.*, с. 508-511; Payart, nos. 400-405, 17 isai 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Seeds, no. 103, May 17, 1939, C7681/3356/ |8, PRO FO 371 23066 (Карлей М..., с. 204-205).

⁶⁸⁴ Channon Diaries, запись May 24, 1939, p. 201; Молотов — Сурицу, 26 мая 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, I, с. 500; «Запись беседы... Молотова с... Сидсом и... Пайяром», Потемкин, 17 мая 1939, *ibid.*, с. 508-511; Payart, nos. 400-405, 17 isai 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Seeds, no. 103, May 17, 1939, C7681/3356/ |8, PRO FO 371 23066 (Карлей М..., с. 204-205).

⁶⁸⁵ Дирксен фон Г... с. 325.

⁶⁸⁶ Уткин А. Россия над бездной... с. 116.

⁶⁸⁷ Ширер У..., т.1, с. 530.

⁶⁸⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... т.2, с. 169. См. также: Язьков Е.Ф..., с. 321.

⁶⁸⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... т.2, с. 168; См. также: Cabinet conclusions, July 16, 1939, C10619/3356/18, PRO FO 371 20371; Драг, «Mission to Moscow, August 1939», Churchill Archives, Drag Papers, 6/5, f. 6; «Rapport de mission a Moscou» Capt. de corvette Williamc, aout 1939, SHAT 7N 3185 (Карлей М..., с. 242)

⁶⁹⁰ DBFP. Op.cit. Vol. VI, N 647 [628], Сидс — Галифаксу 13 августа 1939 г. (Геллер-Некрич... с.); См. также: Seeds, no. 196, Aug. 12, 1939, C1 1275/3356/18, PRO FO 371 23072; Strang's minute, Aug. 14, 1939, ibid (Карлей М..., с. 256)

⁶⁹¹ Язьков..., с. 333.

⁶⁹² См. Коробочкин М.Л. 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992, с. 83.

⁶⁹³ В. Молотов 9 июля 1939 г. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. М., 1981, с. 133 (Шубин А. В..., с. 331).

⁶⁹⁴ Заявление Советского правительства 14 мая 1939 г. Международная жизнь, № 8, 1969, с. 93 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 91).

⁶⁹⁵ Ширер У..., т.1, с. 536.

⁶⁹⁶ Naggiar, no. 449-454, 6 juin 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Seeds, no. 139, June 23, 1939, C8928/3356/18, PRO FO 371 23069 (Карлей М..., с. 224).

⁶⁹⁷ 1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992, с. 17 (Шубин А. В..., с. 332).

⁶⁹⁸ Карлей М..., с. 224.

⁶⁹⁹ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 202 (Шубин А. В..., с. 332).

⁷⁰⁰ Карлей М..., с. 272-273.

⁷⁰¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. М., 1981, с. 140 (Шубин А. В..., с. 333)

⁷⁰² Трухановский В.Г..., с. 287.

⁷⁰³ Шубин А. В..., с. 333.

⁷⁰⁴ Ширер У..., т. 1, с. 536-537.

⁷⁰⁵ Стрэнг — в Британский МИД. 20 июля 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 537, прим. авт.)

⁷⁰⁶ Карлей М..., с. 244.

⁷⁰⁷ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 325.

⁷⁰⁸ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. VI Appendix V, с. 763, 764, 777. (Геллер, Некрич...).

⁷⁰⁹ Выдержки из дневника Майского, секретно, 4 августа 1939. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 580-581 (Карлей М..., с. 244).

⁷¹⁰ Булатов В... с. 180.

⁷¹¹ Трухановский В.Г., с. 289-290; См. также: Doumenc, «Souvenirs de la mission en Russie, août 1939», ff. 11 — 12, SHAT 7N 3185. См. также: Суриц — в Наркоминдел, 3 августа 1939. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М, 1971, с. 526 — 527 (Карлей М..., с. 244, 245).

⁷¹² Донесение германского посла в Лондоне Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Вейцзекеру. 1 августа 1939 г. (Дирксен фон Г... с. 441.)

⁷¹³ Ширер У..., т. 1, с. 538.

⁷¹⁴ Seeds, military mission no. 1, Aug. 12, 1939, C11276/3356/18, PRO FO 371 23072; Instructions, Aug. 15, 1939, *ibid.*; Drax, «Mission to Moscow, August 1939», ff. 14-15, Churchill Archives, Drax Papers, 6/5; Doumenc, «Souvenirs» ff. 65-66, SHAT 7N 3185 (Карлей М..., с. 257).

⁷¹⁵ Доклад Шапошникова Б.М. на совещании с представителями Англии и Франции от 15 августа 1939 г. Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990, С. 222-224 (Пыхалов И..., с. 107).

⁷¹⁶ Трухановский В.Г., с. 291.

⁷¹⁷ Doumenc, «Souvenirs», ff. 67 — 68, SHAT 7N 3185; «Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Англии и Франции», 13 августа 1939, СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М, 1971, с. 555 — 562; Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции, 14 августа 1939, СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М, 1971, с. 563 — 572; Andre Beaufre, 1940: The Fall of France, London, 1967, pp. 109—113, 118 (Карлей М..., с. 257).

⁷¹⁸ «Committee on Imperial Defence, Deputy chiefs of staff subcommittee», meeting of Aug. 16, 1939, C11506/3356/18, PRO FO 371 23072 (Карлей М..., с. 258-259).

⁷¹⁹ Карлей М..., с. 221.

⁷²⁰ Chamberlain to Hilda, June 17, 1939, NC18/1/1103, Chamberlain papers (Карлей М..., с. 219).

⁷²¹ Ширер У..., т. 1, с. 568.

⁷²² Майский — в Наркоминдел, 1 апреля 1939, Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 243-244 (Карлей М..., с. 161).

⁷²³ Cabinet, Committee on Foreign Policy, Monday, June 26, 1939, C9315/356/18, PRO FO 371 23069; Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 270-271 (Карлей М..., с. 221).

⁷²⁴ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. VI Appendix V, с. 763, 764, 777. (Геллер, Некрич...).

⁷²⁵ Записи Наджияра на своих телеграммах. Naggiar, nos. 860 — 863, 11 с. août 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Doumenc, «Souvenirs», ff. 56-57, SHAT 7N 3185; L. Noel, L'Agression allemande contre la Pologne, Paris, 1946, p. 42 (Карлей М..., с. 255).

⁷²⁶ «Committee on Imperial Defence, Deputy chiefs of staff subcommittee», meeting of Aug. 16, 1939, C11506/3356/18, PRO FO 371 23072 (Карлей М..., с. 258-259).

⁷²⁷ Бонне. Март 1939 г. DBFP, 3rd ser, Vol. 4, № 496, p. 473 (Демидов С. В. Англо-французские отношения накануне Второй мировой войны (1936-1939 гг.), Рязань, 2000, с. 121).

⁷²⁸ Ширер У..., т. 1, с. 569.

⁷²⁹ Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001, с. 189 (Шубин А. В..., с. 329).

⁷³⁰ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990, с. 279 (Пыхалов И..., с. 106-107). См. также: Colson a Doumenc, no. 2388-EMA/2-SAE. 15 aout 1939, SHAT 7N 3186; Naggiar, nos. 873-874, 15 aoOt 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Noel a Naggiar, nos. 5—15, 18 aout 1939, ibid./9; Charles-Jean Tripiier (посол Франции в Риге), 20 aout 1939, ibid.; Drax to Chatfield, Aug. 16, 17, 1939, C12064/3356/18, PRO FO 371 23073 (Карлей М..., с. 260).

⁷³¹ Маршал Эдвард Рыдз-Смиглы 19 августа 1939 г. Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война, М., 1972, С. 301 (Пыхалов И..., с. 106).

⁷³² Ширер У..., т. 1, с. 569.

⁷³³ Ллойд Джордж. Речь в палате общин 3 апреля 1939 г. (Ширер У..., т. 1, с. 569, прим. авт.)

⁷³⁴ Записи Наджияра на телеграммах Bonnet a Naggiar, nos. 423 — 428, 430-436, 11 juillet 1939, MAE Papiers Naggiar/9 (Карлей М..., с. 226).

⁷³⁵ Папен Ф... с. 436.

⁷³⁶ Ширер У..., т. 1, с. 571, прим. авт.; См. так же: «Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции», 21 августа 1939, СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М, 1971, с. 624 — 630; Н. И. Шаронов (посол СССР в Варшаве) в Наркоминдел, совершенно секретно, 19 августа 1939. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 619.

⁷³⁷ Freund M. Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten. Freiburg, 1954-1956, Bd. III, S. 115 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 329).

⁷³⁸ Трухановский В.Г..., с. 290-291.

⁷³⁹ Международная жизнь. 1959, №3, с. 139.

⁷⁴⁰ Ширер У..., т. 1, с. 566.

⁷⁴¹ Ширер У..., т. 1, с. 559.

⁷⁴² Карлей М. Дж..., с. 65.

⁷⁴³ Post, Dilemmas of Appeasement, pp. 290-291. (Карлей М. Дж... с. 5).

⁷⁴⁴ Карлей М. Дж... с. 130.

⁷⁴⁵ Post, Gaines Jr, Dilemmas of Appeasement: British Deterrence and Defence, 1934-1937. Ithaca, N.Y., 1993, p. 207, n. 44; Alexander Martin S., The

Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933-1940. Cambridge, England, 1992, p. 296 (Карлей М..., с. 66).

⁷⁴⁶ Anthony Adamthwaite, «French Military Intelligence and the Coming of War, 1935 — 1939» в Christopher Andrews и Jeremy Noakes, eds., Intelligence and International Relations, 1900-1945, Exeter, 1987, p. 194; Douglas Porch, The French Secret Services: From the Dreyfus Affair to the Gulf War, New York, 1995, pp. 145-146 (Карлей М..., с. 66).

⁷⁴⁷ Дирксен фон Г... с. 325.

⁷⁴⁸ Трухановский В.Г..., с. 291.

⁷⁴⁹ Ширер У..., т. 1, с. 572.

⁷⁵⁰ Ширер У..., т. 1, с. 538.

⁷⁵¹ Harvey, Diplomatic Diaries, entry of July 1, 1939, p. 301 (Карлей М..., с. 242).

⁷⁵² «Visite de Monsieur Souritz du 26 mai 1939...», MAE Papiers 1940, Cabinet Bonnet/16, ff. 266 — 268. N.B. (Карлей М..., с. 204).

⁷⁵³ Committee on Foreign Policy, July 19, 1939, C10267/3356/18, PRO FO 371 23071; Майский — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 28 июня 1939, Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 510 (Карлей М..., с. 227-228).

⁷⁵⁴ «Запись беседы... с... Сидсом», секретно, Потемкин, 10 мая 1939, Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 384-385 (Карлей М..., с. 204).

⁷⁵⁵ Суриц в Наркоминдел, совершенно секретно, 19 июля 1939, Документы внешней политики СССР, М., 1958, XXII, кн. 1, с. 544-545 (Карлей М..., с. 229-230).

⁷⁵⁶ «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Жданов. «Правда», 29 июня 1939, СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М, 1971, с. 472-475 (Карлей М..., с. 221-222).

⁷⁵⁷ Суриц — в Наркоминдел, 18 октября 1938. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXI, с. 740; Литвинов — Сурицу, 19 октября 1938, *ibid.*, с. 594 (Карлей М..., с. 118).

⁷⁵⁸ Майский — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 9 мая 1939. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 348-349 (Карлей М..., с. 191).

⁷⁵⁹ Harvey, Diplomatic Diaries, запись May 3, 1939, p. 286 (Карлей М..., с. 191).

⁷⁶⁰ Collier to Strang, Apr. 28, 1939, C6206/3356/18, PRO FO 371 23064 (Карлей М..., с. 180).

⁷⁶¹ Трухановский В.Г..., с. 288.

⁷⁶² Чемберлен. Письмо сестре от 26 марта 1939 г. (Уткин А.И. Черчилль..., с. 293.)

⁷⁶³ Чемберлен. Речь в парламенте 19 мая 1939 г. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 160.

⁷⁶⁴ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. с. 236.

⁷⁶⁵ Шубин А. В..., с. 330.

⁷⁶⁶ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. VI № 9. [12-15] Гендерсон — Галифаксу. Берлин, 9 июня 1939 г. (Геллер, Некрич...).

⁷⁶⁷ Беседа статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Вайцзекера с английским послом Гендерсоном, 13 июня 1939 г. (Трухановский В.Г..., с. 288.)

⁷⁶⁸ Трухановский В.Г..., с. 288-289.

⁷⁶⁹ Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, pp. 266-268; Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 254-258 (Карлей М..., с. 254).

⁷⁷⁰ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. М., 1981, с. 142-143, 193-195 (Шубин А. В..., с. 334).

⁷⁷¹ Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, pp. 266-268; Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 254-258 (Карлей М..., с. 254)

⁷⁷² Г. Дирксен 3 августа 1939 г. Документы и материалы кануна Второй мировой войны... т.2, с. 198.

⁷⁷³ Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 244-251; Watt D. Cameron, How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938-1939, Lnd., 1990, pp. 394-403; Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, pp. 164 — 165 (Карлей М..., с. 236-237).

⁷⁷⁴ Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, pp. 266-268; Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 254-258 (Карлей М..., с. 254)

⁷⁷⁵ Здесь В. Трухановский ссылается на открытые в конце декабря 1969 г. документы английского кабинета. (Трухановский В.Г..., с. 289).

⁷⁷⁶ Н. Чемберлен. Дневник. 30 июля 1939 г. (Язьков Е.Ф...)

⁷⁷⁷ Документы и материалы кануна Второй мировой войны... т.2, с. 168.

⁷⁷⁸ Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. VI N 354 [389-391]; N 370 [407-410. См. также: «Документы и материалы кануна Второй мировой войны». Т.11 Архив Дирксена (1938-1939 гг.) — М.: 1948. №№ 13, 24, 29; цит по ГН.

⁷⁷⁹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. Т. 2. М., 1981, с. 145 (Шубин А. В..., с. 334).

⁷⁸⁰ Полпред СССР во Франции — НКВД 3 августа 1939 г. Трухановский В.Г..., с. 289-90.

⁷⁸¹ Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939-1941. М., 1997, с. 61 (Шубин А. В..., с. 334).

⁷⁸² Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939-1941. М., 1997, с. 61 (Шубин А. В..., с. 335).

⁷⁸³ А. Гитлер. Речь от 23 мая 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 520.)

⁷⁸⁴ Гальдер. Дневник 28 августа 1939. (Ширер У..., т.1, с. 580- 581, прим. авт.)

⁷⁸⁵ Ширер У..., т.1, с. 601.

⁷⁸⁶ Ширер У..., т.1, с. 603.

⁷⁸⁷ Нота британского правительства Гитлеру (Ширер У..., т.1, с. 606)

⁷⁸⁸ Гендерсон — Галифаксу, 31 августа 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 616, прим. авт.)

⁷⁸⁹ Гендерсон — Галифаксу, 1 сентября 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 616, прим. авт.)

⁷⁹⁰ Кеннард — Галифаксу 30, 31 августа 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 611.)

⁷⁹¹ Гальдер. Дневник. Сообщение подполковника К. Зиверта, адъютанта генерала Браухича (Ширер У..., т.1, с. 622.)

⁷⁹² Гитлер — Гальдеру. (Картье Р... с. 36.)

⁷⁹³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002. С.82 (Пыхалов И..., с. 119).

⁷⁹⁴ Картье Р..., с. 81.

⁷⁹⁵ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб., 1994. Т. 1. С. 31 (Грызун В..., с. 126).

⁷⁹⁶ IMT. Bd. XV. S. 385 f. Фест И. Триумф... с. 346. См. также: Картье Р..., с. 81.

⁷⁹⁷ Картье Р..., с. 82.

⁷⁹⁸ IMT. Bd.XV.S. 385 f.; Jacobsen N.A. Fall Gelb.S. 4 ff. Hadler F. KTB. Bd I. S. 99. (Фест И. Триумф... с. 364).

⁷⁹⁹ Картье Р..., с. 82.

⁸⁰⁰ Картье Р..., с. 82.

⁸⁰¹ Картье Р..., с. 82.

⁸⁰² Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2003. С.144-145 (Пыхалов И..., с. 119).

⁸⁰³ Картье Р..., с. 82.

⁸⁰⁴ Картье Р..., с. 82.

⁸⁰⁵ Карлей М..., с. 276.

⁸⁰⁶ Трухановский В.Г..., с. 294.

⁸⁰⁷ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С.351-352 (Пыхалов И..., с. 119-120).

⁸⁰⁸ Секистов В.А. Война и политика. М., 1970. С.76 (Пыхалов И..., с. 120).

⁸⁰⁹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С. 351-352 (Пыхалов И..., с. 120).

⁸¹⁰ Jean-Paul Sartre, Carnets de la droile de guerre, septembre 1939 —mars 1940, Paris, 1995, p. 202; Alistair Home, To Lose a Battle: France 1940, London, 1990, p. 142 (Карлей М..., с. 277).

⁸¹¹ Фуллер Дж. Ф. Ч..., с. 64.

⁸¹² Dorgeles R. La droile de guerre 1939-1940. Paris, 1957. P.9 (Пыхалов И..., с. 120).

⁸¹³ Мэйсон Д. «Странная война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С.80-81 (Пыхалов И..., с. 121).

⁸¹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С.202 (Пыхалов И..., с. 121-122).

⁸¹⁵ Мэйсон Д. «Странная война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С.82 (Пыхалов И..., с. 122).

⁸¹⁶ Мэйсон Д. «Странная война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С.82-83 (Пыхалов И..., с. 122-123).

⁸¹⁷ Мэйсон Д. «Странная война» // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С.83 (Пыхалов И..., с. 123-124).

⁸¹⁸ История Второй мировой войны. Т.3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С.25 (Пыхалов И..., с. 124).

⁸¹⁹ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С. 354 (Пыхалов И..., с. 125).

⁸²⁰ Военные действия на франко-германской границе // Правда. 1939. 8 сентября. №249 (7934). С.5 (Пыхалов И..., с. 125).

⁸²¹ Агентство Гавас о военных действиях Франции 8 сентября 1939 г. // Правда. 10 сентября 1939. №251 (7936). С.5 (Пыхалов И..., с. 125).

⁸²² Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С. 354 (Пыхалов И..., с. 125).

⁸²³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С. 354 (Пыхалов И..., с. 126).

⁸²⁴ Переброска германских военных сил на Западный фронт // Правда. 11 сентября 1939. №252 (7937). С.5 (Пыхалов И..., с. 126-127).

- ⁸²⁵ Проектор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во Второй мировой войне. М., 1972. С.92 (Пыхалов И..., с. 127).
- ⁸²⁶ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе 1933-1941. М., 1973. С. 354 (Пыхалов И..., с. 127).
- ⁸²⁷ Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938-1941. М., 1999. С. 196 (Пыхалов И..., с. 127-128).
- ⁸²⁸ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1999. С. 49 (Пыхалов И..., с. 128).
- ⁸²⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С.202 (Пыхалов И..., с. 128).
- ⁸³⁰ У. Черчилль — Чемберлену от 10 сентября 1939 г. Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С.220 (Пыхалов И..., с. 128).
- ⁸³¹ История Второй мировой войны 1939-1945. Т.3. М., 1974, С. 42 (Пыхалов И..., с. 134).
- ⁸³² Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938-1941. М., 1999. С. 215 (Пыхалов И..., с. 134).
- ⁸³³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1999. С. 40; Бегство польского правительства // Правда. 1939. 19 сентября. №260 (7945). (Пыхалов И..., с. 134).
- ⁸³⁴ Фуллер Дж. Ф. Ч. Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С.78 (Пыхалов И..., с. 134).
- ⁸³⁵ Gillbert M., Gott R. Der gescheiterte Frieden: Europa 1933 bis 1939. Stuttgart, 1964. S. 284 f. (Фест И. Триумф... с. 345).
- ⁸³⁶ Alistair Home, To Lose a Battle: France 1940, London, 1990, pp. 138-142 (Карлей М..., с. 276-277).
- ⁸³⁷ Суриц в Наркоминдел, совершенно секретно, 10 сентября 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 59 — 61; Суриц — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 14 сентября 1939, *ibid.*, с. 79 — 80; Суриц — в Наркоминдел, немедленно, совершенно секретно, 16 сентября 1939, *ibid.*, с. 90 — 91 (Карлей М..., с. 285).
- ⁸³⁸ Майский — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 16 октября 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 190-191 (Карлей М..., с. 291).
- ⁸³⁹ Трухановский В.Г..., с. 300-01.
- ⁸⁴⁰ Майский — в Наркоминдел, немедленно, совершенно секретно, 29 ноября 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 347-349 (Карлей М..., с. 301).
- ⁸⁴¹ Майский в Наркоминдел, секретно, 11 декабря 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 391-396 (Карлей М..., с. 301).

⁸⁴² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939-1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2002. С. 121 (Пыхалов И..., с. 172).

⁸⁴³ Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938-1941. М., 1999. С.247 (Пыхалов И..., с. 177-178).

⁸⁴⁴ Alistair Home, *To Lose a Battle: France 1940*, London, 1990, p. 183; *Cadogan's minute*, Mar. 25, 1940, N3698/40/ 38, PRO FO 371 24846 (Карлей М..., с. 310).

⁸⁴⁵ Cairns John C., «Reflections on France, Britain and the Winter War Prodrone, 1939-1940», *Historical Reflections*, vol. 22, no. 1 (Winter 1996), p. 212; Alistair Home, *To Lose a Battle: France 1940*, London, 1990, pp. 179-180 (Карлей М..., с. 302).

⁸⁴⁶ Карлей М..., с. 302.

⁸⁴⁷ «Беседа... с... Батлером», Майский, 24 февраля 1940. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXIII, кн. 1, с. 107-108; *Cadogan Diaries*, записи Feb. 23-24, 1940, pp. 255-256; *Maclean's minute*, Mar. 8, 1940, N2779/40/38, PRO FO 371 24846; *Collier's minute*, Mar. 25, 1940, N3485/40/38, *ibid* (Карлей М..., с. 314).

⁸⁴⁸ Карлей М..., с. 304-305.

⁸⁴⁹ Кара-Мурза С... с. 443-444.

⁸⁵⁰ *Steinhardt to Henderson*, 13 December 1939, SP (Данн Д..., с. 176).

⁸⁵¹ Данн Д..., с. 179-180.

⁸⁵² Кремлев С. Путь к пакту... с. 332.

⁸⁵³ ДВП. Т.23. Кн.1. С.101—105. (Мельтюхов М.И... с. 164).

⁸⁵⁴ ДВП. Т.23. Кн.1. С.107—109. (Мельтюхов М.И... с. 164).

⁸⁵⁵ Трухановский В.Г..., с. 303.

⁸⁵⁶ *Die Geheimacten des franzosischen Generalstabes*. В., 1941, S. 238-240 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984, с. 99-100).

⁸⁵⁷ *Assemblée Nationale. Premiere legislature. Sessie de 1947*, 8 aout 1947, t. V, P, 1951, p. 1442 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений, М., 1984, с. 100).

⁸⁵⁸ Трухановский В.Г..., с. 301-302.

⁸⁵⁹ *Taylor A. J. P, English History, 1914-1945*. NY., 1965, p. 469, n. 1 (Карлей М..., с. 310).

⁸⁶⁰ Трухановский В.Г..., с. 302.

⁸⁶¹ Майский — в Наркоминдел, немедленно, совершенно секретно, 25 декабря 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 448-449 (Карлей М..., с. 306).

⁸⁶² *Butler's minutes*, Mar. 18, 1940, N3485/40/38, PRO FO 371 24846; Mar. 29, 1940, *ibid.*; «Attitude to Russia», *Butler*, Apr. 5, 1940, N3867/40/38, *ibid.*; «Беседа...с... Батлером», Майский, 18 марта 1940. Документы внешне политики. XXIII, кн. 1, с. 156-159 (Карлей М..., с. 315).

⁸⁶³ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 197 (Пыхалов И..., с. 179-180).

⁸⁶⁴ Пыхалов И..., с. 180.

⁸⁶⁵ R. Campbell (Посол Великобритании в Париже), по. 36 saving, Jan. 12, 1940, N546/341/38, PRO FO 371 24853 (Карлей М..., с. 309).

⁸⁶⁶ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 197 (Пыхалов И..., с. 183).

⁸⁶⁷ Правда 1.9.1939. (Геллер, Некрич...)

⁸⁶⁸ Данн Д..., с. 143.

⁸⁶⁹ См.: Gerhard Weinberg, *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Starting World War II, 1937-1939*, Chicago, 1980; Adam Ulam, *Expansion and Coexistence* (New York, 1968), pp. 257-279; Aleksandr M. Nekrich, *Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922-1941*, New York, 1997; Uldricks, «A. J. P. Taylor and the Russians», in Gordon Martel, ed., *The Origins of the Second World War Reconsidered*, Boston, 1986, p. 178. (Карлей М..., с. 17).

⁸⁷⁰ Данн Д..., с. 143.

⁸⁷¹ Данн Д..., с. 143.

⁸⁷² Некрич А... с. 27.

⁸⁷³ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 21.

⁸⁷⁴ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001, с. 346 (Шубин А. В..., с. 322).

⁸⁷⁵ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 64. (Шубин А. В..., с. 322).

⁸⁷⁶ Ширер У..., т. 1, с. 511-512.

⁸⁷⁷ Ширер У..., т. 1, с. 511-512.

⁸⁷⁸ См.: Галин В. Запретная политэкономия. Революция по-русски. — М.: Алгоритм, 2006. — 608 с., с. 496-497.

⁸⁷⁹ Ю. Шнурре, глава немецкой делегации — заместителю советского торгпреда Скосыреву 16 декабря 1938 г. (Шубин А. В..., с. 323.)

⁸⁸⁰ Мерекалов — в Наркоминдел, 12 января 1939. Год кризиса, I, с. 185-186. Розанов Г. Л. Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939-1941. М., 1991, с. 46-47.

⁸⁸¹ Collier's minutes, Jan. 24, 28, 30, 1939, N49Z/Z43/38, PRO FO 371 Z3686; N464/243/38, *ibid.*; N511/92/38, PRO FO 371 23680; Payart, nos. 34-37, 27 Janvier 1939, DDF, 2^e serie, 18 vols. (Paris, 1963) XIII, с. 805. (Карлей М..., с. 133)

⁸⁸² В. Бартлет «News Chronicle» Лондон 27 января 1939 г. Мерекалов — в Наркоминдел и Наркомвнешторг, 28 января 1939. Год кризиса: документы и материалы. I, М., 1990, с. 200-201. (Карлей М..., с. 133-134).

⁸⁸³ Payart, nos. 66-67, 72-78, 5 et 6 fevrier 1939, MAE BC, Telegrammes il l'arrivee de Moscou; Потемкин — Сурицу, 4 февраля 1939. Документы

внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 98-100 (Карлей М..., с. 135).

⁸⁸⁴ Мерекалов — в Наркоминдел, 6 февраля 1939. Год кризиса, документы и материалы. I, М., 1990, с. 215; «Запись беседы... с... Шуленбургом», Потемкин, 18 февраля 1939, *ibid.*, с. 231. (Карлей М..., с. 135).

⁸⁸⁵ Карлей М..., с. 184-185.

⁸⁸⁶ Выдержки из дневника Мерекалова, секретно, 1—3 марта 1939. Документы внешней политики СССР, М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 160 — 162; Литвинов — К.А.Михайлову (советскому послу в Афганистане), 9 марта 1939, *ibid.*, с. 173—174 (Карлей М..., с. 185).

⁸⁸⁷ Д. Дэвис. Дневник 11 марта 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 513, прим. авт.)

⁸⁸⁸ Д. Дэвис — Питтману, 21 марта 1939 г. (Ширер У..., т.1, с. 513, прим. авт.)

⁸⁸⁹ Daniel Levi (французский поверенный в делах в Москве), по. 109, 5 avril 1938, Documents diplomatiques francais, 2^e serie, 18 vols. (Paris, 1963), IX, 225-227 (Карлей М..., с. 33).

⁸⁹⁰ Карлей М..., с. 17-18.

⁸⁹¹ Ширер У..., т.1, с. 514-515; См. так же: ADAP. Serie D. Bd. VI. N 215. S. 22. (Некрич А... с. 27).

⁸⁹² Так, например, спустя четыре дня после Мюнхена «германское посольство в Москве указало на то, что «Сталин... делает выводы» и пересмотрит свою внешнюю политику» (Akten zur Deutschen Auswartigen Politik 1918-1945, Serie D: 1937-1945. Baden-Baden, 1950 ff, Bd. IV, Dok. 476, S. 529 f. (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 293)).

⁸⁹³ Уткин А.И. Черчилль..., с. 295.

⁸⁹⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991, с. 166 (Шубин А. В..., с. 326).

⁸⁹⁵ Chilston to Halifax, no. 307, July 2, 1937, N3374/97/38, PRO FO 371, 22289 (Карлей М..., с. 69).

⁸⁹⁶ Октябрь 1935 г. (Додд У... с. 296.)

⁸⁹⁷ Ноябрь 1935 г. (Додд У... с. 306.)

⁸⁹⁸ 19 ноября 1935 г. (Додд У... с. 302-303.)

⁸⁹⁹ 16 марта 1936 г. (Додд У... с. 345-346.)

⁹⁰⁰ 4 января 1936 г. (Додд У... с. 319.)

⁹⁰¹ 11 января 1937 г. (Додд У... с. 397.)

⁹⁰² Карлей М..., с. 20-21.

⁹⁰³ Карлей М..., с. 184.

⁹⁰⁴ Молотов В.М. Речь в Верховном Совете СССР // Известия, 1 сентября 1939 г. (Кремлев С., Путь к пакту... с. 442-443).

⁹⁰⁵ Кремлев С. Путь к пакту... с. 194-195, 298.

⁹⁰⁶ И. Майский — Р. Бутби, члену парламента от партии консерваторов. Ширер У..., т.1, с. 513, прим. авт.

⁹⁰⁷ Payart, nos. 326-329, 4 mai 1939, MAE Papiers Naggiar/10; Payart, nos. 351-356, 10 mai 1939, DDF, 2^e serie, 18 vols. (Paris, 1963-), XVI, с. 265-266 (Карлей М..., с. 183-184).

⁹⁰⁸ Карлей М..., с. 183.

⁹⁰⁹ СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939. Вильнюс, 1989, с. 13 (Шубин А. В..., с. 327).

⁹¹⁰ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 142 (Шубин А. В..., с. 327).

⁹¹¹ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 192 (Шубин А. В..., с. 327).

⁹¹² Ширер У..., т.1, с. 528-529.

⁹¹³ Э. Ранцау — Г.В. Чичерину, 09.1928. (В день получения письма Чичериним посол Ранцау умер. — прим.пер.) (Дирксен фон Г... с. 96, 138).

⁹¹⁴ Ширер У..., т. 1, с. 516-517.

⁹¹⁵ Extract from cabinet conclusions, May 10, 1939, C7106/3356/18, PRO FO 371 23066 (Карлей М..., с. 196).

⁹¹⁶ СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939. Вильнюс, 1989, с. 14. (Шубин А. В..., с. 327).

⁹¹⁷ «Запись беседы... с... Шуленбургом», секретно, Молотов, 20 мая 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 386-387 (Карлей М..., с. 214-215).

⁹¹⁸ Aster Sidney, 1939: The Making of the Second World War. L., 1973, pp. 226-234; Parker R. A. C., Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. Lnd., 1993, pp. 260-262 (Карлей М..., с. 217).

⁹¹⁹ Ширер У..., т. 1, с. 519; См. также: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 163.

⁹²⁰ Ширер У..., т. 1, с. 527; См. также: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М., 1991, с. 162.

⁹²¹ «Запись беседы... с... Шуленбургом», Молотов, 18 июня 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, II, с. 65-67; Schulenburg to German foreign ministry, secret, urgent, June 19, 1939, DGFP, D, VI, 805-807; Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, July 3, 1939 [более подробная запись встречи], *ibid.*, 834-836. (Карлей М..., с. 232).

⁹²² Ширер У..., т. 1, с. 529; См. также: СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939. Вильнюс, 1989, с. 19. (Шубин А. В..., с. 329).

⁹²³ «Запись беседы... с... Шуленбургом», секретно, Потемкин, 1 июля 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 514-516. (Карлей М..., с. 233).

⁹²⁴ Weizsacker to Schulenburg, June 30, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VI, 813 (Карлей М..., с. 233).

⁹²⁵ Выдержки из дневника Астахова, 20-26 июля 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 547-551; «Запись беседы... с... Шнурре», секретно, Астахов, 14 июля 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 554-556 (Карлей М..., с. 235).

⁹²⁶ «Запись беседы... с... Шнурре», Астахов, 16 июля 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, II, с. 136-139; Астахов Потемкину, 17 июля 1939, *ibid.*, с. 139-140 (Карлей М..., с. 235).

⁹²⁷ Обращение Е. Бабарина, торгового представителя СССР в Берлине, в МИД Германии, 18 июля 1939 г. (Ширер У..., т. 1, с. 534.)

⁹²⁸ «Запись беседы... с Риббентропом и... Вайцзеккером», секретно, Астахов, 2 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 566-569; Астахов в Наркоминдел, 3 августа 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, II, с. 157-158; Астахов — в Наркоминдел, вне очереди, 3 августа 1939, *ibid.*, с. 159; Ribbentrop to Schulenburg, most urgent, Aug. 3, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VI, 1049-1050 (Карлей М..., с. 249).

⁹²⁹ Риббентроп — Шуленбургу, 3 августа 1939 г. (Ширер У..., т. 1, с. 539).

⁹³⁰ Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, Aug. 4, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VI, 1059-1062. Cp. Roberts, Soviet Union, pp. 84-85 (Карлей М..., с. 250-251).

⁹³¹ Schnurre's memorandum, secret, Aug. 5, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VI, 1067-1068; Schulenburg to Martin Schliep (сотрудник Министерства иностранных дел Германии), Aug. 7, 1939, *ibid.*, 1075-1077. (Карлей М..., с. 252).

⁹³² Астахов — в Наркоминдел, совершенно секретно, 10 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 595-596. (Карлей М..., с. 252).

⁹³³ Ширер У..., т. 1, с. 546.

⁹³⁴ Астахов — Молотову, секретно, 12 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 597-598; Астахов — Молотову, 12 августа 1939. Год кризиса: документы и материалы. М., 1990, II, с. 186—188; Schnurre to Schulenburg, Aug. 14, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VII, 58-59. (Карлей М..., с. 261-262).

⁹³⁵ «Запись беседы... с... Шнурре», секретно, Астахов, 13 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 603-604. (Карлей М..., с. 262).

⁹³⁶ См. текст: Шуленбург — Молотову, памятная записка, 15 августа 1939 г. (Кремлев С. Путь к пакту... с. 404-406).

⁹³⁷ Ширер У..., т. 1, с. 553.

⁹³⁸ Астахов — в Наркоминдсл, немедленно, совершенно секретно, 16 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 608-609. (Карлей М..., с. 262).

⁹³⁹ Ширер У..., т. 1, с. 555-556.

⁹⁴⁰ «Запись беседы... Молотова с... Шуленбургом», секретно, 17 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 609 — 612; Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, secret, Aug. 18, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VII, 114-116. (Карлей М..., с. 263); См. также: Ширер У..., т. 1, с. 556.

⁹⁴¹ Риббентроп — Шуленбургу, 18 августа 1939 г. (Ширер У..., т. 1, с. 557).

⁹⁴² «Запись беседы... Молотова с... Шуленбургом», секретно, 19 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 615 — 617; Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, secret, Aug. 20, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VII, 149-151. (Карлей М..., с. 264); См. также: Ширер У..., т. 1, с. 558-559.

⁹⁴³ Sipols V. la, «A Few Months Before August 23, 1939», International Affairs (June 1989) passim Schnurre's note Aug. 19, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VII, 132-133 (Карлей М..., с. 265); См. также: Ширер У..., т. 1, с. 560.

⁹⁴⁴ Астахов — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 19 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 619-620; «Сообщения о советско-германских отношениях», Известия, 22 августа 1939, *ibid.*, с. 626 (Карлей М..., с. 265).

⁹⁴⁵ С. Кара-Мурза..., с. 387.

⁹⁴⁶ Суриц — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 25 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1, с. 652; Записи Наджияра на телеграммах. Bonnet a Naggiar, nos. 627-630, 23 aout 1939, MAE Papiers Naggiar/9. (Карлей М..., с. 269-270).

⁹⁴⁷ Herve Alphan, L'Etonnement d'être, Paris, 1977, p. 20. (Карлей М..., с. 268).

⁹⁴⁸ Orville H. Bullitt, ed. For the President: Personal and Secret, Boston: Houghton Mifflin Co., 1972, p. 151-152. (Данн Д..., с. 92).

⁹⁴⁹ Данн Д..., с. 92-93.

⁹⁵⁰ Гитлер — Ренхарду, декабрь 1932 г. Vierteitt fur Zeitgeschichte. Stuttgart. 1959. № 4. S. 434 f. (Некрич А... с. 57).

⁹⁵¹ Риббентроп — Сталину 13 октября 1940 г. (В. Молодяков... с. 312).

⁹⁵² В. Молодяков... с. 333-334.

⁹⁵³ Молотов — Рибентропу 25 ноября 1940 г. (Молодяков В... с. 337).

- ⁹⁵⁴ Молодяков В... с. 318-319.
- ⁹⁵⁵ Молодяков В... с. 319.
- ⁹⁵⁶ Молодяков В... с. 338.
- ⁹⁵⁷ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М.; 1999. Иванов Р. Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. с. 98.
- ⁹⁵⁸ Уткин А... с. 237.
- ⁹⁵⁹ Нюрнбергский процесс..., с. 425, 426.
- ⁹⁶⁰ Ржевская Е. М. Геббельс... с. 238.
- ⁹⁶¹ Некрич А... с. 28.
- ⁹⁶² Ширер У..., т. 1, с. 537, прим. авт.
- ⁹⁶³ Астахов — Молотову, секретно, 8 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 585 — 587 (Карлей М..., с. 252).
- ⁹⁶⁴ New York Times. September 9. 1939. Иванов Р. Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. с. 64.
- ⁹⁶⁵ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М.; 1999, с. 402. Иванов Р. Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. с. 98.
- ⁹⁶⁶ Правда. 24.8.1939. (Геллер, Некрич...)
- ⁹⁶⁷ Сиполс А. Тайны дипломатические, с. 275. (Молодяков В... с. 339).
- ⁹⁶⁸ Сиполс А. Тайны дипломатические, с. 273. (Молодяков В... с. 339).
- ⁹⁶⁹ Earl of Birkenhead, Halifax, London, 1965, p. 440 (Карлей М..., с. 16).
- ⁹⁷⁰ Карлей М..., с. 281.
- ⁹⁷¹ Карлей М..., с. 16.
- ⁹⁷² Ширер У..., т. 1, с. 561.
- ⁹⁷³ Иванов Р. Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. с. 53.
- ⁹⁷⁴ Правда. 24.8.1939. (Геллер, Некрич...)
- ⁹⁷⁵ Карлей М..., с. 272.
- ⁹⁷⁶ Сталин И. Соч. Т. 7, с. 14. (Некрич А... с. 32.)
- ⁹⁷⁷ Luguet (французский военно-воздушный атташе в Москве) а Guy La Chambre (французский министр воздушных сил), по. 463, secret, 29 aout 1939, SHAT 7N 3186 (Карлей М..., с. 273).
- ⁹⁷⁸ «Note sur la situation actuelle», tres secret, Colson, без даты, сопроводительное письмо Gamelin а Daladier, no. 936/DN. 3, Oct. 26, 1938, SHAT 5N 579 (Карлей М..., с. 126-127).
- ⁹⁷⁹ Phipps to Halifax, no. 373, Mar. 28, 1939, Documents on British Foreign Policy, 3 series, 9 vols, London, 1949-1957 IV, 535 (Карлей М..., с. 154).
- ⁹⁸⁰ Untitled Foreign Office memorandum, secret, без подписи, Oct. 19, 1939, C16324/15/18, PRO FO 371 22985; «First Month of the War», Lecper, Oct. 4, 1939, C16151/15/18, ibid (Карлей М..., с. 294).
- ⁹⁸¹ Chamberlain to Ida, May 21, 1939, NC18/1/1100, Chamberlain papers (Карлей М..., с. 201).

⁹⁸² Sargent's minute, Oct. 11, 1939, C16404/15/18, PRO FO 371 22985; Halifax's minute, Oct. 11, 1939, *ibid.* (Карлей М..., с. 294).

⁹⁸³ Steinhardt to Hull, 15 November 1940, no. 761.62/804, RG 59, NA (Данн Д..., с. 169-170).

⁹⁸⁴ Bullitt to Hull, July 19, 1935, FRUS: Soviet Union, pp. 224-225 (Данн Д..., с. 90).

⁹⁸⁵ Черная книга коммунизма. — М.: Три века истории. 1999. 768 с.

⁹⁸⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, книга первая, с. 162, 163, 165. Трухановский В.Г..., с. 281.

⁹⁸⁷ Ширер У..., т.1, с. 576-577.

⁹⁸⁸ Карлей М..., с. 18.

⁹⁸⁹ Вступительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. 4.12.1945. (Нюрнбергский процесс... с. 477.)

⁹⁹⁰ Henri Amouroux, *Le Peuple du desastre, 1939-1940*, Paris, 1976, p. 132 (Карлей М..., с. 272).

⁹⁹¹ Карлей М..., с. 280.

⁹⁹² D. W. Lascelles's minute, Oct. 22, 1939, N544/92/38, PRO FO 371 23683 (Карлей М..., с. 279-280).

⁹⁹³ Kirkpatrick's untitled note and minutes, Sept. 27, 1939, C16202/3356/18. PRO FO 371 23074 (Карлей М..., с. 280-281).

⁹⁹⁴ A. J. P. Taylor, *The Origins of the Second World War*, Middlesex, 1964, p. 318 (Карлей М..., с. 17).

⁹⁹⁵ Карлей М..., с. 17.

⁹⁹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Т.1. М., 1997, с. 188, примечание А.С. Орлова (Пыхалов И..., с. 111).

⁹⁹⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, книга первая, с. 179-180. Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1901-1939). — М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. с. 200

⁹⁹⁸ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, книга первая, с. 180.

⁹⁹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991, книга первая, с. 180. Трухановский В.Г..., с. 292.

¹⁰⁰⁰ V. Sipols, «A Few Months Before August 23, 1939 // International Affairs, June 1989, pp. 124-136; Geoffrey Roberts, «The Soviet Decision for a Pact with Nazi Germany», *Soviet Studies*, vol. 44, no. 1 (1992), 57-78; Roberts G., *The Soviet Union and the Origins of the Second World War: Russo-German Relations and the Road to War, 1933-1941* (London, 1995); Roberts G., «The Alliance That Failed: Moscow and Triple Alliance Negotiations, 1939», *European History Quarterly*, vol. 26, no. 3 (1996), 383-414; Ингсбор Фляйшхауэр. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938-1939. Москва, 1991, с. 19-40 (Карлей М..., с. 17).

¹⁰⁰¹ Карлей М. Дж... с. 130.

¹⁰⁰² Карлей М..., с. 270-271.

¹⁰⁰³ Трухановский В.Г..., с. 292.

¹⁰⁰⁴ A. J. P. Taylor, *The Origins of the Second World War*, Middlesex, 1964, p. 319; Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. В 2-х кн. Москва, 1989, кн. 2, ч. 1, с. 32-33; Медведев Р.А. К суду истории. Генезис и последствия сталинизма. Нью-Йорк, 1974, с. 872 — 873 (Карлей М..., с. 17).

¹⁰⁰⁵ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967, с. 60.

¹⁰⁰⁶ Joseph E. Davies. *Mission to Moscow*, NY., Simon and Schuster, 1941, p. 318, 321; Davies to FDR, 4 April 1938, PPF 1381, Davies Folder (Данн Д..., с. 139).

¹⁰⁰⁷ Трухановский В.Г..., с. 293.

¹⁰⁰⁸ Fabe-Luce A. *Journal de la France*, vol. I, p. 63. (Молодяков В... с. 186).

¹⁰⁰⁹ Язьков Е.Ф... 326.

¹⁰¹⁰ Некрич А... с. 51.

¹⁰¹¹ Записи Наджияра на телеграммах *Bonnet a Naggiar*, nos. 505 — 511, 25 juillet 1939, MAE Papiers Naggiar/9 (Карлей М..., с. 227).

¹⁰¹² Язьков Е.Ф...

¹⁰¹³ Ширер У..., т.1, с. 562.

¹⁰¹⁴ Вступительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. 4.12.1945 (Нюрнбергский процесс... с. 488.)

¹⁰¹⁵ Грызун В..., с. 226.

¹⁰¹⁶ Ширер У..., т.1, с. 575.

¹⁰¹⁷ Дневник Гальдера (Ширер У..., т.1, с. 548-549).

¹⁰¹⁸ Картъе Р. После Нюрнберга..., с. 31.

¹⁰¹⁹ *Le Temps*. 1938, 12 avril (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 69).

¹⁰²⁰ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 г., т. 1. М., 1983. с. 76 (Малафеев И.А. Европейская политика и дипломатия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 69).

¹⁰²¹ Записи Наджияра на своих телеграммах, сообщающие о встрече Сидса с Молотовым, *Naggiar*, nos. 941-943, 23 aout 1939, MAE Papiers Naggiar/10; *Naggiar* no. 944, 23 aout 1939, *ibid* (Карлей М..., с. 267).

¹⁰²² Потемкин — Н. Н. Крестинскому, заместителю наркома иностранных дел, 23 февраля 1935. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XVIII, с. 130-133; Литвинов — Потемкину, 2 апреля 1935, *ibid.*, 259; Потемкин — в Наркоминдел, 10 апреля 1935, *ibid.*, с. 282-283 (Карлей М..., с. 50).

¹⁰²³ «Remis au ministre par l'ambassadeur des Soviets, Pro memoria». March 5, 1935, MAE Z-URSS/973, ff. 29--33; Rene Massigli (заместитель политического директора), a Paul Bargeton [?] (политический директор), Paris, 15 avril, 1935, MAE Z-URSS/974, f. 26 (Карлей М..., с. 50).

¹⁰²⁴ Note, directeur politique [Bargeton], 19 mars, 1935, MAE Z-URSS/973, ff-107-110; «Note de M. [Jules] Basdevant sur la negociation du traite franco-

советique du 2 mai 1935». 21 decembre, 1935, MAE Z-URSS/980, ff. 171-176 (Карлей М..., с. 50).

¹⁰²⁵ Литвинов — Потемкину, 13 января 1936. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XIX, с. 26 — 27; «Запись беседы с послом Франции в СССР Альфаном», Литвинов, 14 января 1936, *ibid.*, с. 27 — 28; Литвинов — Потемкину, 23 февраля 1936, *ibid.*, с. 38 — 39 (Карлей М..., с. 51).

¹⁰²⁶ «URSS, Manoeuvres de Russie blanche de septembre 1936». Schweisguth 5 octobre, 1936, SHAT 7N 3184 (Карлей М..., с. 58).

¹⁰²⁷ Литвинов (из Женевы) — в Наркоминдел, 5 октября 1936. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XIX с. 461-462; Потемкин — в Наркоминдел, 17 сентября 1936, *ibid.*, с. 428-429; Потемкин — в Наркоминдел, 19 сентября 1936, *ibid.*, с. 430-432 (Карлей М..., с. 58); См. также: Bonnet a Naggiar, no. 52, 25 fevrier 1939, MAE Papiers Naggiar/9; Bonnet a Naggiar, no. 53, 25 fevrier 1939, *ibid* (Карлей М..., с. 149-150).

¹⁰²⁸ Notes de Schweisguth, 8 Janvier и 8 fevrier 1937, AN Papiers Schweisguth, 351 AP/3 (Карлей М..., с. 59).

¹⁰²⁹ Карлей М..., с. 61.

¹⁰³⁰ Суриц — Литвинову, 27 июля 1938. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XX, с. 392-402; Суриц — в Наркоминдел, 17 июля 1938, *ibid.*, с. 728 (Карлей М..., с. 88).

¹⁰³¹ Tabois. They Called Me Cassandra, pp. 386-387 (Карлей М. Дж... с. 127).

¹⁰³² Карлей М..., с. 61.

¹⁰³³ «Memorandum by Mr. Sargent...», Feb. 7, 1935, Documents on British Foreign Policy, 2 series, 19 vols, London, 1947-1984 XII, 501-502; Sargent's minute, April 1, 1935, C2656/55/18, PRO FO 371 18833 (Карлей М..., с. 63-64).

¹⁰³⁴ Coulondre, no. 308, 27 decembre 1937, и краткое содержание интервью, DDF, 2^e serie, 18 vols. (Paris, 1963-) VII, 785-788 (Карлей М..., с. 63).

¹⁰³⁵ Суриц — в Наркоминдел, вне очереди, совершенно секретно, 25 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 1, с. 652; Записи Наджияра на телеграммах Bonnet a Naggiar, nos. 627-630, 23 aout 1939, MAE Papiers Naggiar/9 (Карлей М..., с. 269-270).

¹⁰³⁶ Seeds, no. 161, May 30, 1939, C7937/3356/18, PRO FO 371 23067 (запись Сарджента на этой телеграмме); Seeds, no. 181, June 20, 1939, C8840/3356/18, PRO FO 371 23069 (Карлей М..., с. 208).

¹⁰³⁷ Карлей М..., с. 61.

¹⁰³⁸ Ж. Камбон, 1918. Wright G. France in modern times: from the Enlightenment to the Present, NY, Lnd., 1981, p. 353

¹⁰³⁹ Larkin M. France since the Popular Front., Oxford, 1997, p. 73.

¹⁰⁴⁰ Суриц — Литвинову, 12 октября 1938. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXI, с. 575-581, Документы внешней политики СССР. т. XXI, М., 1974, с. 580 (Малафеев И.А. Европейская политика и диплома-

тия Франции в 1933-1939 гг. Рязань, 1994, с. 78-79: См. также: Карлей М..., с. 115).

¹⁰⁴¹ Уткин А.И. Черчилль..., с. 284.

¹⁰⁴² Перов Б. М. Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьё в 1938-1939 гг. Самара, 2001, с. 49.

¹⁰⁴³ Перов Б. М. Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьё в 1938-1939 гг. Самара, 2001, с. 71.

¹⁰⁴⁴ Documents diplomatiques francais 1932-1939, 2-e serie, t. XIII, p. 93-95 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984, с. 95).

¹⁰⁴⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991, с. 146 (Шубин А. В..., с. 293).

¹⁰⁴⁶ Выступление 22 августа 1939 г. // Domarus M. Hitler: Reden und Proklamationen 1932-1945, Wuerrzburg, 1962-63, S. 1234 ff (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 292).

¹⁰⁴⁷ Tabouis G. Ils l'ont appelee Cassandre. New-York, 1942, p. 386-387 (Перов Б. М. Франция накануне войны. Внутренняя и внешняя политика правительства Э. Даладьё в 1938-1939 гг. Самара, 2001, с. 176).

¹⁰⁴⁸ Szembek J., Journal 1933-1939, Paris, 1951, pp. 141-142; Потемкин — в Наркоминдел, 22 ноября 1935. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XVIII, с. 562-564 (Карлей М..., с. 49).

¹⁰⁴⁹ Потемкин — в Наркоминдел, вне очереди, 26 февраля 1936. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XIX, с. 102-103; Литвинов — Майскому, 9 марта 1936, *ibid.*, с. 130; Крестинский — Потемкину, 22 марта 1936, *ibid.*, с. 182 — 183; Потемкин — Крестинскому, 26 марта 1936, *ibid.*, с. 189-195 (Карлей М..., с. 52).

¹⁰⁵⁰ Суриц — Литвинову, 27 июля 1938. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XX, с. 392-402; Суриц — в Наркоминдел, 17 июля 1938, *ibid.*, с. 728 (Карлей М..., с. 87).

¹⁰⁵¹ Оруэлл Дж. Артур Кестлер (Оруэлл... с. 182).

¹⁰⁵² Моне Жан. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. М., 2000, с. 136.

¹⁰⁵³ Моне Жан. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. М., 2000, с. 137.

¹⁰⁵⁴ Моне Жан. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. М., 2000, с. 140.

¹⁰⁵⁵ Моне Жан. Реальность и политика. Мемуары. Пер. с фр. М., 2000, с. 156-157.

¹⁰⁵⁶ Тейлор А. Вторая мировая война. Два взгляда (первое изд. 1975.). М., 1995, с. 421, с. 423; Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939—1964). — М., Эксмо-Пресс, 2002. С. 14—15.

¹⁰⁵⁷ Статья «Литвинов и после» из английского журнала опубликована ТАСС 4 июня 1939 г. ГАФР. Ф. 4459. Оп. 38. Д. 96. Л. 86-89, 91, 93, 96.

¹⁰⁵⁸ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. СПб., М., Полигон. АСТ. 1998. 795 с. 13.

¹⁰⁵⁹ Черчилль У. Вторая мировая война, т.1, с. 173.

¹⁰⁶⁰ Ширер У..., т. 1, с. 575.

¹⁰⁶¹ Соколов Б. Германская империя, с. 279

¹⁰⁶² Например, Lewis B. Namier, Diplomatic Prelude, 1938-1939, London, 1948; Maurice Cowling, The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933-1940, London, 1975; Margaret George, Warped Vision: British Foreign Policy, 1933-1939, Pittsburgh, 1965; Keith Middlemas, Diplomacy of Illusion: The British Government and Germany, 1937-1939, London, 1972; A. J. P. Taylor, The Origins of the Second World War, Middlesex, 1964; Neville Thompson, The Anti-Appeasers: Conservative Opposition to Appeasement in the 1930s, Oxford, 1971 (Карлей М..., с. 12).

¹⁰⁶³ Нольте Э...

¹⁰⁶⁴ Кара-Мурза С... с. 446.

¹⁰⁶⁵ Ш. Рист. Дневник 8 сентября 1939 г. (Рене Жиро №2 1991). Рене Жиро — специалист по истории международных отношений XX в., профессор Университета Париж I (Сорбонна), директор Института П. Ренувена, председатель международной комиссии по истории международных отношений при МКИН.

¹⁰⁶⁶ Карлей М..., с. 36.

¹⁰⁶⁷ Карлей М..., с. 36-37.

¹⁰⁶⁸ Молотов — Терентьеву, совершенно секретно, 3 сентября 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXII, кн. 2, с. 12 (Карлей М..., с. 239-240).

¹⁰⁶⁹ Дж. Кеннан 18 декабря 1952 г. (Печатнов В.О... обложка).

¹⁰⁷⁰ Отчет о беседе советского посла в Берлине Ф. Мервалова с бывшим германским послом в Москве Р. Надольным и коммерческим советником московского посольства Г. Хильгером. 5 января. Меркалов — в Наркоминдел, 12 января 1939 г. Год кризиса, I, с. 167-168, Микоян — Меркалову, 8 января 1939, с. 177. (Карлей М. Дж... с. 132).

¹⁰⁷¹ Ширер У... т. 1, с. 512.

¹⁰⁷² Передано Ф. Шуленбургом — В. Молотову 15 августа 1939 г.

¹⁰⁷³ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы, т. 2, с. 273; См. так же «Запись беседы... Молотова с... Шуленбургом», секретно, 17 августа 1939. Документы внешней политики СССР. М., 1958, XXII, кн. 1. с. 609-612; Schulenburg to German foreign ministry, most urgent, secret, Aug. 18, 1939, Documents on German Foreign Policy, series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, VII, 114-116 (Карлей М..., с. 263).

¹⁰⁷⁴ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы, т. 2, с. 280-284, 289.

¹⁰⁷⁵ Переговоры К. Риттер — А. Микоян 9 октября. Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. — М.: 1997, с. 324-325.

¹⁰⁷⁶ Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. № 5, с. 17. (Пыхалов И... с. 205).

¹⁰⁷⁷ Нарком судостроения СССР И. Тевосян — К. Риттеру 26 октября 1939 г. Сиполс В.Я. Войны дипломатические... с. 327.

¹⁰⁷⁸ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. — М.: 1997, с. 327.

¹⁰⁷⁹ Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. № 5.

¹⁰⁸⁰ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с. 106

¹⁰⁸¹ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 337 (Пыхалов И..., с. 216).

¹⁰⁸² Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. №5. С. 16, 21, 22 (Пыхалов И..., с. 216).

¹⁰⁸³ Шевяков А.А. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социологические исследования. 1995. № 5.

¹⁰⁸⁴ Мельтюхов М.И...

¹⁰⁸⁵ Пыхалов И..., с. 217.

¹⁰⁸⁶ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 336 (Пыхалов И..., с. 217).

¹⁰⁸⁷ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 336 (Пыхалов И..., с. 218).

¹⁰⁸⁸ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 331, 333, 337 (Пыхалов И..., с. 217).

¹⁰⁸⁹ Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik 1933—1945. Stuttgart. 1980. S.95. (Мельтюхов М.И...)

¹⁰⁹⁰ Steinhardt to Hull, 26 September 1939, no. 740.0011 European War 1939/554; Steinhardt to Hull, 29 September 1939, no. 740.0011 European War 1939/624; Steinhardt to Hull, 23 October 1939, no. 761.6211/268; Steinhardt to Hull, 29 October 1939, no. 300.115(39) City of Flint/60, RG 59, NA (Данн Д..., с. 169).

¹⁰⁹¹ Данн Д..., с. 177.

¹⁰⁹² Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 334 (Пыхалов И..., с. 225).

¹⁰⁹³ Мельтюхов М. Освободительный поход... с. 258, 259, 261, 268.

¹⁰⁹⁴ Картье Р..., с. 106.

¹⁰⁹⁵ Чельшев И.А. СССР — Франция: трудные годы 1938-1941. — М.: 1999, с. 251-252. См. также: Документы внешней политики. Т.22. Кн.2. С.215-216; Внешняя политика СССР. М., 1946. Т.4. С.474—475; Кан А.С. Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С.46-49. (Мельтюхов М.И... с. 145).

¹⁰⁹⁶ Мельтюхов М. Освободительный поход... с. 269.

- ¹⁰⁹⁷ Schvendemann H. Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941. Berlin. 1993. S.367—368. S.381. (Мельтюхов М.И... с. 287).
- ¹⁰⁹⁸ Хайм Ч. Торговля с врагом. М., Прогресс, 1985, с. 62 (Грызун В..., с. 423).
- ¹⁰⁹⁹ Э. Хауз — президенту 25.06.1915. (Хауз... т.1, с. 237.)
- ¹¹⁰⁰ Э. Хауз — президенту 25.11.1915. (Хауз... т.1, с. 315.)
- ¹¹⁰¹ Хауз..., т.2, с. 444.
- ¹¹⁰² Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 339 (Пыхалов И..., с. 209).
- ¹¹⁰³ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. — М.: 1997, с. 339.
- ¹¹⁰⁴ Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг, с. 368. (Пыхалов И... с. 209).
- ¹¹⁰⁵ «Техно-экономический анализ импорта металлорежущих станков за 1932-1938 гг.» Журавель В.А. Технологии Третьего рейха на службе СССР // История науки и техники. 2002. №5. С.57 (Пыхалов И..., с. 203-204).
- ¹¹⁰⁶ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2003. С. 250 (Пыхалов И..., с. 209).
- ¹¹⁰⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 2003. С. 204 (Пыхалов И..., с. 224-225).
- ¹¹⁰⁸ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические: канун Великой Отечественной войны 1939-1941. М., 1997. С. 334 (Пыхалов И..., с. 225).
- ¹¹⁰⁹ Пыхалов И..., с. 222. См. также: Шевяков А.А. Советско-германские экономические отношения в 1939—1941 годах//Вопросы истории. 1991. № 4—5. С.169; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1989. С.222—225; 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С.298—299. (Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина...)
- ¹¹¹⁰ Шахурин А.И. Крылья победы. 3 изд., доп. М., 1990, С. 99-100 (Пыхалов И..., с. 225-226).
- ¹¹¹¹ Фон Штрэндман Х.П. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939-1941 // Война и политика, 1939-1941. М., 1999. С.374 (Пыхалов И..., с. 226).
- ¹¹¹² Werthen W. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939-1945/ Verland Hans-Henning Podzun/ Bad Nauheim. 1958, s. 43. (Исаев А... с. 124.)
- ¹¹¹³ Наше отечество. Т2. М., 1991. с. 395.
- ¹¹¹⁴ Шахурин А.И. Крылья победы. М.: 1990, с. 99-102, 118-119. (Некрич А... с. 42).
- ¹¹¹⁵ Некрич А... с. 71.
- ¹¹¹⁶ Телегин Ф. Н. Военно-экономическая подготовка гитлеровской Германии к войне против СССР // Новая и новейшая история, 1961, № 3, с. 40 (Некрич А..., с. 74).
- ¹¹¹⁷ Фест И. Гитлер. Триумф и падение... с. 330-331.

- ¹¹¹⁸ Nolte E. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. Munchen, 1968, S. 204 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 331).
- ¹¹¹⁹ Черчилль У. Кн. 1, с. 205-206.
- ¹¹²⁰ Климковский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. — М.: Московский энергетический институт. 1991. (Куняев С... с. 151).
- ¹¹²¹ 14 декабря 1937 г. Додд У... с. 453-454.
- ¹¹²² 23 декабря 1937 г. Додд У... с. 458.
- ¹¹²³ 20 декабря 1937 г. Додд У... с. 456.
- ¹¹²⁴ 14 декабря 1937 г. Додд У... с. 453.
- ¹¹²⁵ Яковлев Н. Н. Избранные произведения. ФДР — человек и ~~идеология~~
тик. Загадка Перл-Харбора. М., 1988, с. 257 (Шубин А. В..., с. 305).
- ¹¹²⁶ Шубин А. В..., с. 305-306.
- ¹¹²⁷ Шубин А. В..., с. 299.
- ¹¹²⁸ 20 июля 1937 г. Додд У... с. 440.
- ¹¹²⁹ 3 декабря 1937 г. Додд У... с. 451.
- ¹¹³⁰ 20 июля 1937 г. Додд У... с. 440.
- ¹¹³¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1990, Т. 1. С. 238 (Грызун В..., с. 276-277).
- ¹¹³² Язьков Е.Ф... 327.
- ¹¹³³ Январь 1936 г. (Додд У... с. 326.)
- ¹¹³⁴ Геббельс... 21 октября 1936 г., с. 170.
- ¹¹³⁵ Н. Генералов. Телеграмма от 24 августа 1939 г. Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990. С. 322 (Пыхалов И..., с. 113-114).
- ¹¹³⁶ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990, С. 405 (Пыхалов И..., с. 114).
- ¹¹³⁷ Зимонин В.П. Новый труд о мировых войнах XX века // Отечественная история. 2004. №1. С. 162 (Пыхалов И..., с. 114).
- ¹¹³⁸ Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы... Т.1. М., 1990. С. 405 (Пыхалов И..., с. 114).
- ¹¹³⁹ Данн Д..., с. 187.
- ¹¹⁴⁰ Данн Д..., с. 187.
- ¹¹⁴¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 129. Оп. 25а. Д.8. П. 236. Л.3. Иванов Р.Ф. Сталин и союзники: 1941-1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. с. 121.
- ¹¹⁴² Memorandum by Hull, 1 February 1940; Hull to Amtorg Trading Corporation, 2 March 1940, FRUS: 1940, 3:250-251, 253 (Данн Д..., с. 177).
- ¹¹⁴³ Данн Д..., с. 187.
- ¹¹⁴⁴ Hull to Steinhardt, 8 March 1940, no. 760D.61/1225, RG 59, NA; Steinhardt to Hull, 16 March 1940, SP (Данн Д..., с. 177-178).
- ¹¹⁴⁵ Александр М... с. 299, 300.
- ¹¹⁴⁶ Такман Б..., с. 126.
- ¹¹⁴⁷ Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов — послу России в Лондоне А. К. Бенкендорфу, 12/25.07. 1914. Телеграмма № 1489

(Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. 1. — М.: 1935, с. 450-452; Шацилло В. К..., с. 58).

¹¹⁴⁸ Посол Англии во Франции сэр Ф. Верти — министру иностранных дел Англии сэру Э. Грею, 30.07.1914. (Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. — Пг.: 1915, с. 77-78) (Шацилло В. К..., с. 77).

¹¹⁴⁹ Пуанкаре Р... с. 764, прим.

¹¹⁵⁰ Макдоно Д..., с. 564.

¹¹⁵¹ Vansittart's minute, March 13, 1939, N 1389/57/38, London, Public Record Office, Foreign Office. 37123677. (Карлей М. Дж... с. 34-35.)

¹¹⁵² Черчилль У. Мировой кризис.

¹¹⁵³ Деникин А. И... т.2, с. 258.

¹¹⁵⁴ Головин Н.Н... с. 324.

¹¹⁵⁵ Сухомлинов В. А..., с. 382-383.

¹¹⁵⁶ Сухомлинов В. А... с. 383.

¹¹⁵⁷ Воейков В. Н... с. 42.

¹¹⁵⁸ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т.1. М., 1934. С. 317 (Шацилло В. К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, с. 469).

¹¹⁵⁹ Зайончковский А.М. Первая Мировая война — СПб.: Полигон, 2000 — 880 с. 861

¹¹⁶⁰ Генерал Нокс. Разговор 1 октября 1915 г. с генерал-квартирмейстером штаба армий Западного фронта ген. Лебедевым.

¹¹⁶¹ Уткин А.И... с. 153.

¹¹⁶² Хауз... т. 1, с. 380.

¹¹⁶³ Манифест Коммунистического интернационала к рабочим всех стран 5 марта 1919 г.

¹¹⁶⁴ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 73.

¹¹⁶⁵ Шубин А. В..., с. 173.

¹¹⁶⁶ Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963, с. 63.

¹¹⁶⁷ Чичерин — Сталину, Рыкову, 3 июня 1927 г. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 84).

¹¹⁶⁸ Чичерин — Молотову, 18 октября 1929 г.

¹¹⁶⁹ Чичерин — Сталину, 29 июня 1929 г. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 250-251).

¹¹⁷⁰ Некрич А... с. 45.

¹¹⁷¹ Чичерин, служебная записка, июль 1930 г. (Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 89).

¹¹⁷² Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000, с. 112 (Шубин А. В..., с. 40).

¹¹⁷³ Ministere des affaires etrangeres. Archives diplomatiques, Europe-Russie. Dossier 357, p. 199, 201 (Борисов Ю. В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984, с. 45).

- ¹¹⁷⁴ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки» 1923-1939. М., 2001, с. 211 (комментарий О. В. Хлевнюка).
- ¹¹⁷⁵ Коминтерн против фашизма. М., 1999, с. 15 (Шубин А. В..., с. 173-174).
- ¹¹⁷⁶ Кремлев С. Вместе или порознь?, с. 81.
- ¹¹⁷⁷ Шубин А. В..., с. 174.
- ¹¹⁷⁸ Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000, с. 143 (Шубин А. В..., с. 203).
- ¹¹⁷⁹ Язьков... с. 212.
- ¹¹⁸⁰ Руге В... с. 216. (Шубин А... с. 123).
- ¹¹⁸¹ La Vie Socialiste, 1933, 25.02 (Шубин А. В..., с. 177).
- ¹¹⁸² Коминтерн против фашизма. М., 1999, с. 28 (Шубин А. В..., с. 177).
- ¹¹⁸³ Заключительная речь Г. Димитрова на Лейпцигском процессе 16 декабря 1933 г. (Г. Димитров. Избранные произведения. т. I, М., 1957, с. 354—356.)
- ¹¹⁸⁴ Беседы Сталина с Димитровым, февраль, 7 апреля 1934 г. Обращение Димитрова в ЦК ВКП(б) 2 июля 1934 г. (Лейбзон Б., Шириня К. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, с. 91, 93. (Некрич А., с. 16-17, 18)).
- ¹¹⁸⁵ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975, с. 207 (Шубин А. В..., с. 212).
- ¹¹⁸⁶ Payart, no. 377, 26 septembre 1935, MAE Z-URSS/961, ff. 280-281(Карлей М..., с. 49).
- ¹¹⁸⁷ Коминтерн против фашизма. М., 1999, с. 28 (Шубин А. В..., с. 214).
- ¹¹⁸⁸ Оруэлл Дж. Вспоминая войну в Испании (Оруэлл... с. 162).
- ¹¹⁸⁹ «Запись беседы... с... Пайяром», Литвинов, 20 ноября 1938. Документы внешней политики СССР. М., 1958-, XXI, с. 642-643. 129. Payart, nos. 787-794, 23 novembre 1938, DDF, 2^e, XII, 726-727 (Карлей М..., с. 122-123).
- ¹¹⁹⁰ Язьков Е.Ф... с. 335.
- ¹¹⁹¹ Язьков Е.Ф... с. 335.
- ¹¹⁹² Язьков Е.Ф... с. 336.
- ¹¹⁹³ Pierre Broue, Histoire de l'Internationale communiste, 1919 — 1943, Paris, 1997, pp. 734-742 (Карлей М..., с. 280)
- ¹¹⁹⁴ Карлей М..., с. 275-276.
- ¹¹⁹⁵ Геббельс... 28 января 1937 г., с. 188.
- ¹¹⁹⁶ Кремлев С. Путь к пакту... с. 36.
- ¹¹⁹⁷ Геббельс... с. 302. Прим. составителя.
- ¹¹⁹⁸ Папен Ф... с. 340.
- ¹¹⁹⁹ Папен Ф... с. 31.
- ¹²⁰⁰ Макдоно Д..., с. 548.
- ¹²⁰¹ Папен Ф... с. 16.

¹²⁰² Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, Русич, 1993 (Соколов Б. Германская империя, с. 285-286).

¹²⁰³ Черчилль У... с. 508.

¹²⁰⁴ А. Розенберн. «Миф XX столетия». Некрич А... с. 79.

¹²⁰⁵ Мяло К.Г. Хождение к варварам, или Вечное путешествие маркиза де Кюстина. Россия XXI. 1994. 3-5., Москва, 1996, 12.

¹²⁰⁶ Евангелие от Иоанна, X, 16. Ответ епископа Уинчестерского сарацинам, просившим помощи против татар в 1238 г. (Матфей Парижский. Великая Хроника. Арабески истории. — М.: Русский разлив. 1993. — 558 с., с. 268-295).

¹²⁰⁷ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. М.: им. Сабашниковых. 1996. — 528 с., с. 33.

¹²⁰⁸ Записки Чанселлора. Открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай 1553. (Архангельск. Правда Севера. 1998. 126 с.)

¹²⁰⁹ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. М.: им. Сабашниковых. 1996. — 528 с., с. 340.

¹²¹⁰ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 1. М.: им. Сабашниковых. 1996. — 528 с., с. 342.

¹²¹¹ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. Пер. В. Мильчиной. Т.1, Т.2. — М.: Изд. им. Сабашниковых, 1996. — 528 с., с. 341.

¹²¹² Меттерних в 1827 г.; Bertier de Sauvigny G. Metternich et son temps. P. 1959. P., 198.

¹²¹³ Подробнее см. комментарии В. Мильчина, А. Осповат к книге: Кюстин А. де. Россия в 1839 году. В 2 т. Т.1. — М.: им. Сабашниковых. 1996. — 528 с., с. 436.

¹²¹⁴ Куняев С... 24.

¹²¹⁵ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2002. С. 331.

¹²¹⁶ Куняев С... с. 22.

¹²¹⁷ Макдоно Д..., с. 554-555.

¹²¹⁸ Бетман телеграмма Чиршки, 28 июля 1914 г. Вена. Макдоно Д..., с. 536.

¹²¹⁹ Макдоно Д..., с. 554-555.

¹²²⁰ Кожин В. В. О русском... с. 89.

¹²²¹ Чаадаев П. Я..., с. 200-202.

¹²²² Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев... с. 36-37).

¹²²³ Кожин В. В. О русском... с. 153-154.

¹²²⁴ Достоевский Ф.М... т.2, с. 243.

¹²²⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. Очерки.

¹²²⁶ Меньшиков М. Критические очерки. Т. II, СПб., 1902. (Фурсов А. И. Saeculum... с. 68).

¹²²⁷ Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары, т. 1. — Мн: Харвест, М: АСТ, 2001. — 800 с., с. 699.

- 1228 Кожин В. В. О русском... с. 165.
- 1229 Дугин А. Основы геополитики. Изд. 4. — М.: 2000, с. 36-37.
- 1230 Шамбаров В. Е... с. 67-68.
- 1231 Ильин И. А. О национальном призвании России (в кн.: Шубарт В. Европа... с. 428-429).
- 1232 Обухов Н. Внешнеторговые противоречия России и Германии во второй половине XIX в. // Экономист, № 2, 2006, с. 70-72.
- 1233 Макдоно Д... с. 167.
- 1234 Макдоно Д..., с. 212.
- 1235 Рыбас С. Ю... с. 237-238.
- 1236 Э. Хауз — президенту. 29.05.1914. (Хауз... т.1, с. 64.)
- 1237 Э. Хауз — президенту. 01.06.1914. (Хауз... т.1, с. 70.)
- 1238 Э. Хауз запись 02.1916. (Хауз... т.1, с. 368.)
- 1239 См. подробнее Галин В. Запретная политэкономия. Революция по русски. — М.: Алгоритм. 2006.
- 1240 Шамбаров В. Е... с. 65-66.
- 1241 Рыбас С. Ю... с. 189.
- 1242 Хвостов. История дипломатии. Т. 2. — М.: 1963, с. 776-777.
- 1243 Ллойд Джордж Д. Священная война (Речь 28.02.1915 в Бангоре) (Ллойд Джордж Д..., с. 87-88).
- 1244 Гитлер А. Моя борьба. — М.: Витязь. 2000. — 587 с., с. 110-120, 130.
- 1245 Макдоно Д..., с. 523.
- 1246 Кустин А... с. 136.
- 1247 Макдоно Дж... с. 541.
- 1248 Макдоно Д..., с. 545.
- 1249 Уткин А.И... с. 79.
- 1250 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... с. 88.
- 1251 Мэддисон А. Экономическое развитие в странах Запада. — М.: 1967, с. 246-296. Trade and Development Report, 1997. UN, New York and Geneva, 1997. с. 78. Для России расчеты автора на базе данных Кафенгауза (Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. — М.: Эпифания, 1994.)
- 1252 Киган Д... с. 19.
- 1253 Шубарт В. Европа... с. 130.
- 1254 Макдоно Дж... с. 542.
- 1255 Шубарт В. Европа... с. 117.
- 1256 Грэй Э. Двадцать пять лет, т. II, с. 279. (Хауз... т.1, с. 116.)
- 1257 Э. Хауз — президенту. 06.1914. (Хауз... т.1, с. 73.)
- 1258 Милюков П. Н..., с. 472—473.
- 1259 Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 435 (Уткин А.И... с. 401).
- 1260 Чемберлен Х. С. Англия и Германия; Основные черты девятнадцатого века. Х. Чемберлен позже принял немецкое гражданство. (Макдоно Д..., с. 405-406).

- ¹²⁶¹ Милюков П. Н..., с. 438.
- ¹²⁶² Макдоно Д..., с. 431-432.
- ¹²⁶³ Шамбаров В. Е... с. 67.
- ¹²⁶⁴ Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890-1939, Wiesbaden 1954, S. 85, 44 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 368-369).
- ¹²⁶⁵ Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 202-203 (Уткин А. И. Забытая трагедия... с. 190).
- ¹²⁶⁶ Алексеева И.В. Агония Сердечного Соглашения. Л., 1990, с. 20.
- ¹²⁶⁷ Игнатъев... с. 435.
- ¹²⁶⁸ Такман Б..., с. 45.
- ¹²⁶⁹ Игнатъев А. В. Внешняя политика России 1907-1914. Тенденции. Люди. События. — М.: 2000, с. 70.
- ¹²⁷⁰ Кара-Мурза С... с. 296.
- ¹²⁷¹ Фадеев Р.А..., с. 167.
- ¹²⁷² Марушевский В. В..., с. 337.
- ¹²⁷³ Игнатъев В. И..., с. 136.
- ¹²⁷⁴ Деникин А. И. (II).
- ¹²⁷⁵ Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М.: Русская книга. 1997. с. 99.
- ¹²⁷⁶ Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М.: Русская книга. 1997. с. 99.
- ¹²⁷⁷ Горький М. Несвоевременные мысли. («Новая Жизнь» № 1, 18 апреля (1) мая 1917 г.) — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с., с. 181.
- ¹²⁷⁸ Шульгин В.В..., с. 123-124.
- ¹²⁷⁹ Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев... с. 37-38).
- ¹²⁸⁰ Ильин И. А. О национальном призвании России (в кн.: Шубарт В. Европа... с. 428-429).
- ¹²⁸¹ Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев... с. 36-37).
- ¹²⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13, с. 6—7.
- ¹²⁸³ Предисловие Энгельса к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии». (История..., с. 123.)
- ¹²⁸⁴ Хайек Ф. фон... Дорога к рабству, с. 111. (Скидельски Р... с. 64.)
- ¹²⁸⁵ Lipset S. Political Man. The Social Basis of Politics. New York, Doubleday, 1960; Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late twentieth Century; Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered. In: Marks G., Diamond L. (eds.). Reexamining Democracy. London, Sage Publications, 1992; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London — New-York, Routledge, 1997.
- ¹²⁸⁶ Горький М. Несвоевременные мысли. («Новая Жизнь» № 18, 9 (22) мая 1917 г.) — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с., с. 205.
- ¹²⁸⁷ Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. Очерки.
- ¹²⁸⁸ Подробнее о причинах поражения России в Первой мировой см.: Галин В. Революция по-русски. Запретная политэкономия. — М.: Алгоритм,

2006; Галин В. Красное и белое. Запретная политэкономия. М.: Алгоритм, 2006.

¹²⁸⁹ См. подробнее: Галин В. Революция по русски. Запретная политэкономия. М.: Алгоритм, 2006.

¹²⁹⁰ Горький М. Несвоевременные мысли. («Новая Жизнь» № 35, 30 мая (12) июня 1917 г.) — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с., с. 214.

¹²⁹¹ Шубарт В. Европа... с. 39-40.

¹²⁹² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. Минск, 2002, с. 179.

¹²⁹³ Idiottenführer durch russische Literatur (Ильин И. А. О национальном призвании России (Шубарт В. Европа... с. 392-394).

¹²⁹⁴ Ильин И. А. О национальном призвании России (Шубарт В. Европа... с. 394).

¹²⁹⁵ Фест И. Путь наверх... с. 227.

¹²⁹⁶ Hitler's Table Talk. P. 665. (Фест И. Путь наверх... с. 227).

¹²⁹⁷ Фест И. Путь наверх... с. 228.

¹²⁹⁸ Шубарт В. Европа... с. 35.

¹²⁹⁹ Bullitt to Hull, March 4, 1936, FRUS: Soviet Union, pp. 289-290 (Данн Д..., с. 94-95).

¹³⁰⁰ The Ambassador in the Soviet Union to the Secretary of State, June 7, 1941. Foreign Relations of the United States, 1941, I, Wash., 1958, p. 765. (Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. — М.: ТЕРРА, 2006. — 752 с., с. 14.)

¹³⁰¹ Cadogan Diaries, записи June 20, 28, 1939, pp. 189-190 (Карлей М..., с. 229).

¹³⁰² Геббельс... 20 января 1926 г., с. 50.

¹³⁰³ Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941— 1944 гг.). М., 1968, с. 45, 46.

¹³⁰⁴ Шубарт В... с. 48-49.

¹³⁰⁵ Шубарт В... с. 49.

¹³⁰⁶ Раушнинг Г. Голос разрушения. Нью-Йорк, 1940, с. 138. Нюрнбергский процесс... с. 634.

¹³⁰⁷ Проэктор Д.М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1985, с. 303, 304. (Кожин В.В... с. 21).

¹³⁰⁸ Гитлер А..., с. 110-118.

¹³⁰⁹ Геббельс И. Железное сердце, с. 334-336 (из речи Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко // Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 595-596).

¹³¹⁰ Steyermann D. Die Erben Bismark. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands, 1897-1918. Köln, 1970, S. 449 (Уткин А.И... с. 78).

¹³¹¹ Гитлер Mein Kampf.

¹³¹² Hermann Rauschning Hitler's Aim in War and Peace. London, 1940, p. 27. (Некрич А... с. 56).

¹³¹³ Картье Р... с. 24.

¹³¹⁴ Составленно на основе данных: СССР — Институт социально-экономических исследований Госкомстата России. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993.; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. I. — М.: РОССПЭН. 2000. — 463 с.

¹³¹⁵ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. I. — М.: РОССПЭН. 2000. — 463 с., с. 223.

¹³¹⁶ Составленно на основе данных: СССР — Институт социально-экономических исследований Госкомстата России. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993.; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. I. — М.: РОССПЭН. 2000. — 463 с.

¹³¹⁷ Шубарт В... с. 49-50.

¹³¹⁸ USSR: Statistical Yearbook of League of Nations (1929-1940), National Bureau of Economic Research (Cambridge, MA, USA), USSR*: Institut fur Konjunkturforschung Berlin (1929-1939), Russia/USSR(1898-1927).

¹³¹⁹ Bullitt to Hull, April 20, 1936, FRUS: Soviet Union, pp. 291 (Данн Д..., с. 93)

¹³²⁰ Уткин А.И. Черчилль..., с. 294.

¹³²¹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. L., 1988, p. 426.

¹³²² Генри Э... с. 109.

¹³²³ Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. — М.: ВЕЧЕ. 2000. 512 с.

¹³²⁴ Папен Ф... с. 97.

¹³²⁵ Папен Ф... с. 31.

¹³²⁶ Папен Ф... с. 27.

¹³²⁷ Солонин М... с. 343-344, 350.

¹³²⁸ А. И. Солженицын. Речь перед представителями АФТ-КПП. Вашингтон, 1975 // А. И. Солженицын. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9, с. 208—209 (Кара-Мурза А., Поляков Л..., с. 228).

¹³²⁹ Выдержка из дневника Первого секретаря полпредства СССР в Германии Б. Д. Виноградова о беседах с американскими журналистами по вопросам отношений между СССР и США. 27 декабря 1932 г. (АВП РФ. ф. 0129, оп. 15, п. 128, д. 328, л. 4-7). (Советско-американские отношения..., с. 661-662).

¹³³⁰ Горький М. Несвоевременные мысли. («Новая Жизнь» № 35, 30 мая (12) июня 1917 г.) — М.: Айрис-пресс, 2004. — 416 с., с. 214.

¹³³¹ Соколов Б. Германская империя, с. 222.

¹³³² Manchester Guardian, 4 июля 1935 (Генри Э... с. 449).

- ¹³³³ Доклад британского военного атташе в СССР, 6 марта 1939 г. Ширер У... т. 1, с. 537.
- ¹³³⁴ Чемберлен. Письмо от 26 марта 1939 г. Уткин А.И. Черчилль..., с. 293.
- ¹³³⁵ (Michela, Yeaton). An Estimate of the Combat Efficiency of the Red Army, June 16, 1941. National Archives, Record Group 59, Decimal Files 861.20 MID Reports. (Печатнов В... с. 14-15).
- ¹³³⁶ А. Зиновьев. Русский эксперимент. М., 1995, с. 380,308,72 (Карамурза А., Поляков Л..., с. 217).
- ¹³³⁷ Rauschning, Hermann. Cesprache mit Hitler. Zurich, 1940, s 37, 46. (Некрич А... с. 56-57).
- ¹³³⁸ Шамбаров В. Е... с. 638.
- ¹³³⁹ Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof, Bd. I-XLII. Nurnberg, 1947-1949Bd. XXVI, S. 330 (Фест И. Гитлер. Триумф... с. 366).
- ¹³⁴⁰ Фурсов А. И. Saeculum... с. 89.
- ¹³⁴¹ Churchill W. The Second World War. — London Pimlico. 2002. p. vii.
- ¹³⁴² Шубарт В. Европа... с. 33
- ¹³⁴³ Геббельс... с. 12, 13; 1918 г., с. 10; 27 июня 1924 г., с. 18-19.
- ¹³⁴⁴ Геббельс... 3 января 1929, с. 88.
- ¹³⁴⁵ Геббельс... 15 июля 1924 г., с. 22.
- ¹³⁴⁶ Геббельс... 30 июля 1924 г., с. 25.
- ¹³⁴⁷ Шубарт В. Европа... с. 43-44
- ¹³⁴⁸ Манн Томас. Размышления аполитичного человека (Ференбах О... с. 46).
- ¹³⁴⁹ Оруэлл Дж. Заметки о национализме (Оруэлл... с. 240).
- ¹³⁵⁰ Черчилль У... с. 85-86.
- ¹³⁵¹ Геббельс... 28 января 1937 г., с. 188.
- ¹³⁵² Речь Гитлера на совещании высшего командного состава **23 ноября** 1939 г. (Некрич А... с. 58).
- ¹³⁵³ Геббельс... 11, 14 ноября 1939 г., с. 214.
- ¹³⁵⁴ Гитлер А. Речь 23 ноября 1939 г. (Соколов Б. Германская империя, с. 340)
- ¹³⁵⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. — М.: Наука, 1973, с. 93-94 (КТВ ОКW, Bd. S. 253-258). Исаев А. Антисуворов. — М.: Яуза, Эксмо, 2005. — 352 с., с. 73-74.
- ¹³⁵⁶ Геббельс... 24 мая 1941 г., с. 253.
- ¹³⁵⁷ DGFP. Serie C. Vol. 2. N 173. p. 333-334. Шуленбург — МИДy. Москва. 1934. 10 янв. (Некрич А... с. 15).
- ¹³⁵⁸ Геббельс... 1 августа 1941 г., с. 304.
- ¹³⁵⁹ Геббельс... 17августа 1941 г., с. 309-310.
- ¹³⁶⁰ Kurt Brauer (германский поверенный в делах в Париже) to German foreign ministry, no. 433, Sept. 7, 1938, Documents on German Foreign Policy,

series D, 7 vols. London, Paris, and Washington, D.C., 1949-1956, II, 712 — 714; William Bullitt (американский посол в Париже) to Cordell Hull (государственный секретарь), rush, Sept. 27, 1938, Orville H. Bullitt, ed., For the President Personal and Secret; Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William Bullitt (Boston, 1972), pp. 292-293 (Карлей М..., с. 85).

¹³⁶¹ Карлей М..., с. 50.

¹³⁶² Фест. И. Триумф... с. 336.

¹³⁶³ Bullitt to Roosevelt, personal and confidential, feb. 1, 1939. For the President, pp. 305-308; Bollit to Roosevelt, personal and secret, May 20, 1938... pp. 261-264. (Карлей М. Дж... с. 127.)

¹³⁶⁴ Черчилль, цит, соч., т. 3, с. 574. (Кожин В.В... с. 72—73).

¹³⁶⁵ Воейков В. Н... с. 71.

¹³⁶⁶ Правда, 24 августа 1939 г. (Фуллер Дж.Ф..., 25).

¹³⁶⁷ Папен Ф... с. 550.

¹³⁶⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны: Пер. с англ. М., 1995. С. 3-4 (Грызун В..., с. 265).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Изгои	6
Восстановление исторической справедливости	43
No pasarán!	64
Тайна Мюнхена	84
Последний пакт	163
Главный вопрос	296
Указатель имен	349
Библиография	
Принятые сокращения	367
Ссылки	373

В.В. Галин
ПОЛИТЭКОНОМИЯ ВОЙНЫ

Заговор Европы

*Ответственный редактор С.В. Маршков
художник Б.Б. Протопопов, верстка А.А. Кувшинников,
корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм–Книга»

Тел.: 617-0952, 617-0825

Оптовая торговля: «Центр политической книги» - 733-9789

«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 09.03.07. Подписано в печать 27.04.07.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 13,5. Тираж 3000 экз. Заказ 6764.

Отпечатано

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.